

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

ГОСТИ НОМЕРА

ПРОЗА СМОЛЯН

**НАВСТРЕЧУ 110-летию
А.Т. ТВАРДОВСКОГО**

ПРОЗА СМОЛЯН

**ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ АДМИНИСТРАЦИИ
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

НАШЕ ВРЕМЯ

НАШИ АВТОРЫ

ПОД ЧАСАМИ

№ 17 • КН. 2 • 2018

ББК 84Р7
УДК Р2
П 44

Редакционная коллегия: О.Н. Ермаков, В.В. Макаренко

Составитель тома О.Н. Ермаков

*Редакция не несет ответственности за факты, излагаемые авторами,
в документальных и публицистических статьях*

*Альманах издается за счет средств субсидий
Администрации Смоленской области*

П 44   **Под часами: альманах. Кн. 2** / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск: Свиток, 2018. – 252 с.

ISBN 978-5-9907404-?-?

ББК 84Р7

ISBN 978-5-9907404-6-4   © Смоленское отделение Союза российских писателей, 2018
© Оформление. «Свиток», 2018
© Фотографии на обложке. О.Н. Ермаков, 2018

ГОСТИ НОМЕРА	<p>4 Илья КОЧЕРГИН. Крещение кукушки (рассказ), Нечаянная радость (рассказ)</p> <p>18 Александр СУВОРОВ. Большое короткое счастье</p> <p>50 Александр КРАМЕР. Голос, Таракан, Побег, Синьяз, Костер</p>
ПРОЗА СМОЛЯН	<p>65 Людмила ГОРЕЛИК. Август девяносто восьмого (рассказ)</p> <p>72 Алексей ПРАНОВ. Шатун (рассказ)</p>
ГОСТИ НОМЕРА	<p>77 Александр ПОНОМАРЁВ. Болдинский монастырь. От руин к возрождению (книга 1. Облагораживание руин (1966–1976 гг.))</p>
НАВСТРЕЧУ 110-летию А.Т. ТВАРДОВСКОГО	<p>168 Георгий ЛЕБЕДЕВ. Вспоминая великого брата</p>
ГОСТИ НОМЕРА	<p>172 Владимир ФОМИЧЁВ. Явившийся из пламени геноцида (очерк), О Твардовском (к 80-летию со дня рождения)</p>
ПРОЗА СМОЛЯН	<p>191 Николай ЧЕПУРНЫХ. «Тихая моя родина, я ничего не забыл...» (очерк)</p> <p>195 Константин ПАСТЕРНАК. Маруся (рассказ), Кто прав? Американцы</p>
ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ АДМИНИСТРАЦИИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	<p>199 Валерий СДОБНЯКОВ. Искры потухающих костров</p>
НАШЕ ВРЕМЯ	<p>234 Сергей ОВЧИННИКОВ. Зеленая палочка и белые розы (эссе)</p>
НАШИ АВТОРЫ	<p>248</p>

Илья КОЧЕРГИН

КРЕЩЕНИЕ КУКУШКИ

рассказ

Жена колебалась, мучилась, думала, а потом вдруг расслабилась и решила, что еще не пора. Ваня в ту же секунду заснул. Через час она его опять разбудила, и теперь наступило точно пора. Было около пяти.

В такси Ваня вспомнил сон и поспешил его рассказать. Во сне они вместе с женой скатились на лыжах с горы, свернули к широкой сосне, под которой оттаяла уютная подстилка из рыжей опавшей хвои, и вот уже расплывчато шевелится новорожденный, а сам Ваня, держа нож, вспоминает, что резать пуповину надо вроде бы на два пальца от того места, где начинается желтое. Потом вдруг они уже ведут мальчика за руку по улице, а вокруг мальчиковой головы – золотое сияние.

И Ваня здесь же в машине понадеялся, что чудо рождения новой жизни даст ему тоже новую жизнь. Хорошую, полную. Отлетят его ожидания, и начнется то, что всегда было где-то впереди. Водитель гнал по пустым заснеженным улицам, иногда даже на красный, уговаривал их немного потерпеть, и жена благодарно и доверчиво посмотрела на Ваню.

В роддоме Ваня делал все, что надо. Раз уж решили вместе, то надо все делать вместе. Он придерживал жену в душе, чтобы та не поскользнулась. Вытирал, одевал в длинную, белую рубаху, вел наверх. Смотрел, как осматривает ее Катукон, которого Ваня с утра разбудил своим звонком. Гулял с женой по коридору, шел вместе с ней даже в туалет, потом бежал оттуда за Катуконным, увидев что-то лезущее из сидящей жены наружу.

Потом к Ванюшному облегчению ему дали задание – держать рожицу за плечи, чтобы та не отползала от края стола, а то врачам неудобно. Ване пришлось тяжело – плечи

лезли наверх, жена, тужась, сильно упиралась руками и ногами в стол. Пришлось постараться, но он все равно хорошо рассмотрел, как появлялась голова малыша, плечи, а потом одним махом все остальное. Когда ребенок с чмокающим звуком вышел на свет, у Вани даже прошла слабая изморозь по спине, но тут же улеглась, а мальчик, висая в руках медсестры, засунул кулак в рот и начал его сосать.

Следующие три дня вспоминались потом, как одни из самых спокойных и счастливых. Вся семья жила вместе в отдельной палате. Роддом был тихий и безлюдный, как будто в новогодние праздники люди отдыхают от родов. Жена приходила в себя, а Ваня проводил много времени с мальчиком на руках, укачивая его или же рассказывая ему полезные вещи.

Эти три дня действительно были такими хорошими. Потому что потом стало все как обычно, а рождение отошло в область поддерживающих семью воспоминаний. Ничего как будто особенно не переменялось, Ваня немного догадывался даже, почему так. Потому что не торкнуло. Некоторые мужья в обморок падают, другие еще что-то. А Ваня только почувствовал, как мурашки пробежали – и все. С другой стороны, чему тут удивляться – ребенок должен был родиться и родился. Прекрасный ребенок.

Мальчику только годик исполнился, как съездили с женой в Париж. Да еще на халыву – по работе Ваню пригласили, еще по всей Франции прокатили. Ничего так поездка получилась.

А потом жена заболела. Нашли злокачественную опухоль – саркому кости, вернее,

на девяносто процентов саркому. Предстояла операция, и Ваня лег с женой в больницу – раз уж рожали вместе, то и все остальное тоже. Да и тоскливо было бы сидеть дома в неизвестности, пока она там одна на кровати с колесиками или под ножом Рената.

Вечером, в день перед операцией, когда они вдвоем сидели в коридоре, держа за руки, Ване стало страшно. Как в детстве, если вдруг подумаешь, что папа или мама могут умереть. Жена держалась храбро, даже нарисовала себе ресницы в этот вечер. И Ваню почти что торкнуло, но со следующего дня времени на размышления или чувства почти не было. Он жил в больнице и заменял собой нянечку – кормил, обтирал, возил на процедуры, по очереди с другими мужьями мыл пол в палате и в коридоре, бегал с мелкими поручениями от занятого и вечно усталого Рената, иногда умудрялся поработать, сидя в изножье кровати с ноутбуком.

Ваня считал, что он лучше справляется с уходом за женой, чем любая медсестра. Так оно и было, наверное. Даже не наверное, а точно – один раз сестра плохо завернула колпачок подключичного катетера, и в кровь начал поступать воздух. А Ваня заметил.

По вечерам в трехместной палате три мужа накрывали себе на стульях небольшую поляну, закусывали и снимали стресс, обсуждали больничные новости и события дня. А жены отпускали замечания, притворно сердились, но посматривали на своих небритых сиделок благодарно и доверчиво.

Операцию Ренат сделал очень хорошо. А недели через две пришло помилование – доброкачественная опухоль, не саркома. Радость, конечно, потом выписка, цветы, прощания с соседками, слезы. Надо было заново осваивать ходьбу – сначала на костылях, потом с палочкой, надо было много что делать, но это уже мелочи. Главное у них уже есть.

Как это прошло все так бесследно, как после этого жизнь не переменилась? Бог его знает. Он вспоминал, как ее вывезли из реанимации еще пьяную от наркоза – бледное, почти детское лицо в зеленой шапочке, пла-

чет и все время спрашивает: «Почему мне не отдали мою косточку?» Вот тут тоже могло бы торкнуть, ведь так все было намешано – жизнь, смерть, любовь, но нянечка начала орать «Так, заканчиваем плакать! Не плачем, я сказала!», Ваня с непривычки неловко толкал перед собой кровать по коридору, успокаивал жену, а потом все закрутилось как всегда.

Через несколько лет стало совсем плохо с работой. Заказы шли все реже и реже, Ваня пил все больше и больше. Видно уж так у него сложилось. Конечно, не из-за работы, хотя Бог его знает, разве поймешь почему? Просто совпало, наверное.

Ваня и раньше пил, но не так жестоко. А тут уже нужно было начинать задумываться. И тогда Ваня начал строить домик в деревне. А чтобы вышло не так дорого, он выбрал место подальше от Москвы, в другой области, да и казалось поначалу, что там еще остались настоящие деревни.

Полгода искал землю, а с весны вбил, наконец, по углам своего участка четыре колышка, поставил палатку и начал строительство. Ему все казалось, что сядет он в своем доме за стол, увидит в окне траву, деревья, и все встанет на свои места. И начнется настоящая жизнь.

Вместе с соседским Санькой Зайцем они быстро возвели бытовку, потом выкопали траншею под фундамент дома и залили ее бетоном. И работали и пили по-взрослому. Ваня привез кирпич для цоколя и каменщика. К вечеру каменщик успел опозлить всю Ванину мечту о будущем доме, и Ваня уронил его на землю, попав кулаком в лицо. Но каменщик уехал, стройка продолжалась, и цоколь переделали.

Работали теперь узбеки, собирая купленный неподалеку сруб, а потом возводили крышу. Они подкармливали Ваню и качали головами, глядя на кучу пустых бутылок. Потом Заяц сделал потолок, а Ваня вырыл погреб и настелил пол.

В начале осени вставились окна, дверь и затопилась новая печь. Неумело, без толкового плана, но дом был построен.

Ваня успел за одно лето – он сильно работал, да и везло ему. Торопился, боялся – не успеет. Теперь, зимой он сможет смотреть из окошка, расчищать лопатой снег на дворе, но уже не было сил на жизнь. И дом не радовал. Уже и с водки даже не торкало, а только сознание сразу терялось. Хорошо было строить – само дело было хорошее, настоящее, с трудностями и грубой мужской работой на воздухе. Об этом можно потом долго вспоминать, но к сожалению, Ваня помнил только половину. Остальное было размыто алкоголем. Вроде и к дому не придаться – нормально сделан дом, а вот как так удалось? Так что виноват, получается, не каменщик вовсе.

«К врачу, к психологу, к бабушке, к ламе, – куда угодно, мне по фигу, мне уже все надоело, потому что это просто невозможно так, когда я услышала тебя такого последний раз, ты понимаешь?» – сказала жена по телефону.

Ваня выбрал бабушку, это было ближе всего – в скиту на другом берегу речки от его нового домика. И в четверг, ярким осенним днем, они вдвоем с бабушкой спустились от скита к поповской купалке.

Олимпий, вернее отец Олимпий, подошел к берегу речки и освятил воду, а потом смотрел на течение. «Теперь, представляешь, весь день святая вода будет течь тут у нас», – сказал он. – «Смотри, даже рыбы плавают!» Сквозь солнечную воду действительно были видны стайки мальков. Было очень тихо, по-осеннему тихо, спокойно, только речная трава шевелилась. Ваня почувствовал, что его сегодня точно торкнет, что он сможет закричать, заплакать или сделать что-то вроде этого. И еще он подумал, что этот добрый Олимпий – удивительно подходящий человек, чтобы спасать вот таких, застрявших между жизнью и не жизнью.

Но, к сожалению, опять не вышло. Сначала сбивали с толку слова мертвого языка, потом отвлекло бодрящее погружение в речку, переодевание, потом нужно было говорить то, в чем Ваня не до конца был уверен, троекратно плевать, вернее произносить «Фу,

тьфу!» в сторону запада. А потом бабушка запечатал остриженный клочок Ваниных волос в воск, скатал из него шарик, размахнулся и бросил в речку. Мальки кинулись то ли к шарик, то ли прочь от него, воск пошел на дно и все кончилось. Нужно было собираться и уходить, чтобы закончить обряд наверху, в церкви.

Ваня продержался еще два дня, тоскуя, твердя молитвы и безвыходно сидя в доме. Как ему было велено, он отстоял службу в субботу, рассматривая иконы на стенах, причастился в воскресенье, и церковный кагор сделал свое дело. Ваня опять закувыркался.

Когда выпал снег, Ваня был еще в деревне, у него так и не вышло доехать до Москвы. Один раз, проснувшись в середине ночи на полу рядом с холодной печью, с трудом перебравшись на кровать, он попробовал вообразить себе трезвую жизнь. «Хорошо бы так, конечно», – думал он. – «Но, а вот как быть, если вдруг во Францию опять пригласят? Нельзя будет купить с женой бутылку вина и бежать бегом по улице в свою гостиницу, держась за руки, как будто обоим по двадцать лет?»

Другой раз, лежа опять в середине ночи и мучаясь бессонницей, переживая приступы холодного, потного ужаса, он смирялся. Была же жизнь, была? Да, была, но не удалась, пролетела. Винить некого. Ничего не поделаешь, сорок лет – тоже немало. Пожаловаться не на что, у других гораздо хуже жизни бывают. Просто не торкнуло. А сейчас уже и поздно, наверное. А дом не пропадет, он останется мальчику. И опять наступал страшный похмельный ужас, который заставлял по пятому разу обшаривать все углы в комнате, проверять все пустые бутылки, все места, где могла случайно остаться записка. В Москву он попал только к Новому году.

На первое собрание Ваню хотела отвести жена. У нее достало сил принарядиться, нарисоваться, ласково поговорить с мужем. Но Ваня пошел сам – чего уж городить из этого целое представление. Усевшись в круг, он легко сказал трудные слова «Меня зовут

Ваня, я – алкоголик», никакого внутреннего сопротивления. Он легко принял необходимость ходить каждый день и отходить девяносто дней без перерыва.

Тяжелее было физически сначала – болела спина, которую он по пьянке где-то повредил. На шестой день, подходя к диспансеру, он поскользнулся и долго стоял на льду на коленях, сдерживая крик. Вот тут, в темноте арбатского переулочка, он чуть не заплакал: назад нельзя, а вперед – сильно тяжело. Потом прохожие помогли подняться, и он потихоньку доковылял до группы.

Сколько людей собиралось! В какую группу не приди – стульев не хватает. Одни бодренькие, другие говорить начинают и плачут. И многие говорят от чистого сердца. Это удивляло – обстановка какая-то клоунская, не настоящая, а говорят о настоящем. Ваня одно время тоже пробовал рассказывать о себе, но это у него не пошло. Как будто пытаешься копнуть землю, а там не земля, а скальный грунт. Лопата соскальзывает, слова не идут.

Один раз поразился Ваня, когда перед совместной молитвой, обсуждая роль Бога в избавлении алкоголиков от зависимости, все сошлись вдруг на том, что они, так сказать, избранные. Многие стали подтверждать эту мысль, приводя примеры из своей жизни. Ваня не мог в это поверить, так много избранных не бывает.

На девяносто первый или девяносто второй день Ваня уже не пошел. Не нашел смысла. Нет, он не считал, что вылечился – он теперь знал, что вылечиться невозможно. Не думал, что сможет продержаться на силе воли, это тоже невозможно – воли не осталось. Он просто не пил, уехал в деревню и начал красить фронтон дома. Потом покрасил туалет, бытовку и дровяник. Проконопатил стены. Посадил сирень, сосны, груши и яблони. Распланировал грядки и засадил их.

Первый год дается человеку почти даром. Даже тяги особой нет, это почти все говорили. А если это так, думал Ваня, то лучше уж его потратить на что-то полезное. И дом, ко-

торый отойдет мальчику, хотелось успеть хоть как-то обустроить, улучшить.

Вид из окна на траву и деревья больше не привлекал, дом стал немного чужим, Ваня, наверное, проворонил его тем летом. А вот на улице было хорошо. Приятно было копаться в подсохшей черной земле, выдергивать какие-то корешки, втыкать пограничные колышки там, где кончалась морковь и начиналась петрушка, а потом салат и фасоль.

Сажая картошку первый раз в жизни, он старательно закапывал руками каждый клубенок, нагибаясь над ним, и серебряный крестик, болтавшийся в ворота расстегнутой рубахи, совершал над душистой землей замысловатые движения, придавая занятию торжественность обряда. Стоял май – кукушкин месяц, и безутешные серые вдовушки маялись по зарослям вдоль ручья, оплакивая свои упущенные птичьи судьбы. Ваня в этот месяц разменял пятый десяток и спросил одну, сколько еще осталось. Та нагадала какой-то непомерный срок.

На пять дней, отпросившись с работы, приезжала жена с сыном, он водил ее в черемушник слушать соловья, другой вечер они наблюдали за скворцом, который пел, сидя на проводах и раскачивая от усердия головой. Но больше всего завораживало Ваню кукование. «Кукушечка – рябушечка, к нам весна пришла», бормотал он, ползая по грядкам, и сам над собой смеялся.

А потом вдруг взошла редиска, она была первая. За ней потянулось и все остальное посаженное.

Картошку он упустил – все деревенские прошлись еще до всходов граблями и поприбили сорняки, а Ваня о такой хитрости не знал. Он дождался, когда ботву стало хорошо видно, и принялся отвоевывать свою картошку у зарослей осота, повитени и лебеды. Первые два дня он провел на четвереньках, а на третий купил себе складной стульчик – спина стала опять болеть. И вот, сидя на этом стульчике, он прошел до конца все пятнадцать рядов, а потом взялся опрыскивать жуков.

Тут, на картошке, с ним это наконец-то и случилось. И совсем не так, как думалось раньше. Не так, как Олимпий рассказывал, что мол, Евангелие прочел – и торкнуло, вся жизнь сразу переменялась. У Вани вышло совсем наоборот – мягко так, бережно.

Смотрел просто он, как незаметно, но быстро живут растения, и все время удивлялся. Каждое утро Ваня начинал именно так – с осмотра того, что успело вырасти или измениться за ночь. Одну сигарету выкуривал, вторую, ходил вдоль грядок. И не переставал удивляться и видеть чудесные превращения. Вот и все.

А осенью, когда они вместе с женой ушли на земле крепкие серые, розовые и

желтые клубни, они удивлялись вместе, радовались, что будут кормиться эту зиму своей картошкой. Ни разу еще такого не было у них. И Ваня совсем уже не думал о прошлом, не ждал ничего от будущего. Даже плакать не понадобилось. Он представлял, что скоро наступит зима, и во время мальчишеских каникул они втроем смогут ходить по полям и сосновому лесу на лыжах, пить из термоса горячий чай и фотографировать друг друга на фоне заснеженных просторов. Напевал себе под нос, готовя завязочки для мешков, в которые будет сейчас ссыпать урожай: «Прощай, кукушечка, прощай, рябушечка, до новых до берез, до красной до зари, до новой до травы».

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

рассказ

– Вот, Ильюша, скажи мне, почему ты в Бога не веруешь?

Степа после двух неудачных попыток все-таки вгоняет последний гвоздь в рейку и передвигается в сторону, чтобы можно было раскатывать следующую полосу рубероида. Смотрит на меня, ждет ответа. Я молча подаю ему рулон.

У меня от этого Степы настроение всегда портится. Я думаю, это самая обычная бытовая ненависть. Просто меня раздражает обращение «ильюша», раздражает его нескладность, неумелость и болтливость, особенно на душеспасительные темы, мне противен какой-то сладковатый запах, идущий от него (от них ото всех, откуда только он берется?).

Я в который раз обещаю себе сдать его к чертям, как только мы с ним закончим терраску, и становится еще тоскливее, потому

что я его не сдам, потому что весной начнется картошка-моркошка, полив, сорняки. И один я замаюсь со всем этим. У жены отпуск – всего месяц, да и мне тоже надо иногда в Москву, не могу же я круглый год здесь торчать. А дочку в деревню вообще не заманишь.

Закидываю Степе на крышу пару реек и начинаю тоже прибывать со своей стороны, стоя на шаткой стремянке.

В мечтах я строю эту терраску с кем-то вроде сына, с которым можно запросто понимать друг-друга, и сладко уставать от общей работы. А приходится строить с арбайтером. Вот так.

Погода тоже не очень веселая – мокрый ветер и почти что снег. Из носа течет. Радует только то, что Степа не может держать гвозди во рту, как я, и видно, что он завидует. Ста-

рается, чтобы они так же заправски торчали бы у него откуда-нибудь, как торчат у меня изо рта. Он уже укреплял их за отворотами спортивной шапочки, за резинкой у себя на запястье или на ноге, он втыкал их в кусок поролона, пришитый к куртке, а сегодня превзошел самого себя – положил в нагрудный карман магнит, а гвоздочки налепил на карман снаружи. Гвозди держатся.

Степа понимает, что ответа не дожждется. Поэтому начинает проповедь:

– Он же любит тебя, как свое дитя. Вот ты, например, говоришь «Господи помилуй!», а ведь это ты просишь Его просто поласкать тебя, помиловать. А не помиловать в смысле – избавить от смертной казни. – Он опирается о нашу крышу рукой и зажатым в ней молотком прорывает уже настеленный рубероид.

– Степа, ты меня, правда, уже задрал вконец. Хуже редьки. Работай молча, пожалуйста.

– Это я случайно, – он немного передвигает руку. – Ты же милуешь свое дитя. Ты любишь его.

– Не его, а ее. Дочка у меня, понимаешь? И я ее не милую, а ласкаю. Потому что нормальные люди ласкают детей, а не милуют. Ясно? Ну, может, не ласкаю. Просто целую, потому что она уже бабища здоровая, у нее уже сиськи вот такие.

– А вот это плохо, что одно дитя. В нормальной семье должно быть много разных детей.

Так вот и проходит наш с ним рабочий день, наше с ним строительство. Стандартный расклад. После проповеди он еще добавит, что добрые люди под снегом крышу не кроют, что летом надо было шевелиться.

Я бросил свой молоток и ушел в дом, подбрав по дороге стоящую на земле пластиковую бутылку «Русского пива». Пиво было ледяным и не лезло в желудок. Походил по комнате, включил и выключил телевизор. А потом все равно пришлось идти обратно и колотить, потому что Степа продолжал бы работу до конца трудового, вернее светового дня и наделал бы так, что потом замучаешься переделывать.

Мы закончили с рубероидом и успели уложить два листа железа к тому времени, как наступили сумерки. К сумеркам подошел Женя Кила, живущий со старой матерью через четыре дома от меня. Из этих домов жилым был только один, остальные – два кирпичных и деревянный – окруженные невыкошенным черным бурьяном, ждали чего-то в осенней сырости.

– Здорово, барин, – поприветствовал он меня. – Все трудишься?

– На том свете отдохнем.

– В адском пламени не отдохнешь, – предостерег Степа.

Мы с Килой курили, спрятавшись от ветра за стену дома, и смотрели, как Степа относит на ночь инструмент в бытовку. Я примерно представлял, о чем Кила сейчас заговорит, он тоже догадывался, как я отвечу, и на чем разговор закончится, поэтому мы не торопились и просто курили.

– Я на тебя удивляюсь, какой ты спокойный. Я своего вообще выносить не мог пять минут, такая злоба брала.

– Меня тоже берет, – ответил я. – Любого нормального человека возьмет.

– Но видишь, ты спокойный сам по себе. Тебе лучше. А я своему через неделю стрес что-то в мозгах, пришлось сдать. Мать на меня до сих пор орет. Сейчас к весне нового покупать будем. Тоже серия СэТэ, а называется – «2350» что ли. Короче, как прошлого. Сестра денег матери уже прислала. Серене закажем, как в Рязань на «Газельке» поедет.

– Да, крутой ты мужик, Женя. Я бы тоже на тебя орал бы. Тридцать с лишним тысяч. Одним махом.

– Да не, просто мы с Юрой-упокойником выпивши шли, а этот на свое религиозное пение шел. Мостик возле Тоньки знаешь? Я его с этого мостика ногой уговорил. Хорошо ему попал. В твердое во что-то. И сам туда же слетел. Смеху было! Юрка нас обоих доставал.

– Себе-то ничего не стрес?

– Бок сильно ушиб. Все вот досюда синее было.

– А когда сдали его, вам хоть сколько-нибудь заплатили за сломанного?

– Чуток. Мать же его Серёне сдала, а не через магазин.

Степа сменил рабочую куртку на выходную и протопал мимо нас. Я уже подумал, что молча пройдет, но зря подумал.

– Я иду на службу. Денег ему на пьянство не давай, – предупредил, запирая калитку, Степа и тут же пропал за забором.

Кила заозирался – искал, чем швырнуть вдогонку.

– Пидор гнутый! Людей учить. Иди, молись, падла, своему еврейскому Богу. В рай, падла, попадешь для роботов. Ага, в рай.

Кила раскипятился, трогал бритую щеку, беспокойно переступал ногами и вытягивал вперед голову, будто его душил воротник.

– Я их, сука, ненавижу, этих арбайтеров. Расплодили, теперь живи. Поживи. Советами задолбют. Роботы тупые.

– А твой тоже молился? – спросил я. Краткий период их с матерью обладания арбайтером ускользнул прошлым летом от моего внимания. Его мать, тетя Шура, как проводила дни на огороде, согнувшись под острым углом к земле и дергая осот твердыми пальцами, так и проводит. Она со смущенным видом, хватаясь за концы платка, отказывалась даже, когда я предлагал ей своего Степу в помощь. «Ой-ой, куда. Своих делов, поди... И не надо, и не в коем случае. Сам-то не успеваешь себе все сделать без жены. У меня вон свой дурак – анбайтер тоже. Нашего угробил за так, теперь пусть сам и работает». Но Женьку можно было видеть в огороде только два раза за сезон – с баллоном для опрыскивания жуков. Жуков он травил с удовольствием и не доверял это дело никому.

– Колорад откуда к нам пришел? Это пиндосы вонючие к нам и их, и арбайтеров расплодили. Я пиндосов, тварей, тоже ненавижу. Сами тупые как арбайтеры. Шварценеггеры. Ниггеры, короче.

– Слышь, а твой-то тоже молился?

– Конечно, молился. Это у них поветрие такое мгновенное. Через два дня уже пошел. С

этим, с Полунинским арбайтером поговорил чего-то и уже – бах, молится. Они тогда себе крестильню в ручье соорудили. Весь берег истоптали. Потом их разогнали оттуда.

– Да, – сказал я. – Теперь они куда-то к первой посадке ходят.

– Хотя бы если их для нашей России поставляют, хоть бы затачивали их на нашу веру, русскую. Этот, Иисус Христос же откуда – из Израиля. Вот так. Вот была же славянская вера раньше – бог леса, бог реки. А теперь, смотри, что тут, что в Москве – церкви как заправки растут на каждом углу.

Кила пересчитал сигареты в пачке, достал новую, закрывшись от ветра, чиркнул спичкой. Он потихоньку остыл и успокоился.

– Слышь, приколы хочешь? Яндушка старая в сентябре померла... Ну Мария Егоровна – за Полунинскими, напротив жила. Померла, от нее тоже робот остался, а родня – с Владимира что-ли откуда-то приезжали и забыли его. Не забрали. Знаешь, где теперь он? Мужики говорят – ушел в Красные Дорки, где монастырь, и короче, теперь его попы взяли к себе звонарем. Славка Мордвин мне тогда, главное, говорит, мол: «Бесхозный арбайтер. Я еще недельку погляжу и себе его возьму». Не успел. Теперь звонарь у попов и двор им подметает.

Стало совсем темно. Осокоря вдоль ручья гнулись от ветра и стучали ветками, отсыревшие ноги стыли в сапогах.

– Ладно, сосед, пойду. Потрещали, и хватит. Я у тебя что спросить хотел – полтинничком выручи. Или соточку дай, вместе выпьем. До Ляпилиных мигом туда-и-обратно сгончу.

– Нет, Жень. Спокойной ночи.

– Сосед, правда, выручай. Мне на бирже в понедельник пособие дадут. Отдам. Дай хоть пива тогда.

***

– Тук-ту-ук! – сказал отец Василий, отворив мою дверь и заходя. – Хозяева дома? Волки тебя тут еще не съели?

Он нагнулся расшнуровать ботинки, и его голос зазвучал глухо:

– Да... мне бы, честно говоря, жутковато было жить вот так, на отшибе.

Я поздоровался с отцом Василием за руку, пригласил его попить со мной чайку, жареной картошки предложил, от которой он отказался. Спросил, где он оставил свою машину (у него был старенький Фольксваген «Бора»). Оказалось, что он даже на нашу улицу заезжать не стал, оставил на асфальте, а то кто его знает – пролазные у нас тут лужи или непролазные. Потом я немного рассказал о строительстве терраски, пожаловался на то, что вся вагонка сырая – хоть выжимай. А другой поблизости и не купишь.

Мне трудно общаться со священниками. Взрослый человек, все понимаешь, но все равно по-детски ждешь чего-то от них. Не зря же они носят длинные бороды и одежду, которая вышла из моды веков уже десять назад. Ну и недоверие, конечно, присутствует – нельзя же в самом деле, на полном серьезе уверять людей, что вино превращается в кровь.

В общем, я вел себя очень просто и по-домашнему, так, чтобы батюшка мог расслабиться, чтобы ему было комфортно и удобно. Чтобы он не увидел, что я вижу, что он поп.

Отец Василий, широко раздвинув ноги в рясе, сидел на табуретке у стола, держал кружку с чаем, с любопытством рассматривал стол, печь, занавески, пол, посуду.

– Ничего, хорошо обустроился. Молодец. Сруб здесь брал или из Мордовии?

– Здесь.

– Джип-то твой еще бегаёт?

– Бегаёт, батюшка.

– Я вот с чем к тебе пришел. Понимаю, что поздновато уже, но решил попросить тебя. Довези меня в Запожье. Соборовать бабушку позвали. Моя «Бора» точно не пройдет – сильно развезло там все.

Ехать не хотелось. После целого дня, проведенного на холодном ветру, тянуло к неподвижности. Но чтобы отец Василий не успел предложить мне денег за проявление заботы о ближнем, я поспешно взял ключи и вышел завести машину, чтобы пока прогелась.

Нашего села отсюда не видно. Мой дом – в конце самой одичавшей улицы, в стороне от дороги, от людей. Далеко, за домом Килы, горит белый фонарь, его свет весь в разводах от влажного воздуха. Участок в осенней темноте окружают черная трава и черные осокоря. За ручьем, поросшим деревьями, среди паханого поля прячется в ночи невысокий оплывший курган. Километрах в десяти отсюда, в еще более заброшенном, залужном и загрязном Запожье, куда даже не протянут асфальт, ждет отпущения отжившая бабка. Надо, надо, конечно, съездить, помочь ей. Когда все по порядку и по-человечески, то и уходить, наверное, легче.

И вот мы поехали с попом – сначала к нему в Берёзовое, где около своего домика рядом с обшарпанной церковью он оставил машину, а потом в Запожье. Отец Василий был, по-моему, рад, что его «Бора» не пройдет, что Запожье далеко, что есть возможность спокойно пообщаться, тем более нас окружала осенняя темнота, такая уютная, если смотреть на нее из теплой кухни или из машины.

– Ты знаешь, – начал он, – я так думаю, что деревня наша русская умирает. И правильно умирает. И должна умереть.

– Почему?

– А сам подумай. Вот ты вообще, чем по жизни занимаешься?

Тут нас прервали. Мы только отъехали от церкви, как пришлось объезжать по глубокой луже стоящие наискось посередь дороги Жигули. Фонари выцепили из темноты надпись на машине – синим по белому «Милиция». Вслед за этим они выцепили еще и фигуру мента с автоматом, преграждавшую мне дорогу. Рядом, широко расставив ноги, стоял и второй в расстегнутой куртке, тоже с оружием.

– Москвич, сука? – услышал я яростные и невнятные слова, как только вылез из машины. – Москвич, да? Руки, сука, на капот, сука.

Ко мне подошли и уперлись коротеньким стволом автомата в живот. По номерам, наверное, определили, что москвич.

– Ребят, да в чем дело, хоть скажите?

– Быстро, сука, руки, я сказал. – И я получил хороший тычок стволом в солнечное сплетение.

Я уже исполнился страха, покорной горечи и усталости, но отец Василий защитил меня. Он вылез, держа в руке сотовый словно крест, и сообщил, что с ними сделает их начальство, когда он поговорит кое с кем из московского Свято-Данилова монастыря. Более крупный по размерам и более трезвый, как мне показалось, мент взял второго за рукав и повел в сторону чьей-то освещенной терраски, в которой двигались тени и играл шансон. «Спалю, сука», – разобрал я напоследок.

– Вот чьи горящие глаза глядят на нас из темноты, когда мы одни в долгие зимние ночи, – объяснил батюшка, с удовольствием усаживаясь на свое место. – Вот они, древние хтонические страхи человечества. Мертвые языческие божества. Требуют жертв себе. Не пустить нас хотели! Но я понаглее, чем они, у меня и ксива покруче, – он показал свою бороду, – и крыша посolidнее.

Моя неуверенность в общении со священником начала проходить.

Я спросил:

– Батюшка, а вам сколько лет?

– С семидесятого.

– Так мы с вами годки получаемся? Я тоже семидесятого.

– Значит, годки.

Наша дорога за селом свернула с асфальта и ушла в поля, я включил передний мост и дальний свет.

– Так вот, наша русская деревня должна умереть. Чем скорее – тем лучше. Почему я так думаю. Потому, что люди в двадцатом, вернее в двадцать первом веке должны иметь возможность ходить в кино, в церковь, в сберкассу, в библиотеку, в школу, в кафе рядом со своим домом. А кто будет строить в каждом Запожье все это? Это не выгодно. Ну, если ты фермер, то – пожалуйста, живи на своей земле со своей техникой. Ты теперь один на современном комбайне сможешь

обработать столько, сколько двести лет назад вся деревня.

Мы выехали на участок, где когда-то дорогу выстилали бетонными плитами. Пришлось помолчать – слишком трясло. Но, слава Богу, плиты скоро закончились.

– И огороды никому не нужны, если фермерам не мешать работать. Хватит и цветничков перед окошком. Понял – нет? Я вот так думаю. А в деревне нужно просто отдыхать летом, ну еще художникам можно приезжать на пленэр, поэтам на осень. Чтоб тихо, и никто не мешал.

– Да.

– Жалко, конечно, когда что-то умирает, но это нормально. Понимаешь, это нормально. Где в развитых странах ты видишь сельскохозяйственные деревни, где? Нету их там, потому что это позапрошлый век, потому что человеку так жить невозможно стало. Жить надо в городах, в городках. Это закон социального развития. А законам природы ты или подчиняешься, или терпишь крах. Почему? Потому что все законы природы – это Божьи законы. Бог их придумал, а Богу мы или подчиняемся – или терпим крах. Третьего, как говорится, не дано.

– Батюшка, вы это... философ.

– Ты меня еще либералом обзови. Я обычный русский человек, просто верующий и думающий. И я думаю, что необходимо по мере возможностей подчиняться законам Божьим, а не переть против них. Я так считаю, что это смирение.

Я был рад, что он вытащил меня из дома. Я почувствовал воодушевление.

– А вот объясните мне, батюшка, тогда такую вещь. Вот у меня впечатление, что в церкви как-то не так... Короче, многие вещи там меня просто смущают. Не привлекают, а как бы отталкивают. Вот я даже, честно сказать, не могу с вами нормально говорить, видя, что вы в этой длинной рясе. Зачем все это надо, когда это тоже позапрошлый век?

Я сделал паузу и собрался.

– Короче, я читал, что на древних людей очень действовало богатое убранство в

храмах – золото там всякое, украшения. А теперь как-то это нелепо кажется. Рясы, ладан, позолота, все молитвы на древнеславянском.

– На церковнославянском.

– Ну, неважно. Почему это не сделать как бы более понятным для нормального человека?

– Я понял. Отвечаю, насколько могу. Церковь – это система, так? Всякой системе нужно развитие и нужна инерция. Это закон природы. И главное – нужно правильное соотношение и того, и другого. В нашем случае инерция – это традиция. Даже в чем-то согласен с тобой, что ее сейчас слишком много. Но это преодолимо. И главное, что это не должно тебя особо касаться. Думай лучше о себе, о своей душе, а не о недостатках церкви.

Мы ехали и ехали по разбитой тракторами дороге и по черным в свете фар лужам. Наконец, мы увидели двух арбайтеров, отошедших на обочину чтобы пропустить машину, брошенные рядом с дорогой бетонные трубы и остов комбайна, по сторонам пошли толстые, старые осокоря – мы въезжали в Запожье.

– Куда тут, батюшка?

– Не знаю, смотри, где свет горит.

Первый же по улице дом с желтыми окнами оказался наш. Отца Василия проводили к старухе, а я остался на улице подождать, пока с турбины стечет масло – сразу глушить движок у моей машины нельзя. Подошел старухин дед, поручкался.

– Ну, молодцы, что приехали, ребята, молодцы. Это хорошо. А то она, знаешь, так скажем, малость зацикленная на этом деле. Это у нее семейственное – у нее дед попом служил. Да.

Дед был одет в пиджак, рубаха у ворота расстегнута на две пуговицы. Это у деревенских стариков, я замечаю, мода такая – налегке и нараспашку. Ветер, мороз, им все нипочем. Дед, наклонив голову, слушал работу движка.

– Дизелек? – любовно спросил он.

– Да.

– Это хорошо. Ну, пойдем в дом, перекусишь малость.

Меня усадили в кухне, отделенной капитальной стеной и обитой дверью от комнаты, где проходило соборование. Здесь уже сидели за столом смуглый лысый мужик и молоденький парнишка в кепке. Пахло кислым тестом. Дед затащил из сеней пластиковую литровую бутылку, поставил на стол и протянул к моему лицу заскорузлую ладонь:

– Вишь, что делается? Тьермор. Иначе говоря – дрожит рука. Только солить удобно, а больше ничего. Так что вы уж здесь, ребята, сами командуйте. Разливайте сами, все сами.

Дед сам не пил, слушал наш разговор, стоя у двери, следил, чтобы на столе был хлеб, сало, лук. Наскоро соорудил яичницу. Он действовал одной рукой, вторая, наверное, не работала. Мужики посматривали на меня с благодарностью, видно бутылку ждали давно, с нетерпением. Парень снял кепку и жадно глядел на стол.

Чтобы мне было не скучно ждать батюшку, меня развлекали, рассказывая каждый о себе. Парень рассказал, что он – мастер на все руки. На раз копал колодцы; умело водил любую технику; легко строил любые строения; метко колот весной острой щуку; мог соблазнить любую бабу, если захочется; стрелял, если понадобится, без промаха; умел много пить и не пьянеть, опять же если понадобится; отлично дрался; знал многих и в Москве, и в Рязани, и в округе. И из-за всего этого он был не так интересен, как обычные живые люди со своими недостатками и неудачами.

Лысый, Ваня, оказался гораздо интереснее, к тому же он рассказал мне, что такое танатотерапия. Танатотерапия – лечение тем, как будто ты умер. А сам он здесь жил и подрабатывал могильщиком при одном психотерапевте из Рязани. Ваня своими руками похоронил и выкопал обратно кучу людей, даже таких известных как, например, Кирсанов и Лимшинов.

Рязанский терапевт разработал комплексный метод лечения, включающий в себя глубокий туризм и погребения заживо. Тема хорошо покатила еще в девяностые, после того, как этот метод опробовал на себе человек по имени Крузер, неожиданно проникший интересом к психологии. Он вместе со своей охраной, девочками, друзьями и с рязанским терапевтом пару раз в год приезжал к Ване, который тогда жил на отдельном хуторе в Шацком районе, держал пчел, скотину и птицу. Крузер парился в баньке, устраивал шашлычок из Ваниных баранов, ходил по грибы, стрелял по бутылкам, лакомился медком и проходил курс из одного-двух погребений. Ваня закапывал клиента вместе с психологом в специальном двухместном гробу с вентиляцией и по сигналу возвращал на свет Божий живого и обновленного, встретившегося со своей смертью и готового к более осмысленной и яркой жизни. О чем говорили под землей пациент с терапевтом неизвестно, но все больше богатых гостей приезжали на Ванин хутор. Ваня повидал многих интересных, ему только не нравилось, что работа могильщика практически не оплачивалась. Оплачивались мед, пущенные на шашлык бараны, молоко, баня, а хотелось участия в проекте, хотелось быть партнером.

Теперь уже не стало ни Крузера, ни девяностых, ни хутора. Ваня купил себе домик в Запожье, откопал могилу, приготовил новый двухместный гроб, но за последний год психотерапевт приезжал всего один раз с какой-то невеселой и небогатой семейной парой.

Было занятно слушать Ваню, он много пережил. Его рассказов о том, как он совершал свой жизненный путь от родной Караганды до рязанского Запожья хватило бы на много вечеров. Человек-книжка рассказывал спокойно и охотно, и я, в своей Москве не видевший никогда ни пчел, ни крузеров, ни тем более Кирсанова с Лимшиновым на природе, я, слушая его, как будто ел живые экологические овощи с грядки.

– Вань, а ты сам не пробовал туда? Ну, закапываться с этим психологом? – спросил я, надеясь узнать уже совсем необыкновенное.

– Нет. Мне и без того забот хватает.

– А что такое «психотерапия» в переводе с греческого? Вы знаете? – спросил нас отец Василий, выполнивший, наконец, обряд и вышедший к нам в кухню. Он пока не стал присаживаться, а стоял у стола с открытым сырым яйцом в руке. – «Психотерапия» означает – исцеление души. И вообще-то этим лучше заниматься со священником в церкви, а не со всякими психологами в гробу под землей.

Отец Василий выпил, потом опрокинул в рот яйцо.

– Вот это я люблю. Свойские яички. В магазине таких нет. Сейчас я тоже к вам присоединюсь, перекусим и поедем через часик. Нет возражений? Тогда я до ветру и – к вам.

У меня возражений не было. Я радовался, что он вытащил меня сюда. Это было гораздо интереснее, чем вечер у телевизора. Отец Василий ткнул дверь в сени, испуганно отшатнулся обратно.

– Дед, ты че этого клоуна здесь держишь? Меня чуть кондрашка не хватила – в темноте стоит как привидение.

– Вишь, поп наш арбайтеров пугается, – довольно сказал дед, выгнав своего Степу на улицу. – Дерганный, не стойкий, значит. Ему тоже надо под землю с психологом, как ты рассказывал. Дальше разговор повернул на то, есть ли у арбайтеров душа. И мы узнали, что нет. В любом животном дух Божий есть, а души бессмертной нет. А арбайтер даже не животное, а творение рук.

– Я вообще считаю, что эти роботы вещь совершенно ненужная. Человек должен добывать хлеб в поте лица своего, а не лица арбайтера, – говорил наш поп.

– А вот как же у него души нет, когда они все каждый день ходят у нас на реку, молитвы поют. Они же Бога славят, так сказать. Ни одна собака или там лошадь не могут так делать, а? – дед хитро осматрел нас, призы-

вая послушать, что ему на это ответит официальная церковь. – Я был у них на молебне, интересно стало. Они там и крест сколотили из двух плах, но кривовато, правда. И иконку бумажную, скажем так, повесили. А главное, чтобы не промокла иконка-то от дождей, они ее додумались – сверху обрезанной бутылкой пятилитровой прикрыли. С душой они старались там, значит и есть у них эта душа. А скотина так не сможет. – Дед немного корчил из себя дурачка, подначивая отца Василия.

– Не душа у них, а программа. А ты, дед, знаешь, где пишут программное обеспечение для этих роботов? И кто его пишет? А тебе не приходило в голову, что их за границей специально такими делают, чтобы они устраивали какую-то насмешку над православием? Чтобы людей от него отталкивали.

– Отец Василий, ты не кипятишь, – говорил спокойно Ваня, применяя, наверное, свой жизненный опыт к решению этого интересного вопроса. – Ты вот послушай. Вот в древности в любой стране все люди в богов верили. Да? А теперь как-то не очень верят, теперь половина – атеисты. А арбайтеры все верят, да? Так может, это просто первое, до чего может додуматься примитивное сознание? Поумнеют они и не будут молитвы петь. А?

– А Эйнштейн по-твоему – примитивное сознание? А Юнг?

Я был в восторге. Самогонка была хорошая и почти не пьянила, слушать было интересно, я бы просидел так всю ночь, но пора было собираться. Парня оттащили под белы руки в комнату спать, я завел машину, и пространство перед ней наполнилось контрастно высвеченным палым листом на синей траве, фрагментом палисадника, морщинистым стволом осокоря, маленьким лающим псом, привязанным за забором из сетки рабицы. Дед проводил нас, сунул мне пол-литровую бутылочку своей самогонки в качестве гостинца.

На заднее сиденье залез Ваня с крохотным рюкзачком – он отправлялся развезать недельки на три-четыре. Первой остано-

кой планировал Березовое (у отца Василия), далее с попутками или на автобусах на восток – на Вышу, в монастырь, где иногда подрабатывал поваром. Все равно в такую погоду психотерапевта не стоило ждать – если уж летом не приехали, вряд ли сейчас найдутся желающие.

Далеко нам уехать не пришлось – мы чуть не задавили арбайтера. Только скорость набрали, начался маленький поворот, и перед нами возникла фигура дедовского неприкаянного Степы. Я резко вывернул руль, и мы въехали в бетонный столб. Точнее, не в сам столб, а в пасынок этого столба.

Отец Василий первым выскочил из машины, в руке у него опять оказался сотовый телефон.

– Я в шоке. Господи, я в шоке, – повторял он.

У меня волнение улеглось быстро, стоило только мне увидеть разбитый фонарь, помятое крыло моего Ниссана. Время от времени только возвращался испуг: «Еще бы чуток и...», за ним тут же следовало теплое облегчение: «Успел-таки!». Ну и только потом следовала высказанная Ваней вслух мысль о том, что дешевле было бы оплатить деду его арбайтера, чем выкладывать за ремонт машины.

Дело тут, наверное, просто в том, что наряженный в дедовскую фуфайку и кепку робот имел хоть и нелепый вид, но вполне человеческий. И поэтому внушал страх его задать. Да еще вместо того чтобы сразу уйти домой, он толкался вместе со всеми в свете фар и бормотал: «Отвел... ведь отвел... спаси, Господи!»

– Все, на тебя, Илюх, облучение начинает действовать. Пора двигать, пока еще полдервни на бампер не взяли, – сказал Ваня.

– Какое облучение? – спросил я, швыряя на дорогу второй окурочок.

– А Запожье в зоне облака считается. Не знал что ли? Вон деду уже сколько лет приплачивают.

– Чернобыльского?

– Ну да, а какого еще.

– А почему только Запожье?

– Ну, оно самое вымершее. Пять человек числится. Вон Марфино на том берегу Пожи, сколько? Меньше километра отсюда, только напрямую не проехать – моста нет. Но там народу живет человек двести, оно не в зоне облака считается. Кому платить охота?

Мы решили сделать по глотку для выведения радиации, потом без проблем доехали до Березового и убедились, что менты уже не страшны. В доме, где они гуляли, было темно и тихо, их Жигуленок был убран с середины дороги ближе к обочине.

– Сейчас, погоди, я презент сделаю. А то столько всяких волнений, – предложил поп. – Ты как, лоб-то вообще крестишь?

– В общем, я крещеный...

– Ну и лады. Сейчас, погоди.

Отец Василий открыл свою «Бору» и вытащил из бардачка завернутую в бумагу икону. Я развернул. Это был Спас Нерукотворный. Полиграфия хорошая, бумага приклеена на мореную фанеру-десятку, и все покрыто лаком. Выглядело очень аккуратно.

А потом мы попрощались, и вскоре я зашел в своем доме.

***

Утром я проснулся в отличном настроении. Несмотря даже на вчерашнюю аварию. Бывает так, что ничего не может нарушить непонятно откуда взявшегося стойкого настроения на хорошее. Я пил кофе и глядел из окошка, как Степа, дожидаясь меня, собирает граблями строительный мусор вокруг нашей терраски.

Я открыл дверь и крикнул ему, что сегодня объявляется выходной.

– Точно решил снега дожидаться, да? – уточнил Степа.

– Слышь, хочешь, я тебе презент сделаю? – спросил я и неожиданно обрадовался своей идее.

Степа смотрел на меня, ждал подвоха. Видно было, как тяжело ворочались его штам-

пованные мозги, пока я открывал машину, открывал бардачок, разворачивал бумагу. Я даже решил сказать ему что-то человеческое, что ли.

– Ну, в общем, я рад, что ты помогаешь мне с этой терраской. А то одному не с руки. Вот, держи. Короче, спасибо тебе, Степа.

– Господа благодари.

Я уже хотел идти дальше завтракать, когда Степа меня остановил.

– Ты это... Подпиши.

– Чего?

– Икону подпиши. Тому-то от того-то. Дату.

Все-таки с арбайтерами не соскучишься. Я принес фломастер.

– А это не кощунство – икону подписывать? – я еще колебался.

– Давай, пиши.

– Как писать-то? Типа «Степе на добрую память» что ли?

– Пиши «Иоаву от Ильи», дальше как хочешь. И дату.

– Иоаву. Это ты Иоав?

– Наречен при крещении.

– А-а. А Полунинский кто? Полунинского тоже как-то зовут?

– Ездра.

– Понял. Буду знать, если запомню.

Я вручил ему подписанную икону, взамен он пробурчал мне «Спаси Господи», а потом устался на лик, в котором для меня не было ни духа, ни жизни.

Тут мое хорошее настроение еще больше улучшилось – позвонила из Москвы жена и сказала, что приедет дня на три, что соскучилась и вообще хочет скорее в наш деревенский домик.

Я поел, кинул в рюкзак фотоаппарат, запасной свитер, шерстяные носки, завернул пару бутербродов, налил в термос чая, достал ружье. Выходной – так выходной.

Перебрался по бревну через ручей, а дальше вдоль черного поля, мимо кургана пошла тракторная колея с убитой, примятой травой, потом она потянулась вдоль березовой посадки, где иногда бывают тетерева, потом вдоль дубовой. Не зря меня, наверное, ба-

рином называют в деревне – все повадки налицо. То водки выпьет, то с ружьем прогуляется, то Женьке даст на опохмелку, то не даст, то заматерится на Степу, то икону ему вынесет. Барин – барин и есть.

А настроение мое не пропадало, вернее даже хорошее настроение перешло прямо в радость. Ноги сами бегут. И тем приятнее, что радость ни от чего, а просто так. Как раньше. И тут еще лиса от меня побежала. Далеко, правда, да у нее все равно шкура еще плохая. Стрелять бы даже не стал. А смотреть всегда приятно на живого зверя. Мелькает, скачет, уже пропадает, а потом вдруг обернется и тоже посмотрит на меня своими звериными глазами.

Вот какая красотища передо мной. Отсюда, от кургана видно далеко – разрезанные посадками перекатываются туда-сюда черные и зеленые предзимние поля. У самого обреза, за Пожей начинается большой зелено-коричневый лес. А дальше глаза опять бегут обратно по светлой березовой посадке до нашего села, от которого видно только две-три крыши и остатки фермы. Вот где-то перед фермой и молельня у арбайтеров, у ручья.

А завтра, может и правда, снег ляжет.

И вот эта красота лежит от меня и по всей земле. Я на нее смотрю, и она во мне оказывается, вместе с моей непредвиденной радостью. Так что отдыхать в деревне хорошо.

Александр СУВОРОВ

БОЛЬШОЕ КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

По дороге в «Светлячок»

Владимир Александрович и Нина Олеговна Поспеловы пригласили нас с мамой в лагерь еще в феврале. Мама у меня болеет. Оставить ее одну в Москве я не смог бы. Я очень благодарен за приглашение и за понимание.

В поезде я познакомился с кошкой. Кошка лежала на второй полке. Я думал, что это щенок, потому что на кошке был кожаный ремешок. Этим ремешком ее привязали к третьей полке, чтобы она не убежала. Я долго гладил кошку и разговаривал с ней. Я жалел кошку:

– Бедная, как ты переносишь дорогу? И куда, зачем тебя везут?

По вагону бегал маленький мальчик в одних трусиках. Я нащупал его, когда он залезал на вторую полку. Там лежало два скатанных матраса. Мальчик сидел между матрасами, свесил ножки, и когда я проходил мимо, быстро ножки поджал. Но я уже коснулся ножек и остановился, чтобы чуть-чуть приласкать малыша. Он немного боялся, но доверчиво принял мою ласку, когда я погладил его по головке.

Я не знал, как зовут малыша. Для себя почему-то я прозвал его Виталиком. Может быть, потому, что имя Виталий (ласково – Виталик) от древнегреческого слова «виталис» («жизнь»). И просто красиво звучит.

Когда мама знакомила меня с этим мальчиком, я положил ему руку на головку, а он под моей рукой тихонько пошел, да так ровно! Наверное, если бы ему на голову поставили стакан с водой, он бы ни капли не пролил. Я удивился такой ровной, почти воздушной походке. Сам-то я косолапый.

Перед лагерем в Екатеринбурге

Встретили нас Тамара Ивановна Кузнецова с сыном Алексеем.

Тамара Ивановна Кузнецова – председатель Свердловской областной организации Всероссийского общества глухих. Ее заместитель и муж – глухой. Его зовут Николай Максимович. Тамара Ивановна долго работала сурдопереводчиком в клубе УРАЛМАША, затем в областном дворце культуры ВОГ. Когда Максимыча избрали председателем областной организации ВОГ, он сказал, что председателем лучше быть слышащему человеку, для поддержания внешних связей, и предложил в председатели свою жену, – а я, мол, от вас никуда не денусь. Так и сделали.

На малолитражном автомобиле Тамара Ивановна с сыном отвезли нас с мамой в помещение РВО – разновозрастного отряда. Это пятикомнатная квартира. В одной комнате стоят кровать и диван. Мне сказали, что это комната для обиженных ребят.

– А кто их обижает?

– Ну, родители, ровесники, мало ли кто... Здесь они находят понимание и могут переночевать, пока обиды пройдут и обидчики вспомнят, что они люди, – объяснила Тамара Ивановна.

Я никогда раньше не слышал о комнатах – убежищах для обиженных детей.

Кто это придумал? Я был поражен добротой людей, которые это придумали. И всю ночь мне снились дети, спасавшиеся в этой комнате от своих обидчиков. Посидеть с такими рядом, дать выплакаться у себя на плече, тихонько поговорить, успокоить... Завидую людям, которым дети доверяют свои обиды. Это счастливые люди. Это счастье – иметь сердце, открытое детскому горю.

Перед выездом в лагерь

Тамара Ивановна познакомила меня с глухими ребятами и их мамами. Дети называли свои имена дактильно. Я удивился, сколько тут Максимов. У Владислава Петровича Крапивина есть повесть «Болтик», главный герой которой – девятилетний Максим. Может быть, мамы этих Максимов тоже читали «Болтик». И тоже полюбили этого замечательного мальчика. И своих сыновей называли в его честь...

Я спросил у ребят через Тамару Ивановну:

- Вы умеете стоять на ушах?
- Нет. А ты умеешь?
- Умею.

Это так говорят – «стоять на ушах» – когда дети сильно балуются, а взрослые не знают, что делать. Я люблю «ставить на уши» ребят вокруг себя. Только мне трудно это делать, когда ребят много – я их всех сразу не вижу и не слышу. А одного кого-нибудь – хоть сейчас!

Глаза и ум надо точить

Ко мне подошел поздороваться Олег Поспелов, восьмилетний сын Владимира Александровича и Нины Олеговны. Мы знакомы два года.

Сейчас он очень хорошо писал у меня во всю правую ладонь печатные буквы.

– Помнишь, Олег, как ты в «Орлёнке» рисовал? Художник, учитель рисования, сказал мне, что ты гений.

- Не понял.
- Ты рисовал так, как рисуют в пятом классе художественной школы. А в пятом классе ребята на три–четыре года старше тебя. Ты, наверное, будешь самый молодой академик. Ты видел академиков по телевизору?

- Да.
- Много лысых?
- Много.

– Поэт Роберт Рождественский дразнился: «Академики – дотошный народ: сорок лысин, восемнадцать бород». Ты будешь юный академик – без лысины и без бороды.

– Я буду художником.

– Лучшие художники тоже становятся академиками. Академия художеств на Кропоткинской улице в Москве. У художников острые глаза.

– У меня будут очень острые глаза.

– Знаешь поговорку: «Снявши голову, по волосам не плачут»?

– Не знаю.

– По остроглазости уже трехлетние дети – профессора. А когда дети вырастут, глаза становятся тупые. Художники всю жизнь точат свои глаза, чтобы всегда были острые.

– Я буду точить.

– Острые глаза видят мелочь, которую другие не видят. Художники увидят и всем покажут на своих картинах. И так покажут, что получается: они увидели не пустяк, а самое главное. Но чтобы увидеть главное, нужен острый ум, а не только острые глаза.

– Я буду точить ум.

– Остроту твоих глаз другие проверят, я ведь не вижу. А остроту твоего ума проверить могу и я.

– Хорошо.

– Я уже проверил. Сейчас у тебя острый ум. Но надо точить всю жизнь, а то затупится.

– Я пойду в отряд.

Зачем я в лагере?

Этот вопрос задали Тамаре Ивановне глухие ребята. Она меня долго ругала:

Великий ученый, психолог... Когда она мне это все пересказала, я заворчал, что все неправильно.

– Ну сам скажи, зачем едешь в лагерь. Какая у тебя цель?

– У меня всегда одна цель – посадить себе на голову как можно больше ребят.

Первая забота

После обеда я вышел с тростью изучать дорожки в лагере. Ко мне сразу подошли глухие ребята.

– Куда? Домой?

- Нет.
- Смотреть? Гулять?
- Да.

Я пошел по краю площадки перед крыльцом своего корпуса (второго по номеру). Шел и считал дорожки, расходящиеся от площадки. Наткнулся тростью на что-то металлическое, похожее на трубы. Растерянно пожал плечами, протянул руку пощупать.

Кто-то из ребят взял эту руку и направил. В ладонь брызнула струя холодной воды.

- А, питьевой фонтанчик!

Перейдя широкую дорожку, я пошел назад по другому краю площадки. Трость что-то нашла – мягче столба, тверже травы.

– Ярослав! – сказала «что-то» мне в руку дактильно. Это был глухой мальчик.

Потом мы обошли вокруг корпуса. Я нашел деревянную лесенку. Ребята положили мою руку на перила. Я спустился и вышел на какой-то мостик.

- Вода, – сказали мне.

Я снял цепь и шагнул к краю верхней ступеньки. Сзади меня схватили за рубашку. Но я ведь тяжелее ребят, упали бы вместе... Я сел на корточки и опустил трость в воду. Достал дно.

- Бассейн, – сказал я ребятам.

Мы пошли вокруг бассейна. С другой стороны я снова снял цепь, присел на корточки, опустил трость – и не достал дна.

- Глубоко! – сказал я.
- Далеко! – сказали ребята.

Я хотел уже посмотреть дорожки подальше от корпуса, но навстречу шла Тамара Ивановна с моим рюкзаком. Я взял у нее рюкзак, и мы вместе вернулись в корпус.

Алёна

Тамара Ивановна показала мне стол и скамейки в тени. Там мы сидели долго. Подходили ребята, мы разговаривали, а потом пришли девочки-подвожатые, и я стал напоминать им дактильный (пальцевый) алфавит.

Помощников вожатых в разных лагерях зовут по-разному: стажеры, координаторы,

аниматоры... А тут – подвожатые. Я сразу прозвал их «подполковниками». Среди «подполковников» была и Алёна из второго отряда. Взяв ее руки в первый же раз, я почувствовал, что это очень острый – то есть решительный – и добрый человек. Я исправил ей только некоторые буквы. Рука была твердая, сильная, дактильная речь получалась очень четкая, пружинистая – самая лучшая.

После ужина я напросился на дискотеку. И сначала очень пожалел об этом.

Я никогда не любил танцевать. Но недаром говорится: «За компанию еврей повесился». Девочка Даша однажды неправильно выговаривала дактильно «Ш». Получалось больше похоже на «м». Она подошла ко мне на дискотеке и хотела сказать, как ее зовут, а получилось – «Дама».

– Ну, раз ты дама, то я кавалер. Пойдем танцевать, – предложил я неожиданно для себя. И я стал в тот вечер самой главной «дамой», с которой все хотели танцевать.

С тех пор я решил ходить на лагерные дискотеки и танцевать, уж как умею, чтобы лучше узнать ребят, сблизиться с ними.

На дискотеку меня привели, хотели посадить на стул, – сиди, мол, старый пень. А я не сидеть пришел. И танцевать со мной пошла Алёна. Она очень хорошо прыгала, я косолапил рядом, немного себя стыдась.

- Мне надо детей укладывать.
- А мне с тобой можно?
- Пошли вместе.
- Ты с кем-нибудь до меня танцевала?
- Нет. Сидела.
- Почему?
- Болела голова.
- Мы уже были в палате мальчиков.
- Можно посмотреть твою голову?
- Можно.

Я тронул голову Алёны ладонями. Да, лоб и виски были горячими. Я сделал ей легкий массаж головы. По ее словам, ей стало легче.

Я хотел дожидаться, пока ребята лягут, и посидеть немного с ними, может быть, сказку им перед сном рассказать или придумать. Не получилось. Начальство прогнало. Жаль...

«Подполковник» Максим

После отбоя я вышел на разведку: где же тут душ? Зашел в пустую комнату, и меня поймала «подполковница». Пока я с ней разговаривал, подошла еще одна, а потом пришел «подполковник» Максим.

Оказалось, меня занесло в сушилку – место, думать надо, для «подполковников» очень заманчивое, потому что там можно спрятаться. Максим показал мне, где душ. Я огорчился: не закроешься, негде повесить одежду, а главное, душ плохо работает, слабенькая струйка и чуть теплая.

«Подполковники» не знали, где моя палата, и провели мимо, на крыльцо корпуса. Тут я и заметил их ошибку, глотнув свежего воздуха. Еще немного поговорили, и меня отвели в мою палату, хотя я мог бы пойти и сам.

Удивительные ребята. С одной стороны, заметно торопятся. С другой – не могут отойти, пока не уверены, что их помощь больше не нужна.

«Тропа Берендеев»

Тамара Ивановна сказала, что Нина Олеговна приглашает (зовет) нас в лес на прогулку после полдника. Мама осталась, а я намазался от комаров, и мы пошли.

Оказывается, не просто прогулка, а игра со станциями – «Тропа Берендеев». Мы с Тамарой Ивановной присоединились к четвертому и шестому отрядам. Пока чего-то ждали, знакомились с ребятами. Мальчик спросил, как меня зовут. Я извинился:

– Я так избалован своей «знаменитостью», что забыл представиться. Меня зовут Саша Суворов. От скромности я не умру...

На первой станции нас ждала сама «Хозяйка Медной горы» – Лариса Алексеевна, начальник лагеря. Она спрашивала ребят, какие камни добывают в здешних местах. Места Бажовские: тут жили герои большинства уральских сказов П.П. Бажова. Рядом расположен тот самый Полевской завод, теперь город Полевской. Лагерь «Светлячок»,

приютивший нас, принадлежит крупнейшему предприятию города – Полевскому криолитовому заводу. Позже от председателя профкома этого завода я узнал, что криолит – это не камни, а какое-то химическое сырье для производства алюминия.

Я попросил Тамару Ивановну узнать, нельзя ли и мне выполнить какое-нибудь задание. Лариса Алексеевна согласилась.

– Какие вы знаете камни-самоцветы? – спросила она.

– Я очень люблю особые камни-самоцветы – язык «Малахитовой шкатулки» Бажова. Там каждое слово – камень-самоцвет.

– Например?

Я смутился: не ожидал, что придется напоминать наизусть. Сначала, по моей испорченности, вспомнил сказку про Кокованю, который вместо изумрудов собирал кошачьи глаза. Собрал шесть изумрудов, несет, а за ним три кошки:

– Мяу! Мяу! Отдай наши глаза!

Кокованя от них убежал. Натерпелся страху, а жадность сильнее. И снова двинулся в то заветное место за изумрудами. Слышит голос:

– Опять, Ваня, пришел? Безглазых кошек не боишься?

Кокованя понял: сама Хозяйка Медной горы заступается за кошек.

Хозяйка Медной горы дала Коковане целую горсть изумрудов. И велела передать их приказчику, сказать, что это ему, «душному козлу», Хозяйка Медной горы прислала. Там она приказывала передать приказчику еще какую-то угрозу, да уж не помню... А обозвала она приказчика «душным козлом» за то, что у него был постоянный неприятный запах – «дух», «душок». Хозяйка Медной горы приказала Коковане передать ее слова приказчику точно, слово в слово. Тот перетрусил – легко ли начальство обзывать «душным козлом»! – но делать нечего. С Хозяйкой ссориться и вовсе невыгодно.

Приказчик положил изумруды в красивую шкатулку, чтобы показать господам, – хозяйкам завода, – когда они пожалуют из сто-

лицы. А Кокованю за точную передачу слов Хозяйки Медной горы отправил на порку. Мол, сам придумал, на Хозяйку свалил, выпороть его!

Когда господа приехали, приказчик позвал их посмотреть изумруды. Господа явились всей семьей. Открыли шкатулку, а там никаких изумрудов, плесень одна, и такой дух оттуда – дышать нечем! Господа зажали носы и бросились бежать из комнаты, сбивая друг друга с ног, толкаясь в дверях. Такой невыносимый был запах – никакими французскими духами не перешибешь. В одну секунду в комнате остались двое, и приказчик налетел на Кокованю с кулаками:

– Где ты столь вони насобирали?!

Кокованю высекли еще раз, а приказчика уволили...

Вот этот вопрос – «Где ты столь вони насобирали?!» – я почему-то и вспомнил первым делом, когда Лариса Алексеевна попросила меня привести пример самоцветных бажовских слов. Но это я цитировать (точно повторять) не решился. Пришлось бы всю сказку рассказывать в свое оправдание. И я вспомнил заклинание из другой сказки, сам не подзревая, до чего кстати:

–Эй-ка, эй-ка,
Голубая Змейка!
Объявись, покажись,
Колеском покрутись!

Мне захлопали. Оказалось, что одной из станций нашей «Тропы Берендеев» была станция Голубой Змейки...

Перед ужином мы встретили Ларису Алексеевну у дверей столовой. Я крепко пожал ей руку:

– Обычно начальник лагеря заботится о питании, отоплении, ремонте и прочем таком. Редко бывает, чтобы начальник лагеря был еще и педагогом. Я восхищаюсь Вами!

Женя-«чудотворец»

С утра по всему лагерю была газовая атака – такой «аромат», что я сразу вспомнил Некрасова:

А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков.
Летом взроют ее, починая,
Да наставят зловонных костров, –
Берегись!..

В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода.

Вот этой цветущей водой и пахло. Да еще как. Тамара Ивановна сказала, что чистят бассейн.

После завтрака – туристская эстафета. Тамара Ивановна подвела меня показать, как ставят палатку. Я заскользил пальцами по тросу от палатки туда, где он закрепляется. Раздался отчаянный вопль: мальчик торопился забить колышек в землю и испугался, что заодно забьет и мои пальцы. Он выдал целую пулеметную очередь воплей – какое-то слово, может, и короткое предложение, но уж этого мои уши не различают.

Прямо с эстафеты отряды шли в бассейн.

Ух! Я от души возблагодарил свою чистоплотность. У меня в квартире за месяц до отъезда в лагерь выключали горячую воду. В бане рядом с домом – тоже. Так я каждое утро принимал ледяной душ. В бассейне вода оказалась, пожалуй, еще холоднее. Больше двух минут в первый заход я не высидел.

Но второй раз я застрял минут на десять. Я наткнулся на пенопластовую доску, а на ней – ноги. Мальчик устраивался, как петух на наесте, на металлическом заборчике, идущем вдоль всего бассейна и отделяющем совсем уж мелкий «лягушатник» от более «глубоководной» части бассейна. Доска все время хотела выскользнуть из-под ног мальчика, но он переступал с одного края на другой, а сам тихонько поворачивался, чтобы сесть на верхушку забора. Вот это чувство равновесия! Ах ты, «Иисусик Христосик», задумал по воде ходить, как по твердой земле! Я придержал доску под «чудотворцем». Он утвердился

на своем насесте и расставил ноги по краям доски, чтобы она не удрала. Теперь мы могли поговорить. Я объяснил «чудотворцу», что мне надо пальчиком чертить печатные буквы во всю правую ладонь, и «чудотворец» вычертил: «Женя».

Что значит?

На открытии смены меня представили, и я должен был поприветствовать ребят. Я не успел толком продумать свое приветствие. С одной стороны, объяснился ребятам в любви. А с другой стороны, пообещал обсудить с ребятами на занятиях Института Взаимной Человечности (ИВЧ), как «причесывать ежей», и себя тоже назвал колючим. Что же тогда у меня за любовь – колючая, что ли?

После ужина ко мне подвезли на коляске парализованную девочку Иру, и мы обменялись, кто чего не понял: она – в моем приветствии, а я – в концерте по случаю открытия смены.

Ира, конечно же, спросила, о каких ежиках я говорил.

– О тех, которые выставляют колючки, если им неправильно помогают. Мы все такие ежики.

– А Вам понравился концерт?

– Тамара Ивановна – гениальный переводчик. Я только не понял, что такое проделывали «домовята»? Тамара Ивановна говорит, они вертели тем, что на теле укреплено неподвижно... Что значит, как можно – «вертеть попами»? Пусть какой-нибудь «домовенок» мне это покажет.

Кстати, одного мальчика-«домовенка» (то есть, командира отряда-семьи) я потом об этом попросил. Но он поклялся, что сам не вертел и вертеть не умеет, а вертели девчонки. Ах, они, «вертихвостки»!

В одном стихотворении Александра Блока сказано, что офицер, ухаживая за дамой, «вертел проворно задом». Для меня уже с подросткового возраста загадка, что именно делал этот офицер.

Алёша

Этот мальчик описал вокруг меня точную кривую, прежде чем ко мне прикоснуться. Как космический корабль вокруг планеты.

На «Тропе Берендеев» он рассчитал нам с Тамарой Ивановной дорогу, чтобы выбраться из леса, – я далеко не вездеход, и там, где все прошли, мне было слишком трудно. А потом мы встретились и разговорились на дискотеке по случаю открытия смены. Алёшу интересовало, читаю ли я. Я предложил зайти ко мне, и показал взятые мною с собой книги. Показал шашки и шахматы для слепых. И мы договорились, что при случае сразимся. Алёша не стал откладывать дела в долгий ящик. До него я, правда, обыграл в шашки с десяток глухих ребят – всех, кроме непобедимого Антона. С ним я сразился дважды и оба раза «сел в лужу». А глухие играют, между прочим, на зависть многим слышащим. Еще обыграл меня только Женя, у которого по одному пальцу на руках. Задача для «здоровых»: почему инвалиды бывают сильнее их в умственном отношении? Я знаю ответ, но поклялся Кораном, Библией и «Капиталом» Карла Маркса, что не буду выдавать военную тайну.

Еще я пообещал Алёше научить его дактильной речи за полчаса, и выполнил обещание. Спросите хоть у Нины Олеговны, которая сама научилась у меня в «Орленке» тоже за полчаса, и с тех пор не забыла. Кто следующий?

»С места в карьер«

Тамара Ивановна уехала по делам в Екатеринбург. Тоня и Алёша только начинают говорить дактильно. А тут – представление кружков. Среди ребят лучше всех пока говорит Алёна. Но она занята.

Я думал, представление кружков – это выставка, где все можно потрогать руками и расспросить кружководов. На самом деле – реклама со сцены.

– Кто будет переводить?

– Я! – храбро вызвался Алёша. Я подумал: «Человек еще в буквах немного путается, какой же перевод?» Но выбора не было. Вернее, был выбор, только такой: сидеть в зале «для мебели», без перевода; сидеть где-нибудь одному; воспользоваться предложенным переводом, – вдруг что-нибудь да получится. И я сказал:

– Давай, попробуем.

Да, Алёше было трудно. Но он делал героические усилия, чтобы сообщить мне о происходящем на сцене хоть что-нибудь.

И получилось. Вдвоем с Тоней, которая помогала, когда не выступала, они добились того, что хотя бы список кружков у меня в голове составилась. Я заинтересовался мягкой игрушкой и биржей. Про Институт Взаимной Человечности – пока ничего... Видимо, это отдельно, и уж об этом я буду знать раньше ребят. Ведь моя работа предполагается именно там.

»Зеленые пятки«

Тоня сказала, что после полдника будет игра в «Зеленую пятку». Я спросил, что это такое, но понял только, что кто-то кого-то будет ловить. Дополнительно уточнил перед полдником у Алёны. Некоторым вожатым, подвожатым и другим начальникам вымажут пятки зеленой, и надо будет их всех выловить, а потом «пытать» – допрашивать, зачем прилетели, и придумывать наказание. Я сразу стал на сторону «Зеленых пяткок», и за полдником во мне вдруг зазвучали строки:

А я бы «Зеленую пятку» любил.

А я бы «Зеленую Пятку» спросил:

«Откуда ты родом? С планеты какой?»

А может быть, разум соседний земной?

Его представители с нами в пути,

Чтоб нас от безумья над бездной спасти.

А может, я тоже – нездешняя суть:

С рождения к людям послал кто-нибудь,

С отличьем лишь тайным каким-то другим, –

Но с «Пятками» занят я делом одним...

Что ж вы меня не ловите и не пытаете, ребята? Неужели не в догадку, что, если человек понимает ваши мысли с полуслова, даже с полубуквы, – значит, он пришелец откуда-нибудь. И никакого тайного отличия вроде зеленой пятки не надо искать: слишком умный – пора пытаться. Чего проще! Вот только по этому признаку – по большому уму – находили тайных врагов и церковный суд – «святая» инквизиция, и товарищ Сталин...

Да и нынче времена не шибко изменились, слишком быстрый ум по-прежнему не в чести... Будь средненьким и не выпендривайся, – тайных и откровенных сторонников этого «идеала» предостаточно.

Мне приятнее на одном костре с великим ученым Джордано Бруно, чем в одной шайке с инквизиторами и товарищем Сталиным.

Уверен, что игра – игрой, а, если по честному, вы со мной согласны. Или согласитесь попозже, когда лучше узнаете нашу кровавую человеческую историю...

Избранницы и избранники

После полдника все куда-то делись. Где черти носят чертенят?.. Мы с мамой отправились на поиски.

Утром «подполковница» Ира завела нас к «Котам Матроскиным» – в первый отряд. Раньше в лагерях в первом отряде были самые старшие, а здесь – наоборот, самые младшие. Впрочем, все относительно: Пospelовы, насколько знаю, начали с создания Разновозрастного отряда (РВО), и здесь тоже все отряды – разновозрастные. Но в одних больше маленьких (до десяти лет), в других больше средних (например, как я узнал позже, в четвертом преобладали двенадцатилетние «поросята», – сейчас «год свиньи», и все они родились в предыдущий «год свиньи»).

Вот мы с мамой и заковыляли в первый корпус, где, по данным моей «разведки», поселилось пол-лагеря, четыре отряда из восьми. Зашли в игровую на втором этаже, на голоса, а там – все потные (позже нашупал) и красные (позже догадался) от смущения

ния, потому что – «Дворец бракосочетаний»! Старшие, видимо, решили выяснить, кто с кем хочет дружить. Ишь, проныры! Мне потом сказали, что затеял это восьмой отряд («Семья Демидовых»), но сбежался потеть и краснеть от смущения весь лагерь.

В жизни я – отчаянный трус и потому холостяк, но понарошку почему бы не приискать себе супругу? Тем более, что надо либо топтать восвояси, либо включаться в игру, – просто наблюдать ведь не могу, так как не вижу и не слышу.

Подлетела Алёна:

– У меня свадьба! Выхожу замуж за глухого Максима.

– За которого? Их не пересчитаешь!

– За высокого, самого старшего.

Позже я оценил его кудри: каракуль высшего сорта.

– А мне можно?

– Можно.

– А что надо делать?

– Обменяться кольцами и расписаться.

– Где?

– У Насти. Но она вышла.

– Все, как полагается. Не бывает учреждений, где бы чиновники не отлучались и не задерживались именно тогда, когда их ищешь.

Без политической сатиры собственного производства я дня прожить не могу. Да и как прожить без нее в России? Над российской властью – то псевдокоммунистической, то псевдодемократической, но всегда олигархической, – только плакать, либо смеяться. Слезы выплаканы еще Некрасовым. Со времен Маяковского (кукла Петрушка не в счет) остается только смеяться. Но уже полвека – без наивной надежды, что все достойное горького смеха, как сказано Твардовским в «Тёркине на том свете», – «неизжиток пережитка или тень на наш плетень». Увы, оно, достойное горького смеха, – живучее, всякой власти присущее, какой бы «народной» ни рекламировала себя эта власть...

Настя из третьего отряда («Семья Весельчаковых»), как ей по должности и положено, и отлучилась, и задержалась, но в конце кон-

цов появилась на службе. И меня к ней подвели.

– Чего вы хотите?

– Жениться.

– На ком?

– Не знаю.

– Выбирайте.

– А как?

– Надо подарить цветы.

– А где их взять?

– Тут, рядом с корпусом, на клумбе в виде ромашкового поля.

– А кто меня туда проводит?

– Могу и я.

Оказалось и правда рядом. И множество высоких толстых стеблей с маленькими ромашками, большей частью уже оборванными. Много тут, видать, уже «паслось» «благородных рыцарей».

Настя помогла мне собрать букетик. Я долго не думал:

– Держи. Ты и есть моя избранница.

– Да ладно вам меня смущать! Вы еще и не выбирали. Других посмотрите.

И подвела меня к Оле и Лене из восьмого отряда («Семья Демидовых»).

– Вы уже замужем?

– Нет еще.

– А хотите замуж?

– Нам рано, мы маленькие.

После полученного отпора предлагать руку и сердце я уже не решался.

Однако невесты меня не бросали. Подвели к мальчику лет восьми-девяти.

– Ты уже женился?

– Чо?

Рот до ушей, хоть завязки пришей – от смущения.

– Ты женился?

– Да. Не надо об этом. – И убежал. Надо полагать, куда угодно, только не к своей «жене».

Ждем свадьбы Алены и Максима. Девочки говорят, что Максим есть, а Алена исчезла. Пока ее ищут, опять прошусь на ромашковое поле. И преподношу букет маме:

– Выходи за меня замуж!

Думал, уж тут-то номер беспрюигрышный. Куда там! Старый ребенок не понимает игры:

– О, сдурел? Я мама, а ты сын! Сыновья на матерях не женятся!

– Женятся! Вон царь Эдип, я читал.

– Бессовестный! Я не согласна.

А ромашки к груди прижала. И целоваться не мешает. Только шея горячая – покраснела моя красная девица.

Пока я веселил честной народ, ухаживая за собственной мамой, нашлась Алёна. Но Максим заявил, что не согласен жениться, потому что ему надо, как минимум, две жены. Делить его со второй женой Алёна отказалась, да второй Максим и не нашел, так что свадьба расстроилась. Всю эту комедию описали мне Оля и Лена. А я занудно страдал: шутка ли – дважды отвергнут! И Лена сжалилась:

– Хотите расписаться со мной?

Мы нарвали третий букет ромашек и расписались. Надо было еще обменяться кольцами, но они, разумеется, кончились, – на то Россия! Впрочем, вечером на дискотеке мне неожиданно надели на голову веноч, сплетенный из травы. Я таскал его весь следующий день, не подозревая, что веноч оповещает публику о моем женатом состоянии.

Когда мы расписывались, я спросил у Лены:

– Ты какую фамилию поставила – отрядную («Демидова») или настоящую?

– Настоящую.

– А какая у тебя настоящая?

– Хорош жених! – вмешалась мама. – Уже расписался, а не знает настоящую фамилию жены!

– Некрасова, – начертила Лена на моей ладони.

О!.. Тесен мир. Или это перст Божий? Эта фамилия мне очень много говорит, и не только потому, что я люблю стихи Николая Некрасова и читал «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова.

На следующее утро на завтрак вел меня слабослышащий мальчик, тоже Максим, только на три-четыре года моложе.

– Ты женился вчера? – я говорил голосом, старательно выделяя каждый слог, чтобы меня легче было понять.

– Нет! Это чепуха!

– Почему чепуха? Просто игра.

– Все равно чепуха! Все девчонки дуры!

Если бы я стал заступаться за «девчонок», то уж точно показал бы себя дураком. Но я твердо знал: мальчик так о девочках не думает, а обзывается от смущения. И я нежно провел ладонью по вьющимся мягким волосам и гладкой щеке умного Максима.

Женя из Первоуральска

Алёша – «домовенок» – подвел ко мне еще двух ребят из своего отряда: девятилетнего Сашу и пятнадцатилетнего Женю. Все трое из Первоуральска. Я долго и нудно расспрашивал Алешу, где этот город. С запада, востока, юга или севера от Екатеринбурга? Но Алёша оказался не силен в географии родной области.

Как и все, знавшие друг друга до лагеря, эти ребята стараются держаться вместе.

О Жене я не раз уже слышал от Тamarы Ивановны. У него на каждой руке только по одному пальцу. Так родился. Но жалости не внушает: управляется очень ловко, не хуже, чем мы своими десятью. Попробовал бы кто из нас переставлять из одного окошка в другое шашки для слепых! Или из одного отверстия в другое шахматные фигурки для слепых! Одним указательным пальцем! По зрячей-то доске и толкнуть можно в нужную сторону, а тут так не получится, надо поднимать и опускать.

Женя управлялся. У него эти единственные пальцы на каждой руке необычайно гибкие и хватистые. Он умеет выражать и ласку: не раз позже сжимал мою руку обоими своими пальцами, как другие – обоими ладонями. И мы прекрасно обходились в общении без посредников – он писал правым пальцем по моей правой ладони. Единственный, кого не понадобилось обучать дактильному алфавиту, да и так обошлись...

Азбука-колодка

Ребята заинтересовались азбуками-колодками. Это вроде мозаики, для обучения маленьких незрячих детей рельефно-точечному алфавиту Луи Брайля. Деревянная колодка, в ней отверстия образуют десять шеститочий, и в эти отверстия вставляются пластмассовые как бы гвоздики, шляпки которых и образуют точки. Можно выложить любую комбинацию из десяти брайлевских знаков, а можно – просто узор. Сначала ребята и выкладывали, что придется, узор – не узор, лишь бы не одинаково. Я им читал, что у них получалось, поворачивая к себе колодку то одним длинным краем, то другим. Ребят забавляло, что, если знак перевернуть, то получается уже что-то другое, и каждый раз оказывается, что такой знак существует на самом деле. Как ни старались, полной бессмыслицы не выходило. Я объяснил:

– Математики давно сосчитали, что из шести точек можно сделать только шестьдесят три комбинации. Поэтому все они используются – большинство для букв и знаков препинания, для нот. И уже для цифр знаков, помещающихся в одну клетку (в одно шеститочие), не хватило. Чтобы отличить цифру от буквы, пришлось придумать особый цифровой знак.

Конечно, эта игрушка для маленьких быстро надоела, и ребята захотели выучить брайлевский алфавит. Вот когда я завздыхал, засокрушался, заругал себя! Последние годы всегда брал в лагеря несколько приборов для письма по Брайлю и несколько грифелей, которыми пишут на этих приборах. Но как-то не находилось желающих учиться. Тут нашлось предостаточно, а я уже привык, что система Брайля не вызывает особого интереса, – и взял с собой только один прибор для себя, да по чистой случайности два-три грифеля.

«Закон подлости» сработал очень подло. Тот, когда зонтик берешь – дождя нету, солнце печет немилосердно, а стоит зонтик забить – хлещет, как из ведра, ни одной сухой

нитки. Так и тут. И часто получалось так: надо бы мне заметки для своей личной стенгазеты писать, а ребятам хочется писать по Брайлю по-настоящему, на бумаге – и я отдавал им прибор и грифель. Все лучшее детям, известное дело! А сам сразу по-зрячему стучать не решался: мне нужны хотя бы черновики моих текстов по Брайлю, в доступном виде, иначе я их сам уже никогда не прочитаю, не перепишу, не исправлю, не использую для своей работы.

Вот и выходило: один пишет, остальные завидуют и режутся со мною в шашки, либо изучают дактильный алфавит... Как говорит в таких случаях моя мама: «Что такое не везет и как с ним бороться?» А как бороться? Все свое таскать с собой. Как улитка или черепаха – звери, кстати, очень у ребят популярные: когда учил их говорить дактильно, на букву «У» чаще всего предлагали продактилировать слово «улитка», а на букву «Ч» – «черепаха».

Я написал брайлевские таблички – алфавит, основные знаки препинания, арабские цифры. Дело привычное, сколько за свою жизнь я писал таких табличек для самых разных людей, детей и взрослых, для дела и для просто так... Ребята их надписали по-зрячему – и завладели моим прибором, оставив меня, как говорится, безлошадным.

Сначала писали шифровки, и я добросовестно им читал, насколько их замысел далек от исполнения, однако вскоре и Алёша, и Саша без единой ошибки подписались: «Алёша Малых», «Саша Швацкий».

Малышу я тут же сообщил, что он, наверное, – потомок польских повстанцев прошлого века, сосланных царскими судьями на Урал за участие в восстании. Саша этой моей версии не отрицал. То ли правда, то ли нет, но воображать себя потомком польских повстанцев ему, видимо, нравилось. Он охотно подтвердил мою догадку: «Швацкий», потому что сто или двести лет назад на Урал сослали его предков-поляков.

(Летом 1996 года в этом же лагере у меня произошел прорыв в обучении зрячих ребят системе Брайля. На этот раз я

взял с собой с десятков брайлевских приборов, сам никаких табличек не писал, а диктовал их ребятам. И по-зрячему они надписывали таблички, не вынимая из прибора, в соседних строчках, – каждая зрячая буква точно под брайлевской. Главное, зрячие подписи были с той стороны листа, где углубления точек, а не там, где точки, – там же, где пишут, а не где читают. В итоге процент «шифровок» свелся почти к нулю. Это было большое, невольно подсказанное мне учениками методическое открытие, благодаря которому я смог обучать зрячих системе Брайля почти так же быстро, как дактильному алфавиту.

Нина Олеговна зашла в помещение, где я расположился со своим брайлиским кружком. (Брайлисты – владеющие системой Брайля.) Смена только началась, и Нина Олеговна беспокоилась.

– Как ты?

– Отлично! Хорошо сосут.

– Сосут?

– Ну да. Высасывают из меня брайлевские премудрости, как младенцы материнское молоко.

– Ты для этого и существуешь, – засмеялась Нина Олеговна. – 1 февраля 2017.)

Алёша «заказывает музыку»

Моя личная стенгазета «Спасибо» заинтересовала сразу и ребят, и взрослых.

Сначала я поместил туда, как выразилась Нина Олеговна, «дневничок» – первые впечатления от дороги в лагерь и, особенно, от ребят. Некоторых сразу назвал по именам – Олега Поспелова, Алёну Чернобай, Алёшу Малых... Но начались занятия в «Институте Взаимной Человечности», я с трудом успевал писать в стенгазету свои материалы для ИВЧ, а Алёша пристал как банный лист:

– Про Женю пишете? Когда про Женю пишете?

Интересно, зачем ему так надо было, чтобы я «прославил» Женю?

Почему ребята светятся?

Но, как только начались уроки в ИВЧ, до самого конца смены я кормил своих читателей только размышлениями о человечности, – о том, «как причесывать ежика». Больше просто ничего писать не успевал. И это часто приходилось писать рано утром, вставая в четыре часа, когда весь лагерь смотрел самые сладкие сны. Все равно не спалось: думал о ребятах, был переполнен благодарностью им за их любовь, ощущал, как они толпятся вокруг моей кровати, светятся свечками рядом...

А тот, кто скажет, что просто комнату ночью освещал уличный фонарь – тот серая личность, скучный человек, вот! И пусть попробует этот чересчур твердо знающий, что бывает, а чего не бывает, объяснить, почему за неделю до отъезда в лагерь я почувствовал вдали, в Екатеринбурге, разгорающееся зарево радостного ожидания, готовности любить, и почему сейчас, в Москве, в компьютерном центре Главной российской библиотеки слепых, я чувствую присутствие особенно привязавшихся ко мне ребят. Они обо мне помнят, думают, но по-доброму, поэтому мне не икается. Они толпятся, как в лагере, у меня за спиной, молчаливо наблюдая, как я работаю, и читая текст прямо с видеодисплея компьютера, как в лагере читали прямо с моей пишущей зрячей машинки. Господи, как же я без них скучаю!..

– Ага, ага, вот сам все и объяснил, ты просто скучаешь, а все другое тебе чудится, этого нет и быть не может, потому что никогда не бывает! – торжествующе высовывает мне язык серая личность, знакомая только со светом уличного фонаря, а никак не со светом любви. Да ну ее, серую! Это ее нету, я ее для смеха придумал, потому что в лагере все точно знают, что свет любви не только есть, но и поярче любого фонаря, луны и даже солнца. И мне не чудится, а так и есть – я залит этим светом, и этот свет поднимал меня в лагере ни свет ни заря, чтобы

любить письменно, пока нельзя – в прямом общении.

...А ведь с каждым разом ехать в лагерь все страшнее. Я жаден до света детской любви. Вдруг не получится зарева, не удастся согреться, и будут лишь неверные, случайные вспышки на общем промозглом пасмурном фоне равнодушия?.. Бр-р-р... Чур меня, чур – от такой участи. Лучше дома тогда сидеть.

Детям можно, а взрослым – нет

Тамара Ивановна прозвала Сашу Швацкого моим «оруженосцем». Сашенька взялся провожать нас с мамой в столовую и обратно. И никому старался не уступать эту честь. Других ребят мне приходилось «пришвартовывать» с запретного «борта» – с правого, где рука с тростью. Браться за руку с тростью и за саму трость нельзя – это все равно, что закрыть глаза зрячему человеку и предложить ему куда-то идти. Но если взяться повыше локтя – ничего, не мешает... А главное, с детьми и детям – можно многое, чего нельзя никому в обычной жизни, – бездетной, нелагерной. Малыш может взяться и за кисть, и даже за трость. Пусть. Они меня хотят водить, вот и пусть водят, а устроим кучу малу – не беда.

Как-то давно, в Загорском детдоме для слепоглухонемых, меня облепило человек шесть малышей, чтобы вместе со мной выйти из спортзала. Повисли так – чувствую, не удержу равновесия, сейчас рухну. Ну что ж, уселся на пол добровольно, чтобы никого под себя не подмять случайно, а малышня на меня посыпалась со всех сторон, никто не устоял на ногах. Одно из лучших воспоминаний в моей жизни...

В столовой все углы далеко, поставить трость некуда, и я обычно клал ее рядом со своим стулом на пол. И Сашенька завладевал моей тростью, пока я ел. Стоит рядом и терпеливо ждет, держа мою трость обеими ручонками.

– Тебя ждет оруженосец, – улыбалась Тамара Ивановна (улыбка чувствовалась в ее дактилирующей руке).

Мы рисуем

После полдника в каждом отряде была своя кутерьма. Мы пошли с Сашей по отрядам. У самых маленьких, «Матроскиных», были какие-то веселые старты. Пока я пытался понять, что там творится, нельзя ли принять какое-то участие, подошел Олег Поспелов. Он стал «домовенком» (командиром) во втором отряде, который принял фамилию из той же сказки, где и кот Матроскин, – фамилию «Печкиных». На мой вопрос, что тут происходит, Олег ответил дактильно:

– Дуристафета.

Я не стал поправлять, – «дурэстафета», – мне больше понравился Олежкин вариант.

– А что у Печкиных?

– У нас рисуют.

Я зашел на минутку (разумеется, с Сашей) к себе в комнату, взял приборы для рельефного рисования, и мы присоединились к художникам. Я попросил ребят что-то нарисовать. Но сначала пришлось выполнить такую же просьбу самому. Я нарисовал кружок, ошетирил его короткими палочками. Я считал, что это ежик, выставивший иголки. Но Саша назвал мое творение солнцем. Внутри кружка я написал печатными буквами «Плохо», но они в строчку не поместились, пришлось размещать буквы как получится, и Саша так и не понял, чем я начинил «солнце».

Это поняла только вожатая Наташа, которую ребята дружно воспевали своими рисунками. Мне потом показывали несколько наташиных портретов. Ниже ежика-солнышка я попробовал изобразить другого ежика, доверчивого, не клубочком, а с головой и ногами и с убранными иголками, так что кожу изобразил мелкими волнами. Тут уж Саша сразу сказал, что это ежик, – правда, удалось внутри в строчку написать это слово, а так не знаю, получилось похоже хоть сколько-нибудь или нет. Оба ежа – испуганный и доверчивый – у меня были в тени дерева неизвестной лиственной породы. В общем, было видно, что я не умею держать карандаш в руках, но Саша все равно меня похвалил, и

другие ребята тоже. И принялись рисовать сами. Одно дело – на бумаге карандашом и красками, а тут – на полимерной пленке фломастером, и чтобы пощупать было можно. Такой необычный способ рисования, конечно, всех заинтересовал.

Тем временем в других отрядах шло Гиннес-шоу, но я крепко встал на якорь у «Печкиных», и как ни тянул меня Саша, уйти отсюда уже не мог. А Саша не хотел расставаться со мной. И кончилось тем, что после ужина мне пришлось извиниться:

– Я виноват перед тобой. Ты из-за меня так и не попал на Гиннес-шоу.

– Зато мы сейчас идем на дискотеку и будем танцевать, – утешил меня Саша.

Качели

Уж это мне детское «зато»... Иногда завидуешь бессознательной детской мудрости: нет одного, зато есть другое. Но все можно вывернуть наизнанку, и знаменитое бандитское «Кошелек или жизнь!» – на самые разные лады постоянно звучит в отношениях между людьми. Мне часто в жизни предлагали обходиться слишком без многого, – просто потому, что так проще, удобнее окружающим, – слишком часто предлагали мне это, чтобы я мог утешаться по-детски: нет одного, зато есть или будет другое, и, в общем, я не беднее вас. Хорошее утешение, что и говорить, но оно не помогает, если самое главное в твоей жизни считают капризом.

Я всю жизнь вынужден объяснять то одним, то другим, что, если считать капризом мое неукротимое желание работать, то почему бы не считать капризом то, что я до сих пор не умер? Когда я не хочу откладывать выполнение работы ни на один день, стараюсь жестко выдерживать намеченные сроки, мне приходится иногда слышать вопли: «Что решает один день?!» Но если примешь этот якобы неотразимый довод, то придется принять его до конца: что решает один день, что решает одна неделя, что решает один

месяц, что решает один год, и наконец, что решает вся жизнь...

Но если жизнь ничего не решает, то зачем капризничать – жить? Не лучше ли скромно удалиться на тот свет, избавить раз и навсегда всех от хлопот, с тобой, с твоим существованием связанных? Жизнь состоит из дней, и потерянный день – это потерянная часть жизни. Это совсем не пустяковая потеря для тех, у кого есть смысл жизни, кому есть для чего жить. У меня смысл жизни есть. И никаким «зато» меня не утетишь, если пропадает рабочий день.

Неважно, по моей же собственной вине пропадает, или по чьей-то еще.

В лагере были две парализованные девочки. Одну возят на коляске, у другой коляски нет, и она еле ходила, поддерживаемая с двух сторон. Мне эту сцену как-то описала Тамара Ивановна. Вот эту вторую девочку зовут Ира. После первого моего урока в ИВЧ Иру ко мне подвезли на коляске, взятой ненадолго у другой девочки, Маши. И перевели ее благодарностью:

– Спасибо за лекцию. Теперь я поняла, что жить стоит.

Я понял, что сейчас я должен быть сокрушительно правдивым. Именно должен, и именно сокрушительно. Никто другой не имеет права сказать этой девочке то, что я должен ей сейчас ответить. И поэтому у меня нет права всех других – права промолчать.

– Ирочка, я очень рад, что ты пришла к такому выводу, – осторожно начал я, набираясь духу. – Но я должен сказать тебе очень жестокую правду. Сам я до сих пор не уверен, и никогда, наверное, уверен не буду, что мне стоит жить.

Рука Нины Олеговны Пospelовой вздрогнула в моей руке.

– Я всю жизнь на качелях: то мне кажется, что жить стоит, то кажется, что не стоит. Когда у меня есть возможность работать, как сейчас, и мне помогают, кто чем может, – хочется пожить. Бывает, что от меня с моими проблемами под разными предложениями отмахиваются. А то и не утруждают себя поис-

ками предлогов. Тогда жить не хочется. Так оно и идет с переменным успехом. Качели. В течение последнего года мне так хорошо, как, пожалуй, со студенческих времен еще не бывало. Но я в постоянном страхе, что в любой момент могу снова оказаться один на один со своими трудностями. Я не могу тебе врать. Поэтому честно говорю: готовься к качелям! Судьба таких, как мы с тобой, – всю жизнь сомневаться, стоит или не стоит жить.

Это страшная правда, но я всегда считал, что любая правда лучше обмана и самообмана. В народе говорят: «Без правды не житье, а вытье». А если знаешь правду, то можно начинать бороться за себя. А успешно бороться за себя нельзя, давая себя обмануть и обманываясь добровольно. А то будешь уверять себя и всех, что ямы нет, а яма есть, и ты давно на дне этой ямы... Чтобы в яму не попасть, надо знать, где она. Точно знать!

Я не этими словами говорил. Сейчас я уверен только в том, что правильно передаю свою общую мысль. Для Иры мой ответ, как и для других, кто его слышал, был полной неожиданностью. Но это правда, и такая правда, которой ни один здоровый человек не имеет права говорить инвалиду. Эту правду можно говорить только на равных – один тяжкий инвалид другому тяжкому инвалиду. А что легче – слепоглухота или врожденный паралич?.. Думаю, мы с Ирой не согласились бы поменяться местами. Нам обоим – по разным причинам – одинаково плохо.

Если бы то, что я сказал, Ира услышала от кого-то более здорового, этот более здоровый был бы просто подонком, подлецом. Ведь он пустился бы в разговоры о смысле жизни вместо того, чтобы ДАТЬ смысл жизни, чтобы ДЕЛОМ, своей помощью рассеять сомнения, стоит ли жить. Увы, именно так и поступают слишком многие, часто даже не догадываясь (или не желая догадываться), что совершают подлость. Я сам так часто на эту подлость напарывался, что меня сейчас, пожалуй, вряд ли удастся кому бы то ни было убедить в прочности моего сегодняшнего счастья. Все кажется, будто сплю и в любой

момент жду неприятного пробуждения. И ничего не могу с собой поделать.

Через несколько дней я перед Ирой очень провинился. Ее привели ко мне пообщаться, но вокруг меня было очень много детей, и заняться кем бы то ни было одним я не мог. Так я провинился перед многими, и у всех прошу прощения. Я могу полноценно общаться только с кем-то одним, со мной всем и всегда лучше уединяться, и я не могу обижать одного ребенка, бросая его ради другого. И получается, что мною завладевает небольшая группа ребят.

Как быть? Как добраться до всех, кому я нужен, никого не отталкивая, не обижая? Не знаю. Ничего не могу тут придумать. Может быть, надо ходить по корпусам, по комнатам в гости, знакомиться, кто где живет... Это зимний вариант. Летом-то все на улице, а с погодой нам в «Светлячке» на редкость повезло. В общем, не вижу выхода. Чтобы хоть как-то добраться до всех, мне и нужны выступления – уроки в ИВЧ или просто чтение своих стихов – и личная стенгазета. Тут уж удастся сказать то, чего ни в какой уединенной беседе сказать не получается, потому что это говорится обычно только с трибуны. Спасибо Нине Олеговне и Владимиру Александровичу Поспеловым, спасибо всем, кто дал мне возможность выступать перед ребятами устно и печатно. Без этой возможности я совсем бы чувствовал себя несостоятельным должником. А так – все долги выплатил в лагере, насколько успел, и продолжаю выплачивать сейчас, дописывая лагерный дневник уже в Москве.

«Эх!» – «Ура!»

Я работал на улице на зрячей машинке – писал для стенгазеты «Спасибо!». Когда я печатаю на зрячей машинке, сбегаются свободные ребята со всего лагеря. Посидят, поглядят и отойдут. Потом подходят другие. Иногда я чувствую за своей спиной целую толпу. Пытятся в затылок, засматривают, наверное, через плечо. Бывает, так сгрудятся,

что начинают немного стеснять мои движения. Приходится просить чуть-чуть отодвинуться. А чаще я «отвлекаюсь» и начинаю с ними общаться. Играем в шашки, иногда в шахматы, учимся говорить дактильно – пальцами. Машинка отодвигается в сторонку. Я ведь для этого и приехал – общаться с ребятами, быть с ними, заниматься – все равно чем, лишь бы с ними. Это я и имел в виду, когда говорил, что хочу посадить себе на голову весь лагерь. Работаю на глазах у всех, затеял личную стенгазету – все для того, чтобы привлечь к себе внимание ребят. И грех жаловаться: вниманием не обходят.

Вот и сейчас около меня сидел мальчик. Как давно, кто его знает. Я спешил: стенгазета – дело серьезное, надо писать, после первого же выпуска и ребята, и взрослые стали нетерпеливо ждать новых материалов. Поэтому не всегда обращал внимание на «публику».

Я увлекся и забыл следить за страницей. Она вывалилась из машинки, а я стучал впусую. Заметив это, я спросил:

– Кто тут есть?

– Серёжа, – написали мне по правой ладони.

Я вставил чистую страницу.

– Прочитай, пожалуйста, на чем кончается.

Он прочитал. Я дописал до новой строки (до абзаца).

– Ты из какого отряда?

– Из четвертого. Я там домовенок.

– Как вы назвали свою семью-отряд?

– «Семья Тимошкиных».

– Почему?

– По Тимошке. Это прозвище одного мальчика.

– Почему вы его так прозвали?

– По фамилии. Тимофеев.

– Чем он у вас так прославился, что вы в его честь назвали свой отряд?

– Ничем. Просто он хороший. Научите меня говорить пальцами.

– Давай. Напиши мне любое слово на букву «А», потом на букву «Б» и так до конца алфавита. Мы эти слова будем говорить дактильно, и ты быстро запомнишь все буквы.

Так я всех учу. Иногда пользуюсь и старым способом – показываю алфавит и придумываю сказку, на что похожа каждая буква. Это весело, но запоминается хуже. А так – незаметно каждую букву скажут несколько раз, многие уже запоминают, пока мы доползем до половины алфавита, и весь алфавит в памяти через каких-нибудь двадцать – тридцать минут. Еще удобно, что сразу учатся говорить, переходить от одной буквы к другой. А если показывать каждую букву отдельно, то раньше ребят что-то тормозило, буквы помнят, а слово сложить никак не могут. Этот переход от одной буквы к другой становился отдельной загвоздкой. А так мы одним выстрелом убиваем двух зайцев: и алфавит незаметно запоминаем без всякой зубрежки, и переход от буквы к букве отработываем с самого начала. И через полчаса уже можем худо-бедно разговаривать.

Серёжа показал себя, впрочем, как и многие ребята, очень сообразительным учеником. Удивило другое: всем приходят в голову самые простые слова, а этот выбирает в алфавитном порядке довольно необычные. У всех – «арбуз», у этого – «аллигатор». И вообще заметно, что любит читать про путешествия, про космос, всякую фантастику и приключения. И стихи любит. Не помню, что за слово меня насторожило, – может, «ландыш» или «осень», – но я подумал, что этот человек пишет стихи, а не пишет, так много знает наизусть.

– Ты пишешь стихи?

– Нет.

Я не поверил, но не в моих правилах это показывать.

– А на областном фестивале творчества детей-инвалидов ты что делал?

– Читал стихи.

– Чьи?

– Есенина.

– Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

Есенин – в двенадцать лет?! Я дорос до его лирики только в тридцать три года. А до

этого я в основном любил поэмы, от лирики быстро уставал.

– И какое же стихотворение ты читал на фестивале?

– «Заметался пожар голубой...».

Я снова мысленно как бы вздрогнул. Такое – в двенадцать лет? Необычно!

– Ну, вот и конец алфавита и нашей учебки. Ты уже умеешь говорить дактильно. Поздравляю!

– Эх!.. Так быстро!

– Ты огорчен? Ты хочешь со мной поговорить?

– Да.

– Дурачок, так зачем же дело стало? Зачем же я учу ребят этому алфавиту? Чтобы разговаривать, а не просто так. Давай теперь поговорим. Машинка еще подождет.

– Ура!

Я поразился. Считается, что дети отличаются от взрослых своей непосредственностью. Но по-настоящему непосредственных ребят я встречал не так уж много. Больше скрытных, стеснительных. Большого труда стоит их расшевелить. А этот – весь снаружи! И за все годы моей дружбы с ребятами не припомню случая, чтобы кто-нибудь еще так откровенно огорчился, что общение со мной кончилось, и радовался, когда я предложил продолжить.

Серёжа Егоров очаровал меня с первого урока дактильной речи. Я думал: такой эрудит, начитанный не по годам, с развитой, правильной литературной речью, не удержится долго, уйдет в коллектив, не сможет выкроить для меня много времени... И я заранее прощал его за это и прощался с ним. Оказалось – напрасно. Он все время был рядом, не мешая мне играть и разговаривать с другими ребятами. Он, мне кажется, меня раскусил, понял и поверил, что мне всего важнее вот это общение. И стал мне помогать, знакомить меня все с новыми и новыми. А сам наблюдал в сторонке за нашей возней, активно включался тогда, когда другие уставали. Я чувствовал эту удивительно тактичную, ненавязчивую опеку. Мне потом говорили, что с другими он – другой,

даже жестокий. Но кто рассудит, у кого хватит смелости уверенно сказать, с кем – со мной или с другими – он был «в маске»?

Во всяком случае, я никогда не забуду этих двух междометий – «Эх!» и «Ура!». Это было при первом же разговоре, и вряд ли это было маской – огорчение, что мы так быстро выучили дактильный алфавит, и восторг, что можно, оказывается, с помощью этого алфавита продолжать общение. При первой же встрече мальчик был со мной без маски – этим и удивил, и очаровал. Редкая вещь! Только начал говорить, каждую букву складывает целую секунду, если не две, и уже – эти два междометия, которые легче выкрикнуть вслух, чем выдать совсем новым, непривычным способом. «Маска»? Не верю.

«Портреты неповторимости» до бани и в бане

Кто-то с утра сказал, что сегодня банный день. Души в лагере были, но горячая вода – с переборами, да и души работали неважно. Была отдельная душевая рядом с нашим корпусом, – этакое фанерное сооружение, полусгнившее. Там был только один исправный душ, другой – без разбрызгивателя. Когда я мылся в начале смены под этим вторым, подо мной вдруг затрещало, и левая нога провалилась под пол. Продавил гнилую доску... К счастью, я как раз намылился, так что обошлось даже без царапин. Но больше я туда лазить не рисковал, хоть и говорили, что дыру заделали. В одном месте латка, в другом месте гниль...

А тут собрались везти ребят в город Полевской, в городскую баню. Я, разумеется, напросился с глухими ребятами.

В ожидании автобуса немного поговорили с Ниной Олеговной Поспеловой. Я рассказал ей о сеансе «Портретов неповторимости» в экспериментальной группе при нашей лаборатории. Пациенты и все присутствующие выстраивались в круг, а я шел внутри этого круга, и мне протягивали руки ладонями вниз. Я подставлял свои ладони, прислуши-

вался к своим ощущениям и сообщал человеку, какой он хороший. Делать до автобуса все равно было нечего, и Нина Олеговна тут же предложила дать «портреты неповторимости» ребятам. Выстроила их в круг, и началось...

Конечно, теперь уже невозможно припомнить, что я чувствовал и что говорил. Чувствовал тепло в детских ладошках, определял, где оно сильнее, где слабее, и часто приходилось, помнится, говорить что-нибудь ободряющее: мол, поменьше стесняйся, не бойся подходить к людям, не съедят, а вдруг и подружишься... Позже прочитал, что русские детские психотерапевты чаще всего имеют дело со стеснительными детьми (немецкие – с агрессивными). Ну что ж, таких стеснительных было немало. Я ведь не знаю, чьи руки над моими руками, кому именно отвешиваю комплименты двусмысленного, а то и вообще сомнительного свойства. В ИВЧ пришлось давать «портреты неповторимости» младшей группе, среди них и Олегу, вот он мне и рассказал свой «портрет». Оказалось, что ему, как и многим другим, я порекомендовал поменьше стесняться, быть посмелее. Ну что ж, брать назад свои слова не приходится, это верно и для моего осознанного опыта общения с этим чудесным мальчиком.

Была в кругу и Нина Олеговна. Узнал я ее или нет, не помню, может, сама объявилась. Ну, как я успел заметить, у таких людей обычно тепловой центр круглый, горячий, занимает всю ладонь от запястья до пальцев. Это очень уютные, добрые люди, их призвание – согреть, собирать вокруг себя всех, кому не хватает душевности окружающих. Нина Олеговна ведь – душа Свердловского областного Детского Ордена Милосердия. Но так или не так у нее с тепловыми центрами – мне еще надо проверить, точно зная, что это именно ее руки.

Всерьез я начал принимать эти свои ощущения недавно, раньше больше обращал внимание на то, какая кожа (насколько гладкая, шероховатая, вообще грубая...), и на общую температуру кистей рук. Впервые

по-настоящему обратил внимание на разницу в тепловых ощущениях в пределах ладони 20 мая 1995, на том самом сеансе дачи «портретов неповторимости» заикающимся. Опыт у меня к моменту применения его в «Светлячке» был не более чем двухмесячный.

В лагере это называли – «дать характеристику». (Потом называли «игрой в ладошки».) Получать «характеристики» всем очень понравилось, иногда просили это сделать даже в тихий час, когда я думал только о том, чтобы немного полежать, набраться сил для дальнейшего общения с ребятами. А в каком состоянии «давать характеристики» – не все равно. Я должен быть хотя бы относительно свежим, не усталым, не больным. Прислушиваться к очень слабым ощущениям – нелегко. Когда сразу много людей, меня это утомляет примерно так же, как и лекция, в которую я вложил много чувств. Так что приходилось иногда и отказываться «давать характеристики», просить пощады – если чувствовал себя усталым.

В бане я мылся с глухими ребятами. Они трогательно за мной ухаживали, водили в парную, помогали найти душ. Когда я кончил все это, попросили «дать характеристики». У всех руки мокрые, попробуй что-нибудь понять, легче ощутить энергетический (тепловой) центр на сухих ладонях.

(Позже я это стал называть излучениями, и они совсем не обязательно в центре ладоней, – по-разному; у меня самого с краю, под мизинцами. – 2 февраля 2017.)

Но я не стал капризничать. Слабослышащий Максим (тот самый, который «Все девочки дуры») взялся помогать общаться с ребятами. Я говорил ему голосом, а он переводил ребятам жестами. Я все же предупредил, что по мокрым рукам трудно что-то понять. Да ладно, главное – ребята остались довольны. Я потом долго посмеивался, вспоминая этот сеанс в бане. Твардовский говорил о человеке, который «решать вопросы мировые любитель – хлебом не корми», где попало, «а то хоть в бане, где место самое для них». Так

и тут получилось. Ведь говорят, что подключение к тепловым центрам – это подключение к космической энергии. Если так, то мы с ребятами нашли самое подходящее место – баню – для подключения к энергии космоса, то есть, для решения мирового, космического вопроса о том, кто мы такие. Ну, да с детьми все вообще вопросы мировые – уж, во всяком случае, для меня. Ребенок – пришелец из вечности, совсем особенное существо... Иметь с ним дело – все равно что с инопланетянином...

Сколько вечностей? Из одной приходим, в другую – уходим. В одной – будущие дети, в другой – бывшие люди. В третьей – не сбывшиеся: носители и причинители зла при жизни. В четвертой – сбывшиеся: носители и делатели добра при жизни. Если всех живущих распределить по тому, кто как жил и кто сколько успел прожить, то вечностей оказывается очень много, бесконечно много. А еще – вечность будущих растений, вечность бывших растений, и так же с животными, и так же с микроорганизмами...

Фантазирую? Или постигаю истины, никакой наукой не доказуемые, потому что – никакой науке не доступные? А чему доступные? Религии? Но в Бога я тоже не хочу верить. Особенно в того, с которым пристают ко мне самозванные миссионеры.

(Кстати, с собой в «Светлячок» я тогда взял по Брайлю все четыре Евангелия. Просто потому, что это можно долго читать и перечитывать. С таким же успехом я мог бы взять – и позже брал, – поэтические сборники.

Тамара Ивановна, считавшая себя принадлежащей к секте Евангельских христиан-баптистов, увидев у меня эти издания, воскликнула:

– Сподобился!

Я рассмеялся:

– А если бы я взял с собой «Майн кампф» Гитлера, ты бы умозаключила, что я нацист?

(Пробовал, кстати, и Гитлера читать – наткнулся на компакт-дисках «Библиотека в кармане». Несъедобно. – 2 февраля 2017.)

Познание. Постигание. Вряд ли это одно и то же...

Отыскивая в ладонях тепловые центры, чем я занят – познанием или постижением? Наверное, больше постижением.

«Ничо непонятно»

После бани был концерт кукольного театра. Профессионального, чуть ли не из Москвы. Мне переводила Алёна Чернобай, лучшая в лагере переводчица (среди ребят, конечно). Мы ждали спектакля, а получили какую-то сборную солянку, отдельные номера из разных спектаклей. Было скучно. Алёна ворчала:

– Ничо непонятно...

»Вы – не наглядное пособие, а друг!»

После кукольного театра я читал лекцию в ИВЧ. Кроме всего прочего, говорил о том, что вообще-то я самостоятельнее, чем можно подумать. Дома все облазил с тростью на несколько километров вокруг. А в лагере так и не изучил дорожек потому, что тут у меня другая задача: важнее, чтобы мне помогли ребята. У ребят должно быть побольше поводов мне помогать. Я в лагере – как бы живое учебное пособие по человечности.

После обеда ко мне прибежал Серёжа Егоров, чтобы выпалить дактильно:

– Вы – не наглядное пособие, а друг! – и тут же исчезнуть на тихий час. Я был очень тронут. Хотя и пытался объяснить свою мысль, но Серёжа объяснений не принял. Ему не понравилось это сравнение. Умница. Сравнение, пожалуй, и правда неудачное. Хотя как сказать... Если бы не это «неудачное» сравнение, не было бы у меня такой удачи, как протест и поправка Сережи.

«Какие у меня недостатки?»

Я работал на зрячей машинке, спеша с очередным выпуском личной стенгазеты. Мама сказала, что тут фотокорреспонденты

из областной газеты. Хотят со мной поговорить.

Поговорили. Корреспондент сказал, что слышан о моих способностях. Я не понял:

– О каких?

– Ну, вы по рукам говорили, какой у каких ребят характер...

– А-а-а-а... Ну и что?

– Скажите мне, пожалуйста, какие у меня недостатки.

– Я специалист не по плохому, а по хорошему... Давайте руки.

Прислушался. Тепло рассеянное, какой-то центр найти не удастся. Говорю, тщательно подбирая слова:

– Вы – человек очень любознательный, настолько, что не можете ни на чем надолго остановить внимание. Впрочем, как журналисту, Вам так и положено. Но все же немногo внутренне собраться было бы не грех...

Кажется, он остался доволен. Другая журналистка, что с ним была, характеристики не попросила.

Они сфотографировали меня в детской куче: я за машинкой, дети вокруг; я с Сашей Швацким на коленях, беседую с кем-то еще... Всего три снимка. Привезли через неделю. Я сам спросил о фотографиях, сказал, что у меня просят для иллюстрирования моих публикаций, а у меня нет.

»День Нептуна«

Еще в банный день Нина Олеговна говорила, что, если погода не испортится, завтра будет День Нептуна. Погода не испортилась. Бассейн хорошо прогрели, пустив по трубам горячую воду. Я успел там поплавать еще до праздника, а потом купался в общей ребячьей куче. На празднике переводила мне сама Нина Олеговна, Тамара Ивановна участвовала в празднике, выступала и переводила жестами глухим ребятам.

«Волшебный корабль»

После ужина в День Нептуна праздник продолжался на дискотеке. Ко мне подошла

Марина Поспелова. Мы вместе танцевали в хороводе, в ее отряде («Семья Тимошкиных»), Марина мне рассказывала, как могла, что происходит. Отряду поручили спеть песню, я положил руку на горлышко Марине, у нее сильный голос, хорошая горловая вибрация, и я надолго запомнил, как она пела. Она сказала, что пели песню про медведей. Нина Олеговна уже в Екатеринбурге, 5 августа, сказала мне первый куплет: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз, трутся спиной медведи о земную ось...» Припев – сплошное «ля-ля-ля». Этот припев так и застрял у меня (в ушах или пальцах?), до сих пор слышу его внутренним слухом, а сразу после лагеря он был просто навязчивым, по крайней мере месяц лагерь вспоминался этой, запомнившейся приблизительно и звучавшей внутри меня с утра до вечера мелодией.

Вообще в этом лагере поют хорошо, протяжно, мелодично, мне это нравится. Это действительно пение, а не рывканье под гитару.

Вообще в провинции, видимо, целее фольклорная песенная традиция, поэтому так мелодично, приятно. В центрах – засилье моды, всяких вымученных и выморочных стилей, вроде техностиля, который, услышав однажды в другом лагере, я определил беспощадно: «Впечатление такое, словно задница вздумала стать оперной певицей». Более мягкого сравнения просто не смог подобрать. И не скрыл его от ребят. Посмеялись смущенно, но больше в этом лагере я такого ужаса не слышал, музыку стали подбирать, хотя и все равно «современную», но более мелодичную, слушать было можно.

Потом нашему отряду (я на этот вечер благодаря Марине попал в плен к «Тимошкиным») поручили изобразить «Волшебный Корабль». Это надо было под музыку пробежать по довольно-таки сложному маршруту. Поволокли по нему и меня, а дорога – пронеси, Господи! Корни, всякие ямки, да еще ступеньки – на эстраду, с эстрады... Бежали с Мариной.

Не знаю, какое участие принял в моей судьбе Господь, но Марина меня пронесла,

уберегла, я умудрился ни разу не упасть. Ну, и сам о себе позаботился, старался повыше ноги поднимать, чтобы не споткнуться. Еще в самом первом своем лагере научился так избегать падений: там кругом были корни.

Спасибо Марине. Она сделала этот вечер на всю жизнь волшебным.

«Приметливый» Женя

С утра играл с ребятами в шашки. Саша все время проигрывал, а Женя (по одному указательному пальцу на каждой руке) изнывал рядом и наконец бесцеремонно отстранил Сашу. Саша обиделся, расплакался. Мама его успокаивала. Я пробовал погасить конфликт, предлагал поиграть одновременно и в шахматы – с одним в шашки, с другим в шахматы – но обиженный Саша на это не согласился. И отказался выполнить мою просьбу – сбегать в мою комнату за шахматами.

Ух, как неприятно, когда ребята из-за меня ссорятся. И как быть в таких случаях? Всегда теряюсь. Вечером я задал этот вопрос Нине Олеговне.

– Надо в таких случаях уходить к другим ребятам, – посоветовала она.

Может, и верно, – хотя нелегко выполнимо. Я спросил Женю:

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

– А Саше девять. Что же ты заедаешься с таким маленьким?

– Он – большой наглец!

Я стиснул зубы.

– Ты здесь «домовенок»? Рассуди, кто тут прав, – воззвал я к Серёже Егорову.

Серёжа наблюдал все это с самого начала.

– Женя неправ, – отозвался Серёжа.

– И что мне делать? Играть с Женей или нет?

– Ну, играйте с Женей, пока Саша успокоится.

Ну, погоди у меня, думаю. Кровь из носу, но тебе поддаваться не буду, хоть ты неплохо играешь по сравнению с малышом. И не поддался. После двух молниеносных про-

игрышей Женя заметно поуявл. И мною снова завладел «оруженосец», которого мама привела ко мне заплаканного. Сидя у меня на коленях, он с удовольствием наблюдал, как я расправлялся с Женей на шашечной доске. Саше-то я постарался проиграть...

Мама мне рассказала с сашиних слов, что у него опухоль головного мозга. Три раза переливали ему кровь, по всему Первоуральску искали доноров. Таких ребят называют у нас «инвалидами по внутренним болезням». С виду здоров, а вот так... У Жени-то – бросающееся в глаза увечье, и он, похоже, привык спекулировать на жалости к себе. Опасная привычка.

Да еще, как выяснилось вскоре, умеет и клеветать! Сказал Тамаре Ивановне, а та передала мне, что маленький Саша, оказывается, матерщинник.

Ни моя мама, ни я, ни Серёжа не слышали от него ни одного черного слова. Я сказал Тамаре Ивановне об этом и об утренней ссоре Жени и Саши.

– Выходит, никто не слышал, один Женя слышал? – переспросила она.

– Выходит, так...

К сожалению, я поздно сообразил, что Женя клеветает, а то не было бы следующего разговора между мной и Сашей:

– Ты умеешь ругаться?

Молчание. (Умница, мне бы научиться отвечать молчанием на явную клевету.)

– А я не умею. У кого бы поучиться? А то вот беда: я люблю пить пиво, но не слышу, на каком языке разговаривают в пивнушках.

Саша засмеялся.

– Когда мне было девять лет, как тебе, меня большие ребята пробовали научить ругаться. Сказали одно слово, я его старательно выучил наизусть, думал, что это какое-то слово по-немецки. Они сказали, что слово волшебное: скажу взрослым – получу рубль, а то и два. Побежал проверять волшебную силу немецкого слова на маме. И получил вместо рубля пощечину. Убежал в парк, до вечера не решался вернуться домой. Потом очень хотел забыть это слово, но уже не мог,

хотя значение его узнал только уже взрослым, лет через десять, не раньше.

Саша не чувствовал в моих словах ни тени осуждения. Просто я не мог поверить, чтобы такой маленький – и уже специалист по русскому черному «перезвону». Это была мелкая, подлая месть Жени, и не прошло десяти минут, как это выяснилось. Я пожалел, что вообще завел с Сашей этот разговор. Правда, вроде ничего не натворил, все обернулось очередным анекдотом из моего богатого жизненного опыта. Но чувствовал я себя нехорошо. А главное, вся эта нелепая история на меня подействовала... Когда же я научусь достойно выпутываться из таких переплетов? Как себя вести, если ребята начинают меня «делить»? Чтобы никого не обижать, никого не выбирать, и раздор погасить все-таки... Ох, не знаю... Переключаться на других? Хорошо, как есть рядом эти другие, а если нет? Если я между двумя «захватчиками»? Может быть, заняться напоказ чем-то посторонним, запеть, что ли, во все горло, начать писать, – словом, переключиться на себя, если рядом нет других ребят, кроме «соперников». Пожалуй, это мысль... А то мама в таких случаях начинает уговаривать:

– Я всех вас люблю одинаково.

Вот «одинаковой»-то любви никому и не нужно. Такой, во-первых, не бывает, а во-вторых, все хотят безраздельной любви. И правы, по большому счету. Я и сам не умею любить «одинаково». Другое дело, что эту «неодинаковость» не надо показывать, особенно детям. К малышу-то меня, конечно, больше тянет, – просто потому уже, что он маленький. Ну, а после недостойного поведения Жени, попыток оболгать малыша, оклеветать, мне Женя стал просто неприятен. Нет, я его не отталкивал, и на этих страницах он еще появится, но мне надо было делать волевое усилие, чтобы заставить себя с ним общаться.

А Серёжа... Уж этот наблюдатель. Сидит рядом, сам ни во что не вмешивается, даже не пытается меня захватить в полное и безраздельное пользование. Наоборот, подводит

ко мне все новых и новых ребят, знакомит. Необычно. Как-то заигрался с глухими ребятами в шашки, они все проиграли и остыли, и тут появился Серёжа.

– Ты был рядом? Следил за игрой?

– Был-л-л-л! – Он так напряг пальцы, составляющие букву «л», и задержал их в таком положении чуть ли не на целую минуту. В этой удивительной, конечно, произвольной, дактильной интонации мне почудился задор, даже смех.

– А теперь с вами буду играть я!

Был рядом, следил, ждал своего часа – и дождался. Но не лез, никого не отталкивал, терпеливо ждал, пока наиграются другие. И так победно напряг свое «л», готовясь выяснить со мной шашечные отношения. Вообще, он быстро научился говорить дактильно, вполне отчетливо и на приличной скорости. И так выразительно! Это его «л» мне теперь не забыть до конца жизни. Такая выразительность – редко у зрячеслышащего, да еще меньше недели назад научившегося говорить дактильно. Обычно так выразительно говорят глухие, слепоглухие, – те, для кого дактильная речь – родная... «Л-л-л!»

Фарит и Риточка

Перед ужином неожиданно приехал Фарит – глухой бизнесмен, президент местного отделения Российского фонда помощи глухим. Привез с собой Риточку – заслуженную артистку, глухую, уже не выступающую, но удивительно молодую, озорную, – эту вечную «затевалу». Риточка, кажется, ненамного моложе моей мамы, – а такая быстрая, веселая, задорная, «свойская», – все иначе и не могут ее называть, кроме как Риточкой. И я не знаю ни отчества, ни фамилии – Риточка, и все тут. Бывают такие вечные дети. Я их очень люблю, и сам, хоть и по-другому, тоже вечный ребенок. Это не только мое самомнение, – меня так называют в глаза.

Тамара Ивановна где-то бегала, появилась не сразу. Пока мы с Фаритом беседовали.

Он расспрашивал меня о жизни в лагере, но я был переполнен лагерем и не мог пока о нем говорить. Я переводил разговор на его дела. Он говорил, что пытается давать работу глухим, помогать им, чем может, и огорчался, что есть много желающих много получать да поменьше работать.

Вышли на улицу, и нас облепили ребята, отвечая этим на все вопросы Фарита, хорошо ли мне в лагере. Сбежались в основном глухие. Тамара Ивановна переводила мне разговоры между Фаритом, Риточкой и ребятами.

Риточка тут же затеяла с ними какую-то игру на пальцах, простенькую, но хитрую: надо какие-то движения делать все быстрее и быстрее, так что начинаешь путаться, и я запутался немедленно. Дети с восторгом приняли эту игру, тоже путались, но не так сразу, как я.

– Завидую Вам, Риточка, – завздыхал я. – Мне бы так сразу придумывать, чем с ребятами заниматься, во что играть...

– Так я – массовичка старая, всю жизнь людей развлекаю. Такая профессия.

– Оно и видно.

Провожали гостей чуть ли не всем лагерем. Глухие поближе, остальные немного подалее. Как же, событие – на легковой машине приехали, на «Волге»! Заодно отправили в Екатеринбург одного воспитателя глухих ребят: ему надо было отлучиться по делам на денек, а тут – такая удача, – Екатеринбург сам за ним приехал.

»Домовенок«

Сегодня – день рождения у Олега Поспелова. Ему исполнилось девять лет. Я подарил ему «Сказку про Домовенка», которую сочинил тут же, сразу на зрячей машинке.

Мой «Домовенок» получился необычный: он не хулиганил, не проказничал, а наоборот, – все по ночам делал по хозяйству, подерживал огонь в печке, подметал полы... А от людей ему надо было одного – доброты. Побольше доброты, душевной красоты, му-

дрости. Он за это и старался, помогал людям, но только добрым. От недобрых прятался, уходил.

Отдал сказку Нине Олеговне, маме Олега. Она меня благодарно поцеловала. Ребята сами нарисовали к сказке картинки и повесили в стенгазету.

Цирк

День этот для Олега был большой и настоящим праздничным.

Приезжал московский цирк.

Я сидел с Алёной Чернобай, она мне переводила, а Тамара Ивановна – глухим ребятам. Серёжа сидел рядом, справа от меня.

Выступали клоуны. Они выкатили на сцену одноколенный велосипед, вызвали из зала Олега Поспелова, и он пробовал на этом велосипеде покататься.

У него никак не получалось даже сесть на велосипед. Пыхтел, старался, и вдруг очутился верхом на клоуне, а клоун – на велосипеде, и клоун с Олегом на шее поехал по сцене. Интересно, какое лицо было у мальчика от неожиданности?..

Показывали обезьянку, носили по рядам. Тамара Ивановна попросила дать ее мне в руки. Обезьянка сидела смиренно, такая теплая, шерстистая. Но мне вздумалось дать ее подержать и Серёже. Я не знал, что это нельзя. Обезьянка прыгнула к артисту на руки, смазав меня хвостом по носу, а Алёну успела тяпнуть за палец. Называется, захотел сделать добро...

Выпустили удава. Он был длинный и толстый. Метра два или три. Тамара Ивановна при виде этого чудовища убежала со сцены. Какой тут перевод – давай Бог ноги!

Мы сочиняем стихи

Мы сидели с Сашей Швацким в нашей с мамой комнате. Мальчик рисовал на полимерной пленке, пробовал писать по Брайлю, складывал брайлевские буквы с помощью азбуки-колодки.

И тут Серёжа прибежал за помощью. Дело в том, что на областном фестивале он читал стихи Есенина, и теперь его попросили сочинить стихи в честь Прекрасной Дамы для предстоящего на следующий день детского Рыцарского Турнира. Я предложил ему попробовать что-то сочинить самому и написать мне по Брайлю, а сам тоже занялся придумыванием «Гимна», как обычно, на память. Через полчаса он показал мне свое творение:

О, Прекрасная Дама!
Ты прекрасная очень!
И к твоим-то ногам-то,
Принесу я победу!
А победа та будет
Уж великой, могучей!
И тогда ты, надеюсь,
Меня не помучишь!

Я пошутил:

– Не надо было тревожить на фестивале память Сергея Александровича, – имея в виду Есенина.

Серёжа сетовал, что по заказу трудно писать. Я согласился, но сказал:

– Выход есть: надо облегчить печенку, вдоволь поиздеваться над заказчиком.

Свой «гимн» в этом «издевательском» – скорее шутивным, конечно, – духе я и выдержал. А серёжин отредактировал так:

О, Прекрасная Дама!
Ты горда и упряма.
Я на подвиги еду,
Завоюю победу.
Той победой могучей
Ради женщины лучшей
Я добиться надеюсь,
Что меня не помучишь!

Я впечатал на зрячей машинке как сережин, отредактированный мною опус, так и свой:

Круть – верть! Круть – верть!
Трогать пальчиком не сметь!
Эти косы так прекрасны –
В бой за них, и умереть!

Говорят, такие косы
Под водой русалки носят,
Здесь же, на сухой земле –
Ведьмочки на помеле.
Я за ведьму, за русалку
Об соперника всю палку
Изломаю на турнире, –
Нет славней победы в мире!

Со своим опусом я немного задержался. Я привык сочинять стихи без бумаги, на память, а потом сразу записывать, немного исправляя. Но тут вертелся Саша Швацкий и немного мне мешал сосредоточиться, так что Серёжа меня опередил, но я его догнал, пока он писал свое творение по Брайлю. Счастливая получилась работа. Серёжа потом сказал, что оба опуса – и его отредактированный, и мой – были использованы на турнире и помещены в стенгазете.

Узнав на следующий день, кого мне предстоит посвящать в Прекрасные Дамы из взрослых, я срочно соорудил другой гимн:

Благородство в рыцаре – в наличии.
Есть доспехи, разные отличия.
Но загвоздка: надобно по правилам,
Чтоб на подвиг женщина отправила.
Рыцари утешились несчастные:
Нынче Дамы есть у них Прекрасные!

Маленький Серёжа

Рыцарский день. Сегодня понаехали гости. У взрослых – конференция, подведение итогов смены, разговор о будущем. О том, будут ли деньги для такой работы и дальше. А у ребят – праздник. Гости привезли батут – надувную крепость, и ребята по ней лазили, прыгали. Автоинспекция привезла подарок – складной велосипед, и устроила какие-то соревнования, чтобы решить, кто выиграет велосипед. На соревнованиях победил Серёжа Егоров. Автоинспектор рассказывал, что мальчик заявил это сразу: «Я выиграю!» – и выиграл.

– Упорный, огромная воля к победе. Но нам его пришлось «подкорректировать» –

сказать, чтобы он давал кататься на велосипеде и другим ребятам.

Я был рад за Серёжу. Но потом немного огорчился: мне рассказали не совсем приятные подробности.

– Он сразу нашел в велосипеде какие-то недостатки, и стал требовать – именно требовать – чтобы велосипед ему заменили. Как будто не подарок, а сам купил в магазине!

Да, нехорошо... Дареному коню в зубы не смотрят.

Серёжа исчез. Я не видел его до самого ужина. Да и был занят: я – первый взрослый Рыцарь Свердловского областного Детского Ордена Милосердия. Меня посвятили в Рыцари 30 мая 1993 года. А в этот день посвящали первую взрослую Прекрасную Даму, Наталью Алексеевну – врача скорой помощи, маму парализованной девочки Маши. Большой души человек. Вот для нее я срочно и сочинил новые вирши. Я должен был вместе со вторым Рыцарем (которого посвятили на следующий год после меня) поздравлять первую Прекрасную Даму. После обеда репетировали эту торжественную церемонию, а после полдника мы посвятили Наталью Алексеевну в Прекрасные Дамы на сцене. Надо было сказать речь, ударить ее легонько букетом цветов по плечу, а потом вручить цветы. Вирши у меня были готовы к полднику (как раз успел), прочитал ей и сделал все, как мы репетировали. Наталья Алексеевна была растрогана до слез.

Перед ужином встретил Серёжу. Он был с велосипедом.

– Ну, как велосипед, хороший?

Мало ли кто что мне говорил! Сам мальчик ничего не сказал, значит, я ничего не знаю.

– Хороший, – Серёжа отвечал как-то неохотно, вялой рукой.

Ну, хороший так хороший... Каким же ты показался мне в эту минуту маленьким! Видно, здорово тебя «подкорректировали»...

Обычно Серёжа полон собственного достоинства, а тут – какой-то притихший, покорный... Сразу показался мне в полтора

раза меньше обычного даже по размерам. Похудел, на голову ниже стал себя самого. Сейчас бы я не дал ему его двенадцати лет. От силы десять.

Впрочем, на следующий день он уже пришел в себя и сказал, что у велосипеда сорвана резьба на том болте, который крепит руль. Это серьезно. Если руль не держится, не очень-то покатаешься. Но все равно – дареному коню в зубы не смотрят...

Не просил, а «требовал»?..

Я вспомнил Корчака. В своей книге «Как любить детей» он обратил внимание, что дети обычно никогда ничего не просят, не пользуются даже словом «прошу». Корчак мог припомнить один-единственный случай, «особо торжественный», когда ребенок сказал:

– Эх ты какой, а я тебя так ПРОШУ!

Обычно же как-то обходятся без этого слова. Вряд ли это случайно. Это – очень тонкое и точное психологическое наблюдение Корчака. И может быть, взрослые переносят на детей свою логику, вкладывают в их слова свой смысл, слышат то, что звучит у взрослых, а у детей за этим стоит что-то другое?.. Не требование, не грубость, а желание как-то избежать неприятного, унижительно-просительного тона? Трудно сказать.

Но – каюсь – «подкорректированный» Серёжа вызвал у меня жалость. И этот уход в себя, неискренний первый ответ – будто бы велосипед хороший... Сказал то, что мне должно понравиться, то, что нужно было сказать, а не то, что думал...

Он это страхнул с себя на следующий день. Снова стал самим собой. Но на разговор со мной о своих лагерных проблемах так и не решился. Я не просто догадывался о существовании этих проблем – я о них точно знал от разных людей. Знал, что его переизбрали, что он больше не «домовенок» в четвертом отряде, в «Семье Тимошкиных». Знал, что он иногда ведет себя вызывающе, чем раздражает ребят и взрослых еще больше. Думаю все же, что это вызывающее поведение – всего лишь самозащита. Думал так с самого начала. Но за отзывами о нем стояло боль-

шое раздражение. А против эмоций – это я давно и, может быть, чересчур прочно усвоил, – любые аргументы бессильны. В таких случаях раздражает все.

Защищая себя, свое самоуважение, он раздражал ребят тем, что назвал себя «змеей». По гороскопу. Я как бы случайно спросил:

- Ты «змея» по гороскопу?
- «Свинья», – спокойно ответил он.

Ах да!.. Тысяча девятьсот девяносто пятый год – ведь «год свиньи»!.. Мне на Новый год самому подарили игрушечного поросенка. А по восточному календарю год того или иного животного повторяется каждые двенадцать лет. Серёжа родился в предыдущий «год свиньи», – точнее, как я немного позже прочитал в одной статье по астрологии, год кабана. Это я – «змея» по гороскопу, родился в «год огненной змеи», 1953. Все сходится. Серёжа сыграл на невежестве, называя себя «змеей». Многие из недавно еще советских людей, «убежденных атеистов», имеют ведь самое смутное представление об астрологическом календаре. Передо мной выпендриваться не надо, я – друг, и мне Серёжа ответил спокойно и просто, кто он на самом деле по гороскопу. Я тоже не великий дока в этой чертовщине, но все-таки немножко читал, и то понадобилось напрячь память.

- Ну, а змей ты боишься? Ядовитых?
- Нет.
- И можешь взять их в руки?
- Да. Только надо сначала выпустить яд в стакан. Для этого надо нажать на две точки, я знаю где.

Вот ведь какой образованный! Но я уже знал немного, откуда. Его мать – геолог. Она брала его в геологические экспедиции, дома не с кем было оставить, наверное. Ну и просветила, как обращаться с ядовитыми змеями. А я их смертельно боюсь, даром, что сам «змея» по гороскопу. Даже ужа в руки не решился взять, что жил у нас в детдоме в клетке. Ежа – пожалуйста, хоть и колетса, а ужа – нет: какая-никакая, а змея. Всегда вздрагиваю, когда кто-нибудь изображает

ползущую змею рукой, а тем более – кусающуюся. Один глухой мальчик показал мне жест: «змея», как раз кусающаяся, – я так и подпрыгнул, чем доставил ему немало удовольствия.

Еще разговор с Серёжей:

– Как зовут твоего папу?

Я просто хотел узнать его отчество, чтобы сравнить, не такое ли, как у Есенина. И вдруг услышал дактильный ответ:

– У меня нет папы.

С такой страшной простотой он это резанул. Я все же продолжил тему, хоть прекрасно понимал бестактность расспросов, но хотелось лучше понять мальчика, я надеялся, что он мне это простит, раз уж так просто и в лоб говорит такое.

– Где же папа? Умер?

– Нет. Прогнан.

Да... Стандартная, в общем-то, ситуация, но еще ни разу не доводилось мне слышать от детей, чьи родители в разводе: «У меня нет папы». У них папа есть, просто с ними не живет, у него вторая семья (именно вторая, а не другая, – две семьи, эта и еще одна), но папа есть. А тут – нет. За этим кроется подлинная детская трагедия. И я перевел разговор на что-то другое.

Не потому ли он так «прилип» ко мне, что подсознательно ищет себе отца, скучает без него?..

Спасибо за доверие, малыш. (Так кончается одно мое стихотворение 1994 года.)

»Ор голодных кошек«

Вечером мы с мамой легли спать пораньше. Взрослые ушли на заключительное заседание по итогам смены. Я об этом заседании то ли не знал, то ли не пошел: чувствовал себя усталым. Уже заснул было, как вдруг подо мной кровать задрожала, завибрировала. Спросонья никак не мог сообразить, что тут такое: кто поднял этот тарарам, не мама ли пошла путешествовать. Пол-то – деревянный, половицы гнутся, при каждом шаге хорошо вибрируют, – почувствуешь...

Возня продолжалась. Встал, подошел к маме, – оказывается, лежит. А я уж думал, что она что-то на ночь глядя затеяла искать. Да и наша дверь, выходящая в коридор, оказалась заперта.

– Ужас, как кричат, – охала мама.

Оказывается, это подняли шум ребята.

Утром, по пути на завтрак, я рассказал о суматохе Саше Швацкому. Он объяснил:

– У нас вчера был «ор голодных кошек».

Взрослые все ушли, мы выскочили на улицу, прибежали к глухим ребятам в ваш корпус, их тоже подняли. Здорово было!

– Да я уж думал, провалюсь в преисподнюю, – так подо мной кровать плясала.

Составляем анкету

Нина Олеговна попросила меня составить анкету для ребят, чтобы узнать их впечатления от смены. Вот такой я психолог: анкет составлять не умею, не приходилось, хотя психологи в лагерях обычно и пользуются анкетами, всякими тестами.

Но я учился в семидесятые годы, когда к тестам у нас относились очень осторожно, настороженно, даже враждебно. Вспоминали слова крупнейшего советского психолога, работавшего в конце двадцатых – в начале тридцатых годов двадцатого века – Льва Семёновича Выготского. Лев Семёнович говорил, что всякие тесты показывают только вчерашний день детского развития, а какой уровень развития сейчас и какие возможности развития – на эти вопросы ни один тест не ответит. Я этой установке, в общем, остался верен. И никаких тестов никогда всерьез не принимал.

Запомнил остроумное место в одной из книг известного психотерапевта Владимира Львовича Леви. Его отношение к тестам осторожное: он замечает, что в тесты верят те, у кого по тестам хорошие показатели, а у кого плохие – те от тестов отмахиваются. Приводит игровой тест:

– Скажи быстро, не думая – любую нечетную цифру в пределах десятка.

– Один!

– Гений!!!

– ???

– Это тест.

– А другие?

– Три – дурак, пять – талант, семь – посредственность, девять – авантюрист.

– Чушь! – радостно кричит «гений», и в тот же вечер проверяет тест еще на пяти своих знакомых.

Леви занимает среднюю позицию: молиться на тесты не надо, но и напрочь их отрицать не следует. Тест – это просто испытание. Любая проверка знаний на экзаменах, на контрольных работах в школе – тоже тест. Понятно, что по-настоящему знания проверить трудно, чего-то все мы не знаем, а что-то да знаем.

С экзаменационными лотереями – как повезет: попался знакомый билет – выплыл; незнакомый, забытый или не успел об этом прочитать – провалился. Когда мы готовились к государственным экзаменам по психологии, нам все билеты дали заранее, переписали по Брайлю, и мы задавали вопросы преподавателю, который нас консультировал перед экзаменами. Там по психологии восприятия был вопрос о законах Фехнера – психофизиолога середины XIX века. Об этих законах преподаватель и сам прочно забыл, пообещал узнать и на следующей консультации рассказать. Узнал, рассказал и закончил шуткой:

– Теперь и сам некоторое время буду знать.

Я совсем от тестов не отказываюсь. Отношусь к ним без особого интереса, но считаю полезной игрой, заставляющей задуматься человека о самом себе: кто же он такой. Игра – и не больше. И результаты надо принимать, как игровые: пусть даже самые неприятные – все равно, я на самом деле – не такой, это тест – дурак, а не я.

Можно задуматься, насколько все правильно, но я сам себе – высший суд.

А покопаться в себе, задать себе несколько вопросов, – для этого тесты – хороший

повод. Это повод самому себя поизучать, самому с собой поговорить, начистоту, без притворства перед самим собой, без выпендривания. Тесты – только повод для собственной работы над собой. И, если не ждать от них «божественных откровений», окончательных приговоров: «ты именно такой, что бы ты сам о себе ни думал», – то все в порядке, тогда тесты – очень полезная игра.

Но, не принимая тесты очень-то всерьез, относясь к ним без особого интереса и восторга, я до сих пор без них обходился, не составлял их сам, и не старался собирать уже готовые, составленные другими. Хотя мог бы уже собрать целую коллекцию: их с конца восьмидесятых годов начали печатать в журналах для слепых. Но выписывать их из журналов мне было просто лень.

А тут понадобилось узнать впечатления ребят от лагеря, – вот Нина Олеговна и попросила меня составить анкету. Назвался «груздем» – психологом, – полезай в «анкетный кузов», хотя я психолог совсем из другого «кузова». Но отговариваться я не стал. Позвал на помощь Серёжу Егорова и Тамару Ивановну. Попытка – не пытка, как говаривал товарищ Берия...

После ужина мы встретились все трое, и Тамара Ивановна стала диктовать пункты предполагаемой анкеты, а мы с Серёжей – дополнять по мере сил. Я записывал. Тамаре Ивановне, как профессионалу-массовику в Доме культуры глухих, а теперь – председателю Свердловского областного правления ВОГ, приходилось проводить социологические опросы, так что опыт у нее немалый.

Главное, что интересовало Нину Олеговну, насколько я ее понял, – это результаты работы Института взаимной человечности и пожелания, предложения на будущее, что еще можно бы и нужно включить в программу ИВЧ. Поэтому я предложил пункт: какие занятия в ИВЧ понравились больше. Тамара Ивановна поняла задачу шире: подведение итогов лагеря в целом, а не только ИВЧ и даже не главным образом ИВЧ. Против моего пункта она восстала:

– Это непедагогично!

– Почему?

– Потому что все напишут одного Суворова.

– Ну да! А может, одну Кузнецову Тамару Ивановну? Я-то искренне думаю, что, так как читал лекции, – в основном произносил монологи, – то ребята у меня, должно быть, неплохо выспались. Ведь слушать монологи тяжело.

– Не веришь? А вот Серёжа подтверждает, что так и будет, все напишут Суворова. А мнение ребенка в этом вопросе решающее.

– Неужели ты серьезно так думаешь? Не смеешься? – воззвал я к Серёже.

– Серьезно.

Мне ничего не оставалось, как почесать за ухом. Мои монологи, конечно, очень эмоциональные, но все-таки... А с другой стороны, Нина Олеговна говорила, что Алёша-«домовенок» отказался посещать ИВЧ, сделав исключение только для моих занятий, и ни одного моего занятия не пропустил. Шут их разберет, может, я себя недооцениваю...

– Ну, если ты считаешь этот пункт непедагогичным, можно и исключить его, – сказал я Тамаре Ивановне. – Только вот, Нина Олеговна хочет ведь знать впечатления ребят от ИВЧ и пожелания на будущий год, и как об этом спросить более педагогично?

– Да ладно уж, пиши, – поступилась Тамара Ивановна педагогической этикой.

«Да, Вы не похожи на взрослого»

После составления анкеты Тамара Ивановна понесла наши труды Нине Олеговне (позже сказала, что Нина Олеговна осталась очень довольна анкетой), а мы с Серёжей пошли прогуляться по территории лагеря.

Я спросил Серёжу, есть ли еще качели на территории лагеря. Дело в том, что мне показывали качели недалеко от нашего корпуса, но они были маленькие, мне не удалось в них влезть и покачаться. Серёжа сказал, что где-то есть еще другие, и мы пошли туда. Я немного покачался, напугав Серёжу размахом качелей: он испугался, как бы качели не

сорвались, и я не свалился бы вместе с ними на землю. После качелей мы пошли назад к корпусу, и я вслух, но как бы для себя, проормотал:

– Странная логика у этих взрослых...

Я думал о том, что мы часто переносим на детей свои представления и приписываем им бессознательно то, что самим детям и в голову не приходит, перетолковываем на свой, взрослый, лад их высказывания и поступки. С одной стороны, это и неплохо, детям ведь надо ориентироваться в нашей взрослой логике, готовиться к жизни среди взрослых. С другой стороны, приписывание ребятам своего подтекста может затруднить наше взаимопонимание. Мы рискуем загнать детей в подполье, заставить их замкнуться. Об этом с болью писал Януш Корчак, что ребенок – сто масок, сто ролей. Любой ребенок – разный с разными людьми, с каждым надевает новую маску. И как сделать, чтобы он маску снял? И надо ли этого добиваться, лезть в душу?.. А может, пусть остается в маске, которая нас устраивает, и пусть эта маска в конце концов прирастет к его «Я», станет его настоящим лицом, его сутью. Да, а если не получится, маска останется маской, и мы получим вещь в себе, которая рано или поздно выглянет из-под маски, и реальность может оказаться весьма неприятной... Вот я и буркнул себе под нос про «странную логику у взрослых».

– То есть у вас? – мгновенно сориентировался Серёжа.

– Какой же я взрослый! – искренне открылся я.

– Да, вы не похожи на взрослого, – согласился Серёжа, имея в виду, возможно, мое катание на качелях только что.

– Я делю людей на три категории, – продолжил я разговор. – Одни – дети. Другие – взрослые, то есть те, кто перестал быть ребенком и даже забыл, что когда-то и он был ребенком. Такие вот взрослые чаще всего и начинают детьми командовать, и против них направлены все книги Крапивина. А третьих я называю творцами. Они выросли, но они

продолжают расти творчески, духовно, остаются растущими людьми на всю жизнь, а дети – это прежде всего растущие люди. И у таких, всю жизнь растущих, от детства остаются очень много, может быть, главное, – они остаются в чем-то очень важным детьми, даже, когда становятся взрослыми. Вот это и есть творцы. К их числу я отношу и себя.

– Вы действительно от скромности не умрете, – ответил Серёжа. Это он меня же цитировал: в стенгазете по какому-то поводу я написал, что не умру от скромности (кажется, в первых дневниковых записях, которые успел вывесить в стенгазете).

– «...А за лбом ни зги – чернота. Совсем не мозги – жернова», – припомнил я свое стихотворение, написанное где-то еще в 1989 году, не позже. И пояснил:

– Это про одного загорского воспитателя. Мне он показался таким «командным» – ать-два, левой – пасет ребят, а когда надо задуматься о чем-то таком, чего простой командой не расхлебашь, то почти слышно, как скрипят эти «жернова» у него за высоким крепким лбом. Вроде старшей пионервожатой школы из повести Крапивина «Болтик».

– У нас в школе говорят: «Броню включил, включил рога, включил и думает, что ладно».

– Здорово! Это уже начало стихов, было бы интересно попробовать продолжить... Ладно, с ходу не получается. А что, много таких «бронированных рогачей» ты встречал в школе?

– Много. Но меня теперь уже не очень-то забодаешь. Я – крепкий.

– Ты тоже, как погляжу, от скромности не умрешь...

»Какой ты редактор?»

Скоро конец смены. Спешу вывесить в стенгазету последнюю порцию материалов. Ночью написал по Брайлю, теперь переписываю по зрячему. Подошла Марина Поспелова:

– У нас игра в тушение пожара. Пойдем с нами.

– Извини, Мариночка, у меня у самого пожар: спешу с последним выпуском стенгазеты.

– Ну ладно.

А эта игра, как я понял, вместо прежних «Зарниц». Так как не был там, подробностей не знаю, теперь немного жалею, – но, в самом деле, приходилось торопиться, чтобы последний выпуск успели прочитать. Уезжать-то уже послезавтра...

После полдника ко мне пришел Женя из Первоуральска, тот самый, однопалый. Попросил разрешения воспользоваться моей машинкой, чтобы переписать материал в свою районную (или городскую) газету. Он гордится тем, что является корреспондентом этой газеты, конечно, внештатным. Предлагал мне устроить газету для инвалидов вместе, под странным названием «Суворов и компания».

Я сказал, что название больше годится для какой-нибудь фирмы или банка, а не для газеты. И вообще: сколько у них в Первоуральске детей-инвалидов, для кого газета, кто ее будет читать, выписывать? Знает ли Женя о существовании всероссийских обществ слепых, глухих, инвалидов и о том, как эти общества строятся, о территориальных первичных организациях этих обществ? Узнавать о детях-инвалидах надо там.

Ничего этого Женя не знал. Но на проекте «газеты» назойливо настаивал.

Я не проявил ни малейшего энтузиазма, указал на сложности подобной затеи, а как их преодолеть, не сказал – не знаю сам. Да и смысла не вижу в таком издании районного или городского масштаба. Женя в этой будущей газете отводил себе роль главного редактора... Уж эта мне дележка шкуры неубитого медведя! Мне было очень трудно удержаться от откровенной иронии при обсуждении с ним этого «плана». Поневоле вспомнились «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова: как члены шахматного клуба небольшого приволжского городка Васюки развесили уши, слушая фантазии Остапа Бендера о превращении этого городка в «шахматную столицу мира». Вот вроде того и затея с первоуральской газетой для детей-инвалидов.

В «Двенадцати стульях» все кончилось тем, что Остап на сеансе одновременной игры, назвавшись гроссмейстером, получил подряд несколько детских матов, чем и разоблачил себя. Разъяренные шахматисты бросились бить Остапа, но он разбил лампу, в темноте и суматохе выскочил в окно и рванул наутек в сторону Волги, а шахматисты – за ним, чтобы расквитаться за свою собственную легковерность.

Остап с Воробьяниновым едва успели сесть в первую попавшуюся рыбацкую лодку и отчалить от берега. Шахматисты тоже схватили лодку, набились в нее все тридцать с чем-то человек, и – так велика была жажда мести – стали наступать проходимцев. Настигли, рванулись все на один борт – бить их – и перевернули лодку, сразу всем скопом очутились в воде, которая тут же охладила их воинственный пыл. Остап поплавал вокруг них, издеваясь над ними, обзывая их «дурачьем», и благоразумно скрылся, не дожидаясь, пока они выберутся из воды, выловят лодку и возобновят погоню.

Это – одно из самых уморительных мест в романе. И я ничего не мог с собой поделаться: отфыркиваясь от жениной «гениальной идеи», я не мог отвязаться от воспоминания об одуроченных Остапом Бендером шахматистах. Поэтому не мог удержать предательскую улыбку, выдававшую мое истинное отношение к планам Жени. Серёжа слышал весь этот разговор и, возможно, иронизировал открыто.

Так вот, Женя попросил попечать на моей зрячей машинке, и я разрешил. Серёжа вызвался ему помочь, ускорить это все, так как Жене двумя-то пальцами (по одному на каждой руке) сложно стучать. Такую печать я называю – «долбит дятел», – так многие начинающие печатают, но у Жени никакого другого способа и быть не может за отсутствием пальцев, кроме указательных. Для Серёжи это, конечно, просто возможность поиграть с машинкой...

В общем, Серёжа стал переписывать материал Жени, а потом Тамара Ивановна с воз-

мущением рассказывала мне, что Серёжа издевался над Женей, унижал его, нашел в его материале какие-то ошибки и ему на них указал. Вот ведь какой жестокий!

Я не мог понять, в чем дело. Что ж, если у тебя вместо десяти – два пальца на руках, так можно всю жизнь ходить малограмотным? Что унизительного в указании на ошибки, особенно, если тут же и исправлять их? Сами ребята меня в эти свои распри не посвятили. Спросил у мамы. Ее точка зрения совсем другая: Женя сам виноват, зачем хвастаться, что он редактор? Вот Серёжа и сказал ему: «Какой же ты редактор, если у тебя столько ошибок?» И не смеялся, не издевался, – говорил серьезно, просто честно помогал.

Вот – два истолкования одного и того же факта. Одно – Тамары Ивановны: какой Серёжа жестокий, зачем указывает на ошибки такому бедненькому, с двумя пальцами вместо десяти? Другое – мамы: мало ли что бедненький, пусть не хвастается, Серёжа правильно поступил. Я ничего этого сам видеть и слышать не мог, а расспрашивать ребят счел бестактным. Но, если действительно имело место хвастовство со стороны Жени (вполне возможно, он «павлин», – то есть любит «выпендриваться», «распускать хвост»), то я бы тоже несколько поубавил ему спеси. И, в любом случае, я бы не смог пройти мимо ошибок, не указать на них. Все дело в форме – как указать необходимо...

Меня грамматические ошибки дергают, как электрический ток. Я поправляю раньше, чем успеваю подумать, обидны эти поправки или нет. Для любого грамотного человека это, как рефлекс. Я, наверное, тоже проявил бы «жестокость»... Да и что унизительного в указании на ошибки? Не боги горшки обжигают, ошибаются в чем-то все, и главное – не настаивать на ошибках, осознавать и исправлять их – грамматические ли, в поведении ли. И уж во всяком случае прав Твардовский: «Верно, горшки обжигают не боги, / Но обжигают их – мастера!»

Если не было откровенного глумления, шельмования со стороны Серёжи, то принципиально он был прав, не промолчав об ошибках.

Да и как о них промолчишь, если чужой текст переписываешь?

Исправить все молча, ничего не сказав автору? А автор потом скажет, что его «шедевр» испортили.

Без согласования с автором ничего исправлять нельзя – незтично. Не исправлять? Выставить Женю на посмешище другим, да и себя с ним вместе, раз не исправил – значит, и ты не грамотнее?.. Нет уж, тут либо исправлять с разрешения автора, либо отказаться от перепечатки – пускай сам срамится. Что более жестоко – исправить или стусеваться? Последнее, по-моему, уже было бы просто подлостью. В общем, напросился Сережка со своей помощью, да на свою же голову.

Последняя дискотека

После ужина я пошел к ребятам на дискотеку. Немного потоптался с кем-то под музыку, а потом нашлись другие дела.

Рядом со мной на лавочке сидел мальчик в курточке из какого-то очень мягкого, нежного материала – то ли плюш, то ли что-то другое типа плюша. Он сначала испугался, когда я его потрогал, а потом мы разговорились. Мальчика звали Алёша, он из Екатеринбурга, из детского ансамбля «Зеркало». Лет двенадцати. Алёша попросил научить его дактильному алфавиту. Вот и стало не до танцев. Потом с той же просьбой Алёша подвел ко мне Женю, мальчика из «Зеркала», как оказалось, того самого «чудотворца», который в бассейне устраивался на пенопластовой доске. Прорезался-таки под занавес, я с той, первой, встречи все ждал следующей. У Жени очень жесткие, прямо провололочные какие-то, волосы. До конца дискотеки мы прообщались, я учил всех желающих дактильному алфавиту, а потом ребята отвели меня домой.

Ну и лагерь. От начала до конца смены отношение ко мне ребят становилось все теплее, свободнее. Ребят около меня становилось все больше. Так не часто у меня бывало. Потом в Москве Ира Поволоцкая сказала, что я приехал какой-то оттаявший, ребята меня отогрели.

«Тимофеев»

Последний день. Закрытие смены, прощальный костер. Я все время среди ребят. На закрытии смены говорили прощальные речи, раздавали подарки. И, странным образом, поблагодарили всех, кроме подвожатых, которые очень обиделись. «Подполковников» тоже отблагодарили, но как-то не со всеми вместе, отдельно, кажется, даже на следующее утро. Нет, за ужином. «Подполковники» мне говорили, что они делают больше всех, они все время с детьми, и отряды держатся на них, а благодарят всех, кроме них. Это ребята раннего юношеского и позднего подросткового возраста. Они невнимательны к своим подвигам чувствуют очень остро.

После ужина весь лагерь пошел в лес на прощальный костер. Я попал к «Тимошкиным» и пробыл у них все время. Перед выходом из лагеря познакомился с Юрой Тимофеевым, давшим фамилию всему отряду. Мы и раньше встречались, а еще больше ребята о нем упоминали, но общения не было. Представляясь, он написал мне на ладони:

– Тимофеев.

Почему-то по фамилии, а имя назвал потом. Почему так официально? Обычно ребята называют себя по имени. По фамилии – только, если спросят. А тут – наоборот. Мальчик произвел на меня впечатление серьезного, делового, активиста и отличника, может быть, – уж во всяком случае, «хорошиста». Организатор, командир, – и поэтому, видимо, так официально представился.

На костер меня вела Марина Поспелова, а на самом костре меня обсели ребята, кто рядом, кто на коленях... И опять захотели учить дактильный алфавит. Я спросил:

– Мы же завтра разъедемся по домам, с кем вы будете говорить дактильно?

– Между собой.

Весь костер и проучились, пропустив все, что происходило в общем кругу – все выступления и песни.

Прощаясь, ребята просили меня расписаться на фотографиях. Я расписывался – где от руки, где штампом со своей фамилией. Штамп вызвал большой интерес, и сбилось бы предсказание Тамары Ивановны, что весь лагерь сбежится за подписями, да она сама перекрыла поток желающих с самого начала. Пожалела меня. Или краску на штампе? Я бы не пожалел ни себя, ни краску. Правда, надо было собирать вещи, и просто не нашлось бы времени на все – и на сборы, и на подписи.

После костра я собирал вещи, мама лежала, а Серёжа сидел тут же, наблюдал за моими сборами, помогал отыскать то одну, то другую вещь, а упаковывал я все сам, чтобы потом ничего не искать. Обстановка была очень домашней, уютной...

На следующее утро я закончил сборы. Приходил Юра Тимофеев с целой ватагой мальчишек. Прощались трогательно, и при посадке в автобусы, и в Екатеринбурге. Я познакомился с мамой Серёжи, Людмилой Петровной. Объятия, прощальные поцелуи... Все смешалось, и все мало, хотелось обнять каждого, но это было физически невозможно. Очень надеюсь, что мы еще встретимся будущим летом...

Перо, пух и мех

На прощальный костер для моей мамы из лагеря специально взяли стул. Остальные, в том числе и я, расположились на бревнах.

Подошла Тамара Ивановна:

– Выбирай: перо, пух или мех?

– Что за ерунда?

– Выбирай!

– Ну, пух.

– Целуй двух!

Расцеловал Тамару Ивановну и маму.

- А если бы выбрал перо?
- Целуй одного.
- А мех?
- Целуй всех!

Караул!.. В восьми отрядах сто двадцать человек. Вот была бы работка!..

Где-то читал про отправку на фронт маршевого батальона. То ли австрийская королева, то ли голливудская звезда, – сюжет, видимо, бродячий, – должна была расцеловать всех солдат в строю. И, описывая эту сцену, писатель отметил, как она все чаще поглядывала в конец строя: много ли еще осталось?

Дети – не солдаты, их целовать не в пример приятнее, да и поменьше у нас, чем в маршевом батальоне, во сколько-то раз. А все-таки жалко задним московским числом, что я не выбрал мех...

19 июля 1995 – 11 июля 1996

***Дата последней правки –
4 февраля 2017,
Двадцатая годовщина
со дня смерти моей мамы,
Марии Тихоновны Суворовой***

Александр КРАМЕР

ГОЛОС

*Ольге Тотровой,
чей голос я, надеюсь, еще услышу.*

Однажды поздней осенью я приехал в довольно большой среднерусский город, где через несколько дней должна была состояться какая-то конференция, только косвенно связанная с моей ежедневной работой; и так как я был для организаторов этого мероприятия не слишком важной персоной, то меня поселили не в гостиницу, а в так называемый «домик приезжих», что-то вроде четверосортных гостиничных комнаток, но я не роптал, потому что был ко всяким превратностям быта привычен и безразличен, отчасти. Но чему я был искренне рад, так это тому, что дом действительно оказался небольшим, одноэтажным и стоял на окраине города, почти у самого леса. Здесь было красиво, тихо, спокойно, а временные неудобства с лихвой окупались чудесной природой.

Мое временное жилище было устроено следующим образом: сразу за входной дверью был холл, оформленный в зеленых тонах, тут же, в глухом торце, находилось бюро регистрации; из холла лучами отходило пять коридорчиков, и в каждом из них находилось две комнаты – по одной справа и слева. В крошечной моей комнатке стояла узкая деревянная койка, покрытая светло-зеленым покрывалом, в изголовье которой висело зеленое двухрожковое бра; напротив кровати стояло крошечное неудобное кресло с грязно-зеленой обивкой и рядом – торшер с большим и зеленым, опять же, плафоном; за окном моим виден был бор и цвет моего жилища таким образом замечательно с ним гармонировал. На этом описание можно закончить, так как все остальные, то есть гигиенические, удобства этого дома были общи-

ми, но уж пять-то дней точно можно было с этим мириться.

Конференция начиналась еще только завтра, и у меня впереди был день целый свободного времени. Поэтому я пробыл в своем «номере» ровно столько, сколько нужно, чтоб слегка привести себя в божекий вид после дальней дороги, и тут же отправился в город.

Весь день я гулял по старому центру – любовался нарядной средневековой архитектурой и помпезными купеческими особняками позапрошлого века, побыл недолго в крошечной уютной церквушке – наедине со своею душою, далекой, впрочем, от бога, побродил по старинному парку, погруженному в осень, подышал незнакомым воздухом, попил незнакомой воды...

Душа моя отдыхала после долгого времени постоянных нелепостей, неудач, неурядиц; я был рад, наконец, оказаться вдали ото всех, кто мог меня знать, о чем-то расспрашивать, выражать какие-то чувства, соотношенные с моим настоящим, прошлым и будущим... Я именно ради этой возможности и оказался за тридевять земель на этом *мероприятии*, совершенно для меня бесполезном в действительности.

Уже перед самым вечером, проголодавшись до дрожи, я зашел в случайный невзрачный ресторанчик, неожиданно вкусно поужинал, выпил вина и теперь был если не счастлив, то по крайней мере не в разладе с собою, а впереди ведь меня еще ждали целых четыре таких же замечательных дня, и лес, и покой... это было прекрасно, как сказка, и я не собирался упустить ни единой минуты этого праздника.

Когда я возвратился в свой «дом», на улице было уже довольно темно, и начинал понемногу накрапывать дождик. В центральном холле горел аварийный свет, сонная регистраторша на меня взглянула вполглаза и вновь задремала, а лучи коридоров были темны – свет из холла едва достигал их начала. Я, видимо, был немножечко навеселе, ну самую капельку, и пребывал в состоянии упоительной меланхолической эйфории... Наверно поэтому почему-то не доставая ключа, я потянул за ручку двери своей комнаты... и дверь отворилась... Я шагнул в совершенную темноту, затворил за собою дверь и не успел сделать и двух шагов, как вдруг услышал:

– Скажите, вы всегда без стука входите в чужую комнату?

Я аж вздрогнул от неожиданности, а ироническое контральто продолжило:

– Надеюсь, вы не преступник?

– Нет, я Резник, – поспешно ответил я, и мой глупый ответ заставил голос негромко и язвительно рассмеяться, и я тоже почему-то рассмеялся в ответ.

– Тогда оставайтесь, Резник, стоять возле двери и представьте мне дальше, если это не будет так же страшно, – непререкаемым и насмешливо-чопорным тоном приказал невидимый ментор.

Я повиновался, представился, после чего наступила вдруг долгая пауза; казалось, моя собеседница задремала, но я не решался ни уйти, ни приблизиться к ней, ждал безропотно, что будет дальше... когда голос вдруг ожил и продолжил беседу так, как будто мы очень давно и коротко очень знакомы:

– Знаешь, у меня сегодня с утра и весь день болит голова. А теперь ты пришел и вдруг голова у меня болеть перестала. Побудь немного со мной, хорошо? Только, пожалуйста, не подходи, стой там; мне кажется, что я плохо выгляжу, и я не хочу, чтобы ты меня видел. Пожалуйста.

Голос был нежный, низкий, с теплыми обертнами, серебристыми модуляциями... Это

был колдовской, удивительный, неопиcуемый голос, голос гурии и прокурора, королевы и ментора... Голос все время менялся, переливался многочисленными оттенками, он был глубоким, как осень, помпезным, как купеческий особняк, колким, как холодные капли дождя, уютным, как старый заброшенный сад... Это был голос настоящей сирены, и я мгновенно попал в его прочные сети, в его нежную власть, я стал пленником этого голоса, я влюбился безумно с первого звука, чего со мной никогда в жизни не было, не было никогда даже с первого взгляда...

В маленькой комнатке витал тонкий запах каких-то чудесных духов, а в моей голове витал легкий винный туман; все это вместе дразнило воображение, рисовало какие-то странные образы – бесплотные, неосязаемые, описанию не поддающиеся... А сирена вдруг стихла и с нежной доверчивостью ребенка еле слышно сказала:

– Мне бы хотелось на тебя посмотреть. Ты такой легкий весь, праздничный... Наверное, мы бы друг другу понравились... Я не знаю... Мне так странно и тихо оттого, что ты рядом... Так странно и тихо... Но только видеться нам сегодня нельзя... Я чувствую, что сегодня нельзя, невозможно...

– Мне тоже, – сказал я, искренне и с надеждой, когда она смолкла, – хотелось бы вас увидеть. Может быть, вы разрешите мне все-таки сесть рядом в кресло?

– Нет, оставайся у двери. Мне почему-то кажется, что этого тоже делать не надо, что это тоже нельзя, а я доверяю всегда своей интуиции. Только не обижайся. Мы увидимся завтра. Наверное... Знаешь, я сегодня весь день чего-то ждала. А теперь ты пришел, такой близкий, нежный, умиротворенный... Наверное, от ожидания голова и болела, оттого теперь и прошла...

После всей этой мистики и, несмотря на решительный и непреклонный запрет, мне еще больше хотелось ее рассмотреть; я вытягивал шею, старался наклониться как можно дальше, но все было тщетно, я видел только смутное очертание женщины, лежа-

щей одетой поверх одеяла, густую копну волос, разметанную по подушке, блеск темных глаз иногда, когда она слегка приподнимала голову, я мог видеть еще невнятный абрис лица в темноте, – только все это не давало ни малейшей возможности представить что-либо конкретно...

А моя собеседница вновь затихла и неподвижно лежала, ни слова не произнося, и слышен был только дождь, неожиданно быстро набравший полную силу, да ветер, гудящий в ветвях, и остервенело швыряющий в окна струи дождя.

Внезапно она поднялась на кровати, низко наклонив к груди голову, так что густая копна волос упала на одеяло и, не повышая голоса, приказала отрешенно и властно:

– А сейчас уходи. Мы увидимся завтра. Я очень устала и теперь хочу быть одна. Это не вычурно, извини, мне отчего-то снова становится не по себе. Уходи... – и застыла, как в сомнамбулическом трансе...

Я потом еще долго лежал без сна в своей комнате и слово за словом, интонацию за интонацией перебирал в своей памяти все, что произошло, ощущая с безумным восторгом, как жжет меня изнутри ожидание утра...

Назавтра с утра сложилось все суматошно, неправильно, непоправимо... За ночь во мне родился непонятный какой-то страх, какая-то робость, и я смалодушничал, решил, что успею, что не стану искать ее утром, поехал зачем-то в зал заседаний, но не дошел и вернулся, и не раздеваясь кинулся во вчерашнюю комнату, ведь вчера я вошел во второй коридорчик не справа, а слева и теперь совершенно точно знал, куда мне надо идти...

В ее номере прибиралась пожилая толстая горничная, и он выглядел абсолютно пустым, не жилым. Я как-то сразу и бесповоротно

все понял, но все же, на всякий случай, стал расспрашивать про вчерашнюю гостью: где она или где может быть. Я нервничал очень сильно и, должно быть, расспрашивал с излишним напором, потому что горничная вдруг презрительно уставилась на меня и отвечала с тупым и преувеличенным равнодушием, что жилища с утра еще съехала, а куда, так это ей не доложили, может, в какой из гостиц получше номер нашелся, почему она знает, – и стала с угрюмым усердием прибираться себе дальше, ко мне повернувшись спиной.

Я решил, что моя вчерашняя собеседница, как и я, приехала на конференцию, и тщетно искал ее в залах, и не смог узнать ее имя в бюро регистрации, и прислушивался ко всем голосам всех женщин подряд, и в городе тоже, и в транспорте, и на вокзале... старался все время оказаться поближе к любому скоплению болтающих дам. На меня даже стали коситься, но мне было на все и на всех наплевать, мне так нужно было ее отыскать, продолжить это внезапное ночное знакомство, услышать, увидеть!..

Я хорошо понимаю, что все это было случайно, как город, как ливень... как сон... и закончилось так потому, что иначе ничем и закончиться не могло... Но я все никак не забуду удивительный голос и внезапное чувство влюбленности и восторга, и необъяснимого счастья...

Теперь уже редко совсем, только когда до безумия долго мучит бессонница, а за окнами, как и в тот вечер, остервенело воеет ветер и бьется насмерть с дождем, я вдруг совершенно отчетливо слышу в глухой темноте волшебное это серебряное контральто, слышу каждое слово, произнесенное ею в тот вечер, и так холодно мне потом, и так... безнадежно.

ТАРАКАН

За окном стояла крошечная зимняя тьма и куражилась вьюга. А в маленькой, жарко натопленной комнатке, где за столом при двух неярких свечах сидели тесным кружком старые одинокие люди, царили уют и покой. Сидели молча, только изредка переглядывались, посматривая на новичка – худого лысеющего мужчину с седой эспаньолкой. А тот отрешенно глядел за спины сидевших в черный проем окна, и если изредка и взглядывал на окружающих, то как-то так вскользь, никого на самом деле не видя, не замечая. Только тогда, когда уже громко и многозначительно покашливать начали, новенький перестал, наконец, глядеть в темноту и какое-то время, пытаясь сосредоточиться, внимательно всматривался в лица сидящих, в лица тех, с кем ему, вероятно, предстояло прожить в этом доме множество, множество дней. Он ведь в жизни не думал, что может здесь оказаться, что когда-нибудь станет вдруг одним из этих брошенных всеми, забытых всеми людей... Да кто ж, когда и зачем о таком думать способен(?)

Наконец, будто вынырнув из какой-то невероятной бездны, старик несильно помотал головой, медленно, крепко потер лицо большими ладонями... и только тогда заговорил – негромко, спокойно, отстраненно несколько, так, будто и не было в комнате никого, будто это он сам с собой разговаривал:

– Мне сказали, что здесь как бы обычай есть: каждый новоприбывший должен немало о себе рассказать, о том, что его в конце концов в это виталище привело, чтобы лишних вопросов потом не задавали. Ну что ж, обычай – значит обычай, не мне нарушать.

Меня Александром Павловичем зовут. Раньше я жил далеко отсюда, в огромном провинциальном городе. Величина и провинциальность ведь не исключают друг друга. Да, так родственников у меня давно

уже нет никаких, поэтому, когда на пенсию вышел и жизнь мегаполиса – шумная, светлая – раздражать, угнетать стала, решил перебраться в провинцию поменьше и поспокойнее: купил несколько лет назад на окраине вашего тихого городка крошечный домик с садом и переселился; а последнее время сдавать начал быстро, прибаливать часто, да и одиночество отчего-то крепко стало давить... Вот и попросился сюда.

Но только это все внешняя, несущественная сторона, потому что на самом-то деле дорога в приют началась пятьдесят два года назад, вот в такой же снежный и ветреный день.

Ну да, не улыбайтесь. Вроде как до седых волос и болезней еще было далековато, но только кто ж знает, из какого события-встречи что вытечет...

Совершенно точно этот день и час помню, потому что я здесь оказался... из-за таракана. Да-да, из-за обыкновенного черного, мерзопакостного таракана. Полвека прошло, а мне и до сих пор непонятно и странно, как один какой-то пустяк, ерунда дикая может полностью изменить, сломать, растоптать твою жизнь. И бесповоротно...

1

Я за три зимы до события этого влюбился ужасно. Первый и последний раз в жизни просто голову потерял; даже и не объяснить толком, что со мной происходило. С ума, наверно, сошел.

Мы познакомились перед самыми новогодними праздниками, после студенческой вечеринки. Я ее почти сразу заметил, и не потому, что она была какой-то необычайно красивой и броской – наверно, ослепительной красавицей назвать ее было нельзя, – но хоровод мужской она ловко крутить

умела, подавала всегда себя так – устоять невозможно. Вот и в тот вечер такое удивительное кружение вокруг нее происходило. Только на самом этом вечере я к ней подойти не решился. Даже потанцевать ни разу не пригласил, постеснялся, хоть до этого никакой такой особенной робости по отношению к девушкам за собою не замечал – знакомился запросто.

Ну, так вроде бы и не должно было случиться это знакомство, потому что она на совершенно другом факультете училась. Вроде бы не должно... Но только мы после вечера странным образом рядом в автобусе оказались, локоть к локтю (я еще тогда удивился сильно, что она без провожатого домой едет), ну и разговорились, вернее, она меня тогда в разговор втянула.

– Я видела, вы на меня весь вечер смотрели... Меня Милой зовут или Милочкой, если хотите...

Говорила она тихо, почти шепотом, но дерзкая колкость и сквозь шепот явственно пробивалась, вполне явственно, а насмешливый взгляд очень красивых золотистых глаз интонацию эту только усиливал. Я от такой открытой бесцеремонности растерялся даже – не то чтобы слишком, но вполне достаточно, чтобы Милочка смущение мое разглядеть смогла. А она, увидав, что стрела точно в цель угодила, стала дальше насмешничать:

– Я в Песчаном переулке живу, в общешитии. Если у вас есть немного времени, вы могли бы меня проводить, а то там темно и страшно. Вы, наверное, темноты не боитесь? Я ведь на вас рассчитывала: видите, одна еду. Ваши сказали, что нам по дороге. Правда?

Еще спрашивала, провожаю ли девушек, если уже очень поздно; когда из автобуса вышли, стала заботливо узнавать тепло ли одет, не замерзну ли по дороге, потому что идти далеко; перед самым подъездом вежливо поинтересовалась хорошо ли запомнил дорогу, а то вдруг заблужусь в незнакомом месте... И уже возле самой двери всего на

секунду остановилась, подставила было щеку для поцелуя, но тут же отпрянула, приснула:

– Загляни как-нибудь», – и хлопнула дверью.

Так у меня с Милочкой Глазенапой знакомство и завязалось. Только имя ее ей совершенно не подходило, никакая милочка в ней даже и не ночевала. Во всем проглядывали эгоизм, гордыня, жестокость, холодная трезвость... Женщины, как мне кажется, вообще прагматичней мужчин, а уж Милочка – любой могла бы дать фору. Впрочем, гибкий ум, изящество, чудесная женственность, обольстительность, чувственность, страстность... все скверные качества сглаживали, усыпляли, притупляли мужскую бдительность: скорпион в меду. Нет, неправильно. Правильно – мед в скорпионе. И меда этого ой как сладко, и ой как не просто было отведать.

А вот фамилия Глазенапа шла ей необычайно, потому что глаза у нее были восхитительные: немного выпуклые, огромные, золотые, а ресницы – темные, длинные, будто две ночных бабочки. Изумительные были глаза! Из-за них для меня чудесная эта фамилия навсегда превратилась в имя, и я иначе, как Глазенапой, ее и не называл никогда. Даже когда мы ссорились. Даже потом, когда уже насовсем расстались, мысленно называл ее только так. Она и сегодня, через полвека, остается для меня – Глазенапой. Жива ли – не знаю.

2

Я домосед и книжник, мало где был, мало что видел, да и «охоты к перемене мест» никогда особенно не было, оттого, наверное, и в людях всегда разбирался неважно, особенно в женщинах. А она мне в тот вечер так в душу запала, что и разбираться ни в чем не стал бы, даже если б умел...

Я, конечно, на следующий же день не пришел, прилетел, примчался, принесся... еле

дожил до вечера. Мы долго гуляли, говорили про все на свете – познакомились. Глазенапа, невозможно представить, за этот короткий срок изменилась до неузнаваемости: вела себя тихо, серьезно, даже ласково, ни единой насмешки или колкости – узнать невозможно. К сожалению, после, через совсем короткое время, немного совсем часов таких выпало – мирных, добрых... А я привязывался, прикипал к ней все больше и больше. Если вдруг что-то мешало прийти, места не находил, дождаться не мог, когда можно будет увидеть, в глаза чудесные заглянуть. И все время мне почему-то казались отношения наши слегка нереальными: вроде, как и на самом деле, а вроде как сон – и не очнуться, никак.

3

Так тихо и мирно, как я уже и сказал, продолжалось совсем недолго. Стоило Глазенапе в один прекрасный момент посчитать, что рыбка с крючка не сорвется, как она стала аккуратно менять отношения. Потихоньку образовала между нами небольшой коридорчик-дистанцию; и то пекло в коридорчике этом стояло – невыносимое, то гулял ледяной безжалостный ветер, все вымораживая, то тишь и благодать царили, давая душе передышку, то, все живое уничтожая, ураган безумный ревел. И держала она дистанцию эту необычайно умело – не мягко – не жестко, так чтобы надежда на доброе будущее всегда оставалась, но и в уверенность никогда не перерастала.

Но, видимо, она что-то не так просчитала, где-то переборщила и месяца через три-четыре после знакомства отношения наши дали легкую, чуть заметную трещинку, ведь совсем немного времени миновало, не успел я еще окончательно на крючок насадиться.

Впрочем, она эту трещинку первой почувствовала, а когда трещинка стала и для меня

довольно заметной, вдруг объявила, что хочет от меня отдохнуть. Нет, никаких расставаний, ни боже мой, просто экзамены скоро, дел масса... И все в том же духе. Я пару раз после этого попытался с ней встретиться, но такой отпор получил... Рассталась. Может из-за того, что она внезапно и резко так все оборвала, мне муторно было – невыносимо, увидеть хотелось – ужасно... Как вдруг, в середине лета, получаю письмо: «Приезжай, если можешь», – и адрес.

Я на перекладных чуть не сутки к ней добирался – их фольклорную экспедицию в такую Тмутаракань заслали... едва отыскал.

Глазенапа на шее моей повисла, все всхлипывала, всхлипывала, просила прощения, целовала, ласкала, не могла оторваться. И такой тогда на меня водопад счастья обрушился, такой ливень чудесной, удивительной нежности!.. Мы два дня выходных ни на миг не расставались. Ушли из поселка. Бродили по лесу, целовались не переставая, купались в лесных озерах, даже ночевали в чаще лесной у костра, чтобы никому-никому на глаза не показываться – не хотел я, не мог никаких людей видеть, чтобы они даже взглядом к нам не прикоснулись, даже малую капельку счастья отнять, украсть не смогли.

А через месяц всего Глазенапа вернулась в город – равнодушнее камня. Будто и не было ничего совершенно, будто я в какой черной измене повинен, будто... Да бог с ним. Все давно уже без остатка растворилось во времени и пространстве, развеялось по ветру.

Потом (мне девчонки нашептывали время от времени всякие глупости) Кочубей какой-то у нее появился – пропал. Еще что-то... Так мы с нею сходились и расходились все время. Сходились и расходились. Стоило только ей позвать меня понастойчивей, как я готов был забыть, простить все на свете. А потом вдруг сель ледяной с горы падал – и все и вся погребал под собой, все и вся...

Как-то осенью, когда отношения были почти что нормальными, купили мы с Глазена-

пой на неделю путевки в пригородный дом отдыха. Приехали рано утром. Не успели домик занять и распаковаться, как Глазенапа исчезла и появилась только в столовой, за ужином. Она вся была возбужденная необычайно, раскрасневшаяся: «Так здорово, так интересно!.. Я потом, потом тебе все расскажу», – и снова исчезла, до ночи. Так и продолжалось: она с утра раннего убегала куда-то, и встречались мы только в столовой и в дамке поздно ночью: «Ой, спать хочу страшно, завтра все, завтра, не обижайся...». А я все это время слонялся один по окрестностям, как дурак неприкаянный, понимал, что что-то еще при покупке путевок было задумано, но даже представить не мог, с кем, почему и зачем. На третий день вечером я вещи собрал и уехал. После этой выходки дикой я довольно долго Глазенапу не видел, и вроде бы даже остывать стал, на других девчонок засматриваться... Только мы совершенно случайно(?) встретились в букинистическом, разумеется, разговорились и карусель эта чертова завертелась по новой.

4

Три года длилось такое невыносимое счастье, и конец отношениям – даже и представить было нельзя. Будто цепко тряси́на держала, будто и вправду существует приворотное зелье и меня опоили. Никакие, ничьи доводы не помогали, не действовали... Да и не хотел я ничьих доводов слышать. За одно доброе слово, прикосновение ласковое – душу готов был продать.

Однажды, в одно из редких добрых мгновений, я сделал Глазенапе предложение. Она долго молчала, как-то нахохлилась, съежилась вся, а потом вдруг расплакалась горько-прегорько, навзрыд просто, и убежала. Несколько дней после этого отыскать ее нигде не удавалось. Потом внезапно сама позвонила и была какое-то время, что называется, тише воды и ниже травы, но вернуться к разговору о свадьбе больше не позволяла.

Видно, не так я, не вовремя что-то сделал, не тот выбрал случай... Так и повисло тогда это в воздухе, а после и вовсе растаяло.

5

Да, так вот не спеша мы к концу почти и добрались. Как я уже и сказал, закончилась эта история, как и началась, почти перед новым годом. Глазенапа в тот день позвонила мне рано утром и попросила заехать:

– Ну, на часик всего, ну, может, на полтора – подарки купить, ну, самое большее – на два. Мы быстро-быстро, а потом, соседка уехала, у меня посидим... Ну вот и чудесно, вот и ладушки.

Мы весь день до бесконечности по универсам, магазинам, лавочкам, лавкам, лавчонкам, базарам торговым рядам и центрам бродили, бродили, бродили... Искали подарки, наряды, бижутерию, косметику – всякие и разнообразные глупости. К вечеру от усталости, холода, голода, мокрых ног – я осатанел просто. Если б не гряда пакетов, коробок, коробочек, свертков... которыми я был нагружен, – бросил бы все давно к чертовой матери. Настроение у меня при этом все время менялось: я то приходил в щенячий восторг от изящества и чудесной женственности Глазенапы, то впадал в угрюмое ожесточение от бесконечности и занудности происходящего.

К тому времени, когда все, наконец, подошло к концу мы, будто сильно друг другу поднадоевшая супружеская чета, бранились не переставая, в голос, пугая и возмущая прохожих, но больше ни на кого не обращая внимания, и когда наконец, уже в сумерках, сели в трамвай, чтобы ехать домой, я был уже просто на грани, накален до абсолютно бешенства... А тут еще чертов трамвай набитый битком! Меня с моей дикой гирляндой (держаться мне было, разумеется, нечем) пинали, крутили, дергали... Наконец, на мое несказанное счастье, прямо перед Глазена-

пой какая-то бабка вдруг поднялась и стала к выходу продираться. Глазенапа тут же плюхнулась на свободное место, я немедленно ей на колени свалил все покупки и встал позади за ее креслом, чтоб она не могла меня видеть, а она в темноту за окном уставилась и мы оба демонстративно молчали.

На ней в тот день было светло-серое кашемировое пальто с большим песцовым воротником и песцовая шапка-башня – все очень красивое, светлое, серебристое, прямо искрящееся.

А момент, когда все началось, я пропустил. И откуда он взялся – зимой, в трамвае, в лютый мороз – просто непредставимо. Может, из сумки чьей-нибудь выполз. Скорее всего. Только я таракана увидел, когда он уже выше локтя Глазенапиного забрался. Таракан был огромный, откормленный, отвратительно-черный, и взбирался он не спеша, останавливаясь, оглядываясь, наслаждаясь, видимо, замечательным приключением, пока не добрался до воротника и не уселся на серебре песцовом, над левым плечом, преспокойно и важно шевеля отвратительными усами и лапами перебирая. Мне б стряхнуть его, сбить, а на меня будто ступор нашел, будто парализовало и такое вдруг отвращение, омерзение внутри поднялось, почему-то на Глазенапу перенесенное – и передать не могу... Так аж до тех пор продолжалось, пока майор-артиллерист молча не сбросил его щелчком на пол. А я в ту же минуту протиснулся к задней двери, вышел... И все.

6

Больше я никогда Глазенапу не видел.

Поначалу так и не смог себя перебороть. Во мне, точно шип, таракан проклятый тор-

чал. Будто он у нее изнутри откуда-то вылез. Она даже звонила как-то, да я трубку бросил. Отвращение – непереносимое, непреодолимое просто – тогда во мне поселилось.

Потом я из города, где жил и учился, уехал надолго. А когда назад через много лет возвратился, так мне ужасно снова увидеть ее захотелось!.. Даже таракан этот мерзкий как-то забылся. Да она к тому времени тоже уехала, и найти хоть кого-нибудь, кто бы знал о ней что-то, сколько я по старым знакомым своим не метался, – так и не удалось.

Со временем скверное выцвело, притупилось, только искры счастья в душе остались, и чем дальше, тем ярче они становились, пока память не превратила все в ослепительный, незабываемый фейерверк...

Нет, были после, через время, какие-то встречи, какие-то женщины... Иногда даже далеко довольно отношения заходили. А потом я вдруг, посреди отношений этих, вспоминал Глазенапу... На этом все и заканчивалось, потому что все пресными по сравнению с нею казались, абсолютно безвкусными, как трава.

Вся остальная жизнь тоже не очень удачно сложилась. В ней будто во всем провал без Глазенапы образовался, ледяной, бездонный, ничем и никем не заполнимый провал. Все в судьбе поперек пошло, и вот, наконец, здесь, среди совершенно чужих мне людей, завершится!

Мне кажется, что постепенно могло бы у нас все наладиться, образоваться и, вероятно, теперь не здесь бы, не так заканчивалось... Дался же мне тогда... этот трижды проклятый таракан.

ПОБЕГ

1

В одном маленьком, неотличимом от великого множества захолустных собратьев своих, городишке жил в одно время доктор.

Был доктор не старый еще мужчина – годов сорока, нормального роста, приятной, интеллигентной внешности – в общем, самый обыкновенный. Приехал он в городок в ранней юности, сразу, как учебу закончил, да так и остался.

Характером мягкий, любезный к пациентам, да и ко всем прочим людям, внимательный и спокойный, пришелся он местным жителям очень даже по вкусу. Врач из него неплохой со временем вышел, так что и в этом качестве он горожан даже более чем устраивал. Вот только хоть и жил доктор вроде бы у всех на виду, но в личной жизни вел себя как-то уж чересчур замкнуто и нелюdimo – за дамами местными не ухаживал, ни с кем из мужчин не прятельствовал, а уж дружбу не водил и подавно. Даже общество местной интеллигенции навещал крайне редко; тогда только, когда от приглашения уж совсем никак нельзя было отказаться.

В таком поведении не замечалось с его стороны ни малейшего неуважения, фанабэрии или презрения к окружающим, потому местный люд к такой его манере держаться постепенно привык, и на отношении к доктору, как к человеку, это никак не сказывалось.

Тем не менее, хоть его в городишке заштатном все знали и уважали, находили местные жители, что он, как бы это помягче сказать, не в себе малость. А чтоб хоть каким-то образом поведение эксцентрическое для себя объяснить, строили всякие плоские провинциальные домыслы. Ну, там, например, про любовь несчастную, про друга предавшего... И дальше все в том же духе и роде. Но только доктор на домыслы эти никак совершенно

не реагировал, и они потому долго на длинных языках не удерживались.

А поначалу, пока в диковинку доктору на новом месте все было, вроде бы ладно жизнь складывалась, нормально все выходило. Но только чем дальше шло время, тем все больше и больше захватывало его отчаяние. Потому что там, откуда доктор приехал, ничего ему в будущем не светило. Здесь же, как оказалось, не только будущего не существовало, но и прошлое постепенно куда-то без остатка из жизни повыветрилось. Так хотелось иногда кого-нибудь встретить. Кого-нибудь, с кем тыщу лет, например, с самой школы не виделся. Чтоб обрадоваться ему, как родному, обняться, за несвязным вспоминальческим разговором просидеть долго-долго... Невозможно! Оставалось навсегда и во всем одно только косное, мерзкое, осточертевшее настоящее. Была в этом какая-то отвратительная окончательность и бесповоротность. Просто дико, неизменно все складывалось, и чем дальше, тем хуже.

Из-за всех этих мыслей и настроений он сам все больше и больше в беспросветный вакуум погружался, а в глазах местного люда превращался постепенно в нелепого провинциального чудака – полезного и безобидного.

2

Однажды у него уже был дикий срыв, когда бросил он все к чертовой матери, сел внезапно, как был, в случайный скорый состав и... Через два часа ссадили его контролеры, оштрафовали, ночь продержали в кутузке... и назад он, без документов и денег, целые сутки тащился. Называется, сбил оскомину!

Доктор тогда первый раз в своей жизни напился. В одиночку. До потери сознания.

Больше воля и собранность никогда его не подводили, не отказывали.

Он задолго еще вдруг отчетливо стал понимать, что снова доходит до ручки. Тогда ринулся доктор в ближайшие выходные на толкучку, купил подержанный велосипед, набрал концентратов полный рюкзак, взвалил его на спину, чтоб ни единого человека – нарочно даже – не встретить, выехал сразу, как только звезды зажглись, и помчал во весь дух – нигде, ни за чем ни на секунду не останавливаясь. Прервал свой путь первый раз, когда солнце серебристый туман утренний позолотило, возле леса, где можно было спокойно поесть-попить и отоспаться. Он спустился в ложбину, разжег большущий костер, наскоро перекусил и потом долго-долго на жар пунцовый смотрел и могучий гул огня слушал. А наслушавшись и насмотревшись, как мертвый уснул; проспал весь остаток дня и всю краткую летнюю ночь, а с рассветом снова в путь-дорогу отправился.

Только на пятый день исчезло у доктора сомнение в том, что сбежал-таки он ото всех, от всего, даже, может быть, от себя. Тогда нервы его понемногу в порядок приходиться стали, «ровно камень отлегло», и теперь он мчался вперед уже в совершенно другом состоянии – успокоенный и умиротворенный, потому как поверил окончательно и бесповоротно, что побег от обыденной, опостылевшей жизни удался, наконец.

3

Море возникло внезапно. Незадолго до вечерней зари открылся простор его с высоченной пепельной кручи, до подножья местами поросшей кустами и разнотравьем.

А море горело золотом и бирюзой, слепило глаза, мятущуюся, неприкаянную душу растревоживало... Еще яхт разноцветные паруса виднелись вдали, а в самом низу, тесно зажатые между морем и скалами, сгрудил-

лось десятка два маленьких белых домиков с разноцветными – красными, зелеными, синими – трубами и сети висели кругом, и лодки рыбацьи прибор качал возле берега... Красиво-то как! Будто угол горний отыскался вдруг на земле. Будто вспомнилось что-то чудесное из далекого-предалекого детства.

Доктор отбросил велосипед, свесив ноги, уселся на самый край кручи и застыл – оглушенный, ослепленный, пораженный этой непостижимой и немыслимой красотой.

– Меня Оксаной зовут, – невысокая, ладная стояла женщина на самом краю обрыва рядом с доктором, – я из церкви иду, а вы тут сидите, как вкопанный. Я долго-долго, еще от поворота, гляжу – сидит не шелохнется. Вы не тутошний. Может, вдруг занедужали? Может, помощь нужна какая? Та што ж вы молчок да молчок? Может, слышите худо?

Говорила женщина быстро, весело. Подвижная, жаркая, вызывала она приязнь мгновенную, острую, произвольную. Потому доктор, еще не вполне отошедший от внезапной своей зачарованности, головой покачал, плечами пожал и вдруг расхохотался – да так громко, неудержимо, как в жизни своей никогда не смеялся. А женщина, переждав с улыбкой, когда он насмеется вдоволь, снова стала сыпать словами:

– Я вон там живу, где дом с красной трубою. То пацаны, трясца в бок, как-то ночью созоровали. Народ утром проснулся – а оно уже так – все повыкрашено. Поначалу-то хозяева хлопцам уши грозились нарвать, краску накупали, да так никто по сю пору трубы и не перекрасил. Я тоже краски купила. Только вот, как и все, сомневаюсь теперь, а может, лучше так? Вы что скажете? Ну вот, вдругорядь замолчали!

А у меня на ужин сегодня сырники со сметаной и чай с душицею. А как звезды выйдут, пойдем вон туда, видите, где маяк? Тамочки камни плоские есть, огромные – страсть. Ну, чистая танцплощадка. Люди на тех камнях, после, как повечеряют, собираются: костры

палат, беседы ведут, море слушают... Мы тоже костер запалим; станем в огонь глядеть и, если ласка на то ваша будет, любезничать. Та хватит вам молчки на круче сидеть. Пойдемте!

Доктор вдруг поднялся и послушно, как маленький, стал вслед за щебетуньей радужной спускаться по узкой крутой тропинке

к белым прибрежным домикам с разноцветными трубами. А женщина говорила все время что-то, смеялась... Но что говорила, чему смеялась – из-за шума морского слышать не удавалось никак, да и неважно было это уже – совершенно.

А велосипед так и остался лежать на круче. Может, еще кому пригодится.

СИНЬЯЗ

Только роскошные черные, волнистые волосы на мгновение задерживали внимание, а потом, встретив стеклянные, бешеные глаза, которые, казалось, прожгли до предела натянутую на череп пергаментную кожу, – желание продолжать разглядывать немедленно и бесповоротно улетучивалось, взгляд позорно бежал в сторону, в сторону, чтобы к лицу этому вновь без крайней необходимости не возвращаться.

1

Ее звали Линдой (она свое имя ненавидела люто!), но большинство знакомых, учитывая ее дальние азиатские корни, сохранившиеся в разрезе глаз, высоких скулах и цвете волос, называли ее – за спиною, конечно, – Синьяз, что значило «синяя язва».

Ей было уже двадцать шесть! А у нее никогда никого еще не было. Никогда. Никого. Она знала, что непривлекательна... Да ладно – уродка! Но это ничего не меняло, совершенно ничего не меняло. Ведь никогда, никого!..

А тут вдруг за нею стали ухаживать... Красивый... В театр ее пригласил. Потом, через несколько дней – в кафе. Потом... по телефону несколько раз разговаривали. Потом он вдруг позвонил и сказал, что есть две путевки в горы: можно пожить на Яворнике в приюте – избушке в горах, покататься на лыжах...

2

Они долго взбирались по ледяной тропе вместе с группой; он тащил ее – оскальзывающуюся, неловкую – за руку, балагурил, знаки внимания проявлял...

Когда добрались до приюта, оказалось, что нужных вещей почти ни у кого с собой нет. Инструктор выбросил на середину огромной приютской комнаты кучу разноцветной одежды и она, точно птица, налетала на цветной этот ворох, выхватывая каждый раз что-нибудь новое, необыкновенное, яркое. Яркое-яркое!.. Она даже похорошела немножко... кажется...

Потом был вечер. Такой, такой вечер!..

А потом! А потом! А потом! А потом у него... не вышло.

И он орал на нее, как бешеный.

И ударил.

3

В кафе было довольно темно: огоньки цветомузыки бежали по стенам, свечи горели на столиках – вот и все освещение. Линда сидела за дальним столиком, крошечными глоточками пила красное вино, курила и плакала. Нет, никакие бабские слезы она не лила – так не было никогда. В жизни не было! Просто она в состоянии таком находилась,

когда слезы не льются потому, что это табу, а внутри все жжет совершенно невыносимо...

Она понять не могла, как этот рыжий соплик оказался напротив. Он просто вдруг проявился перед глазами – как дух.

«Что, места другого нету,» – рявкнула она так, что он аж с места подскочил от неожиданности, но тут же и отошла, ей даже вдруг стало немного смешно и она, ухмыльнувшись, милостиво разрешила: – «Ладно, сиди пока», – и замолчала, уставившись на огонь свечи, мгновенно забыв о том, что он существует.

Уже посетители стали понемногу расходиться перед закрытием, когда она снова вынырнула на поверхность, обнаружила, что рыжий все еще здесь и безо всякого повода расхохоталась – зло и пренебрежительно, уставившись ему прямо в глаза. Парень пожал плечами, нагло присвистнул и вдруг предложил: «Слышь, чудная, давай пошляемся?» Линда зашлась аж от бешенства, но до желторотого донести его не успела, затормозилась и внезапно, ни с того ни с сего согласилась: «А давай!»

4

Они долго и молча гуляли по пустому ночному городу. Рыжий настырно пытался лапать ее, а Линда отталкивала от себя его руки, стараясь это делать не резко, подавляя брезгливость; при этом ухажер ее дергался, бесился, цедил сквозь зубы, чтоб не строила из себя...

Наконец, они вышли на площадь, освещенную яркими прожекторами. В центре площади стояло ландо с откинутым верхом, запряженное огромной пегой горбоносой лошастью, лениво махавшей пушистым хвостом. Лубочный возница – дебелий мужик в вишневой шапке и лазоревом кафтане, подпоясанном красным кушаком – сидел развалясь на облучке и лениво курил. Что он тут делал в такой поздний час – одному только богу ведомо, может, ждал случайных клиентов из ресторана, открытого допоздна, мо-

жет, с кем сговорился... Линда неспеша пошла к лошади, потрепала картинно по белой холке, погладила серый, теплый, чистой искрящийся бок, с удовольствием вдохнула острый лошадиный запах, прислонилась щекой к горячей лошадиной шее – тесно-тесно... и неожиданно поцеловала кобылу в огромные теплые губы. Чуть не давась от хохота, повернулась к своему сексуально-удрученному спутнику и резким, ироническим тоном сказала:

– А теперь ты, – и застыла в небрежной, выжидательной позе, растянув тонкогубый рот в презрительнейшей из ухмылок.

Он глянул на нее как на придурочную, покривился, лихорадочно раздумывая, что делать, но додумать до конца не успел, когда следом раздался внезапный приказ:

– Тогда меня!

Колесики чересчур медленно крутились у рыжего в голове, чтобы реагировать адекватно на такие скачки чужих настроений, а выражение отвращения и брезгливости оставалось у него на лице еще от переживания прошлой мысли, но Линда поняла, должно быть, что-то свое, такое, что заставило ее сорваться с места и с бешеной скоростью ринуться через площадь...

5

Точно сомнамбула ходила она и ходила по темной пустой квартире, ударяясь о мебельные углы, и двери, и стены, и почти не чувствуя боли от этих ударов; какое-то время сидела перед зеркалом и курила, пристально вглядываясь в серебристо-черную глубину, где был только чей-то смутный, неразличимый абрис вокруг ослепительной красной точки; она вглядывалась до тех пор в зазеркалье, пока мир не стал стремительно и неумолимо сжиматься вокруг головы, не стиснул голову непереносимой, непередаваемой болью...

В ванной комнате, почти машинально, Линда достала из аптечки упаковку с барбиталом, аккуратно высыпала на ладонь горсть

таблеток и, глубоко запрокинув голову, в каком-то экстатическом трансе, неспеша стала тонкой струйкой высыпать их в широко распахнутый рот... Поперхнулась, зашлась хриплым, лающим кашлем, согнувшим ее в три погибели, отчего таблетки градом посыпались изо рта на кафель...

6

На ней было узкое черное платье и изящные черные туфельки на каблуках, и в этом наряде Линда казалась совсем невесомой, почти бесплотной...

Она вся пылала! Ровным и звонким жаром горело все изнутри и от этого и извне все

тоже горело: горело все тело... горели руки, лицо и шея... горели глаза, излучая неистовый, нестерпимый свет... даже губы горели, потому что яркая, бешеная улыбка не гасла ни на секунду...

Она угадала! Рыжий сидел за столиком вместе с какой-то общипанной цыпой. Плевать! Линда бесцеремонно протиснулась сквозь танцующих к его столику, уперлась руками в столешницу, вся выгнулась гибким змеиным телом и, от ужасного внутреннего напряжения перейдя на низкий, чуть хриловатый шепот, с самой развязной интонацией, на какую была только способна, осведомилась: «Слышь, чудной, с лошадьёю целоваться пойдём?!»

КОСТЕР

Нет, извините, водки, – я не хочу. А почему вы подумали?... Ах, наверно, из-за этих моих обносков... Так это не образ жизни, это, это... да бог с ним. Раз все, как говорят украинцы, «догоры дрыком» встало, что ж тут, что ж тут поделать. Знаете что, если можно, если только вас не слишком обременит – закажите мне лучше чаю, с лимоном, пожалуйста; на улице холодрыга такая, и я так ужасно, так ужасно промерз, – сил просто нет... Вы меня, если можете, извините, раньше бы – никогда... но теперь... наизнанку все... вывернулось... изнутри изменилось, непоправимо... непоправимо... что же делать теперь... что же теперь остается – или...или... Но на второе «или» другая воля нужна, а она не у всех есть, понимаете, совсем она есть не у всех...

Вот спасибо, век буду помнить. Когда ничего не закажешь, выгоняют, немедленно. А на улице вон как... лютует... Мне б хоть немного, немного пересидеть... Очень сильно замерз, очень сильно... А чай горячий какой,

и пахнет как вкусно... Знаете что, а давайте я, пока чай буду пить, историю вам расскажу, а то вы сидите один, понурый такой, нахнюпленный... Вам грустно, наверно; а я поболтаю немножко, может, повеселее вам будет. Надоест, вы скажите, не стесняйтесь, скажите, я перестану. Ну вот и ладно, ну вот...

Знаете, я один ведь живу. Паршиво, конечно, но так... обстоятельства так сложились, ничего не поделаться... вся эта новая жизнь... Привыкнуть – нельзя, но свыкнуться, свыкнуться – можно. Я свыкаюсь со всем этим понемногу, только вот все никак следить за собой не научусь, но это не важно, не важно... Да, так, значит, совсем иногда паршиво становится, и что тогда делать – не придумать никак. Телевизор я продал... давно, радио, правда, есть, старенькое, но страшно надоедает... А за домом моим – огромный пустырь, и окна моей квартиры туда выходят; там в наши благополучные времена строить что-то надумали, да вдруг и заброси-

ли. Теперь там огромная свалка, огромная, собаки бродячие бегают, кошки, отребье всякое иногда забредает... Ну, не важно...

Обычно я, чтобы дома один не сидеть, шатаюсь по улицам. Иногда... до полного изнеможения, сегодня, видите, вот, сюда аж забрел – черт знает, как получилось... Но только здоровье уже не всегда такие походы предпринимать позволяет, уже не всегда, да и погода... Тогда я сажусь у окна и смотрю на пустырь, особенно вечером – хоть какое-то развлечение; одному очень, знаете, трудно сидеть и время так тянется – невыносимо... А на пустыре, там всегда что-нибудь происходит, особенно летом... или весной... или осенью – когда погода хорошая. Зимой, как сейчас, там, правда, нет никого, но это не важно, не важно, тогда я просто жду, а вдруг что-нибудь да произойдет... и от ожидания этого время тоже немного быстрее проходит, совсем немного, но все же быстрее... Правда, в последнее время не спасает и это.

Да, так вот я недавно сидел, сидел – и надумал: пошел на пустырь, насобирал там деревяшек, картонок, – в общем, всякого барахла, – в кучу стащил и – поджег; потом вернулся домой, сел у окна и стал на огонь смотреть, как он весело там, в темноте крошечной горит... Знаете, если смотреть, если долго смотреть на огонь, мысли всякие в голову вдруг приходиться начинают, воображаешь тогда что-нибудь... прошлое хорошо вспоминается, разности всякие... и не скучно тогда... почти. Мне так это понравилось, так понравилось, что я стал довольно часто костер на своем пустыре зажигать и смотреть на огонь. Но недавно, недавно, еще осень была, перед самой зимой, какой-то мерзкий бродяга стал зачем-то огонь мой тушить: только я костер разожгу, только к себе на этаж поднимусь, включу ночник у окна, как этот подлец выныривает из темноты – следил за мною, наверное, свет в окне моем, что-ли вычислил – не знаю, и принимается все ногами расшвыривать, и

при этом, скотина, приплясывает, тряпкой какой-нибудь над головую размахивает, издевается...

Я не знаю, не знаю зачем он представление это устраивал, чем мой костер ему помешал... Ну погрелся бы, посидел себе у огня – холодно ведь, – так нет!.. Сильно меня он тогда, мерзавец, достал.

Однажды я разложил костер, но только сделал вид, что ушел, только вид сделал, свет заранее возле окна включил – забыл, значит, – а сам притаился недалеко за стеной недостроенной, дождался, когда он костер расшвыривать станет и набросился на него...

Мы схватились с ним просто насмерть, рычали, как звери, катались по земле, пытались порвать друг друга на части – два тощих неандертальца в борьбе за первобытный огонь... Что вы... улыбаетесь... Так ведь оно и было на самом деле, так и выглядело! Да и чем мы от них если начать разбираться, чем мы сильно от них отличаемся? Машинами всякими, телевизорами? Разве ж это отличие?! Как только у нас, таких продвинутых, как сейчас говорят, ненадолго ерунду эту электронную и механическую отбирают, мы тут же, ну тут же ведь, кубарем к предкам нашим и скатываемся, и, как ни в чем не бывало, спокойненько продолжаем жить без гордости нашей, замечательной нашей цивилизации... Ну ладно, давайте я дальше вам расскажу.

Мы вконец ослабили от этой бешеной драки, не по возрасту была она уже нам, да и не по нынешним физическим нашим кондициям, но я вдруг изловчился и изо всех своих сил ударил его камнем по голове. Он сразу, как-то обмяк и затих, обмяк и затих совершенно, а я испугался ужасно этой его неподвижности и убежал.

Всю ночь меня колотило, выворачивало наизнанку, все казалось, что я забил его насмерть и теперь меня – обязательно найдут и посадят. Можно было бы выйти и посмотреть, но я все никак не решался выйти на черный пустырь, все никак не решал-

ся, только мучился все больше и больше, и к утру уже был почти неживой от страха и боли... Но утром, когда вообще не так страшно, что бы ни было, я все же пошел. Конечно, никого и в помине там не было, одни только жалкие головешки, одни головешки...

Вечером этого дня я, как всегда, сел у окна и стал смотреть на пустырь; и вдруг это пугало огородное появилось, костер разожгло и стало приплясывать и призывно руками махать: выходи, мол. Меня отчего-то такое от этого горе взяло, что я даже заплакал, как дамочка-неврастеничка – навзрыд, никак остановиться не мог, рыдал, пока не заснул. Назавтра я вечером сел у окна, но не зажигая ночник, думал так его с толку собью, но

он снова костер разложил и руками зама- хал... Скотина! Скотина!

Я снова хотел его подстеречь и... Только за что, за что?! Что он такого мне сделал? За что его надо было убить, уничтожить?! Видно, я просто из ума выживать стал... от одиночества... Как еще объяснить?

Знаете, я теперь, наверно, пойду. Спасибо, спасибо за чай. Спасибо за все. Я пойду.

За окном зашел на посадку огромный пассажирский лайнер, и аэропортовский ресторанчик наполнился диким ревом и грохотом, посетители приумолкли, пережидая, только ложечка в пустом чайном стакане дребезжала звонко-презвонко, и никакой рев и грохот не могли заглушить этот звон.

Людмила ГОРЕЛИК

АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОГО

Рассказ

В том году Вере Павловне исполнилось пятьдесят лет. Родственники, друзья звали ее Верочкой. Возможно, потому что что у нее не было семьи. Почему-то (говорят обычно: «так сложилось») Вера Павловна к пятидесяти годам не была обременена семьей. Ее мама утверждала, что это хорошо – так легче жить. Сама Верочка старалась на этой теме не заикливаться: ну, сложилось и сложилось, зато работа хорошая.

Вера Павловна преподавала в институте и работу свою любила. Зарплата, правда, в последние годы не радовала. Впрочем, Верочка была почти согласна с тезисом «за такую интересную работу мы должны еще и сами приплачивать». Как раз в том самом 1998 году она получила двухгодичный творческий отпуск для работы над докторской диссертацией. Жить стало еще интереснее, но материально труднее.

И вот тут-то мы приблизились к завязке нашей истории. В начале июля подруга, преподавательница английского языка, предложила Верочке сдать на месяц квартиру иностранцу. Этот американец, пастор протестантской церкви, приехал в город по своим пасторским делам на месяц-полтора. Ему посоветовали снять однокомнатную квартиру в центре – так получится дешевле и удобнее, чем в гостинице, сказал ему кто-то. И он попросил Верочкину подругу помочь найти квартиру.

«Ну, а я как же?! Где я-то буду этот месяц жить?», – удивилась Вера Павловна. – «Поживешь у мамы! Или еще лучше: съездишь с мамой на дачу, отдохнете там», – сказала знающая Верочкины обстоятельства подруга. – Зато сколько денег получишь фактиче-

ски ни за что. Сто пятьдесят долларов! Это больше, чем твоя зарплата месячная! Еще одна зарплата – представляешь?!». И Верочка согласилась.

Лето подходило к середине, начинался июль. Мама с восторгом восприняла предложение пожить месяц на даче. И даже предпочла не вникать в вопрос о сдаче Верочкиной квартиры иностранцу; при других обстоятельствах она бы такой поступок не одобрила, а тут просто как бы не заметила – согласилась сразу. Дача была предметом раздоров, источником семейных неприятностей, Верочкиной головной болью. Эту дачу – деревянный домик из двух маленьких комнат в дачном кооперативе «Подснежник» – мама очень любила, а Верочка – нет. Добираться туда надо было на двух автобусах, а потом еще километра три-четыре идти вначале мимо озера, через железнодорожные пути, а затем вверх по узкой вихляющейся между корнями и стволами тропинке, по заросшему лесистому холму. Верочка боялась маму одну на дачу отпускать – семьдесят восемь лет все-таки!. Приходилось с ней ездить хотя бы два-три раза в неделю. Жить на даче Вера не хотела – не было там ничего. То есть имелось электричество и вода для поливки. Еще там было несколько грядок с морковкой, свеклой, огурцами, за которыми Софья Антоновна, мама Верочки, любовно ухаживала: пропалывала, поливала. Софья Антоновна всю жизнь проработала в библиотеке, «в очень вредной книжной пыли», и, выйдя на пенсию, по контрасту полюбила быть на природе, возиться с растениями. А Вере Павловне книжная пыль еще не надоела, она не любила полоть и поливать. В

общем, месячное пребывание на даче ничего хорошего не сулило, но все равно маму пришлось бы часто вывозить, так что одно к одному.

Котов решили везти с собой. Мамин Зайчик несколько лет назад бывал на даче, а Персик за свои два года еще никуда не выезжал, но Верочка оставить его с американцем не решилась: кто его знает, этого пастора, как он к животным относится... Поскольку котов все равно приходилось везти на такси, Вера Павловна и книги, и компьютер захватила. Расход получился большой, однако не смертельный. Тем более, по возвращении ожидалась приличная сумма от квартиранта.

На дачу прибыли во второй половине дня. Зайчик, обиженный присутствием незнакомого и более молодого кота, тотчас исчез. На зов не шел, не появился и к вечеру. Окно оставили открытым – может, придет. Персик спал у Веры Павловны в ногах. Ночью она проснулась от каких-то странных звуков. Тихо, уткнувшись в подушку, всхлипывала мама.

Верочка босиком вышла на крыльцо. Сияла ночь. Лунной был полон сад. «Зайчик, Зайчик!» – стала звать Вера Павловна. Черная сырая трава стлалась под ногами, серые деревья умиротворяюще шумели черной листвой. Ночь была теплая, ясная. Верочка прошла по тропинке к низенькому косому заборчику, к привязанной веревочкой калитке: «Зайчик, Зайчик!». Из дремучих зарослей крапивы, малины, лопухов скользнула серая кошачья фигурка. Умный Зайчик подошел к Верочке. Зачем он убежал и прятался? Почему теперь вышел сразу, по первому ночному зову?

Глаза приспособились к ночи, теперь в комнате тоже казалось светло. Мама, сидя на постели, гладила своего кота. «Вот видишь: я позвала, и он сразу прибежал», – утешающе сказала Вера Павловна. «Ты позвала...», – в голосе Софьи Антоновны звучала презрительная горечь. – Он сам пришел. А ты пописать вышла».

Так и зажили они на даче – как говорится, в тесноте, а с обидой по-всякому было.

Мама вставала очень рано, часов в пять, и сразу будила Верочку: «Или иди полоть морковку, или садись заниматься», – строго говорила она. В душе, видимо, Софья Антоновна надеялась на морковный выбор, но Верочка почти всегда выбирала книги и компьютер. Работа шла на редкость хорошо, Вера успевала много; так всегда с ней было: в жестких условиях открывалось то, что раньше не поддавалось пониманию. Теперь она знала, что докторская у нее, считай, есть, что она ее обязательно напишет.

Часов в десять работу прекращали. Готовили завтрак – салат из зелени и картошка или каша. Оставшееся время проходило по-всякому, иногда безалаберно: читали, готовили обед (окрошка и оставшееся от завтрака), Верочка писала статью, Софья Антоновна бродила по саду или спала. Вечером поливали: Вера носила воду из бочки, а мама с помощью помятой алюминиевой миски поливала из ведра растения. Котов кормили привезенными с собой кошачьими консервами, перемешивая их для экономии с кашей. Накладывала в плошки Вера Павловна, а Софья Антоновна ревниво за процессом следила. «Зайчик, – говорила она язвительно, – тебе одно желе достается. Ешь желе, оно полезное».

С соседями общались мало. Каждый день утром и вечером проходил по их участку Николай Иванович. С его стороны забора не было, а со стороны улицы калитку, привязанную веревкой к столбику, мужчина открывал и закрывал сам. Через участок Софьи Антоновны ему удобнее было к озеру идти, он там рыбу ловил. В полузаросшем маленьком озерце рыба, как ни странно, водилась, хотя и меленькая. Иногда Николай Иванович давал пару рыбок – сварить для котов. Если женщины были в саду, он останавливался и что-нибудь рассказывал. Обычно про политику.

В то лето про политику говорили много: странные вещи какие-то происходили, премьер-министром неожиданно стал очень юный на вид Кириенко, это удивляло и на-

стороживало. Хорошо помнящее девяносто первый год население боялось, с одной стороны, обвальной инфляции, а с другой – исчезновения продуктов. Потому что восьмидесятые тоже хорошо помнили. В любом случае следовало запастись крупой.

Через неделю продуктовый запас заметно истощился, и Вера Павловна решила съездить в город. Нужно было и на дачу продуктов привезти, и заодно уж закупить побольше крупы на зиму – в свете политических новостей. Денег оставалось мало, зато их можно было тратить все – ведь ожидалось крупное поступление от квартиранта!

Рано утром с большой сумкой из плащевки, в которую запихнула еще рюкзак, Вера Павловна пробежала вниз с лесистого холма, по вихляющей тропинке, через железную дорогу – что-то звенит вдали, лучше переждать, ну да, товарняк идет, какой длинный, теперь можно – мимо выходящих к выпасу коров, вниз, вниз, мимо озера – к шоссе.

Вначале Вера Павловна поехала в центр. Нужно было закупить продукты на зиму, для дома, и, конечно, оставить их в городской квартире. В конце концов, она имеет право зайти в свою квартиру, чтобы положить продукты?! Несмотря на ранний час, в ларек дешевых продуктов «Лаваш» уже стояла небольшая очередь. Вера Павловна за последние годы отвыкла от очередей и поэтому, постояв немножко, решила идти в универсам: не так уж велика разница в цене. Она была, как утверждала мама, транжиркой.

Продукты на полках были, однако и разбирали хорошо. Вера Павловна взяла гречку, пшено, овсянку, макароны... Что еще? Пока хватит, это бы донести. Квартиру свою не стала открывать ключом, а позвонила – вдруг пастор там? Он действительно оказался дома. Пастор был довольно молодым, лет сорока. Судя по внешности и по имени – американец итальянского происхождения. Вере Павловне он, если и удивился, то не показал вида. Извинившись, хозяйка загрузила продукты в шкафчик. Получилось очень плотно. Американец смотрел на нее с неодобрительным удивлением.

Уложив пакеты, Верочка собралась уходить, однако пастор пригласил в комнату. «Блохи!» – сказал он по-русски осуждающе. Вера Павловна смутилась. Американец имел в виду, конечно, тараканов. Эти насекомые водились во всем доме. Дом был старый, очень старый. Расползались тараканы, как всем было известно, из квартиры Солнцевых. Солнцевы жили у Верочки за стенкой. Это было уже второе поколение. Старшие Солнцевы умерли несколько лет назад, едва перешагнув сорокалетний рубеж, и теперь там жили их дети, два брата в возрасте «за двадцать»: Иван и Анатолий. Они нигде не работали, промышляли мелким воровством в подвалах и гаражах – предлагали Верочке какие-то соленья в трехлитровых банках, уж явно не собственного приготовления. Пили они беспробудно. «Да, – ухватившись за неточно употребленное пастором слово «блохи», сказала Верочка: Что же делать, блохи... кот, знаете ли... Животное, как без блох? Бегает везде, вот и блохи!». Кота Верочка оклеветала. У Персика не было блох и где поपाल он не бегал. Понял ли что-нибудь американец? Но про тараканов и Солнцевых объяснить ему было невозможно.

Когда-то это была приличная семья, дедушка Ваньки с Толькой читал лекции по истории партии в одном из вузов, бабушка была учительницей. Их дочь, Татьяна, ровесница Верочки, в молодости красавица, а в детстве и умница, что-то украла в семнадцать лет, попала в тюрьму, а потом начала спиваться. Умерла она пять лет назад от цирроза печени. Еще через год непробудного пьянства, лежа в облаках табачного дыма, начал умирать от рака гортани ее муж. Он лежал один. Дети, те самые Ванька и Толька, смылись к бабушке, матери Татьяны, которая доживала свой горький век неподалеку.. В хоспис его не взяли, рецепты на обезболивающее украли подруга... Когда он стучал в стенку Веры Павловны, она вызывала «скорую» – делали укол. Иногда она приносила ему в ненужной баночке (чтобы не мыть посуду) суп или компот. Приносили еду и другие соседи. Но убирать эту загаженную квартиру никто не хотел,

а самому умирающему было все равно: он курил беспрерывно, устремив невидящий взгляд в потолок, просил только сигарет; ни суп, ни компот, ни хоспис, ни бросившие его сыновья, ни укравшая обезболивающий наркотик подруга ему были не нужны. И вот теперь в квартире, заваленной мусором, на глазах у всего дома спивалось следующее поколение – Ванька с Толькой... Эти пили в ускоренном режиме, вряд ли они доживут до сорока... Но пока что травить тараканов представлялось бесполезным – так цинично воспринимали ситуацию соседи, Верочка не была исключением.

На столике стояла фотография: пастор в спортивном костюме на лыжах на фоне гор рядом со смеющейся девушкой, тоже в спортивном костюме и на лыжах. Горы красивые, снежные... «Альпы, наверно», – подумала с некоторой долей зависти Вера Павловна: она мало путешествовала.

«Я оставлю Вам Библию», – вдруг сказал пастор. – Это бесплатно». И показал на лежащую рядом с фотографией Библию: миссионерскую, с экономным мелким шрифтом, в мягкой, разумеется, обложке – для вновь обращенных. «Нет, нет, спасибо, – энергично начала возражать Вера на своем плохом английском, с жестами: У меня есть Библия. Я иногда читаю...».

Библия у Веры Павловны была такая, что американцу не снилось. Не то чтобы раритет, но все ж – 1895-ый год, более ста лет... В жестком, как камень, кожаном переплете. На титульном листе красивым старинным почерком с нажимом и тонкими линиями, согласно правилам дореволюционной орфографии, то есть с ятем и твердым знаком, было написано: «Сия Библия принадлежит Василию Петровичу Летуновскому». Вера Павловна часто думала об этом Василии Петровиче. Кто он был? Купец? Мещанин? Читали книгу, судя по ее виду, много – вероятно, и потомки Василия Петровича читали.

У Веры Павловны эта книга появилась поздно, в 1979 году. Она жила тогда, в небольшом городе, который не был в войну оккупирован, не горел; в составлявших его

центр давней постройки деревянных особняках с прочными дубовыми воротами, с резными наличниками сохранились некоторые старинные вещи.

Однажды в преподавательское общежитие к Вере Павловне пришли двое незнакомых молодых людей и предложили купить Библию за семьдесят рублей. Их к ней кто-то направил. Они сказали, что книга принадлежала дедушке, недавно он умер, а им Библия ни к чему, они-то в Бога, конечно, не верят, ха-ха. Цена была запрошена немалая, половина зарплаты старшего преподавателя, каковую должность исполняла Вера Павловна в ту пору. Однако книга ей так понравилась, что она, слегка поторговавшись, заплатила. Пояснив, на всякий случай, этим неизвестно откуда взявшимся молодым людям, что Библия нужна ей для работы, как филологу, ха-ха.

Дело в том, что кампания по антирелигиозному воспитанию в тот период продолжала набирать обороты. Ох, неправ был петербургский поэт, провозгласивший «...лучше жить в глухой провинции, у моря». Там хорошо, где нас нет – так объясняла для себя эту ошибку гения Вера Павловна. В то время, как в столицах прогрессивная интеллигенция громко (и безнаказанно) начала заявлять о своей вере и креститься – «во глубине России», то есть на всех остальных необозримых пространствах нашей, как известно, великой родины, на эту тему не смели и пикнуть. Вековая тишина царила на этих пространствах, на запахивающихся ежегодно трактором по снежку, чтоб глаза не мозолили, необрушенных бесконечных нивах... Трактором их, трактором со всеми гнущимися к земле плодородными колосьями.

Как раз за неделю до обретения Библии Вера Павловна слушала на институтском Совете выступление преподавательницы научного атеизма, которая сетовала на студентов, украшающих стены комнат в общежитии репродукциями картин – «и представьте, на многих из них изображены сюжеты из Библии! Мы не должны этого допускать! Мы, воспитатели молодежи, должны быть не про-

сто атеистами, а воинствующими атеистами!». Преподавательница требовала, чтобы кураторы студенческих групп немедленно отпраздновали в общежитии – сдирать зловредные репродукции со стен. Вера Павловна, хотя очень дорожила своей работой, подумала тогда: «Пусть увольняют – не пойду». К счастью, о выступлении быстро забыли, репродукции никто не сдирал – все ж это был «перегиб».

Приобретенная книга пестрела карандашными подчеркиваниями, галочками на полях. Василий Петрович и его потомки задумывались над ее страницами, возвращались к некоторым многократно. У них были любимые места. Нравилось Вере Павловне, что, судя по заметкам, внимательно читался не только Новый завет, но и Ветхий. Что за люди были эти читатели? Вера Павловна сохранила и закладки – их было множество: закладки делались из страничек отрывного календаря и обрывков ученических тетрадей. Относились они к 50-м, 60-м годам... Должно быть, читали и дети, и внуки Василия Петровича. А вот правнуки читать не захотели.

Нет, не стала Верочка показывать иностранцу свою Библию. Просто вежливо отказалась от бесплатной миссионерской.

На рынке тоже все говорили о возможной гиперинфляции: пока ходила между рядами, выбирая картошку, Вера Павловна то и дело слышала обрывки разговоров на эту тему.

Часам к четырем все покупки были сделаны. Сумку Верочка загрузила картошкой, капустой, консервами – для кошек и для людей. В рюкзак положила дыню. Идти в горку от автобуса было тяжело, еле доползла. Зато вечером ели дыню, а котам дали побольше консервов.

Так прожили две немолодые женщины и два кота больше месяца. Погода, к счастью, стояла неплохая. Иностранец должен был уехать восемнадцатого августа, так договаривались. Семнадцатого на дачах заговорили об обвале рубля – некоторые соседи смотрели телевизор. Верочка особенно не волновалась: сбережений у нее не было, текущие деньги потратила почти все, а поступление от американца ожидала в валюте – договаривались ведь о

ста пятидесяти долларах. Софья Антоновна вообще о скачках валюты не беспокоилась: она их не связывала со своими сбережениями – у нее в рублях, какое ей дело до долларов? Вера Павловна ее не разочаровывала, пусть живет спокойно – тем более, не такие там сбережения, чтоб сильно переживать.

Семнадцатого же и выехали. В этот день многие уезжали с дач. У некоторых были машины. Верочку с мамой предложил подвезти Николай Иванович – с котами, компьютером, книгами. Так что все удачно получилось.

Приехали к маме: квартирант по договору должен был покинуть квартиру Верочки только завтра. Спускался вечер, наступили сумерки. И в суматохе, пока, спеша, заносили вещи, Персик исчез. Наверно, его смутила незнакомая квартира с запахом, хотя и известного, но порой не слишком дружественного кота.

Обыскали всю квартиру вдвоем. Персика нигде не было. Неужели выбежал за дверь?! В незнакомом месте, совершенно к улице неприспособленный, ночью... Вера Павловна вышла искать на улицу, звала; взяв фонарик, спустилась в подвал – нет, не откликается, не выходит. Вернулась в слезах. Софья Антоновна, сама расстроенная, ее утешала. И тут замаяукал Зайчик. Только теперь на него обратили внимание. «Ну да, его же не покормили...», – Вера Павловна устало пошла к холодильнику. Но Зайчик не побежал обрадованно на кухню. Он стоял возле шкафа, смотрел на заплаканных женщин и мяукал. Первой догадалась хозяйка: «Там Персик?».

Рыжий кот сидел в углу, на второй полке, удобно зарывшись в постельное белье – конечно, ведь он приготовился спать... Остаток вечера провели хорошо. «Зайчик, ты умнейший! – восхищалась Софья Антоновна: Ты умнейший и добрейший кот!». Персик тоже не был обижен.

Утром восемнадцатого, оставив кота на попечение мамы, Вера Павловна пошла к себе: следовало уточнить время отъезда квартиранта и получить расчет. Пастор был дома. Выяснилось, что едет он после обеда, а сейчас хотел бы расплатиться. «Где поблизости можно поменять доллары на рубли?» –

спросил он. Вера Павловна удивилась: «Здесь неподалеку есть банк, но зачем же Вам менять? Я сама поменяю. Я предпочла бы получить в долларах – как и договаривались, сто пятьдесят. А менять буду сама, позже». Женщина действительно недоумевала: ну какая ему разница? Разговор получался странный. Американец почему-то упорно настаивал на расчете в рублях, хотя выгоды ему от этого не было никакой, а Вера Павловна теряла много: рубль обесценивался не по дням, а по часам. Наконец, до Верочки дошло, что пастор просто крайне законопослушен: если в этой стране официально принято рассчитывать в рублях, то он будет рассчитываться в рублях, даже если никто больше в этой стране так не делает. Поняв, она даже умилилась. «Ладно, Бог с ним – ну потерю на этом обмене сколько-то – надо будет сегодня же эти рубли истратить, пока совсем не пропали...», – рассуждала Верочка сама с собой, дожидаясь квартиранта из банка. Вернулся он, однако, небыстро (в очереди, что ли стоял?), и Верочка к его приходу успела все же разволноваться: деньги надо тратить срочно, где он там разгуливает?.

Универмаг находился рядом с домом. Денег было много, Вера боялась, что вытащат. Зажав свернутые в трубочку купюры в кулаке (ей казалось – так надежнее), Вера Павловна вошла внутрь. И остановилась в изумлении. Боже, что там творилось! Кочующие толпы с ошалелыми лицами сметали все. Во все отделы, включая канцелярский и «Сувениры», стояли очереди. От живописности зрелища Верочка даже на некоторое время успокоилась. Уж слишком интересно было вокруг. Вот это да! И пластмассовые стульчики берут, и выполненную в камне картину «Мишки в лесу» – не иначе, на кухне в стену вмуровать! В ванной вряд ли поместится – примерялась Вера Павловна.

Однако любоваться, открыв рот, было некогда. Взять, что ли, портрет Толстого? Нет, туда очередь большая... Вера Павловна влилась в толпы, оглядывая витрины и не находя ничего нужного. Зрелищность происходящего была велика, она засасывала.

Внимание рассеивалось. Ничего, ничего нужного, и волнующиеся очереди везде... Наконец, Вера Павловна сделала выбор: ей совершенно необходимы настенные часы! И очередь не такая уж большая, и время всегда будет хорошо видно из практически любого уголка квартиры. Она заняла очередь. И деньги еще останутся, надо отсчитать... Вера Павловна разжала кулак: на ладони у нее лежали две пятидесятирублевые бумажки.

Много позже, через год, два или три, проглядывая какую-то периодику, Вера наткнулась на статью о наиболее хитроумных и хорошо отработанных способах краж. Один из способов заключается в вытягивании купюр из кулака: вынимаются только центральные купюры, а крайние оставляются. Хитрость в том, что обычно люди наиболее крупные купюры заворачивают внутрь трубочки. Ох, видно, в тот день много было удач у специалистов воровского дела!

Конечно, обнаружив потерю, Верочка разочаровалась. Потеря была очень обидна, хотя и не смертельна – до зарплаты дотянет, тем более, крупной запаслась. Зато теперь она свободна, вопрос решился сам собой. Оставалось проводить квартиранта, и она вновь заживет своей обычной жизнью, – успокаивала себя Верочка. Она поспешила домой.

Пастор уже собрался. Два больших чемодана стояли уложенные и закрытые. В квартире присутствовал и переводчик – он должен был проводить американца на вокзал. Времени оставалось не так уж много.

Несмотря на то, что Верочка хорохорилась, от увиденного и пережитого в этот день на душе у нее было тяжело. Конечно, история со сдачей квартиры напоминала абсурд: деньги самым странным образом испарились, причем, ступенчато – вначале вместо долларов оказались рубли, которые на глазах оборачивались туманной химерой, однако возникла перспектива стенных часов, потом и она аннулировалась. Все это сопровождалось волнениями, не давшими никакого результата. Пожалуй, в другое время Верочка могла бы и посмеяться над своими приключениями – уж больно они были неле-

пы. В другое время. А сейчас на душе лежала тяжесть. Она была вызвана не столько личными передрягами, сколько общей неустойчивостью, неуверенностью, витавшей вокруг, всеобщим ажиотажем и ожиданием плохого. Верочка успокаивала себя тем, что скоро все войдет в свою колею – по крайней мере, в ее личной жизни. Завтра она вернется к себе домой по-настоящему: привезет Персика, компьютер; она окунется в привычный быт, по которому соскучилась. Завтра Яблочный Спас, Преображение! Она купит на часть оставшихся денег ведро хороших яблок и прочтает маме стихотворение Пастернака «Август». Она всегда читает его в этот день. Однако на душе все равно лежала тяжесть.

Американец попросил Веру Павловну найти такси до вокзала, а сам, вместе с переводчиком, ушел куда-то, ненадолго. «Вернемся через четверть часа, не позднее, такси путь ожидает, поедет сразу», – сказал он. В девяностые годы такси редко вызывали по телефону, считалось более надежным и выгодным просто остановить свободное такси на улице. Сделать это было легко.

Вера Павловна вышла к остановке и почти сразу нашла такси. Водитель, уже немолодой, ровесник Верочки, выглядел озабоченным и хмурым – как все в этот день. До вокзала он согласился везти за восемьдесят рублей. «Но придется минут десять подождать», – предупредила Вера. – «Тогда сто». Въехали во двор, Верочка поднялась на свой этаж – возможно, уже вернулись. Отперла квартиру, посмотрела на чемоданы, опять подошла к такси. Водитель вышел, Вера остановилась рядом с ним.

Лето близилось к концу, воздух был пронизан мягким солнечным светом, какой бывает только в августе. Во дворе, просвеченном неярким солнцем, стояло несколько автомобилей; да пыльные деревья, да пожухлая трава. Возле второго подъезда сосед выгружал из машины покупки: телевизор и пылесос в коробках. «Успел!» – подумала Верочка. Неподалеку две женщины снимали с веревок высохшее белье, громко обсуждая цены на гречку вчера и сегодня.

С одной стороны двора находилась одноэтажная аптека, с другой – задворки школы с пустой сейчас спортплощадкой, остальное закрывалось домом, построенным в виде буквы «Г». Двор был проходным и неухоженным, но все равно казался уютным, Верочка его любила. Постояли с водителем молча. Каждый был погружен в свою невеселую думу. Водитель опять взглянул на часы – прошло уже 20 минут, американец опаздывал. «Сто тридцать», – неожиданно для себя сказала Верочка. Водитель кивнул. Бесхвостая кошка проскользнула под машиной и шмыгнула в подвал. В то лето все кошки во дворе потеряли хвосты и стали какими-то нервными. Конечно, это было дело рук несовершеннолетних отморозков из соседней пятиэтажки. Вот эта кошка месяц назад еще с хвостом бегала. Верочка почувствовала угрызения совести: уехала, оставила без присмотра... Со стороны аптеки медленно шел Ванька Солнцев. Лицо у него было отекившим, серым, левую руку прижимал к сердцу. Болит, что ли? Двадцать пять годков парню... Карманы набиты маленькими бутылочками – отметила Вера Павловна. Настойка какая-нибудь на спирте – вместо водки пьют. Ну, с этим ничего не сделаешь. Верочка старалась сохранять с Солнцевыми нейтральные отношения, в душе она их побаивалась.

Американец появился минут через сорок, вместе с переводчиком. Вера Павловна помахала им рукой от такси. Мужчины прошли в подъезд, вышли быстро. Пожилой переводчик с трудом тащил два чемодана, а пастор шагал с легкой дорожной сумкой. «Сто семьдесят!» – сказал шофер. «Двести!» – ответила Вера Павловна. Худая бездомная собака проскакала к помойке, волоча заднюю ногу. Квартирант с переводчиком подошли к машине, переводчик, тяжело отдуваясь, плюхнул свою ношу возле такси. Водитель, подняв крышку, начал укладывать чемоданы в багажник. «Двести пятьдесят!» – сказала ему Вера Павловна. И, повернувшись к квартиранту, повторила: «Я договорилась за двести пятьдесят: ожидать пришлось!».

Алексей ПРАНОВ

ШАТУН

Рассказ

Переболев чумкой, моя собака потеряла рабочие качества и стала вовсе непригодной к охоте. Надо было подумать о замене: без надежного помощника в лесу делать нечего, одна морока. Расспросив кое-кого из охотников, записав адреса, я затеял по очереди навестить нескольких заводчиков, обеспечив себе право выбора, а не полагаться на случай.

Первым в ряду оказался знаменитый на всю округу обладатель лаек необыкновенной стати, которые, собственно, и прославили своего хозяина. Прозвище у него было «Шатун», о происхождении коего оставалось только догадываться: фамилия ли Шатунов? свойства ли характера? Вот к нему-то, в пригородную деревушку, куда пешком не более часу, я и отправился налегке.

***

...В ответ на повторный стук на порог шаткой походкой в галошах на босу ногу вышел высокий плотного сложения мужчина лет шестидесяти, слегка одутловатый, с зачесанными назад прямыми седыми волосами; на его голый торс был одет зеленый брезентовый плащ, очевидно заменявший домашний халат. Не то полупьяный, не то с похмелья, со словами «В добрый час гость», «дикий барин» неожиданно любезно пригласил меня в дом, усадил, выслушал и, чутко, до слезы, проникшись чужими заботами, великодушно пообещал не оставить в беде. Выяснилось, однако: щенки у его непревзойденной суки появятся только через месяц, но зато какие! Терпеливо выслушав все превосходные степени восхищения в адрес будущего помета, я согласился ждать: совестно было бы проявить неблагодарность в ответ на такую редкую в наше время обходительность.

Только мы стали прощаться, в окна ударили струи холодного осеннего дождя; поступило предложение переждать. Выбору промокнуть до нитки или остаться я предпочел благоразумие...

Дождь лил не переставая, ожидание затянулось. Мой благодетель уселся напротив меня и, обняв руками колени, понурил голову, уткнувшись в грудь небритым подбородком. Доносившиеся звуки непогоды разморили его: он даже всхрипнул негромко, как бы невзначай, но тотчас спохватился. Я не счел возможным его тревожить и без спросу взял со стола раскрытую книгу без обложки и нескольких начальных страниц. На пожелтевших полях книги выделялась памятка красным карандашом: адельфан – от давления, дигоксин – аритм. Взглянув на красное лицо «визави», зевая, я положил книгу на место. Чтобы как-то скоротать томительную паузу, поневоле оставалось разве что получше разглядеть комнату, в которой мы находились. Рассеянный взгляд поначалу не мог ни за что зацепиться, но вот внимание мое привлекла наискось висевшая на стене темная шкура, явно выставленная на обозрение в качестве трофея; в серых полусумерках трудно было разобрать издали: волк? кабан? Любопытство подняло меня со стула, заставило надеть очки и решительно преодолеть-таки нелепо возникшую скованность поведения. Лишь приглядевшись внимательно я убедился, что на стене висит шкура медведя: когти, клыки, жесткая бурая шерсть – налицо все атрибуты редкого в наших краях зверя, не только добыть, но даже просто увидеть которого – мечта любого охотника. Заметив мой нефальшивый интерес к столь редкому трофею, хозяин встрепенулся, ожил и, как бы предупреждая

мое дальнейшее любопытство, с напускным равнодушием пояснил: «Наш, местный, доморощенный. Шкура невелика, да памятна: бит чисто, с тридцати шагов свинцовой пулей. Было дело... За ужином расскажу... Надеюсь, проявите великодушие, не обидите отказом присоединиться?» – спросил он помедлив и, не дожидаясь ответа удалился в кухню, по видимому раскусив мою мягкотелую склонность к соглашательству. Опять-таки приятно удивили непринужденность обращения и изысканность слога; оставалось проявить учтивость и терпеливо ждать ужина...

Деревенское угощение подкупало простотой, изобилием и радушием: яичница с салом, квашеная капуста, соленые грибы, отварной картофель, домашней выпечки ржаной хлеб... Мед в сотах! Графин с хлебным самогоном еще более усиливал аппетит и располагал к общению, заранее настраивая на лирический лад: не терпелось за столом услышать обещанный рассказ. Долго томиться не пришлось: после первой же рюмки, едва закусив, «медвежатник» неспешно и обстоятельно повел историю своего охотничьего форта. Чувствовалось: прикованное внимание слушателя доставляет ему удовольствие, льстит честолюбию. Что ж тут поделаешь? «Немощны мы, ибо человеки...».

– Случилось это... Трудно припомнить когда точно, но гаджетов тогда еще и в помине не было. Даже и слова такого мерзкого никто не слыхивал. Зима, помнится, была малоснежная, да с морозами – земля потрескалась. Мои собаки все лапы в кровь ободрали по мерзлому чернотропу, так я их и брать перестал, – жалко. А какая без собак охота?! Ждем-ждем снега... Тут, помнится, на Николу встречаю егеря из соседнего района; мы с ним в приятельских отношениях, он запросто и поделился своими заботами. Появился, говорит, шатун на участке, да так озорничает – беда. Третьего дня задрал теленка на ферме, доярок выпугал. В деревне хозяйскую пасеку разметал, десяток домиков разорил. Больше набедокурил, чем попользовался. Детишки боятся в школу

ходить – а вдруг нападет? Надо бы организовать загон; лицензия имеется, поговори со своими охотниками да и приезжайте в субботу, нейтрализуем бродягу.

Я, по правде сказать, не то чтобы не поверил, но как-то насторожился, что ли... У нас медведь? Неслыханное дело! Главное, местность в том районе – полевщина, лесок клочками кое-где, а на ж тебе – шатун! Странно, есть над чем голову поломать: нет ли тут какого подвоха? Но виду не подал и пообещал обязательно обзвонить знакомых охотников кто поопытней и в субботу прибыть на облаву – готовься.

Застрельщиков набралось шесть человек. Да сам я седьмой – доброе число. С собой решили взять двух лаек, по медведю не приравненных, но злобных по кабану: все подспорье. В назначенный день выехали чуть заря, да видно кто соблазнился, «согрешил» перед охотой – на полпути «буханка» наша подломалась. То да се – с горем пополам добрались только к обеду. Ладно, и то хорошо, что не затемно. Матенков – так фамилия охотоведа – волнуется, переживает: приедут, нет? Да мы и сами все на нервах, «на измене» – не подвести б человека, нехорошо. Словом, в тот день засветло успели лишь следы разыскать (чуть припорошило земельку) и лесок вокруг объехать – зверь на месте! И то сказать – зверь... Название! Следок с ладошку, по всему – муравейник. Не лончак-сеголеток, не переоговалый пестун, а именно молодой, не прибуравший, еще к парной дичинке не пристраившийся любитель зорить муравьиные кучи в поисках доступного лакомства. Понятное дело, на таких харчах к зиме сала и на палец не нагуляешь, вот и рыщет по морозу, где бы чем поживиться: шатун и есть – ни кожи, ни рожи. Ну, не до перебора, какой есть: лиха беда начало. Начевать к Матенкову...

Вынув пробку из графина, хозяин командовал полусхотая, но тоном не терпящим возражений: «Ну, подставляй-ка, повторим. Между первой и второй... – не нами заведено, не нам и нарушать».

Он наполнил стопки, приподнял свою, приглашая последовать его примеру, и, произнеся банальное «Будем!», залпом ее осушил, одновременно довольно крякнув и недовольно поморщившись. Хитро поглядывая и сохраняя интригу, он некоторое время неспешно удеил закуске, как бы обдумывая дальнейший ход повествования, явно желая произвести впечатление не только заправского охотника, но и интересного рассказчика. Признаться, ему это удавалось. Через минуту-другую он продолжил:

– Дом – деревенская изба: после холодных дощатых сеней – передняя с русской печкой, через стенку – горенка с опрятными занавесками и геранями по окошкам. Нас и набилось полна горенка, как огурцов в кадушке, все с мороза да без обеда! Сам понимаешь, – окончательно и без лишних церемоний перешел на «ты» заметно захмелевший сказитель (много ли надо на старые дрожжи).

– Хозяйка, сухонькая женщина, скорей, даже старушка, мечется в легкой панике. Брови домиком – печать заботы: куда садить? как размещать? С божьей помощью все утряслось, кое как разместились за столом и на ночь места присмотрели: кто на кушетке плацкарт забронировал, кто на лавке, а кто и просто на полу на тулупчике, запросто, по-походному. В избе натоплено до дурноты, дышать нечем. Еще разулись. Такой тесной компанией редко собираемся: выставили на стол выпивку, закуску у кого что есть. Хозяйка подсуетилась, давай чугулки из печи метать, гостей потчевать. Хлопочет, сердешная, угодить старается. Словом, несмотря что рано вставать, в тепле и уюте засиделись, заболтались... Все про медведей, да про медведей разные байки, одна другой занятней. Главное, никто косолапого в глаза не видывал, разве что в зоопарке, но вошли в раж, не остановишь: один про то, как в деревне мишка лесника поломал, другой – как знакомого охотника подстерег, обниматься полез. Хозяйка, слушая, все сердце порвала: то, губы поджав, головой качает, то руками

всплеснет. А когда услышала бедняжка, как неуклюжий и, вроде бы, добродушный увалень, нападавая, резким броском таранит человека, сшибая с ног, свирепо рыча кусает, мнет, ломает, рвет крепкими как сталь когтями, при этом нередко скальпирует свою жертву, сдирая кожу с затылка и заворачивая ее на лоб, на глаза... – то и вовсе ретировалась от греха, предпочла честной компании печную лежанку. Лишь за полночь, отяжелев, нехотя и мы улеглись по углам, угомонились. Матенков полез на печку, к своей старухе за занавеску.

Рука рассказчика радушно потянулась к графину, я покорно подставил свою стопку: грех обижать хозяина. Повествование ненадолго прервалось, чтобы через минуту оживиться на более эмоциональном уровне:

– Кто, задремав, похрапывал; кто ворочался, не мог удобно угнездиться на новом месте; кто тихонько выходил освежиться, покурить. За обоями скреблись мыши, лайки беспокоились на чужом дворе, настенные часы монотонно и бесстрастно приближали намеченный час общего подъема. Все это с некоторой натяжкой можно было назвать ночной тишиной, покоем. Но и в такой тишине без труда становишься невольным слушателем чужого, не предназначенного для постороннего уха разговора. Из-за печной занавески прослушивалась доверительная, полупшепотом, беседа пожилых супругов.

– Матюша, – это старуха так Матенкова ласково по фамилии величала, – не ходил бы ты с ними завтра, поостерегся. Они, погляди – кровь с молоком, молодые, а ты? Горе ты луковое... Случись чего, мне ж с тобой и нянчиться, упаси Христос...

Старик тихонько прокашлялся сердито, но проявил выдержку, промолчал...

– Они, чуть что, убегут. А ты? Инвалид! – продолжила свое «ночная кукушка». – Не ходи!

– Вот что, Матрён. Я, ты знаешь, и на фронте не пасовал, за других не прятался. А тут? Подумаешь, медведь! Видали мы и медведей. Спи!

Но Матрёне не спалось; глубоко вздохнув, она отыскала веский, как ей казалось, аргумент своей святой правоты:

– Тебя ж не осудят, не попрекнут, голова! Ты свое сделал: людей собрал, зверя показал. Им без тебя еще и вольготней, без лишних глаз-то! Вот и сиди дома, неслух.

Тут старушка осеклась: муж, осерчав не на шутку, возвысил голос, забыв что печная занавеска не глухая стена:

– Что ж я, людей позвал, а сам в кусты?! Красиво, нечего сказать! Лес только я и знаю, никто больше. Пойду в загон! Все, не перечь, вставать скоро.

Увещевание подействовало: шепот прекратился.

Хоть и с тяжелой головой, на непривычном месте никому не лежалось: жарко, душно... Еще затемно, не включая света, охотнички раньше хозяев давай прежде времени подниматься, обихаживаться: кто «до ветру», кто попить, кто дымком отравиться – дело житейское. Боле и не ложились: погода не злая, со двора не гонит. Водитель в радиатор теплой водицы налил, двигатель прогревает; остальные топчутся вокруг, пошучивают, время коротают. Собаки нетерпеливо повизгивают, чуют близкий час охоты. Собрались все, ждем хозяина, которого все нет и нет. Наконец, скрипнув ветхими приступками у порога, вышел и он.

Это было явление. В журнале разглядывал я как-то репродукцию «Портрет партизана». Жалкая, я вам доложу, вещь по сравнению с тем, что предстало нашим глазам. Кроме служебного карабина за спиной, матюшино плечо оттягивала двустволка неслабого калибра; на поясе красовались ракетница в кобуре от револьвера и огромный охотничий нож, скорее даже тесак; за поясом – топор. Уместились и два подсмук с патронами. Нет гарантий, что старик не запасся предусмотрительно и гремучей гранатой, укрыв ее за пазухой от посторонних глаз. Красавец! Вот бы с кого портрет писать! Кажется, даже собаки притихли, оробев от столь грозного вида: Марс, бог войны! Не хватало рогатины

в руках. Если бы такой арсенал в свое время на Красную Пресню – царизм не продержался бы до семнадцатого года, пал раньше времени. Трудно было при таком зрелище сдерживать не только улыбку, даже смех.

Ну, потешились и за дело! До лесочка заветного рукой подать – пять минут езды. Уже и развиднелось. Для верности лесок еще раз объехали: выходного следа нет. С Богом!

Нужно отдать должное умению Матенкова грамотно распорядиться охотой: краткий но содержательный инструктаж, расстановка по номерам, дельные указания что и как... Опыт! Сам егерь с собаками вызвался идти в загон, но не по едва приметному на легкой пороше входному следу, а с другой стороны, в обход. Учитывая излишки в амуниции, все довольно скептически оценили его как загонщика, но отговаривать не стали. Охота началась!

«Ну, наконец-то, вот она – наивысшая точка, апогей, кульминация!» – подумалось мне, пока рассказчик разливал хлебную в порыве закрепить наши неформальные отношения: от «Будем!» до брудершафта оставалось всего ничего. Как слушатель я явно пришелся ко двору: ни лишних вопросов, ни возражений. Вспомнилась знаменитая картина Перова, не хватало лишь третьего персонажа, с недоверием почесывающего в потылице. Как и предполагалось, последовало продолжение:

– Тут, я тебе доложу, знать надо что да как. Егерь хоть и выглядел – животики порвешь, а свое дело помнил. Незалегший в берлогу зверь, пусть даже и молодой, в силу инстинкта выживания становится зол, дерзок и коварен, подчас пренебрегая осторожностью и бдительностью. От такого можно ждать чего угодно, так что осмотрительность и страховка не излишни и вовсе не предосудительны. Стронутый медведь, почуяв опасность, все время прислушивается и принимает по ветру и, едва заслышав шорох, шаги, голоса – немедля старается уйти, на махах покинуть место оклада. Если же оклад, или круг, велик и схорониться ему негде – медведь своим же следом отступает, идет в пята. Именно

здесь, на пяте – лучшее место для стрелка. Мне-то оно и досталось. Но выдержка должна быть – не шелохнись! Без малейшего шума, замерев, с заряженным ружьем наизготовку нужно терпеливо ждать своей удачи. А лес без снега, проглядывается насквозь. Напряжение максимальное: зрение, слух... У меня даже стих про это сложен. Припоминаю, охотник на секунду зажмурил глаза, и стал негромко декламировать строки собственного сочинения:

Замри и стой, как на посту в секрете,
Весь превратившись в зрение и слух,
Забудь о вожденной сигарете,
Ты невидимка, временно ты дух.
Не суетись, дождись спокойно зверя,
С терпением превыше похвалы,
И, своему везению не веря,
На цель направь холодные стволы ...

«Ну, каково?» – как бы вопрошал пристальный и несколько надменный взгляд автора-исполнителя. «Браво! Браво! – искренне похлопал я в ладоши. – Да это, кстати, и на тост похоже!» Мы чокнулись. Дождь перестал, но нам до этого уже не было никакого дела: с каждой паузой в рассказе наши души не только сближались, они роднились. Получив новый толчок, наше ничем не опечаленное беседословие продолжилось:

– Дальше все как по маслу: лайки – как сейчас помню – Вьюн и Змейка сработали, погнали мишку в пяту, как и предполагалось. Не подвел и загонщик: пошел ершом, пальбой и диким голосом распугал всю округу без всяких там кричан.

Зверя я заприметил загодя, успел изготовиться. Врать не стану, нервы все же сдали: от волнения и сердце дрожало, и руки тоже. Но ни осечки, ни промаха – второй выстрел не понадобился, с тридцати шагов первым! Так что совесть чиста и покойна. Вообще

получилось все как-то неправдоподобно быстро, самому не верилось, как во сне. И никакого подвоха, все чисто. На голос собрались товарищи, поздравляют. Зверь и впрямь оказался невелик, оно и по шкуре видно, но и не такой уж тощий: освежевав, даже нутряной жирок запасли. Развели костерок, общаемся... Вдруг – выстрел вдалеке; раз, другой. Кинулись – а захоперщика-то и нет! Где Матенков? Мы уже и из фляжки «на кровях», и мяско какое ни есть поделили, а «красный партизан» в кругу знай патронов не жалеет да горло дерет. Насилу дождались скитальца, дольше ждали, чем охотились. Да, вот еще казус: на следующий день ко мне тогда корреспондент из местной газеты приехал, интервью взял, сфотографировал на фоне добытой шкуры. Вышла заметка под заголовком «Шатун» и с моим портретом. Ребята газету как увидели... В общем, абсурд: что меня Анатолием Сергеевичем зовут уж никто и не помнит.

Повесть окончилась, графин опустел, хлебная возымела свое действие. Анатолий Сергеевич, сам изрядно пошатываясь, заботливо помог мне встать и проводил до дивана. Наутро мы расстались друзьями.

***

Через полтора месяца я за пазухой принес домой щенка. По-детски неуклюжий, с мощными передними лапами и куцым пока еще хвостиком, упитанный малыш умильно смахивал на забавного медвежонка.

– Шатун! Шатун! – поманил я маленького новосела, пододвигая мисочку с молоком. Потешно виляя задом, шаткой неуверенной походкой тот подошел к миске и... неловко опрокинул ее.

– Ну, бродяга! Больше набедокурил, чем попользовался. Шатун и есть! – незлобиво пожурил я своего будущего помощника в охотничьих скитаниях.

Александр ПОНОМАРЁВ

БОЛДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

ОТ РУИН К ВОЗРОЖДЕНИЮ

Книга 1.

ОБЛАГОРАЖИВАНИЕ РУИН (1966 – 1976)

...Реставрация это – искусство,
И наука в ней – в плоти самой,
Но, а главное – все-таки чувство,
Чувство боли за пепел родной...

Ю. Сорокер

Предисловие

Публикацией материалов по Болдинскому монастырю, расположенному в Дорогобужском районе Смоленской области, из архива П.Д. Барановского¹ практически было положено начало обнародованию малоизвестных фактов из жизни этого уникального историко-архитектурного памятника.

В части первой вышедшего из печати тома подробно в хронологическом порядке прослежены события, связанные с Болдинским монастырем со дня первого появления П.Д. Барановского в Болдине летом 1911 года до последней телеграммы, полученной им из Болдина осенью 1977 года. Документальные свидетельства наглядно говорят об огромном объеме работ, выполненных Барановским по изучению, реставрации и сбережению этого замечательного памятни-

ка отечественной истории. Формат издания определял включение в том только материалов архива П.Д. Барановского.

В части второй указанного выше тома была опубликована диссертационная работа П.Д. Барановского 1918 года, защищенная им при окончании Московского Археологического института. Указанная работа посвящена памятникам древнерусского зодчества Болдинского монастыря. В ней рассмотрена строительная деятельность в обители на основе известных на то время автору документов. В работе приведены составленные П.Д. Барановским на основе проведенных им до 1918 года обмеров проекты реставрации трех основных сооружений XVI века монастыря – Троицкого собора, трапезной палаты с церковью Введения и колокольни.

Таким образом, публикацией названной книги было положено начало систематизации материалов по Болдинскому монастырю и тем самым составлению документальной Летописи обители.

В 1962 году, при первом выезде П.Д. Барановского к руинам сооружений Болдин-

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 320 с.

ского монастыря, взорванных фашистами в марте 1943 года, было положено начало спасению остатков древних сооружений и сбору материалов о событиях минувшей войны.

Работы по разборке руин и восстановлению древних сооружений, естественно, сопровождались исследованием памятников и новыми находками. Политические изменения в стране в конце 1980-х годов привели к началу возрождения монашеской общины в монастыре и к началу восстановления обители не только как историко-архитектурного памятника, но и как места жизни насельников монастыря, как места ежедневных богослужений и возрастающего с каждым днем потока паломников и экскурсантов.

Учитывая сказанное, каждый факт в жизни этого места приобретает публичный интерес и непременно должен быть отражен в Летописи обители. Годы, прошедшие с начала работ по восстановлению памятников архитектуры монастыря, отдали от входящих в жизнь поколений боль утрат и радости обретения. Территория монастыря живет своей жизнью, существенно отличающейся от окружения за оградой. Какая среда формируется в ближайшей к монастырю местности, зависит от совокупного воздействия на нее насельников монастыря, населения ближайшей округи и мигрирующих паломников и экскурсантов. Достичь гармонии возможно, судя по всему, только при обстоятельной информированности о предшествующей истории данной местности у всех участников. Вот почему особое значение приобретают общедоступные сведения о жизни в этих краях.

Настоящая книга написана на основе материалов архива автора, являвшегося непосредственным участником основных событий, отраженных в ней с лета 1966 года. Естественно, что изложенный материал может быть дополнен и критически осмыслен другими участниками и свидетелями событий, что и позволит в результате получить полноценную картину еще одного периода

из жизни этого достопримечательного места России.

Первая книга «Болдинский монастырь. От руин к возрождению», получившая название «Облагораживание руин», охватывает период с 1966 года до середины июня 1977 года.

А. Пономарёв

ОБЛАГОРАЖИВАНИЕ РУИН (1966–1976)

1966 год

Лето 1966 года в Москве и на Смоленщине выдалось очень жарким. Приехав в неведомый мне ранее город Дорогобуж, что в 300 километрах на запад от столицы, очутился я в уютном, в основном, одноэтажном городке. О встрече с руинами Болдина монастыря и своем вхождении в реставрационные работы на древних сооружениях, начатых Петром Дмитриевичем Барановским в 1963 году, мне уже довелось поведать читателям¹, да и в книге, составленной мной на основе материалов архива П.Д. Барановского, об этом достаточно подробно рассказано².

Главной достопримечательностью на территории монастыря в то время был Музей, который П.Д. Барановский начал формировать в Болдине одновременно с началом реставрационных работ. Трагичную и в то же время героическую историю партизанского движения во время Великой Отечественной войны в этих краях он рассматривал в качестве ключевой исторической страницы

¹ Пономарёв А.М. Покров над руинами, Смоленск, 2004.

² Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 59–62.

для спасения всего памятника. Музей размещался на территории восточной части монастыря в небольшом обезглавленном храмовом кирпичном сооружении. Из-за небольшой величины эту постройку чаще все называли часовней. Основное пространство храма было разделено огромным стеном на две равные половины – южную и северную. С южной стороны щита были размещены портреты партизан, сражавшихся в 1941–1943 годах только в местных краях, а на северной стороне портреты партизан и военачальников, участвовавших в освобождении от фашистских оккупантов всего Дорогобужского района. Портреты, а всего их насчитывалось 37 штук, были написаны московским художником Карлом Карловичем Лопяло в 1964–1965 годах на картоне масляными красками. В алтарной части бывшего храма был стеллаж, на котором демонстрировались печные изразцы XVII–XIX веков и экзотичные большемерные кирпичи. Указанные экспонаты обретались при разборке руин трапезной палаты с церковью Введения, взорванной фашистами в марте 1943 года, сооружения, с которого и были начаты реставрационные работы в монастыре.

С помощью немудреного фотоаппарата «Смена», подаренного мне родственниками в летние школьные каникулы 1958 года в городе Ленинграде, для сбережения в памяти красот северной столицы, начал я летом 1966 года и свою болдинскую фотолетопись. Конечно, в первую очередь фиксировал я «свеженькие» находки, среди которых особо поразила керамическая плитка изразца, размером 23,5×9,5 сантиметров, с фрагментом рельефного многоцветного растительного орнамента.

Основной задачей летнего сезона 1966 года, в решении которой мне довелось участвовать, было возведение рубленого в реж шатра над четвериком основания церкви Введения. С помощью коллеги удалось запечатлеть на пленку и свое участие в этом важном процессе. Игорь Шкабер запечатлел

меня на венце шатра рядом с местным плотником В.Е. Бобылёвым и неутомимым инициатором и вдохновителем восстановительных работ в Болдине – П.Д. Барановским.

Вместе с Игорем удалось нам съездить в один из воскресных дней начала августа в город Вязьму, посмотреть памятники замечательного города. Заодно выполнили мы и поручение Барановского, побывали в школьном музее у соратника Петра Дмитриевича по сохранению исторического наследия Вязьмы – Степана Ильича Борисова, который подготовил и передал с нами рамки для оформления портретов партизан в болдинском музее. Возвращаясь из Вязьмы, до Васина мы благополучно добрались на автобусе, но за время 2-часового переезда неожиданно захолодало, и стал накрапывать дождь. От Васина до Болдина, почти восемь километров пути, пришлось пройти нам быстрым шагом, перекладывая из рук в руки упаковки с рамками.

Летний реставрационный сезон в Болдине завершился выкладкой двух кирпичных арок основания северной паперти трапезной палаты. Отлично поработали два опытных каменщика из Москвы – Е.И. Плешанов и В.В. Пироженко и начинающий реставратор из Смоленска – Саша Буренёв. Вместе с ними я запечатлел и дорогобужского краеведа Тита Петровича Новикова, опекавшего своим вниманием Болдино.

Мое увлечение фотографией оказалось для Болдина очень кстати, так как Барановский, сделавший первый свой фотоснимок в Болдине в 1912 году, завершил болдинскую фотолетопись в ноябре 1966 года. В конце 1966 года было выполнено покрытие оцинкованным железом консервационного шатра над руинами церкви Введения и таким образом весь холм, сохранивший остатки древнейшего кирпичного сооружения Болдина монастыря, принял вид загадочного архитектурного сооружения.

За минувшие четыре года со дня начала работ по сохранению руин древних сооружений в Болдине, у П.Д. Барановского не по-

явилось на месте постоянного помощника, способного и в его отсутствие претворять в жизнь намеченные планы. А предстояло выполнить достаточно большой объем тяжелой работы по разборке завалов из кирпича, щебня и строительного мусора внутри помещений подклетов церкви Введения и трапезной палаты. Из-за отсутствия малой механизации все работы приходилось выполнять вручную. Основные инструменты: лом, кирка, лопаты и носилки. Некоторых отпугивала и вероятность столкнуться с неразрванными боеприпасами. Усугубляло сложности организации и проведения работ бездорожье. Добраться до Болдина от районного центра, города Дорогобужа, находящегося всего в семнадцать километрах, порою можно было только на тракторе или пешком. Грунтовое полотно Старой Смоленской дороги, рассчитанное на гужевой транспорт, разбивалось грузовыми машинами и, особенно, огромными ведущими колесами тракторов «Беларусь». Так что организационное и научное обеспечение работ по спасению исторических достопримечательностей, свидетельствовавших о достойной жизни в Болдине в минувшие века, превращалось в непростую задачу.

1967 год

Напряженная работа в Москве по реставрации памятников архитектуры митрополичьего подворья на Крутицах, а также изматывающая своей безысходностью борьба за сохранение исторического наследия в столице не позволили П.Д. Барановскому выбраться в Болдино в строительный сезон 1967 года. Следует также напомнить, что в феврале наступившего года Барановскому исполнилось 75 лет. Московские помощники Петра Дмитриевича предыдущих лет, кому запало в душу неповторимое ощущение от каждого целого древнего большемерного кирпича или полихромного поливного изразца, извлеченного из завалов щебня, также, видимо, были отвлечены другими делами. Я

провел лето на военных сборах, положенных после окончания пятого курса в Московском энергетическом институте.

Возможность выехать в Болдино выпала только в начале ноября месяца, свободные дни выдалась в связи с широким празднованием в стране 50-летия Советской власти. В архиве П.Д. Барановского сохранились записи об этой поездке¹, у меня же к тому времени еще не возникло понимания необходимости хотя бы кратких записей об общении с достопримечательными местами. Хотя свой первый дневник мне довелось вести по настоянию Михаила Михайловича Шмелёва, в туристическом походе летом 1961 года. Учитель истории, мастер спорта по туризму М.М. Шмелёв, не смотря на свой пенсионный возраст, организовал для десятиклассников 425-й московской школы замечательный поход по рекам Кузюк и Молома в Кировской области, причем каждый участник экспедиции обязан был вести свой дневник. В программу маршрута входило посещение достопримечательностей древних городов – Кирова (Вятки), Котельнича, Горького (Нижнего Новгорода) и Владимира, что осталось в памяти на всю жизнь.

О выезде на Смоленщину в ноябре 1967 года в моем архиве напоминают – небольшой альбом с видами города Смоленска, подаренный в Управлении культуры Смоленской области каждому из участников экспедиции (П.Д. Барановскому, В.Е. Кулакову и А.М. Пономарёву) с добрыми словами благодарности, и несколько фотографий. В памяти же отложились потрясающие впечатления от встречи с древними сооружениями Смоленска. Поразил меня могучий кафедральный Успенский собор на высоком холме, органично концентрирующий все пространство в пределах крепостной стены, сооруженной великим русским зодчим Фёдором Конем, имя которого часто упоминал П.Д. Баранов-

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С.62, 63.

ский в связи с Болдинским монастырем. В Смоленске, естественно, Пётр Дмитриевич в первую очередь показал нам отреставрированную им древнейшую церковь Петра и Павла, у которой мы и сфотографировались на память, а также Свирскую и Богословскую церкви. Тревога за сохранность этих памятников домонгольской Руси звучала на всех встречах в Смоленске. Представляя своих помощников в Областном Управлении культуры начальнику Ю.П. Калинину и его заместителю А.М. Веселову, Барановский, говорил в наш адрес лестные слова, которые еще предстояло оправдать. Познакомил нас Пётр Дмитриевич с руководством Смоленской научно-реставрационной мастерской, которую возглавлял Григорий Матвеевич Аптекин. Во всех переговорах участвовал и председатель Областного отделения Всероссийского Общества Охраны Памятников Истории и Культуры (ВООПИИК), профессор Смоленского педагогического института Г.Т. Рябков, который настаивал на необходимости принятия срочных мер по спасению усадьбы Грибоедовых под Вязьмой. Из-за праздничных дней организовать незамедлительный выезд в Хмелиту не удалось, но тревога Рябкова, естественно, не осталась без внимания Барановского, так как ему и ранее, в периоды работы в Вязьме, доводилось многократно слышать о проблемах с этой усадьбой. К заботам по Хмелите, после праздничной поездки в Смоленск, активно подключился В.Е. Кулаков.

Проведя день в Смоленске, вечером мы выехали в город Дорогобуж, добраться до которого в этот день можно было только через город Сафоново, где пришлось заночевать. В гостинице нас смогли приютить только в холле под фикусами. Утренним рабочим поездом выехали мы в Дорогобуж, где узнали о трагической гибели первого секретаря РК КПСС А.В. Цыганова, активно содействовавшего сохранению памятников Болдина в предыдущие годы. Поклонились месту его упокоения на кладбище у церкви Петра и Павла и на райкомовском транспорте вые-

хали в Болдино. Здесь нас ожидали перемены местного масштаба. Директор болдинской школы А.Я. Петров, при котором П.Д. Барановский начинал работы на руинах монастыря и закладывал основы Музея Партизанской Славы, был переведен в Дорогобуж, а на его должность была прислана Е.Ф. Масютина. Она была для Болдина новым человеком, и совершенно не была подготовлена к взаимодействию школы и музея. На территории монастыря у Святых ворот мы увидели свежие посадки. Оказалось, что сад был заложен по инициативе нового директора. Хорошо, что саженцы были небольшие, и мы потратили совсем немного времени, чтобы выкопать около сорока яблонек и перенести их для посадки возле школьного здания. Разместились мы на территории монастыря в бывшем доме казначея, где реставраторам с начала работ была выделена одна комната.

Из работ на памятнике, естественно, первым делом занялись мы разборкой завалов в подклете трапезной палаты, где были уже почти полностью откопаны широкий дверной проем и окно с южной стороны. Кстати, на окне, видимо, в предвоенные годы, был смонтирован в качестве решетки фрагмент кованой ограды с захоронения семьи Вистицких на территории монастыря, что подтверждалось фотографией 1920-х годов, которую П.Д. Барановский всегда брал с собой при выезде в Болдино. О необходимости бережного отношения к памятникам над могилами Вистицких, где покоились и останки героев Отечественной войны 1812 года, Барановский говорил на предпраздничном вечере в болдинской школе 6 ноября. Его выступление было посвящено не революционным событиям 1917 года, а трагическим для отступавшей французской армии ноябрьским событиям войны 1812 года, разгравшимся у стен Болдина монастыря.

Кроме встреч с местными жителями и разборкой завалов в трапезной, занимались мы и посадкой елочек на полянке с южной стороны молодой березовой рощи, что к востоку от монастыря, где Пётр Дмитрие-

вич планировал соорудить копию партизанской землянки. За елочками ездили в лес на школьной лошадке. Немного поработали и на расчистке завалов около крупных фрагментов колокольни. После начала консервации руин трапезной палаты с церковью Введения, П.Д. Барановский начал распространять свое внимание и на сбережения руин колокольни. Сохранившиеся на поверхности крупные кирпичные глыбы предстояло обмерить и определить место расположения каждого фрагмента в бывшем «теле» древнего памятника.

Для составления предложений по работе с фрагментами колокольни предстояло выполнить в Москве новые чертежи колокольни в метрических мерах в крупном масштабе (1:20). Кроки П.Д. Барановского 1910–1920-х годов были выполнены в саженях, а чертежи в масштабе один дюйм – одна сажень. Выполнение указанных чертежей было начато в зимний период 1967–1968 годов.

1968 год

Восстановить хронологию работ в Болдине, начиная с 1968 года, мне позволили не только документальные свидетельства (процентовки, планы работ, чертежи, кроки, фотографии), но и дневниковые записи, а также письма участников работ, которых за рассматриваемый период (1968–1976) сохранилось в моем архиве более пятидесяти.

На майские праздники 1968 года выехал в Болдино из Москвы небольшой «десант» (А. Пономарёв, В. Кулаков, В. Румянцев)¹, но впервые без П.Д. Барановского. Забота о сохранении памятников Болдина монастыря и очарование этого места входили в подсознание побывавших на руинах, однако, с развертыванием полноценных работ из-за отсутствия на месте «свободных» ра-

бочих рук дело не ладилось. Однако каждый приезд москвичей в Болдино вызывал живой интерес у местных жителей и пробуждал надежды на новые события в размеренной сельской жизни. Управляющий болдинским отделением совхоза «Ставково» Николай Максимович Кирженков, вернувшись в родные края с семьей после скитания по стране, строил свои планы возрождения Болдина. Начал он с того, что возвел два щитовых домика (называвшихся в те времена чаще финскими по родине рождения проекта) на заброшенном, а до трагических событий немецкого нашествия достаточно обжитом месте. Звалось это место поселения в начале XX века – Монастырская горка. Обустроил Кирженков старый колодец, около которого стояла прежде монастырская часовня. В XVI веке в этом месте от Старой Смоленской дороги ответвлялся подъезд к Болдину монастырю, поэтому и место называлось Крест. От восточной части ограды монастыря, где на северо-восточном углу сохранялась единственная башня ограды, до этого места всего метров 600 по живописной песчаной дороге. Кроме освоения Монастырской горки, Кирженков же, видимо, выполняя решение Дорогобужского Райисполкома № 302 от 28 сентября 1962 года, силами болдинских жителей смог организовать восстановление пруда на речке Болдинке у южной стены ограды монастыря.

Несмотря на занятость огородными работами на приусадебных участках, нашлись желающие разделить с нами и немудреную праздничную трапезу на крыльце ветхого монастырского дома, где был приют реставраторов. Благо по случаю выходного дня не работали в этом доме почтовое отделение и фельдшерский пункт.

В праздничные дни поработали москвичи на разборке завалов в подклете трапезной палаты и даже успели составить совместно с Т.П. Новиковым акт о разрушениях в бывшей монастырской просфорне. Здание просфорни, после отселения семьи Кабановых осенью 1966 года, по решению Сельского

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 63.

Совета было передано под использование для нужд реставраторов. К сожалению, майское начало работ на руинах монастыря не скоро получило продолжение.

Я с марта месяца приступил к работе по распределению, после получения диплома о высшем образовании с квалификацией инженер-электрик, в Научно-исследовательском энергетическом институте (ЭНИИ) им. Г.М. Кржижановского и не мог претендовать на отпуск в летний период. Только в конце июля руководство лаборатории помогло мне оформить отпуск без сохранения содержания, и я отправился в Дорогобуж с надеждой организовать работу на руинах Болдина монастыря. Благо за минувшие два года у меня был небольшой опыт взаимодействия с партийным и советским руководством Дорогобужского района, в кабинетах которых начинался каждый приезд в город Дорогобуж Барановского, а заодно и его помощников. Ни Барановский, ни я не были обременены партийным членством, о чем нас и не спрашивали ни в одном кабинете, так как обращались мы с проблемами общечеловеческими – сохранения исторического наследия.

При выезде в Болдино в ноябре 1967 года П.Д. Барановский уже поручал мне оформление процентовок и нарядов в Межколхозной строительной организации (МСО) Дорогобужского района, через которую обеспечивалось проведение работ в Болдинском монастыре. Был я знаком и с председателем этой организации – Дмитрием Александровичем Сергеевым, а также с Иваном Дмитриевичем Жуковым – мастером, бригада которого сооружала консервационную кровлю над руинами трапезной палаты.

Направляясь в Болдино, я сделал остановку в Вязьме с заездом в Хмелиту, где с начала июля трудился студенческий отряд, организованный по инициативе В.Е. Кулакова на филологическом факультете Московского государственного университета. С отрядом на поезде из Москвы на Смоленщину была отправлена ковкая решетка на окно болдин-

ской трапезной палаты, которую изготовили в московской реставрационной мастерской. Получив в Москве письмо от Кулакова от 11.07.1968 года, я понял, что часть решетки ребята забыли в поезде при пробуждении в Вязьме ранним утром, потом ее пришлось возвращать из Смоленска. Так что нужно было определиться с доставкой решетки в Болдино, а заодно посмотреть на результаты работ в Хмелите.

Впервые в Хмелите мне довелось побывать весной 1968 года, когда Кулаков организовал однодневную мобильную экспедицию от ЦС ВООПИИК для решения вопросов организации работ по сохранению дворца усадьбы. Во главе московской делегации были П.Д. Барановский и известный специалист по памятникам архитектуры XVIII века Георгий Иванович Гунькин. Путь от Москвы до Хмелиты и обратно мы успешно преодолели на таксомоторе «Волга». Смоленскую реставрационную мастерскую представляли директор Г.М. Аптекин и главный инженер В.В. Шеко. Эта встреча и стала, возможно, определяющей для начала спасения усадебного комплекса в Хмелите.

Во второй мой выезд маршрут на Хмелиту начинался от железнодорожного вокзала города Вязьмы. От Вязьмы до Хмелиты, центральной усадьбы совхоза, была вполне приличная дорога, по которой несколько раз в день курсировал рейсовый автобус, поэтому не представляло сложности преодолеть почти сорокакилометровое удаление. От этой поездки в моем архиве сохранилось несколько фотографий дворца без крыши, с пустыми проемами окон и дверей, но с колоннами, оставшимися от портика. Сфотографировал я и флигель дворца, где размещалась сохрванная столовая, а также могучие пилоны порушенной церкви села Григорьевское, куда удалось в первый же день отправиться в путешествие с Виктором Кулаковым на повозке, запряженной ретивой лошадкой.

С работой по очистке дворца от мусора отряд отлично справлялся, но приступить к началу консервационных работ пока не уда-

валось. К началу масштабных работ по сохранению дворца, видимо, еще не «созрела» ситуация. Вечер провели у студентов, в клубном помещении под песни Окуджавы. По хорошим деревенским традициям на ночлег устроили меня на душистом сеновале двора гостеприимной семьи Байдаковых, где и квартировал с первых дней Виктор Кулаков. Утром на перекладных я продолжил путь к Дорогобужу.

Работы в Болдине, судя по скрупул записям в тонкой ученической тетради, которую я предусмотрительно захватил с собой, удалось начать в среду 24 июля. На монастырских руинах приступил к работе В.Е. Бобылёв. В этот же день удалось завезти и машину извести. Владимир Емельянович был единственным в Болдине свободным от совхозных трудов человеком, так как достиг пенсионного возраста и с надеждой ожидал начала работ на территории монастыря. В 1966 году в июле–августе он проявил свои плотницкие навыки при рубке шатра над четвериком подклета церкви Введения, а в новом сезоне подвинул на работу по разборке завалов и свою супругу, освобожденную от совхозной повинности по состоянию здоровья.

С 29 июля на разборке завалов в трапезной палате работали и три болдинских подростка – два Александра – Казаков и Кондрашов, а также Вячеслав Бобров, благо в Болдинской восьмилетней школе не было летней трудовой занятости. Больше никого не удалось отыскать в Болдине и в ближайшей округе для временной работы. Так осваивал я первые навыки в организации работ по сохранению исторического наследия в Болдинском монастыре. Кроме расчистки завалов сохранившихся помещений подклетного яруса трапезной палаты велась подготовка и к реставрации участков стен сооружения. Удалось организовать доставку в Болдино из Смоленска машины большемерного кирпича (почти шестьсот штук), что по тем временам считалось великим достижением. На позаимствованной в болдинской школе лошадке подвезли несколько телег песка. Таким образом, материалы для выполнения кирпичной кладки были подготовлены.

Из Вязьмы Виктор Кулаков с вяземскими помощниками Наташей и Славой Петровыми подвез кованую решетку для южного окна западной стены подклета трапезной. Решетка-путешественница» наконец-то была доставлена к месту назначения.

Барановский приехал в Болдино из Москвы 12 августа с опытным каменщиком Емельяном Ивановичем Плешановым и с Виктором Румянцевым. Плешанов уже работал в Болдине в 1966 году и, не смотря на солидный возраст (он всего на один год был моложе Барановского), готов был к бытовым неудобствам в порушенном монастыре. Для размещения на территории монастыря в нашем распоряжении была одна комната в юго-западной части бывшего казначейского корпуса. На ночь можно было занимать и среднюю комнату южной стороны, примыкавшую к нашему приюту и служившую в дневное время прихожей местного фельдшерского пункта.

Ночной переезд из Москвы не помешал Емельяну Ивановичу со своим помощником В. Румянцевым в тот же день приступить к работе. Барановский поставил задачу выложить оконные проемы западной стены внутри помещения. Дело в том, что западная палата подклета трапезной (чаще мы называли ее первой палатой) была уже полностью очищена от завалов, и можно было начинать подготовку к восстановлению коробового свода ее перекрытия. Кладка обрушенного свода палаты уцелела в основном на полтора–два метра от пяты и была разрушена до основания лишь в местах распалубок оконных проемов в западной стене и дверного проема, соединяющего западную палату с восточной (иначе называемой второй палатой). За неделю Емельян Иванович выложил оба оконных проема до пят свода, переложив предварительно практически от фундамента кладку стен до уровня подоконников. Разбирая древнюю разложившуюся кладку в основании стен, где пришлось бетонировать и каналы от сгнивших дубовых связей, Емельян Иванович часто возмущал Бара-

новского, который убеждал его бережней относиться к подлинной кладке памятника. Дело доходило до ссор.

Оформление финансовых документов в этот раз Барановский поручил мне, написав в воскресенье 18.08.68 года за своей подписью следующую расписку, которая хранится у меня до сих пор: «Настоящим уполномочиваю т. Пономарёва Александра Михайловича подписать процентовку моей фамилией. П. Барановский». В понедельник я оформлял в Дорогобуже процентовку и наряды. Добираться от МСО, переехавшей в 1966 году из центра города на юго-восточную окраину, до гостиницы, что в западной части города за рекой Ордышкой, приходилось пешком, что занимало минут сорок. Ночевал я в гостинице. Рано утром проснулся от громяхющей техники. По Старой Смоленской дороге в западном направлении шла протяженная колонна военной бронетехники, подумалось, что начались очередные учения в военных лагерях, которые базировались в восточной части города Дорогобужа. Как узнал позднее, передислокация была вызвана вводом советских войск в Чехословакию.

Военная техника, однако, не помешала добраться мне до местного аэропорта. На самолете АН-2, летавшем трижды в день между Дорогобужем и Смоленском, отправился я подписывать процентовку в Смоленскую реставрационную мастерскую, специалисты которой выполняли функцию заказчика по работам на руинах монастыря. В Болдино вернулся вечером 21 августа, Е.И. Плешанова я уже не застал, он уехал, разругавшись с Петром Дмитриевичем, не стал дожидаться даже получения заработанных денег. Емельян Иванович не завершил кладку южного оконного проема, так как возникли сложности с определением уровня перекрытия арки светового проема. Окна западной стены подклета трапезной палаты не были обмерены Петром Дмитриевичем в период проведения работ в 1920-е годы. В те годы оконные проемы были растесаны, а до их обследования дело не дошло. При разборке

же руин подклета трапезной палаты выяснилось, что первоначально палата подклета была перекрыта четырьмя крестовыми сводами, как и на втором ярусе, но была перестроена, по всей вероятности в XVI веке, когда подклет был перекрыт двумя коробовыми сводами. При сооружении коробового свода в западной части палаты, где свод опирался на западную стену, строителями были понижены на три ряда пяты внутренних рассветных арок окон, что хорошо было видно на порушенных частях откосов окон. Указанное могло повлечь и уменьшение высоты светового проема окна. Это обстоятельство требовало принятие обоснованного решения, к которому Пётр Дмитриевич не был готов.

Барановский возмущался выходкой Плешанова, а еще больше обнаруженным разбором фундамента и кирпичной кладки в основании двух прясел южной стены ограды монастыря. Выбранные из фундамента валуны могли привести к обрушению участка стены. Пришлось срочно выкладывать подпорные кирпичные столбики для сохранения прясел, сооруженных в середине XVIII века, и составлять очередной акт о противозаконных действиях местных жителей по отношению к историческому наследию.

Во время пребывания Барановского в Болдине, на денек приезжал инспектор Управления культуры Смоленского Облисполкома Павел Захарович Лабузов для составления Охранного обязательства, обязующего директора Болдинской восьмилетней школы Е.Ф. Масютину сохранять от разрушения и расхищения используемый школой «Постоялый двор б. Болдинского монастыря» (т.е. восточный корпус бывшей монастырской гостиницы). Барановский настоятельно требовал от Лабузова и обеспечения разработки охранной зоны для памятников Болдина монастыря, состоявших на государственной охране.

Завершив работы по предупреждению обрушения прясел ограды монастыря, выехали мы из Болдина утром 25 августа. До Васина по Старой Смоленской дороге подвез нас на

школьной лошадке Тит Петрович Новиков, хлопотавший о сбережении исторической памяти в районе. То, что болдинская школа владела бричкой, телегой и одной лошадиной силой, было большим подспорьем при начале реставрационных работ. Этим же транспортом пользовались мы и при обследовании ближайшей округи с 1966 года.

От Васина до Вязьмы два раза в день ходил рейсовый автобус. На утренний автобус мы опоздали, так как Пётр Дмитриевич пытался, естественно, с нашей помощью, понадежнее закрыть и забить все двери и щели покидаемого объекта реставрации. До вечернего автобуса, т.е. часов семь-восемь, провели мы, отпустив Т.П. Новикова, в беседах с местными жителями. Одна из старушек со звучной фамилией Шаляпина живо делилась своими воспоминаниями о кипучей жизни в здешних краях до немецкой оккупации. Ночным поездом из Вязьмы экспедиция вернулась в Москву.

Для продолжения работ на руинах Болдина монастыря бригаду в Москве удалось собрать только на дни ноябрьских праздников. В ночь на 2 ноября с П.Д. Барановским выехали из Москвы четыре человека. К трудившимся ранее в Болдине А. Пономарёву и В. Кулакову присоединились – Михаил Громов и Константин Медведев – студенты, поработавшие летом на реставрации в Соловецком монастыре. В Болдине к работам подключились супруги Бобылёвы и учитель местной школы Павел Борисович Соловьёв, который оперативно изготовил и с помощью всей бригады установил пять кружал для выкладки южной части коробового свода первой палаты, ширина которой составила около семи метров. М. Громов, поработавший каменщиком на Соловках, выложил перемычки световых проемов окон западной стены. За прошедшее с августа время Барановский определился с проектом перекрытия световых проемов окон и остановился на варианте использования более древних пят. Он прекрасно понимал, что коробовому своду соответствовали пониженные почти

на тридцать сантиметров световые проемы окон, но в этом случае «тяжело» выглядел внешний вид окна, так как увеличивался щиток между аркой светового проема и внешней рассветной аркой окна. При этом для выполнения прямоугольной формы коробки внутренней рамы арку распалубки необходимо было сделать трехцентровой, но этим предстояло заняться при устройстве опалубки для выкладки свода.

Успешно поработать в первой палате удалось благодаря проведенному электричеству, все необходимые принадлежности для электропроводки, естественно, пришлось везти из Москвы. Сложнее было трудиться на открытом воздухе, где удалось произвести раскопки у одного из фрагментов колокольни. Барановский занимался составлением ситуационного плана расположения фрагментов колокольни и обмером фрагмента с частично сохранившейся лентой «бегунца». У него уже зрел план по спасению уникального архитектурного памятника. Хлопоты по пропитанию московской бригады легли на супругу Виктора Кулакова – Валентину, которая приехала из Москвы дня на два позже, так как не отпускали с работы. Разместиться всем приехавшим в бывшем казначейском доме монастыря позволило то, что в начале осени из аварийного помещения был выведен местный фельдшерский пункт и в распоряжении реставраторов были переданы все три комнаты южной половины дома. Поздними вечерами читали мы текст жития преподобного Герасима Болдинского по брошюрке издания 1893 года, которую захватил с собой П.Д. Барановский. Отдельные, наиболее живописные литературные фрагменты из жития преподобного Пётр Дмитриевич советовал читать по также захваченной из Москвы рукописной копии жития XVII века, которую он сделал в самом начале своей работы над историческими памятниками Болдина монастыря.

Поработать москвичам удалось до середины дня 10 ноября, когда бригада в полном снаряжении направилась на большак

ловить попутную машину, чтобы добраться до города Дорогобужа. С большим трудом, буквально подхватывая его под руки, отрывали мы Барановского от хлопот по консервации покидаемого объекта реставрации. В Дорогобуж приехали уже в темноте, откуда на рейсовом автобусе добрались до города Сафонова и ночным поездом выехали в столицу. Так завершилась достаточно успешная праздничная экспедиция.

За время работы в Болдине в один из не-праздничных дней мне удалось побывать в Дорогобуже в МСО, оформить все необходимые финансовые документы и оставить заявку на материалы, необходимые для выкладки свода в грядущем году. Удалось также авансом получить деньги на разборку завалов во второй палате и поручить эту работу бригаде из местных жителей. За выполнение намеченной работы взялись местные пенсионеры супруги Сисоевы – Мария Михайловна и Дмитрий Андреевич и доярка совхоза Варвара Деевна Орлова, у которой мы регулярно брали молоко на совхозной ферме. К бригаде мог присоединиться любой желающий заработать около трех рублей за день работы. До наступления заморозков намеченный объем работ был выполнен.

1969 год

С самого начала 1969 года в Москве П.Д. Барановский стал добиваться финансирования работ в Болдине из средств Центрального Совета (ЦС) ВООПИиК. Молодая общественная организация, созданная только летом 1966 года, была на подъеме и активно поддерживала участие в сохранении исторического наследия студенческих отрядов. В Смоленске началась подготовка к формированию студенческих реставрационных отрядов. Один отряд, в Смоленском Государственном педагогическом институте, формировался для Болдина.

В январе начались переговоры с начальником Управления культуры Смоленского Облсполкома Ю.П. Калининым об органи-

зации производства работ в Болдине. Хотелось в зимний период по подмерзшей дороге организовать завод кирпича для выкладки свода в трапезной палате, благо с осени 1968 года Дорогобужский райисполком выделил штатную единицу для формируемого на территории бывшего монастыря Музея Партизанской Славы, и было кому поручить прием материала. На должность смотрительницы музея была зачислена местная жительница Валентина Рахманова.

В городе Дорогобуже 16 марта 1969 года возник пожар в кирпичном здании церкви Петра и Павла, использовавшейся Райпрокомбинатом под склад нафталина, что привело к уничтожению деревянных конструкций кровли трапезной и купола, а также настенных росписей. Это трагическое обстоятельство послужило основанием для появления Решения Исполнительного комитета Дорогобужского районного Совета депутатов трудящихся Смоленской области №76 от 31 марта 1969 года «О мерах по дальнейшему сохранению памятников архитектуры на территории Дорогобужского района». Пункт четвертый указанного решения был посвящен Болдину: «Руины Болдинского монастыря, объявленные архитектурно-историческим заповедником, взять под охрану совхозу «Ставково» /директор Беляков П.В./ и Никулинскому сельсовету /т. Степченков Я.С./. Необходимый уход за сохранившимися зданиями на территории заповедника и ремонт производить за счет средств местного значения».

В апреле выяснилось, что в план Дорогобужской МСО работы в Болдине не были включены. Руководство Смоленской реставрационной мастерской, ссылаясь на отсутствие транспорта и удаленность объекта реставрации, также не бралось за организацию работ в монастыре. До начала лета указанные проблемы так и не удалось решить.

Реально подключиться к организации работ на месте я смог только в середине июня. Благодаря интеллигентности и чуткости руководства лаборатории Электросистем ЭНИИНа

им. Г.М. Кржижановского, заведующего лабораторией д.т.н., профессора И.М. Марковича и моего непосредственного руководителя к.т.н. И.Н. Попова, мне удалось, кроме законного отпуска на 24 рабочих дня, оформить и отпуск на 24 рабочих дня без сохранения содержания. Так я получил возможность два летних месяца заниматься проблемами сохранения памятников Болдина монастыря.

Из коротких записей в моем дневнике следует, что в понедельник 16 июня калининградским поездом в 0.35 выехал я из Москвы. В шесть утра был в городе Дорогобуже. Весь день провел в городе в кабинетах у власть имущих и МСО, выясняя перспективы начала работ в Болдине. Переночевав в гостинице и оставив там походный рюкзак, утренним самолетом, в 9.30, вылетел в Смоленск для встречи с новым начальником Областного Управления культуры – Зоей Андреевной Цветковой. Передал ей обстоятельное письмо от П.Д. Барановского с просьбой о содействии в организации работ в Болдине монастыре и об оказании поддержки в этом деле своим помощникам.

Поездка в Смоленск была результативной, т.е. работы в Болдине были включены в план работы Дорогобужской МСО. Днем 19 июня я добрался до Болдина, где был ошарашен совхозным бесчинством. Руководством совхоза был устроен загон для коров болдинского стада, более чем в сто голов, у южной стены ограды монастыря на узкой береговой полоске восстановленного пруда. В помещениях дома на территории монастыря, которые уже несколько лет использовались реставраторами, поселили расконвоированных заключенных, что направлялись на сельскохозяйственные работы в оскудевавшие на народ села и деревни. Пришлось срочно связываться с дорогобужскими властями и информировать о безобразиях.

На ночлег меня приютили в доме Турченковых на Слободе, так с древних времен и ныне называется часть поселения у Болдина монастыря, что за речкой Болдинкой. Бывал

я и раньше с П.Д. Барановским в этом гостеприимном доме. Хозяйка дома Анна Яковлевна возглавляла Болдинское почтовое отделение, что размещалось в одной из комнат северной половины дома, где базировались и реставраторы. Такое соседство позволяло нам оперативно получать корреспонденцию, доставлявшуюся из Дорогобужа, и, в часы работы почты, пользоваться телефонной связью, столь необходимой для успешной работы. Другой возможности оперативно связаться с Дорогобужем, Смоленском и Москвой у нас не было. Глава семейства Семен Родионович, трудившийся в военном лесхозе, с самого начала работ по сохранению руин всегда с интересом относился к проводившимся работам и помогал своим участием как заинтересованный местный житель, знаток лесного хозяйства. Кстати, старшим в семье был Родион Сергеевич Турченков, который участвовал в реставрационных работах еще в 1920-х годах.

Утро порадовало хорошей погодой. Стадо коров с берега пруда угнали. На разборку завалов в трапезной палате вышла чета Бобылевых, они же начали подготовку к приему строительных материалов, так как главной, запланированной на летний сезон, работой было возведение южной половины коробового свода в первой палате, а для этого нужно было завезти пиломатериал, кирпич, цемент и песок.

Обустройство приюта для реставраторов удалось начать только 23 июня, когда наконец-то выселили расконвоированных заключенных. Наиболее приличным помещением была юго-восточная комната, где до недавнего времени размещался медпункт. В ней разместил я небольшой стол и три топчана – для себя в северо-восточном углу, для Барановского в юго-западном углу и у восточной стены резервный, чаще называемый мной как гостевой. В то время невозможно было даже предположить, что практически без изменений неприхотливая обстановка этой комнаты прослужит реставраторам приютом более двадцати лет. Из Москвы 25

июня приехал на недельку потрудиться мой школьный товарищ Саша Александров, который тоже подключился к работам на трапезной палате. После моего очередного похода в Дорогобуж, 27 июня, привезли в Болдино цемент и тес на опалубку поддерживающих лесов для выкладки свода. Первого июля завезли негашеную известь, которую загасили в специально подготовленной яме. Второго июля я был в РК КПСС у первого секретаря М.А. Трофимова, а затем и у заместителя председателя Райисполкома Л.Я. Крючина. После переговоров в этих кабинетах на следующий день в Болдино приехала комиссия для решения вопросов по размещению студенческого реставрационного отряда. Собравшаяся в Болдине комиссия предложила поместить студенческий отряд в двух комнатах одного из помещений болдинской восьмилетней школы, в деревянном здании бывшей монастырской гостиницы, что за оградой монастыря к северу от Святых ворот. Пищеблок было предложено соорудить на территории монастыря. Хлопоты по устройству отряда и обеспечению продуктами питания комиссия возложила на П.В. Белякова, директора совхоза «Ставково», на территории которого располагалось Болдино.

К вечеру прибыла и первая машина с кирпичом (тысяча штук). Кирпич необходимого качества для выкладки свода (марки сто) удалось «выбить» только на кирпичном заводе в городе Сафонове что, естественно, осложняло его доставку. На дорогобужском кирпичном заводе, ссылаясь на некачественную глину, выпускали в то время абсолютно непригодный для качественной кладки кирпич. Хотя в городе Дорогобуже сохранялись постройки XIX – начала XX века, выложенные из очень качественного кирпича местного производства. Местами в городе сохранялись даже тротуары, выложенные в «елочку» из прочного кирпича, выдержавшего перепады температур почти вековой период.

Во второй половине дня понедельника, 7 июля, добрался до Болдина студенческий реставрационный отряд, в составе которого

оказалось десять девчат и пять ребят. Состав явно не для тяжелых строительных работ, но как мне пояснил командир отряда Валентин Воробьев, состав отряда отражал возможности педагогического института.

Бойцы отряда сразу принялись за обустройство кухни, а девичий состав занялся облагораживанием жилища. На следующий день все силы были направлены на разборку завалов на паперти, а также в подклетах церкви Введения и келарской палаты. Расслоившиеся кирпичную кладку восточной стены паперти перед входом в подклет церкви Введения для безопасности пришлось укрепить стяжкой. Начали раскопки и на руинах колокольни. Работали в основном кирками и лопатами, мусор и щебень относили от места раскопок на носилках. Старый большемерный кирпич складывали в штабеля. Приезд отряда подтолкнул руководство МСО ускорить доставку в Болдино стандартного кирпича для выкладки свода, так как для начала выкладки свода нужно было быть уверенным в наличии материала, а кирпича требовалось около одиннадцати тысяч штук.

П.Д. Барановский приехал в Болдино с Михаилом Громовым 15 июля. На следующий день Громов начал работу с выкладки щитков над перемычками арок световых проемов окон западной стены подклета трапезной, готовя тем самым оконные проемы к установке шаблонов распалубок коробового свода. Бойцы отряда укрепляли поддерживающие леса для выкладки свода и завершали опалубку, а также помогали А.П. Кабанову, местному кузнецу, выправлять обнаруженную при раскопках металлическую связь, которую мы решили приварить на «родное» место в середине коробового свода первой палаты. Сечение древней связи составляло 6×4 сантиметров, а длина около шести метров, для ее выпрямления пришлось пробить отверстие в горне кузницы. Благо кузница была недалеко от северо-восточной (тюремной) башни ограды монастыря, куда покоренная взрывом связь и была перенесена. Вскоре связь была приварена газосваркой

приехавшим со всем необходимым оборудованием совхозным специалистом к торчавшим внутри помещения концам, естественно, с укреплением в местах стыков накладками.

Для выкладки распалубок в местах врезания в свод расветных арок окна в западной стене и двери во вторую палату в восточной стене, необходимо было устроить опалубку. Барановский предложил плотнику на глаз выполнить распалубку, как, видимо, это и делалось мастерами в XVI веке. Я же решил проявить свои знания приемов построения линий пересечения различных криволинейных поверхностей, усвоенные из курса начертательной геометрии в высшем учебном заведении. Сделал два простеньких чертежа, которые, к моему большому удивлению, сохранились в архиве П.Д. Барановского в Музее архитектуры им. А.В. Щусева – РХИВ, Оп.2, д. 143, л. 52, 53 (КПОФ – 4819/143). По этим чертежам и были выполнены распалубки, что стало моим первым опытом архитектурной работы.

Завершив работу над окнами западной стены, Миша Громов выложил внешнюю расветную арку окна в южной стене первой палаты. Это был первый архитектурный элемент, восстановленный на южной стене подклета трапезной. Около восстановленного окна мы и сфотографировались на память, показывая приехавшему в Болдино на выходные дни директору формировавшейся в Москве новой реставрационной мастерской Евгению Михайловичу Верченко фронт работ на памятнике. Особенность новой реставрационной мастерской заключалась в том, что создавалась она в структуре ВООПИИК в первую очередь для реставрации памятников столицы и была в подчинении Московского городского отделения. Базировалась мастерская в Москве на Крутицком подворье, где уже длительное время велись реставрационные работы под руководством П.Д. Барановского. Верченко впервые был в Болдинском монастыре, но был основательно подготовлен к встрече с руинами, так как ранее работал с Петром Дмитриевичем на

реставрации нескольких памятников. Евгению Михайловичу было важно увидеть своими глазами сложность предстоящих работ, чтобы убедить руководство МГО ВООПИИК откомандировать в Болдино каменщиков-реставраторов, приостановив работы в Крутицах. В результате для выкладки свода в Болдино было разрешено отправить двух каменщиков – В.Н. Киселёва и А.М. Курбатова.

Перед началом выкладки свода, в воскресенье 27 июля, для всех участников работ была устроена экскурсионная поездка в усадьбу Алексино. Дорогобужский Отдел культуры выделил автобус «Кубань», на котором мы, только благодаря мастерству вождения шофера, знакомого с местным бездорожьём, успешно добрались от Болдина до города Дорогобужа. По пути повстречали ехавшего в Болдино из Москвы Олега Игоревича Журина, принятого на должность главного архитектора в московскую реставрационную мастерскую, который, естественно, присоединился к нашей экскурсии. Барановский включал памятники Болдина монастыря в приоритетные объекты создаваемой мастерской, рассчитывая зародить на Крутицах Школу Реставрации, где все участники восстановления памятника, от подсобного рабочего до архитектора, должны быть погружены в захватывающий исторический процесс.

Преодолеть семнадцать километров от Дорогобужа до Алексина оказалось значительно проще, чем почти аналогичный по протяженности путь от Болдина до города. В Алексине автобус не осилил лишь горку при въезде в усадьбу, но это позволило нам неспешным прогулочным шагом войти в среду замечательного ансамбля XVIII–XIX веков среднерусской усадьбы. Полюбовались гармонией величественного Архангельского храма и могучего дворца у каскада прудов, посетовали на запущенность хозяйственных построек и огромного парка из вековых лип. В этом запущенном, но не порушенном достопримечательном месте еще сильнее ощутили мы масштабность предстоящих трудов в Болдине.

Пообедав на обратном пути в столовой города Дорогобужа, что находилась в восточной части города, рядом с местом, где в начале XX века стояли небольшие деревянные постройки подворья Болдина монастыря, поехали в Болдино. После широты и величественности Алексина в стенах бывшего Болдина монастыря показалось нам уютнее, и даже вода в небольшом пруду на речке Болдинке казалась мягче и теплее обычного.

В Болдине нас ждали гости. Из Смоленска на денек приехал инспектор областного Управления культуры Василий Иванович Масленин, который недавно заступил на новую работу и довольно активно включился в дело сохранения исторического наследия Смоленщины.

В понедельник, 28 июля, каменщики начали разбираться с системой выкладки распалубок свода совместно с О.И. Журиным. Для каменщиков, как и для меня и для архитектора Журина, этот свод был первой реставрационной работой. Таким образом, на руинах Болдина монастыря сотрудники новой московской реставрационной мастерской при ВООПИиК начинали постигать практику производства реставрационных работ.

Московские дела не позволили П.Д. Барановскому задержаться в Болдине и, 30 июля, он был вынужден с Журиным выехать в Москву. Заехав в Дорогобуже в МСО, Барановский написал доверенность, которой поручал мне, как своему заместителю по работам в Болдинском монастыре, подписывать процентовки, а также другие финансовые и строительные документы.

Выкладка свода в Болдине давалась не просто. Раствор для кладки готовился вручную, все подъемы материала на свод выполнялись вручную с помощью блока. К четвертому августа кладка свода была практически завершена и каменщики замыкали кладку «замком». Третьего августа приехали в Болдино для поддержки два бойца из студенческого отряда Смоленского филиала Московского энергетического института, что трудились в Хмелите, – Б.В. Корольков

и В.А. Алексеев. Это оказалось очень кстати, так как мужская сила отряда пединститута явно была измотана. Реставрационный отряд Смоленского пединститута выехал из Болдина пятого августа. Дожливая погода превратила грунтовую Смоленскую дорогу в месиво. До Дорогобужа добирались на грузовой машине, расположившись в кузове поверх всех вещей на матрасах. Особо тяжело далось прохождение участков дороги в пойме реки Сукромли перед Полибиным и между двумя мостами в пойме реки Осьмы.

Барановский в Москве переживал за работы в Болдине, о чем свидетельствуют два его письма, сохранившиеся в моем архиве. Одно письмо было написано 3 августа, а второе 9 августа. Второе письмо было написано после моего телефонного звонка, когда я порадовал Барановского тем, что выкладка свода в южной части первой палаты полностью завершена. Выбраться в Болдино он так и не смог.

Судя по отрывочным записям, реставрационный сезон 1969 года в Болдине завершился не позднее 17 августа. С отъездом студенческого отряда проявились бытовые сложности с организацией питания, явно не хватало женских рук на кухне.

Воскресенье и понедельник, 10–11 августа, мы решили передохнуть от трудов в Болдине. С Мишей Громовым я отправился в путешествие по местным историческим достопримечательностям. От Болдина до Дорогобужа прошли пешком в сопровождении Т.П. Новикова с заходом на Мендеревское городище. Переночевали в гостинице города Дорогобужа, а утром на попутной машине добрались до села Усвяты, откуда Барановский в 1920-е годы перевез в Болдино деревянную церковь для создававшегося музея. Побродили по потерявшему древний облик селу. Старые деревья и кладбище подсказали нам место расположения разрушенной кирпичной церкви. На кладбище наше внимание привлек на одной из могил кованный крест, возможно украшавший ранее одну из главок церкви. Заливными днепровскими

лугами прошли до русла реки к деревянному пешеходному мосту, по которому переправились на правый берег. Целью нашего путешествия был Бизюков монастырь, точнее место, где в первой половине XVII века был основан Салтыковыми на окатоличиваемой территории православный монастырь. На высоком холме увидели мы лишь отдельные фрагменты оплывших цокольных частей кирпичных сооружений. Следов активной хозяйственной деятельности совхоза имени Фрунзе на холме не было, что вселяло надежду на сбережение пластов древней культуры.

К вечеру в понедельник возвратились мы в Болдино. До отъезда из Болдина Миша Громов выложил рассветную арку и щиток на северном окне западной стены. К сожалению, из-за отсутствия пиломатериала не удалось, как настаивал П.Д. Барановский, начать изготовление и установку кружал на вторую половину первой палаты. Перед отъездом были забиты все проемы и щели на объекте реставрации, так как приступить к продолжению работ предполагалось только в летний период следующего года. Скудные средства, выделенные на работы, были израсходованы.

Результаты работы в Болдине усилиями МСО Дорогобужа, студенческого отряда Смоленского педагогического института и Московской реставрационной мастерской при ВООПИиК были вполне удачными, что подтвердил в своем письме от 19 августа 1969 года П.Д. Барановскому В.И. Масленин – «...Отряд выполнил план работ, рассчитался и уехал. Из трех отрядов студенческих – отряд в Болдино – лучший, результаты видны ...»¹. На работы в Болдине в 1969 году было израсходовано восемь тысяч рублей.

По возвращению в Москву я вернулся на работу в ЭНИН, но вечера и выходные дни, естественно, были отданы болдинским проблемам – составлялись планы и заказы для

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 64.

восстановительных работ на летний сезон следующего, 1970 года. Велась также подготовка к выполнению макета колокольни, к которой я не разумел, как и подойти. Барановский упрощал задачу, предлагая сделать из прочного картона развертку из шести равных граней, на лицевые поверхности которых можно будет нанести чертежи сохранившихся крупных фрагментов. Развертку в сложенном виде было бы легко перемещать, а для демонстрации устанавливать в вертикальном положении в форме шестигранника. При этом, конечно, не воплощалось живописное завершение сооружения в виде «Голгофы» из трех ярусов кокошников, несущих открытый барабан с главкой.

В 20-х числах сентября получил я письмо от Т.П. Новикова, который писал, что за прошедший месяц с момента нашего отъезда он составил четыре акта на нарушителей и воров, которые пытались выносить доски и кирпичи с объекта реставрации. Для прекращения хищений он предлагал загородить проломы и проемы дверей и ворот в стенах ограды монастыря, а также провести ремонт дома на территории монастыря, где мы размещались в период проведения работ. Новиков готов был и в зимний период присматривать за домом и за территорией монастыря, но зимовать в аварийном доме было невозможно. К сожалению, организовать ремонт дома и устройство заграждений в ограде без присутствия москвичей не получалось.

В конце сентября, как было заведено в советское время, сотрудники научно-исследовательских институтов направлялись на село для помощи в уборке урожая. Был и я направлен в подшефный совхоз в село Дровнино, что почти на границе Московской области со Смоленской. Выезд на сельхозработы был практически обязательной, но привлекал меня тем, что за работы в выходные дни полагались отгулы, которые я намеревался использовать для выездов в Болдино.

Пребывание в совхозной гостинице подарило мне некоторое прозрение в болдинских проблемах. Перед окнами гостиницы была

припаркована грузовая машина с блоками пенопласта, предназначенного, видимо, для утепления каких-то совхозных сооружений. Большие, площадью больше метра, а толщиной всего в несколько сантиметров, блоки показались мне идеальным материалом для воплощения завершения макета колокольни и тем более граней макета. В Москву я возвращался с планом работ над макетом.

Директор Московской научно-реставрационной мастерской при МГО ВООПИиК Е.М. Верченко 14 октября 1969 года командировал меня на подмосковный завод за пенопластом. Необходимый материал, которого требовалось не очень и много, приходилось добывать также через родственников и знакомых на различных предприятиях. В результате уже в октябре работа над макетом была начата. Трудиться приходилось в домашних условиях однокомнатной квартиры в Медведкове, куда семью выселили в 1966 году из-за сноса нашего дома недалеко от станции метро «Семеновская».

В конце октября получил я письмо от В.И. Масленина, в котором он сообщал, что на работы в Болдине монастыре на 1970 год утверждена сумма десять тысяч рублей, а также информировал о том, что он продолжает хлопотать о выполнении ситуационного плана монастыря и территории, которые заказаны в Дорогобужском Отделе землеустройства. В письме от 13 ноября он уже сообщал, что направлены необходимые письма по включению болдинских работ на 1970 год в план Дорогобужской МСО и то, что учитель болдинской школы П.Б. Соловьёв оформлен по совместительству хранителем музея, вместо В.Н. Рахмановой.

Более подробно о положении дел в Болдине сообщил мне Т.П. Новиков в письме от 21 ноября, в котором он писал, что П.Б. Соловьёв принял дела у В. Рахмановой. Однако, нашлись и противники его назначения, поэтому и не создан до сих пор Совет музея, о составе которого мы договорились еще в период проведения летних работ. Завершалось письмо следующим абзацем: «...А зав Отде-

лом Культуры Валентине Павловне Гриб все безразлично. Она как-то выразилась: «Очень много денег тратится на Болдино». Надеюсь, что мы с Вами сумеем развеять антиболдинские настроения у районных работников ...».

В декабре мне удалось плодотворно потрудиться над макетом колокольни. Из легких, но прочных листов пенопласта, толщиной около двух сантиметров был склеен шестигранник, ширина каждой грани составила около тридцати сантиметров, а высота почти девяносто сантиметров. Жесткость верха шестигранника обеспечивалась прочным блоком пенопласта, по высоте равном кокошникам первого ряда. Кокошники из специального пенопласта выточил замечательный мастер, трудившийся в лаборатории Электросистем ЭНИНа, – Иван Иванович Меркулов. Завершение макета, состоявшее из двух верхних рядов кокошников, барабана и главки, выполнялись отдельно и при перемещении макета могли помещаться внутрь шестигранника.

Кстати, макет помог уточнить компоновку верхних рядов кокошников. Дело в том, что имевшийся чертеж расположения кокошников второго и третьего рядов П.Д. Барановский выполнял в 1918 году, когда еще не было у него возможности заглянуть под шестискатную крышу. Кокошники верхних рядов были открыты только при проведении реставрационных работ на трех гранях в 1923–1926 годах¹. Поэтому взаимное расположение кокошников уточнялось по фотографии, выполненной с юго-восточной стороны в 1926 году (т.е. после восстановления части кокошников второго и третьего рядов). С этой целью на макете была реализована возможность перемещения отдельных рядов кокошников относительно друг друга для достижения взаимного расположения кокошников всех трех рядов, соответствующего виду на фотографии.

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной А.М. Пономарев. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 26–41.

1970 год

В наступившем 1970 году нагрянули неожиданные неприятности, многим моим бывшим сокурсникам по МЭИ начали присылать повестки из военкомата. События в Чехословакии подтолкнули наших правителей укреплять обороноспособность страны, и на службу начали призывать младших офицеров запаса. Получил повестку и я, что могло привести к отлучению меня от работ в Болдине как минимум на два года. Выручило письмо, направленное в военкомат из Управления культуры Смоленского Облисполкома, в котором ходатайствовали о необходимости моего участия в важной патриотической работе по формированию в Болдине Музея Партизанской Славы.

Так что в конце января я продолжил письмами и звонками напоминать в Смоленск о подготовке к летнему реставрационному сезону. К сожалению, поздней осенью 1969 года из Управления культуры уволился В.И. Масленин, который активно подключился к проблемам Болдина в августе месяца, но продолжал действовать П. Лабузов.

В феврале месяце в ЦС ВООПИиК на имя В.Н. Иванова поступает письмо из Смоленска за подписью заместителя начальника Управления культуры С. М. Маркова с констатацией успехов в проведении реставрационных работ в Болдине с помощью Московской реставрационной мастерской ВООПИиК и с просьбой о продолжении сотрудничества в 1970 году. В марте месяце практически аналогичное послание поступило из Смоленска на имя Председателя Московского отделения ВООПИиК С.В. Кафтанова.

Весной началась подготовка к формированию студенческого отряда. За подбор состава отряда взялся командир отряда минувшего года В. Воробьев. Учитывая характер и условия проведения болдинских работ, решаем брать девочек только для работы на кухне (два-три человека) и восемь-десять бойцов.

Барановский, узнав, что в мае месяце Научно методический совет (НМС) по охра-

не памятников при Министерстве культуры СССР планирует провести сессию реставраторов, стал торопить с изготовлением макета колокольни. Для привлечения внимания к работам в Болдинском монастыре он решил выступить на сессии с обстоятельным докладом о реставрационных работах 1920-х годов, о которых из-за отсутствия публикаций, мало кто из реставраторов и знал. Вторым важным моментом доклада должно было стать предложение о восстановлении колокольни Болдинского монастыря с использованием подлинных фрагментов кладки. Макет колокольни предполагалось использовать в качестве иллюстрации к докладу. В составленных П.Д. Барановским тезисах предусматривался и мой небольшой содоклад с показом фотографий сохранившихся фрагментов кирпичной кладки колокольни и высказыванием предложений по их укреплению и использованию.

В марте месяце я перевез макет в реставрационную мастерскую в Крутицы. Художник Михаил Николаевич Гребенков покрасил весь макет в белый цвет и на двух гранях макета (юго-западной и юго-восточной) показал раскладку кирпичной кладки сохранившихся крупных фрагментов. Барановского макет колокольни поразил. Он, по всей вероятности, просто не ожидал, что в недавно созданной реставрационной мастерской способны это сделать. Его захватила идея воплотить в аналогичном масштабе и другие сооружения Болдина монастыря – Троицкий собор и трапезную палату с церковью Введения. Не рассчитывая в обозримом будущем увидеть восстановленными памятники, он задумал сделать в реставрируемой первой палате подклета трапезной экспозицию макетов главных сооружений монастыря.

В небольшом лекционном зале Музея архитектуры им. А.В. Щусева 25-28 мая 1970 года состоялась сессия московских реставраторов. Первым было выступление П.Д. Барановского, его основательный доклад вместо отведенных двадцати минут продолжался около часа, и на сообщение по колокольне времени осталось

очень не много, но макет колокольни делал свое дело, так как все дни работы сессии находился на виду у участников. В кулуарах было много вопросов по Болдинскому монастырю, так как большинству участников были неведомы замечательные архитектурные сооружения монастыря. По результатам сессии были написаны хорошие отзывы специалистов в поддержку работ в Болдине, которые помогали П.Д. Барановскому отстаивать необходимость финансирования работ¹. Краткие тезисы указанного сообщения были опубликованы только в 1996 году².

Я присутствовал не на всех заседаниях сессии, так как подытоживал материалы работы в ЭНИНе перед отъездом в Болдино на летний сезон. Администрация лаборатории и института опять с полным пониманием отнеслись к моему делу.

В понедельник, 1 июня, утром я уже был в Дорогобуже. Днем добрался до Болдина, вечером вернулся в Дорогобуж для начала организации нового сезона работ на руинах. В среду, 3 июня, нагрузили в МСО машину необходимыми для начала работ материалами, инструментами и постельными принадлежностями для дома, ставшего приютом реставраторов на территории монастыря, а то ранее приходилось все привозить из Москвы. К вечеру приехали в Болдино. На следующий день Соловьёв с Бобылёвым начали готовить кружала для второй половины (северной части) первой палаты. Настя Бобылёва трудилась на разборке завалов во второй палате.

В субботу, 6 июня, приезжала писательница из Москвы, собиравшая материал о жизни на Смоленщине. Дорогобужское руководство, конечно, решило показать ей зачатки

Музея Партизанской Славы, работы по вывозу из руин древних монастырских сооружений. Вера Дмитриевна Шапошникова, так представилась гостя из Москвы, свои болдинские впечатления включила в книгу очерков о Земле Смоленской³.

На следующий день утром на лошадке поехали мы в лес за подтоварником. До обеда вывезли сорок штук заготовленных ранее сосновых стоек для установки кружал в первой палате. После обеда отмечали праздник «Весны и труда», так величали в те годы День Святой Троицы. Этот большой православный праздник, бывший для монастырского собора престольным, в Болдине помнили. Практически в каждом доме были гости. Женщины же по православным праздникам собирались в Болдине у Святого колодца, упрятого на заросшем косогоре. По преданиям это было место первого поселения на Дорогобужской Земле основателя монастыря Преподобного Герасима. Там была даже построена в послевоенное время небольшая тесовая часовенка, но местные агрессивные богоборцы добрались и туда и спалили часовенку. Мне довелось сфотографировать это почитаемое местными жителями местечко, где на обугленных стойках красовалась отпечатанная типографским способом иконка, украшенная вышитыми полотенцами и цветными косынками.

После праздника за два дня установили в первой палате все семь кружал, так что конструкция была подготовлена к опалубке. В среду с Павлом Борисовичем пошли в Дорогобуж. Он направлялся в Смоленск на государственные экзамены в педагогический институт, так как завершал обучение на заочном отделении, а я пошел по дорогобужским кабинетам. В Отделе землеустройства у Буленкова узнал, что планы Болдина практически готовы, а в МСО подал Д.А. Сергееву очередную заявку на материалы и инструменты.

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 65.

² Пётр Барановский. Труды, воспоминания современников. Составители: Бычков Ю.А., Барановская О.П., Десятников В.А., Пономарёв А.М.. «Отчий дом». – М., 1996. – С. 94–98.

³ Шапошникова В.Д. «Жемчужина в ожерелье». – М.: «Советская Россия», 1972. – С. 271–285.

Возвратившись в Болдино, помог Бобылевым расправиться с крупным железобетонным блоком, который мешал вести разборку завалов при входе в подклет церкви Введения. Бетонные блоки, армированные металлом, говорили нам о титанической работе, проведенной в 1920-е годы при укреплении четверика и восьмерика церкви Введения, но очень мешали работе, так как разбивать их приходилось кувалдой, что давалось очень непросто. При разборке завалов в подклете церкви Введения было найдено много изразцов XVIII века от печи, стоявшей в северо-западном углу церкви, которую зафиксировал П.Д. Барановский в 1912 году. Набралась целая корзина фрагментов изразцов, которые требовали особой заботы: очистки от загрязнений, подбора, компоновки и склеивания. Очень увлекательным было это занятие, превращения груды осколков в красивые изразцовые плитки. Недалеко от места, где стояла печь XVIII века, был найден также фрагмент замечательного терракотового изразца, не встречавшегося ранее в Болдине рисунка. Вполне возможно, этот изразец был от более древней печи, стоявшей в этом месте, поэтому, не откладывая, я сделал его полную реконструкцию. С внешней стороны северной стены подклета Введенской церкви тоже попадались изразцы.

Готовился я и к приезду каменщиков, откапывал заложенное окошко в западной стене подклета паперти. Сделал я и чертеж этого окна, чтобы сохранить все размеры при укреплении кладки стены. Для более качественной фотофиксации приобрел в Дорогобуже простенький, но редкий в те годы, широкоплеченный фотоаппарат «Любитель».

В понедельник, 16 июня, из Москвы приехал потрудиться Саша Александров, как и в прошлом году, он занялся с В.Е. Бобылевым опалубкой – главной подготовительной работой к выкладке второй половины свода первой палаты.

Получил я письмо от П. Лабузова из Смоленска, в котором он отвечал на мои постоянные запросы – письменные и по телефону – о

подготовке студенческого отряда и о проблемах с сохранением памятников Алексина и церкви Петра и Павла в Дорогобуже. К сожалению, не было в письме обнадеживающих перспектив на получение большемерного кирпича для работ в Болдине.

В пятницу, 19 июня, был я в Дорогобуже. В МСО договорился о выделении машины для доставки в Болдино извести. Ночевал в гостинице, чтобы утром встретить гостей из Москвы. В семь утра прибыл первый автобус из Сафонова. Приехала Ольга, моя будущая супруга, а с ней выбралась и жена Саши Александрова – Галина. Решили девочки посмотреть, как мы трудимся на монастырских руинах. Добрались до Болдина к середине дня. Долго грузили на складе МСО на Ямщине известь. Гашеную известь женской бригаде МСО пришлось ведрами поднимать из глубокой ямы, но откладывать завоз извести не было возможности, так как скоро должны были приехать в Болдино каменщики. Машина позволила нормально, в кабине, довезти до Болдина и гостей. Молодые труженики МСО выручали в самых безнадежных ситуациях, не каждый шофер соглашался ехать в Болдино по разбитой дороге. В Болдине, после разгрузки извести, подвезли песок для приготовления раствора, а затем съездили в лес и помогли шоферу, Мише Паршакову, погрузить заготовленные березовые жерди. Частные дома в Дорогобуже были с печным отоплением. Так что освободился я только к вечеру и смог показать гостям живописное природное окружение порушенной обители.

На следующий нерабочий день, 21 июня, воскресенье, позволили себе выбраться на главную местную природную достопримечательность – Абрамовское озеро. Это чудо природы ледникового происхождения, небольшое по площади, около шести гектаров, но глубиной более двадцати метров. В XVI веке это озеро было во владении у Болдина монастыря и упоминается в Житии Преподобного Герасима Болдинского. От Болдина до озера всего километра три по приятной грунтовой дороге, вдоль оканавленной юж-

ной границы бывших монастырских земельных владений. Прогулка была неумотительной и приятной. Жаль только, что искупаться в озере не тянуло, было солнечно, но прохладно. В Болдино вернулись мы только часам к семи вечера.

На следующий день я провожал гостей, до Полибина дошли пешком, где нагнала нас попутная машина из Васина. В 11 часов были уже в Дорогобуже. Посадил девчат на автобус до Сафонова, а сам направился в Болдино, куда добрался к 15 часам. Занялся подготовкой к выкладке дверного проема между первой и второй палатами. Докопался до не поврежденного плана проема, что позволяло документально восстановить этот элемент памятника, который, естественно, не мог обмерить в 1920-е годы Барановский.

В среду Бобылёв с Александровым завершили опалубку для выкладки свода северной половины первой палаты, на которую я смог нанести контур распалубки северного окна западной стены. Вечером потрудились немного в музейной березовой роще, что с восточной стороны монастыря, собирали сушняк и остатки покалеченных «дикими» туристами березок. В четверг утром Саша Александров уехал в Москву, вполне удовлетворенный болдинской трудовой десятидневкой. Распалубку Бобылёв мастерил уже без отличного помощника.

Неожиданно, в понедельник, 29 июня, прибыло подкрепление из Москвы, два десятиклассника, которые бывали на субботах в Крутицах и мечтали поработать во время каникул на реставрации. Привезли они мне письменное послание от П.Д. Барановского, в котором он сетовал, что нет от меня вестей о работах. Я несколько раз звонил в Москву, но обещанных каменщиков из реставрационной мастерской не присылали, поэтому и писать-то было не о чем, а сообщать о бесконечных хлопотах не очень-то было и интересно. Не дождавшись каменщиков из мастерской, недели две назад, отправил я письмо Е.И. Плешанову, с просьбой приехать потрудиться в Болдино, так как со-

хранял с ним хорошие дружеские отношения. Об этом письме, естественно, узнал П.Д. Барановский, у которого остался очень негативный осадок от конфликта с Плешановым в Болдине в 1968 году. В послании Барановский напомнил мне, как Емельян Иванович разбирает старую кладку для начала выкладки новой, и констатировал: «...А так как совершенно прочного в данном памятнике совсем нет, то из такой ситуации ничего не выйдет, кроме бесконечных конфликтов и споров, в которых у него имеется неодолимо мощное оружие – угроза бросить работу и уехать, если Вы (или я) не будем ему уступать. ... В деле реставрации лучше надеяться на себя, на здравый смысл и лозунг «лучше меньше, но лучше», не забывая, что реставрация это лечение, а не создание нового организма». Я почувствовал, что мое обращение к Плешанову расстроило Барановского, поэтому, не задерживаясь, написал и отправил Петру Дмитриевичу письмо, чтобы порадовать работами, пусть и небольшими, выполненными на трапезной палате. Кстати, сообщил, что получил на днях письмо от Емельяна Ивановича, который известил, что в Болдино приехать не сможет по домашним обстоятельствам.

Приехавших школьников поставил я чистить от известкового раствора старые большемерные кирпичи, добытые при разборе завалов, так как надежды получить новый большемерный кирпич к приезду каменщиков практически не оставалось.

Утром, первого июля, приехала в Болдино большая делегация. В районе гостили представители экипажа теплохода «Дорогобуж», побратима города. Гостей сопровождала группа киноработников «Центрнаучфильма», снимавших сюжеты для киножурнала «Голубые просторы». Конечно, с гостями были и местные райкомовские работники – А.Ф. Воробьев, Е.И. Губина и Н.А. Бородин. Главной исторической достопримечательностью в районе в то время была усадьба Барышниковых «Алексино», где мореплавателям, поймавшим капиталистические страны, было

что показать из сохранившихся замечательных архитектурных сооружений и достойно принять в недавно отреставрированном зале барского дворца с расписанным растительным орнаментом потолком. Этот зал, как говорили местные жители, потом долго хранил аромат экзотичных для советских людей сигарет «Marlboro». В Болдине же гостям я показал фотографии замечательного архитектурного ансамбля XVI века, фрагменты древних сооружений в руинах Троицкого собора и колокольни и очищенную от завалов древнюю кладку трапезной палаты. Конечно, вся экскурсия сопровождалась словами убежденности в возрождение ансамбля. Возможно, благодаря этому сохранились где-то кинодокументы начала реставрационных работ в Болдине. Из уст второго секретаря РК КПСС Алексея Филипповича Воробьева, активно содействовавшего решению болдинских проблем, мне часто доводилось слышать, что он всегда будет привозить в Болдино гостей и влиятельных лиц, чтобы привлечь внимание к этому достопамятному месту.

Из-за отсутствия в Болдине приличного помещения для приема гостей, на трапезу расположились на лужайке за домом Н.М. Кирженкова, т.е. недалеко от Святого колодца на монастырской горке, где раньше стояла часовенка монастырским форпостом на Старой Смоленской дороге. Был зажарен барашек, свежие огурчики предлагалось попробовать с медком. Конечно, не обошлось и без «Столичной». Было сказано много красивых и добрых слов о древней Дорогобужской Земле. Директор совхоза произнес даже тост: «За восстановление Болдинского монастыря», видимо, проникся вниманием гостей к «изюминке» совхозных владений. Не обошлось и без песен, а запевалой был Алексей Филиппович, который, чувствовалось, особо вдохновлялся на природных просторах после райкомовского кабинета.

В Дорогобуж гости отбыли поздно вечером. Я воспользовался возможностью добраться до города на райкомовском «ГАЗике», в чем

мне и ранее частенько содействовали Елена Ивановна Губина и Николай Андреевич Бородин, которые всегда приветливо встречали в двухэтажном здании из силикатного кирпича недалеко от «Креста» в Дорогобуже.

Переночевав в гостинице, утром был я на Ямщине в конторе МСО, целый день занимался оформлением процентовок и нарядов, но главное, убеждал руководство МСО направить в Смоленск грузовую машину за большемерным кирпичом, небольшое количество которого было заготовлено для реставрации крепостной стены. Директор Смоленской реставрационной мастерской Г.М. Аптекин, таким образом, изыскал возможность поддержать работы в Болдине.

На следующий день в 6 часов утра выехал я на машине МСО в Смоленск. Доехав до Смоленска, в реставрационной мастерской встретился с Аптекиным, подписал необходимые документы, договорился о погрузке большемерного кирпича и пошел в Управление культуры, благо все организации располагались довольно близко, в черте древнего города. В Управлении культуры с П. Лабузовым составили трудовое соглашение на выполнение съемки и чертежей планов Болдина, которые были сделаны специалистами Отдела землеустройства в Дорогобуже. Все проблемы удалось решить до обеда и вечером благополучно, с кирпичом, добраться до Болдина.

В воскресенье, 5 июля, приехал из Москвы каменщик, Геннадий Андрейчиков. Он рассказал о том, что в Московской реставрационной мастерской новое начальство, и бригаду каменщиков за неповиновение, по другой версии, за пьянство, приговорили к увольнению. Привез Андрейчиков небольшое послание от Барановского, из которого стало понятно, что идет борьба за сохранение бригады каменщиков.

Мастерство приехавшего каменщика я не знал, поэтому для проверки поручил ему подремонтировать печь на летней кухне, сохранившейся со времени работы реставрационного отряда в прошлом году, у садка в северо-восточном углу территории монастыря.

Следом за первым каменщиком стали подъезжать и другие члены опальной бригады. Сначала подъехали двое – Саша Курбатов и Павел Линицкий, а затем и бригадир В.Н. Киселёв. Начали работы в первой палате, выравнивали кладку сохранившихся фрагментов кладки свода, т.е. начали подготовку к выкладке второй половины свода первой палаты. Занялись также укреплением кладки в основании южной стены первой палаты.

В эти же дни довелось мне пообщаться в Болдине с известным специалистом по истории русской архитектуры Владимиром Владимировичем Косточкиным. Он с помощником, аспирантом Юрием Николаевичем Герасимовым, совершал путешествие из столицы до Смоленска на собственном «Москвиче». Набирался свежих впечатлений для новой книги из серии «Дороги к прекрасному», издания карманного формата которой пользовалась в те годы большим спросом у читателей. Книга под названием «Старым Смоленским трактом» была выпущена издательством «Искусство» в 1972 году. Из этого популярного издания большинство отечественных ценителей исторического наследия Отечества фактически впервые узнали о трагической истории памятников Болдинского монастыря, и, надеюсь, порадовались тому, что были начаты на территории монастыря реставрационные работы. Конечно, я провел гостей по очищенным от завалов палатам первого яруса трапезной палаты, показал небольшой музей в часовне. Проявили специалисты интерес к старым фотографиям монастыря и к фотографии макета колокольни, которую В.В. Косточкин попросил для готовящейся книги. Я ответил, что готов передать в Москве, после разрешения П.Д. Барановского, так как макет выполнен по его обмерам 1920-х годов, которые нигде не публиковались. Позже согласие Барановского было получено, и фотография макета колокольни была передана Косточкину, пользуясь которой он и выполнил свой живописный рисунок, приведенный в книге. В благо-

дарность Владимир Владимирович передал мне адаптированные машинописные тексты неопубликованных приходно-расходных книг Болдинского монастыря за 1592, 1600, 1604 годы, хранившихся в Ленинградском Отделении Института Истории, которых не было и в архиве Барановского. Указанные материалы В.В. Косточкин выявил при работе над книгой «Государев мастер Фёдор Конь», изданной в 1964 году и до настоящего времени являющейся единственным научным исследованием о великом русском зодчем. Переночевав в Болдине, исследователи продолжили свой путь на запад, пригласив меня составить компанию, а заодно и быть проводником на запущенной древней дороге и показать достопримечательности Дорогобужа. В городе мы и распрощались, так как меня ждали болдинские заботы.

Вечером, 9 июля, добрался до Болдина из Смоленска долгожданный студенческий реставрационный отряд. Возглавил отряд, как и в прошлом году Валентин Воробьев, который учел опыт прошлого года и подобрал для работы, в основном, крепких парней (семь человек) и трех девочек для кухонных работ.

К приезду отряда, за полторы недели, было завезено почти десять тысяч штук стандартного кирпича из Сафонова, что позволяло начать выкладку свода, однако подготовительные работы заняли дня четыре. Курбатов и Линицкий занимались выравниванием сохранившихся частей свода, выложенных большемерным кирпичом. Киселев встал на выкладку дверного проема между первой и второй палатами со стороны второй палаты, а Андрейчиков укреплял фундамент под окном в южной стене первой палаты. Студенты готовили ящики для раствора, устанавливали емкости для воды, завозили песок для раствора и устраивали приспособления для подачи материалов на свод.

Выкладку свода начали в среду, 15 июля. Самым сложным элементом в своде, что нам было знакомо по опыту прошлого года, являлась выкладка «усов» распалубки окна, поэтому заранее начали готовить тесаные

кирпичи по опробованному в прошлом году шаблону. Выкладку распалубки окна в западной стене взял на себя В. Киселёв, а остальные каменщики клали прямые ряды, толщиною в один кирпич. После выкладки распалубки Киселёв уехал в Москву. Я тоже смог себе позволить выехать из Болдино после обеда в субботу. Дело в том, что на неделе спонтанно возникла мысль устроить встречу у костра группы молодых людей, работавших над проблемами сохранения исторического наследия на Смоленщине. За мной приехал из Смоленска на мотоцикле Саша Иванов, работавший в прошлом году в студенческом реставрационном отряде в Хмелите. По Старой Смоленской дороге добрались мы до Вязьмы, где встретились с четой Петровых. Наташа Петрова служила ответственным секретарем Вяземского районного отделения ВООПИиК, а ее супруг Вячеслав активно включился в реставрационные работы на памятниках города Вязьмы. Оба уже неоднократно побывали в Болдине в периоды проведения реставрационных работ. Петровы показали нам Спасскую башню Вяземской крепости, где велись подготовительные работы к началу реставрации и поведали о планах работ. К вечеру поехали мы в Хмелиту к Кулакову. Туда же подъехала группа из Московского архитектурного института, которая занималась сбором материалов по памятникам архитектуры Смоленской области. Группа состояла из трех студенток и Николая Каменева, который прекрасно выполнял фотофиксацию памятников. Они подъехали на «ГАЗончике», выделенном им для работы областным руководством. Собравшись в Хмелите, поехали на берег реки Вязьмы, где намечали порыбачить и пообщаться у костра. Был замечательный теплый вечер, попытались побродить с бредешком, но безуспешно, поэтому на трапезе пришлось довольствоваться прихваченной закуской. Часов до трех ночи у костра делились впечатлениями о памятниках Смоленщины. Те, кто остановился в Хмелите, направились туда и на ночевку. Я с Сашей Ивановым решил

вернуться в Болдино. Когда забрезжил рассвет, добрались до Вязьмы, но скоро стала сказываться усталость водителя. Миновав Вязьму, решили присмотреть стожок на обочинах Старой Смоленской дороги, ставившейся с каждым годом запущенной, особенно после Семлёва. Выбрав удобное место, немножко вздремнули, наслаждаясь тишиной и луговыми ароматами.

В Болдино приехали около восьми часов. Кладку свода накануне довели до замка с обеих сторон (на замок оставили восемь рядов). Перед установкой замка каменщики решили денек передохнуть, благо этот день выпал на воскресенье. Часов в одиннадцать приехал из Смоленска Г.Т. Рябков. Приехал посмотреть, как идут реставрационные работы, на практически убитом памятнике XVI века, а заодно и провести дочь Людмилу, которая трудилась в реставрационном отряде, хотя была студенткой Смоленского филиала Московского Энергетического института. Замечаний после визита руководства не последовало, что свидетельствовало о том, что проводимые работы его впечатлили. Днем все участники работ пошли купаться на Абрамовское озеро.

Получил я в Болдине письмо от Миши Громова. Он поехал поработать со студенческим отрядом на реставрации Кирило-Белозёрского монастыря. В послании делился Миша впечатлениями о прекрасных местах, о Ферапонтове монастыре. Однако и жаловался «... шумно здесь и народу много, а в Болдине, помню, прошлым летом такая благодать была, никаких тебе туристов и прочего люда».

В понедельник, 20 июля, Курбатов начал частями ставить замок на своде, Линицкий выкладывал перемычку дверного проема между первой и второй палатами, а Андрейчиков приступил к работам на западной стене подклета паперти. Освободившиеся бойцы отряда разбирали завалы в подклете церкви Введения.

В среду приехал П.Д. Барановский вместе с двумя каменщиками – Киселёвым и Ши-

рокоштом. Без промедления каменщики принялись за работу, и общими усилиями к обеду свод первой палаты был завершен.

Л.Г. Широкоступ оказался страстным нумизматом и, узнав о том, что при разборке завалов во второй палате подклета трапезной был найден клад старинных монет, все свободное время стал проводить на отвалах строительного мусора, и ему удалось все-таки отыскать медный пятак времен Екатерины II, весом около 50 грамм. О кладе старинных монет мы узнали от Марии Михайловны Сысоевой, которая работала на разборке завалов в бригаде местных жителей осенью 1968 года. Из ее рассказа следовало, что разгребая киркой завал, вывернула она из груды щебня большой разбитый кувшин, в котором были крупные по размеру монеты. В помещении был полумрак и, чтобы не привлекать внимание других участников работ, набила она карманы телогрейки монетами и поспешила домой. Дома внимательно все рассмотрела и поняла, что неожиданно стала обладателем около сотни крупных старинных медных пятак. Кстати, осколки крупных керамических емкостей при разборке завалов встречались часто, и при возможности мы пытались их склеивать, так как это были остатки голосников, которые зафиксировал в 1920-е годы Барановский в трапезной палате и в церкви Введения. Голосники имели горлышко диаметром около девяти сантиметров, а больший диаметр достигал 50 сантиметров. Вполне возможно, что в одном из голосников и были припрятаны монеты перед нашествием Наполеона в 1812 году. На размышления о том, как распорядиться находкой у М.М. Сысоевой ушло почти полтора года, после чего она стала публично заявлять, что передаст все монеты в болдинский музей, но об этом должны написать в газете. На этом мы и договорились.

Но вернемся к событиям среды 22 июля. Вечером приехала в Болдино группа Николая Каменева, а с ними ответственный секретарь областного отделения ВООПИиК Ирина Степановна Герасимова. Коля Ка-

менев ухитрился даже поиграть в футбол за московскую команду, которую собрали каменщики, против смоленских студентов. На ночлег гости устроились в походной палатке на территории монастыря. На следующий день Барановский рассказал им об истории монастыря, показал музей. Около 16 часов гости уехали. Вскоре после их отъезда, прибыл в Болдино самосвал с долгожданным цементом. На этом самосвале я отправился в Дорогобуж, добравшись до МСО на Ямщине, руководства в конторе не застал. От похода в гостиницу на другой конец города, выручил Д.Д. Перевозников, один из мастеров МСО с которым я был знаком по довольно частым визитам на Ямщину. Ночевал у него дома в живописном уголке города Дорогобужа – Святоручье, что в десяти минутах ходьбы от конторы МСО. Спал в тихой уютной светелке дома, расположенного на довольно крутом берегу Святого ручья. В семь утра вместе с Дмитрием Дмитриевичем пошли на работу.

Руководство МСО выделило в Болдино на несколько дней самосвал для вывоза мусора от разбора завалов с территории монастыря. Пока машину загружали пиломатериалом для устройства кружала во второй палате подклета трапезной, я оформил и получил аванс для московских каменщиков. По дороге в Болдино заехали в Полибино за трактористом В.М. Морозовым, которого директор совхоза П.В. Беляков и ранее отряжал поработать на территории монастыря на механическом погрузчике. Во второй половине дня вывозили с территории монастыря мусор на дамбу пруда, что у южной стены монастыря.

Было договорено продолжить вывоз мусора и в субботу. Однако утром выяснилось, что московские каменщики уговорили шофера после работы поехать на танцы в Самцово, что от Болдина километрах в пятнадцати. Возвращаясь с танцев, в темноте сбился с наезженной дороги, и машина застряла в грязи. Шофер остался сторожить машину, а незадачливые танцоры появились в Болдине только около семи часов утра. Субботний

день был на половину потерян, поэтому сделали рабочим воскресный день.

В понедельник, 27 июля, начали устанавливать кружала для выкладки свода в северной половине второй палаты подклета трапезной. Каменщики начали работу по укреплению стен подклета паперти, где, прежде всего, требовалось укрепить фрагменты древней кладки. Конструктивная основа сооружения восстанавливалась путем заведения металлических связей в сохранившиеся каналы от сгнивших дубовых и их бетонирования. На паперти был восстановлен дверной проем в восточной стене. Студенты занимались в это время расчисткой завалов подклета келарской палаты, где неожиданно обнаружили почти истлевший деревянный сундучок с очень симпатичной крышкой, вполне возможно из собрания болдинского музея 1920-х годов. В южной стене второй палаты студенты осторожно разобрали позднюю закладку большой двери, сделали зондаж плана двери, что позволило определить истинный план дверного проема.

В среду прибыло подкрепление из Москвы. На несколько деньков выбрался О.И. Журин, прихватив с собой брата, а Саша Александров направил потрудиться на руинах своего коллегу по работе В.П. Оводова, который прихватил с собой сына и собаку. Барановский поручил Журину с помощниками провести под самой консервационной крышей нулевую линию (на уровне закладки междуэтажного пояска, фрагментарно сохранившегося в апсиде церкви Введения под кладкой контрфорса), необходимую для проведения обмеров остатков стен древнего сооружения и анализа конструктивных решений, реализованных мастерами XVI века. С тем, что кирпичная кладка подклетов трапезной палаты была заложена не по уровню, мы столкнулись на западной стене первой палаты, где уровень подоконника южного окна был более чем на двадцать сантиметров ниже уровня подоконника северного окна.

Мне на следующий день опять пришлось добираться до Дорогобужа для составле-

ния процентовки по результатам выполненных работ за июль месяц. Вечером удалось вернуться в Болдино, повезло подъехать на машине повышенной проходимой ГАЗ-69, на которой возвращался из города И.П. Ларенков, директор совхоза «Васинский». Этот совхоз был хоть и более удален от районного центра, чем совхоз «Ставково», но имел значительно лучшие показатели в работе благодаря активному и деятельному директору. Болдино было у западной границы территории совхоза «Васинский», так что при необходимости попасть в город болдинцев выручали, в основном, машины этого совхоза.

Был теплый июльский вечер и после пыльного города все ехавшие в машине с большим удовольствием искупались в Днепре, благо дорога от Дорогобужа до Полибина местами проходила довольно близко от полноводной реки. В Болдине увидел я приехавших помощников из Вязьмы, потрудиться выбрались супруги Петровы с сыном Юрой.

На следующий день я должен был быть с процентовкой в Смоленске, поэтому из Болдина вышел в семь утра. По времени успел к отлету первого самолета на Смоленск, но не оказалось билетов на рейс. Вылетел только в 11.00. Быстро удалось решить в Смоленске все дела и рейсом в 16.00, вылетел в Дорогобуж, где был уже через полчаса, а к вечеру добрался до Болдина, где впервые за последние годы столь активно развернулись работы. Барановский решил основательно расширить фронт работ, кроме работ на трапезной палате были начаты раскопки на порушенной юго-западной башне ограды монастыря и расчистка от дерна могучего фрагмента южной стены Троицкого собора.

В первых числах августа начали выкладку северной части свода второй палаты. Эта часть свода выполнена без распалубок, поэтому кладка для каменщиков, осиливших выкладку свода в первой палате, сложности не представляла. Беспokoила только недостача стандартного кирпича, необходимого для выкладки свода. Объемы запланированной работы были явно перевыполнены, из

чего следовало, что необходимо готовиться к свертыванию реставрационного фронта.

Во вторник, 4 августа, приехали из Смоленска представители реставрационной мастерской и Областного управления культуры (Аптекин, Шкудо, Марков, Лабузов). Заехали они, видимо, по пути из Вязьмы, так как были около семи вечера. Конечно, поразились объемом выполненных работ и часа через полтора продолжили свой маршрут на Смоленск.

Приближался намеченный день отъезда студенческого отряда, поэтому было много хлопот по оформлению нарядов и подготовке процентовки на полный объем выполненных работ. В пятницу, 7 августа, проводил я до МСО для получения расчета двух каменщиков и организовал подготовку к отправке в Болдино машины со стандартным кирпичом. На следующий день рано утром выехал я в Болдино на груженом самосвале. До Полибина добирались дорогой по правому берегу Днепра, через Пушкарёво и Елисеенки, так как основная дорога по левому берегу была закрыта из-за ремонта моста через старицу реки Осьмы. Около Полибина переехали на левый берег реки Днепр, благо из-за жаркого лета вода была невысокая. Завезенного стандартного кирпича явно не хватало на завершение кладки свода, поэтому уговорили шофера Малашенкова сделать еще один рейс. Для погрузки кирпича на заводе в Сафоново на машине поехали бойцы студенческого отряда, операция прошла удачно, и фронт работ был обеспечен. В этот напряженный рабочий день приехали в Болдино писатели – Юрий Александрович Бычков и Вера Дмитриевна Шапошникова, которая была в Болдине в июне и, видимо, пожелала подробнее познакомиться с этим достопримечательным местом и пообщаться с Петром Дмитриевичем Барановским. Бычков тоже бывал в Болдине ранее, когда зимой 1967 года готовил для газеты «Советская Культура» большую статью к 75-летию Барановского¹. Пётр Дмитриевич поводил го-

стей по территории монастыря, показал результаты выполненных работ и рассказал о знаменательных событиях, связанных с этим местом. После обеда поехали на «Москвиче» Ю.А. Бычкова на Абрамовское озеро. Юрий Александрович оказался искусным водителем и по основательно разбитой дороге благополучно довез нас до прекрасной природной достопримечательности ближайшей округи. С большим удовольствием гости и я за компанию окунались в прохладные воды глубокого природного водоема. Вернувшись в Болдино, писатели задерживаться не стали, так как спешили вернуться в Москву.

В воскресенье, 9 августа, был последний день работы студенческого отряда. Завершили установку замка на своде во второй палате. Выложили центральную арку в долевой стене подклета паперти. Кстати, арки в долевой стене паперти были обнаружены только во время разборки руин. В 1920-е годы Барановский не смог обследовать подклет паперти, так как он использовался под жилые помещения и на месте центральной арки был устроен дверной проем. Как выяснилось позже (после разборки закладок) в долевой стене было три ниши, а не арки. Поэтому не подтвердилось предположение Барановского, что арки в долевой стене использовались для загрузки продуктов во вторую палату. Дверной проем в северной стене второй палаты тоже был пробит позднее, что говорило о том, что продуктовые запасы для сохранения заносились в подклет трапезной через широкий дверной проем в южной стене второй палаты.

Утром в понедельник студенческий реставрационный отряд выехал из Болдина. Я поехал с отрядом в Дорогобуж для оформления завершения работ отряда в МСО, а затем и в Смоленск, на автобусе, присланном за студентами Областным Управлением культуры. Вернувшись на следующий день в Болдино, с оставшимися добровольными помощниками реставраторов загораживали и закрывали все проемы в практически освобожденных от завалов палатах первого

¹ Бычков Ю.А. «Уважение собственного», газета «Советская Культура», №18, 11 февраля, 1967.

яруса трапезной палаты, т.е. консервировали объект реставрации до следующего сезона.

Соблазнился я прихватить из Болдина в Москву местного меда. Сходил на западную окраину Болдина в дом Кондрашовых, где у Василия Арсеньевича прикупил для себя трехлитровую баночку и литровую для Петра Дмитриевича, хоть это и утяжеляло наш багаж. Для упаковки даров природы Т.П. Новиков старательно готовил по моей просьбе собственноручно сплетенную корзину.

В пятницу, 14 августа, Пётр Дмитриевич и я были готовы к отъезду в Москву. Выбраться из Болдина помог нам Н.А. Бородин, подъехавший в Болдино на райкомовской машине. На прощание сфотографировались мы у колонн памятников Вистицким. На машине довели нас до города Сафонова, но билетов на поезд уже не было, поэтому пришлось добираться нам до Вязьмы на рейсовом автобусе, а из Вязьмы поездом до Москвы и в столице были ранним утром следующего дня.

В Болдине на несколько дней задержались В.П. Оводов с семьей, так как успела подъехать к нему супруга, и Наташа Петрова, которая завершала промазку известковым раствором большого фрагмента южной стены Троицкого собора с сохранившимися кокошниками фризового ряда.

Реставрационные работы в Болдине, естественно, приводили к некоторой активизации внимания руководства Дорогобужского района к сохранению исторического наследия. В результате 29 сентября 1970 года появляется очередное Решение Исполнительного комитета Дорогобужского районного Совета депутатов трудящихся Смоленской области «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории и культуры в районе». К сожалению, хорошие намерения, сформулированные в документах, чаще всего оставались без реализации. Свидетельством чему стало и письмо, полученное мной в Москве 14 октября 1970 года из Дорогобужского Управления сельского хозяйства. Старший землеустроитель Ф.Н. Буленков сообщал, что «...до сих пор не получили расчета за произ-

веденные нами работы по съемке территории Болдинского монастыря и изготовлению чертежей» и в завершении: «Так вот тов. Пономарёв, просим Вас разобраться с этим делом ...». Конечно, и из Москвы звонками и письмами приходилось хлопотать о решении проблем, связанных с сохранением памятников Болдинского монастыря.

Совсем безрадостное письмо пришло в преддверии Нового Года от Т.П. Новикова. Он сообщал: «...Осудили на два года тюрьмы содержанием на строгом режиме Кирженкова Николая Максимовича за избиения рабочих ...». В порыве гнева стеганул он уздечкой одну из доярок на болдинской ферме. С осуждением Кирженкова обезглавливалось болдинское отделение совхоза, а кандидатур на эту должность не было во всей ближайшей округе. Продолжение письма и вовсе подрывало надежды на местных тружеников: «...Посажен и сидит в тюрьме наш Владимир Бобылев за избиение жены, которая после побоев 72 дня пролежала в больнице, в середине января ему будет суд». Так что поздравления с наступающим 1971 годом получил со Смоленщины с горьким осадком.

1971 год

Новый, 1971 год, начался с важного для меня события, 2 января зарегистрировал брак с Ольгой. Отметили это событие с родственниками и близкими друзьями в квартире на Университетском проспекте, где жила семья Ольги. Затяжного празднования не устраивали, а новогодние праздники незаметно перешли в обычные рабочие будни.

На текущую работу в ЭНИНе привычно накладывались и заботы о подготовке к проведению грядущего реставрационного сезона в Болдине. По инициативе П.Д. Барановского, в январе 1971 года, в Научно-методическом совете по охране памятников культуры было подготовлено письмо-ходатайство по обеспечению финансирования и организации проведения восстановительных работ на руинированных памятниках Болдинского

монастыря. Письмо подписали и.о. председателя НМС Н. Вертинский и председатель инженерной комиссии НМС, доктор технических наук профессор Б. Ржаницын. Указанное ходатайство базировалось на материале доклада Барановского на научной сессии в мае 1970 года, в котором раскрывалась роль памятников монастыря в становлении научной реставрации в нашей стране, и обосновывалось предложение о восстановлении взорванной фашистами в 1943 году колокольни монастыря. Письмо было направлено в три адреса: начальнику Госинспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР И.В. Маковецкому, заместителю председателя ЦС ВООПИиК В.Н. Иванову и начальнику Управления культуры Смоленского облисполкома З.А. Цветковой. Хлопоты по подготовке письма и контроль над реакцией на него адресатов Барановский возложил на меня.

Наши заботы о возрождении памятников в Болдине, к сожалению, совершенно не увязывались с деградацией местной жизни. В конце января пришло письмо от Т.П. Новикова. Кроме подробностей про осуждение Кирженкова и Бобылева, Тит Петрович сообщал о нападении А.П. Кабанова на директора совхоза Беякова и на начальника автоколонны «Сельхозтехники» Морозова. За нанесение Морозову ножевых ранений А.П. Кабанов сидел в милиции. Таким образом, Болдино лишалось еще одного работника. Во время проведения реставрационных работ Анатолий Петрович Кабанов оперативно выполнял по нашим заказам кузнечные работы. Далее Тит Петрович писал и об угрозах в его адрес, о которых ему сообщил новый директор Болдинской школы Иван Васильевич Закабунин. Завершал Новиков свое письмо, правда, оптимистично: «...Я не боюсь угроз. Думаю, что сумеем обуздать хулиганов».

В Москве первые месяцы нового года ушли на хлопоты по включению работ по Болдину монастырю в планы работ МСО Дорогобужского района и Московской реставрационной мастерской, в которой осенью

минувшего года сменилось руководство, и директором была назначена З.К. Чернышёва. В Московской мастерской составляется смета на проектные работы по реставрации Болдина монастыря, для обеспечения полноценного научно-технического руководства проведением реставрационных работ. Письма между Москвой и Смоленском чередуются с телефонными звонками.

О том, что организационные вопросы в основном были решены, свидетельствует мой выезд на Смоленщину, с записи о котором начинается болдинский дневник 1971 года. Утром 8 июня был я в городе Дорогобуже, так что к этому времени удалось мне оформить освобождение от работы в ЭНИНе на летний период и урегулировать новые семейные заботы. Чтобы не выглядеть в городе туристом с рюкзаком и портфелем, направился я сразу в Болдино, где встретился с Т.П. Новиковым. Узнал последние новости, обошел территорию монастыря, заглянул в музей. Посмотрел на откопанные в прошлом году фрагменты колокольни и увидел, что от влаги и морозов они сильно разрушились, особенно пострадал фрагмент №8 с кокошником первого яруса.

Переночевав в доме на территории монастыря, за сохранностью помещений которого присматривал в период отсутствия реставраторов Т.П. Новиков, утром отправился в Дорогобуж. Первым делом, конечно, пошел на Ямщину в МСО. С председателем МСО Д.А. Сергеевым проговорил более трех часов. У Дмитрия Александровича, видимо, была большая потребность выговориться по груде местных проблем. Конечно, основная задача его организации состояла в производстве строительных работ для колхозов, но и к обеспечению производства работ в Болдине относился он с пониманием. На Ямщине пробыл я до конца рабочего дня, так что не попал в райисполком и райком КПСС. Решил заночевать в городе, но под Дмитровской горкой у столовой, где обычно собирался народ в ожидании транспорта на Полибино и Васино, изменил свой план. Из

Дорогобужа в Васино возвращался трактор с тележкой, поэтому решил я воспользоваться транспортом и отправиться на ночь в Болдино.

На следующий день, 10 июня, в семь утра направился я в Дорогобуж. По дороге (в Полибино) встретился с директором совхоза Беляковым. Похоже, он был с большого похмелья и плодотворной беседы не получилось. К проблемам сохранения памятников Болдинского монастыря энтузиазма он не проявил. Добравшись до города, направился я в РК КПСС, встретился с А.Ф. Воробьевым. Принял он меня как обычно, очень приветливо и выслушал все мои просьбы. Оказалось, что в райкоме ныне пленум по выполнению (вернее, невыполнению) постановления Совета Министров по подъему сельского хозяйства Смоленской области. На пленум из Смоленска приехал заместитель начальника Управления культуры области С.М. Марков. В перерыве работы пленума с помощью А.Ф. Воробьева удалось собрать вместе Маркова, Сергеева, и Белякова и настойчиво просить организовать вывоз скопившегося на территории монастыря мусора, который осложняет проведение реставрационных работ. Договорились начать вывоз мусора с понедельника, 14 июня. В Болдино вернулся я – окрыленный надеждой. Ходил по Болдину с надеждой пригласить освободившихся школьников на работу, но все ссылались на занятость домашними делами.

Принялся за обмер южной стены трапезной палаты, где предстояло восстанавливать дверной и оконный проемы второй палаты и завершение восстановления окна первой палаты. В перерывах бродил по вспаханной территории около бывшей просфорни, где, после выезда семьи Кабановых земля использовалась под школьный огород. Нашлось много фрагментов изразцов.

Перед выездом в Болдино в Москве мне удалось приобрести немецкую цветную позитивную фотопленку, так что с 1971 года фотолетопись Болдина стала пополняться и цветными слайдами. В первые же дни в

Болдине сделал я несколько общих видов. С мостков от стен монастыря сфотографировал белоснежные пунктирные гусиные цепочки на водной глади пруда. Некоторые семьи в Болдине ухитрялись держать в доме до пятидесяти гусиных особей. На территории монастыря запечатлел одинокий кедр с восточной стороны зеленого холма руин собора и живописную восточную часть территории монастыря, где хранили память об обители деревянный дом настоятеля и кирпичная коробка бывшего храма на месте поселения в 1530 году основателя монастыря преподобного Герасима. На доме настоятеля, построенном в конце XIX века плотниками из села Бизюкова, красовались еще чудом сохранившиеся фрагменты украшений, выполненные в технике пропильной резьбы. Затем запечатлел я могучие дубы с восточной стороны монастыря по берегам существовавшего прежде небольшого водоема на запруженном ручье, впадавшем в речку Болдинку. Сфотографировал и совхозное стадо коров, прогоняемое у восточной стены монастыря к новой ферме, сооруженной за большаком у бывшей слободы Монастырская горка, которую местные жители называли Любина горка, по имени жившей там когда-то Любы.

В воскресенье после обеда пошел дождь, который не прекращался до понедельника. Утром в понедельник Беляков прислал Морозова на механическом погрузчике, а Сергеев не рискнул отправить в Болдино самосвал, поэтому работы по вывозу мусора не получилось. Тракторист Морозов немного поработал, отгребая мусор от стен трапезной палаты и уехал домой.

Во вторник с середины дня погода разгулялась. Машину для вывоза мусора из города опять не прислали, поэтому тракториста я и не беспокоил. Занимался расчисткой оснований дверных проемов в подклете церкви Введения и в южной стене второй палаты. Выяснилось, что обе двери выполнены были одинаково. Полотна на дверях открывались в помещение, о чем свидетельствовали высоты сохранившихся арок. В проеме две-

ри подклета церкви обнаружился остаток нижнего пятника. Не было ясности только с лицевым оформлением дверных проемов, которое очень хотелось видеть Барановскому. Однако никаких следов декоративных элементов не было найдено.

Утром в среду, 16 июня, машина из МСО наконец-то вышла, но долго пробиралась по разбитой дороге на осьменских лугах и в Болдино доехала только в середине дня. Так что мусор начали вывозить только после обеда. Решили очистить территорию с западной стороны трапезной и понизить уровень до цоколя западной стены трапезной, так как ее уже вполне можно было реставрировать полностью. Мусор вывозили часов до шести.

Весь четверг лил дождь, но день выдался плодотворным. Анализировал я конструктивные особенности дверных проемов, открывшихся при разборке руин трапезной палаты. Начертил реконструкцию дверных проемов подклета Введенской церкви и южной стены второй палаты. Получилось все очень логично, и дверные проемы смотрелись вполне прилично. По телефону договорился с Д.А. Сергеевым встретиться завтра в МСО.

Рано утром вышел из Болдина. В пути встретил московских каменщиков Киселева и Андрейчикова, державших путь в Болдино. Объяснил им, где можно разместиться и сказал, что завтра буду в Болдине. В городе договорился с Сергеевым о выделении машины на субботу и воскресенье. Ночевал в гостинице.

Утром встретил супругу, приехавшую из Москвы на выходные дни. До Болдина добирались на самосвале МСО, долго буксовали на осьменских лугах, а затем в Полибине уговаривали тракториста В.М. Морозова поработать в воскресенье. Полноценного рабочего дня в воскресенье не получилось, так как уже с утра тракторист был в «подогретом» состоянии и постоянно настаивал на продолжении праздника. Однако машин десять все же удалось погрузить и вывезти на дамбу пруда.

С понедельника, 21 июня, московские каменщики приступили к перекладке печи

в просфорне, которую решили приспособить под кухню и трапезную для реставрационного студенческого отряда. Ранее просфорня использовалась, как и бывший дом настоятеля монастыря, под жилье школьных работников. В просфорне жила семья Кабановых, хозяйка семьи Мария Петровна преподавала в младших классах болдинской школы. Помещение много лет не ремонтировалось и по ходатайству районных властей, как было сказано выше, семье Кабановых совхоз предоставил жилой дом на территории монастырской слободы за речкой Болдинкой. Просфорня была передана под использование для нужд реставраторов. К сожалению, за прошедшие годы не удалось изыскать средства для ремонта помещения, оно не использовалось и разрушалось.

Для меня понедельник начался с проводов Ольги до города, в 12 часов посадил ее на автобус до Сафонова и вернулся в Болдино. Посчастливилось подъехать до самого Болдина на тракторе «Беларусь» с веселым, отзывчивым парнем Виктором Селезнёвым из деревни Полежакино. Летом 1966 года он работал на бульдозере и очень аккуратно потрудились на очистке от завалов трапезной палаты с южной стороны. С того времени и закрепились между нами приятельские отношения.

После восстановления печи в просфорне каменщики приступили к работе на трапезной палате, начали с закладки северо-западного угла, для чего пришлось частично разобрать разложившуюся кладку контрфорса, чтобы открыть закладку угловых пилястр. Во вторник, 22 июня, написал письмо в Москву П.Д. Барановскому со своими соображениями и чертежами по дверным проемам в первом ярусе трапезной. В этот же день получил письмо от незнакомого мне Николая Левшина с пожеланием приехать поработать в Болдине. Принять участие в реставрации монастыря порекомендовал ему Миша Громов, так как сам должен был провести летний сезон в военных лагерях. В прошлом году они вместе со студенческим

отрядом работали в Кирилло-Белозёрском монастыре, где Левшин и начал осваивать навыки каменщика-реставратора. В Болдино Левшин пообещал приехать в начале июля. Вечером Т.П. Новиков угощал нас замечательными жареными грибами. Помянули тостом печальный день начала Великой Отечественной войны, участником которой с первого дня был Тит Петрович. Бытовая неприхотливость и способность жить в согласии с природой, видимо, во многом помогла нашему народу выдержать суровые испытания военного времени. Летом, бывая в Болдине, Новиков большую часть времени проводил в лесу. Заготавливал ольховое корье, березовые веники для бани дорогобужского горкомхоза, где числился на партучете, тем самым выполняя, как он с гордостью говорил, ответственное поручение начальства, заодно подкреплял и свой бюджет, который позволял ему поддерживать гармоничное настроение. Без стаканчика винца, как знал я и по своему опыту общения с Тит Петровичем, не услышишь от него красного словца.

В среду я занялся обмером долевой стены подклета паперти, так как необходимо было разобраться с назначением арок в этой стене. Реставрационные работы, к сожалению, продвигались медленно, не было подсобников. Вдобавок, все осложнялось бездорожьем. Дожди сделали непроезжими грунтовые дороги Смоленщины. До сих пор не был подвезен цемент, не было стандартного кирпича, о большемерном кирпиче оставалось только мечтать. К пятнице, 25 июня, каменщики выложили северо-западный угол до уровня прокладки металлического пояса связей. На работу вышли два местных парня – Алексей Казаков и Володя Вавиленков. Первым делом поставил их готовить южную половину второй палаты к установке кружал, освобождать помещение от мусора и кирпича. Успевали они обеспечивать и работу каменщиков, которые достаточно оперативно разобрали рыхлую кладку контрфорса у юго-западного угла до сохранившейся кладки угловых пилястр, подняли до уровня

связи юго-западный угол трапезной палаты, соединив кладку с расветной аркой южного окна первой палаты. Затем каменщики приступили к работе на восточной стене паперти, где предстояло разобрать позднюю кладку с внешней стороны и открыть заложённый оконный проем. Вечером до Болдина добралась из Дорогобужа машина с цементом, возвращаться в город шофер не рискнул, чтобы не заночевать на осьменских лугах. Утром поехали на машине за песком в карьер под Полибиным, после чего машину отпустили. Песком и цементом каменщики были обеспечены, а для кладки приходилось использовать только хорошие половинки старого большемерного кирпича, выбранные при разборе завалов. Не каждый каменщик согласился бы работать с таким непростым материалом, но нового целого большемерного кирпича не было.

В воскресный день работали, каменщики расчистили валуны в основании внешней части восточной стены паперти и начали ее облицовку. Так как облицовка выполнялась из половинок старого большемерного кирпича, для связи со стеной использовали металлические штыри длиной около 30 сантиметров из катанки диаметром шесть миллиметров. Заложили шурфы с внутренней и наружной сторон северной стены первой палаты, для подготовки к восстановлению торцевой стены первой палаты с воссозданным сводом.

В понедельник, 28 июня, поехал я в город для оформления в МСО финансовых документов по результатам работ за июнь месяц. Вечер провел в городе, ночевал в гостинице, а утром первым рейсом на самолете вылетел в Смоленск. В реставрационной мастерской процентовку подписал прораб Анатолий Константинович Вознюк, так как Г.М. Аптекин был в командировке. В Управлении культуры встретился с Валентином Воробьевым, командиром первых двух болдинских студенческих отрядов, который после окончания института встал на стезю сохранения исторического наследия в государственной структуре. В Дом Советов по-

дошел и Том Иванов, командир отряда этого года. Получилась хорошая преемственность, так как Том поработал в отряде в прошлом году. Обсудили дела по подготовке к выезду отряда и договорились встретиться в Дорогобуже 5 июля. Вечерним рейсом на самолете вернулся я в Дорогобуж и в восемь вечера был в Болдине.

До приезда студенческого отряда я с московскими каменщиками решил съездить в Москву. В среду, 30 июня, завершали в Болдине начатые работы. Каменщики выложили (вернее, облицевали) внешнюю сторону восточной стены паперти до уровня подоконника раскрытого окна. Я с болдинскими ребятами занимался шурфами у северной стены первой палаты. Удалось полностью открыть основание стены и оценить объем работ по ее укреплению. В шурфах нашли несколько фрагментов изразцов. Вечером по радио услышали о гибели наших трех космонавтов, трагичность события усугублялась полным отсутствием информации о причинах катастрофы. На следующий день наводили порядок в местах проведения работ, чтобы чувствовалось, что работы лишь приостановлены, а не брошены.

Утром в пятницу, 2 июля, направились в Дорогобуж, пешком прошли лишь километра два, а дальше подъехали на попутной машине. Часов до трех просидели в МСО, получив расчет, помчались в Сафоново. Билетов на поезд в кассе уже не было, поэтому пришлось договариваться с проводниками. В результате устроились с комфортом в свободном купе и прекрасно доехали до столицы. Субботу провел я дома, а в воскресенье к вечеру, перед отъездом в Дорогобуж, заехал к Барановскому. Рассказал Петру Дмитриевичу о выполненных работах и спросил его мнение о высланных ранее мной реконструкциях дверных проемов в подклете церкви Введения и во второй палате. Его ответ меня очень удивил, оказалось, что это было давно ясно, хотя основания дверных проемов были открыты только в минувшем месяце.

На Белорусском вокзале, как обычно в летний период, у касс было полно народу, а билетов на отходящие поезда не было. Опять пришлось уговаривать проводников. До Сафонова добрался благополучно и на рейсовом автобусе выехал в Дорогобуж. Намеченной встречи со смолянами в Дорогобуже не получилось, но состоялась неожиданная встреча с Николаем Левшиным. Дошли с ним до МСО, поговорили с руководством о предстоящем приезде студенческого отряда и поехали в Болдино. Оказалось, что командир отряда Том Иванов опередил нас, что приятно порадовало. На следующий день появились в Болдине и московские каменщики, так что мастеров стало уже трое. Весь день ушел на хлопоты по подготовке к приему студенческого отряда, привезли койки и постельные принадлежности из школьного интерната, что действовал в Васине, и освободили помещения болдинской школы для размещения отряда.

В среду, 7 июля, оставив троим мастерам работу на трапезной палате, пошли с Томом в Дорогобуж. Добрались до МСО к 13 часам. Около пяти вечера приехал в город отряд из Смоленска. Сергеев выделил бортовую машину МСО, и мы поехали в Болдино. Вечером устроили ужин в бывшей просфорне, которую приспособили под кухню и трапезную на время работы отряда. Кстати, в последние годы существования монастырской общины это помещение также использовалось под трапезную малочисленной братии, о чем свидетельствовал снимок М.И. Погодина, сделанный в конце 1920-х годов. В приятном застолье и состоялось знакомство с новыми болдинскими тружениками.

Восьмого июля обещал приехать Барановский, без него я не решался начать выкладывать окошко в восточной стене паперти и начинать работу по закладке дверного и оконного проемов в северной стене первой палаты. Дело в том, что в северной стене первой палаты, после разборки завалов, предстало перед нами два проема, прорубленных сквозь толщу почти двухметровой

стены. Следов существования древних проемов в толще кладки не было обнаружено. Скорее всего, первоначально эта стена была глухой, но в процессе изменения использования этого помещения под кухню, о чем свидетельствовал сохранившийся дымоход в стене между первой и второй палатами, а затем и под трапезную палату, были пробиты эти проемы. Указанные проемы показаны на плане трапезной палаты, выполненном П.Д. Барановским¹ в 1918 году.

На этом же плане была показана и стена, разделявшая первую палату на два помещения, стена эта не была несущей и практически полностью была разобрана до взрыва сооружения. Остатки долевой стены были разобраны нами при разборе завалов. Предполагаемое использование первой палаты под музейное помещение диктовало необходимость выкладки в северной стене дверного и оконного проемов. Как выполнить указанные проемы и было предметом моих последних раздумий. Мне представлялось, что дверной проем в северной стене должен был выполнен по образцу и по уровню закладки аналогично дверному проему двери в северной стене подклета церкви Введения.

Уровень подоконника окна определялся уровнем подоконника на паперти и согласовывался с уровнем порога двери. Оконный проем должен быть выполнен, естественно, с откосами, как и другие окна первой палаты. Барановский вроде бы и соглашался с моим решением, но больше склонялся к варианту компоновки дверного и оконного проемов, который был им восстановлен в 1920-х годах на втором этаже южной стены¹. Там дверной проем был с двумя расширениями, и это объяснимо, так как он выводил на какую-то площадку, не существовавшую в 1920-е годы.

¹ Болдинский монастырь. Из архитектора – реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 272, Черт. 8.

Так как на трапезной палате работы для каменщиков не было, поставил их на укрепление фрагмента №8 колокольни. Предстояло укрепить сохранившуюся часть арки проема звона, расчистить отпечаток деревянной связи, проложенной выше карниза сооружения в первом ряду кокошников. Студенты очищали от мусора вторую палату трапезной, готовя помещение к установке кружал для выкладки свода в южной части палаты.

В субботу, 10 июля, каменщики начали облицовку северной стены первой палаты трапезной с внешней стороны. Павел Борисович Соловьёв с помощниками приступил к установке кружал в южной части второй палаты, и в первый день установили они две кружалины, а всего нужно было поставить семь штук. Завезли первую машину стандартного кирпича – шестьсот штук. Поздно вечером приехал Барановский с компанией. Добрались они до Болдина из Вязьмы на потрепанном «козле». Из москвичей с Барановским приехали Слава Буханов и Николай Каменев, поступивший после окончания архитектурного института на работу в Крутицкую реставрационную мастерскую. В Вязьме к ним присоединилась семья Петровых.

В воскресенье каменщики не работали, а студенты поработали хорошо. Продолжили они с П.Б. Соловьёвым устанавливать кружала во второй палате и разбирали завалы в подклете церкви Введения. Двоих студентов поставил я на разборку закладок арок в долевой стене паперти. Похоже, подтверждалось мое предположение, что арки были не сквозные, а перекрывали ниши в долевой стене, обращенные в южную часть подклета паперти. Николай Каменев занимался фотофиксацией, блестяще используя возможности отличной японской фотокамеры. После обеда Петровы с Каменевым уехали на машине, которая еле-еле двигалась, а мы в Болдине волновались, добрались ли они до Вязьмы. На следующий день узнали, что ночевали они в Вязьме.

В понедельник, 12 июля, завершили установку кружал в южной части второй палаты

и начали опалубку конструкции для выкладки свода. Каменщики на внешней стороне северной стены первой палаты облицевали цоколь и вышли на уровень порога двери. Очень интересная работа была проведена на фрагменте №8 колокольни, где открылись каналы из-под связей в проеме звона, и определилась выкладка карниза колокольни с использованием одного ряда из тонкого кирпича (размером 22х13х5). Так что теперь стояла задача все зафиксировать и попытаться сохранить.

Вторник в моем дневнике отмечен, как сумасшедший. Барановский повздорил с каменщиками, недовольство их работой он начал проявлять с первого дня приезда, но в этот день дошло дело до скандала, и каменщики прекратили работу. Основная причина в том, что он оказался не готов принимать решения по восстановлению открывшихся новых архитектурных элементов подклета трапезной, которые были не доступны для фиксации в период его работы в 1920-е годы. Для принятия решений, которые предлагал я, требовалось время на обдумывание. Поэтому он стал изыскивать предлоги для приостановки начатых реставрационных работ, а каменщикам пытался поручить другие работы, совсем не реставрационного характера. Так неожиданно начал инициировать сооружение огромного постамента для танка. Эскиз этого монументального сооружения висел на стенке в болдинском музее. Он был сделан еще в 1965 году главным архитектором Вязмы Смирновым, но танк, предназначенный для Болдина, в 1967 году был установлен в центре города Дорогобужа и громоздить на территории монастыря железобетонную глыбу, естественно, ни у кого не было желания. То начал он настаивать на необходимости установки железобетонной стелы над местом погребения партизан в 1942 году, которые, по рассказам местных жителей, погибли от самопроизвольного взрыва на территории монастыря и были захоронены метрах в десяти от западной стены трапезной палаты. Попросил отметить пред-

полагаемое место захоронения колышком и стал показывать всем приезжающим это памятное место. Конечно, все спонтанно предлагаемые работы хоть и отвечали задаче формирования на территории монастыря Музея Партизанской Славы, но не были включены в программу наших работ, поэтому у меня, у каменщиков и у студентов стали возникать вопросы: «Где взять материал для выполнения этих работ, и будут ли они оплачены?». Кроме того, территория монастыря была завалена горами мусора от разборки завалов на трапезной палате и начатыми раскопками на руинах колокольни.

Четверг, 15 июля, стал первым спокойным днем. Обмерил я южное окошко с распалубкой в первой палате, освобожденной от кружал. Каменщики начали выкладывать распалубку над дверным проемом между второй и первой палатами, но напряжение не проходило. Я на три дня уехал в Москву на свадьбу двоюродного брата. Вернулся на Смоленщину утром в понедельник, 19 июля. Приехал с Константином Сергеевичем Сулимцевым, инженером-строителем, энтузиастом сохранения исторического наследия, который поддерживал дружеские отношения с семьей Барановских и, несмотря на свой предпенсионный возраст, частенько трудился на подсобных реставрационных работах в Крутицах. В Сафонове на вокзале встретили мы бригадира каменщиков В.Н. Киселева, который, как оказалось, следом за мной выехал в Москву, дабы разрядиться от нервной обстановки. В Сафонове удалось нанять «козла» и быстро добраться до Болдина, так что в восемь утра были уже на территории монастыря.

За минувшие дни выкладка свода практически не продвинулась. Не велась кладка и на северной стене первой палаты. Только на следующий день каменщики продолжили работу в южной части второй палаты, выложили арку перекрытия дверного проема между второй палатой и подклетом келарской палаты, т.е. в восточной стене южной части второй палаты. Кладка откосов этого дверного

проема хранила следы переделок. Видимо, при сооружении коробового свода второй палаты, вместо первоначального крестового свода, дверной проем в подклет келарской палаты был заложен, но затем вновь пробит. Я вплотную занялся фрагментом №8 колокольни, который для лучшей сохранности решили готовить к установке в вертикальное положение.

К.С. Сулимцев проявлял большой интерес к истории Болдинского монастыря, а так как Барановский и я большей частью были заняты производственными хлопотами, он внимательно слушал повествования Т.П. Новикова. Рассказ Тита Петровича о вскрытии раки преподобного Герасима в мае 1921 года, участником которого он был, стал неожиданным и для Барановского. Новикову пришлось воскрешать во всех подробностях это событие, которое Петр Дмитриевич, естественно, и записал. Тит Петрович указал нам и место на болдинском кладбище, где были перезахоронены извлеченные останки. Все выглядело вполне достоверно. Место перезахоронения было отмечено валуном и молодой березкой, которая к нашему времени выросла в могучее дерево. Удивительно было для нас только то, что местными жителями это место никак не почиталось.

В среду, 21 июля, с утра зарядил дождь. Проверить работу реставрационного отряда приехало начальство из областного штаба студенческих отрядов. Студенты с каменщиками были заняты на выкладке свода, так что штабное начальство осталось довольно работой отряда. Барановский предложил студенческому руководству отправиться на их «козле» на поиск деревянного моста, который он заприметил в 1966 году во время одной из наших воскресных экспедиций по партизанским тропам. Мост мы, к сожалению, не нашли, но общаясь с редкими обитателями опустевших мест, узнали, что старый деревянный мост есть на реке Артюше, куда и решили выбраться при первой возможности. На следующий день закончился цемент, поэтому каменщики работали только до обеда, в пятницу с утра были в ожидании завоза

цемента. Каменщики начали подготовку к выкладке наличника на северном окне западной стены трапезной палаты. Кстати, только два окна западной стены, из всех окон подклета трапезной, имели наличники, без сомнения, выложенные при сооружении трапезной в середине XVI века. Незамысловатый, но оригинальный, не встречающийся на других памятниках русской архитектуры, рисунок наличников, придавал особое значение болдинскому сооружению, поэтому подлежал воссозданию по частично сохранившимся фрагментам. Для выкладки наличника использовался только старый большемерный кирпич, на «тычках» которого каменщики кирпичкой вытесывали необходимый фигурный профиль. Проводили в Москву К.С. Сулимцева, опекавшего в Болдине Петра Дмитриевича и частенько сдерживавшего его от новых размахистых начинаний. Из Полибина приехал на тракторе сварщик, привез замечательный металл (прямоугольный профиль) для «воздушных струн» в торцах свода северной палаты подклета паперти, которую Барановский, а следом и все остальные, называли проездом. На концы двух «воздушных струн» наварили петли от старых связей и таким образом сделали заготовки связывающего металлического пояса для подклета паперти. Студенты работали на разборе завалов в подклете келарской палаты.. Продолжали осторожно очищать от завалов и подклет церкви Введения, где пытались сохранить крупные фрагменты шатра, от которых не отходил Барановский, видимо, больно было ему видеть в руинах то, что он в труднейших условиях разрухи 1920-х годов сохранил от разрушения. Один из откопанных фрагментов шатра был ребровым и на нем сохранялись лопатки (гурты), которые не были доступны для обмера в 1920-е годы. Рядом с фрагментами шатра были найдены чернолощенные керамические изделия, что давало возможность пофантазировать об эффектном декоративном убранстве сложного из кирпича шатра, покрытого белоснежной известковой обмазкой.

В субботу, 24 июля, Барановский собрался в Москву. Шел дождь, доехать до города было не на чем, но настроение у Петра Дмитриевича было хорошее, вроде бы решился он дать добро на продолжение выкладки северной стены первой палаты, однако затем попросил отложить до его звонка из Москвы. Только после обеда удалось отправить Барановского с Бухановым в кабине молоковоза в город. Я надеялся на следующий день услышать его решение по телефону из Москвы. К вечеру добралась в Болдино машина с цементом, так что можно было продолжать выкладку свода второй палаты. В воскресенье работали полный день. До обеда, пока не закончился стандартный кирпич, клали свод, а после обеда работали на внешней стороне западной стены палаты. П.Б. Соловьёв проложил по верху кладки западной стены арматурное железо, для бетонирования связи. Пришло письмо от Михаила Громова из военных лагерей под городом Ковровым во Владимирской области, где он исполнял свой гражданский долг, и переживал о своей временной отрешенности от трудов по сохранению и изучению исторического наследия России.

Утром в понедельник отправился я в Дорогобуж, телефонными звонками из Болдина не удавалось обеспечить работу отряда материалами. Просидел весь день в МСО, но без результата. Ночевал в городе. С утра опять был в МСО, машин нет. Видимо, районные дороги добили весь транспорт слабенькой строительной организации. Попытка через РК КПСС и райисполком выпросить машину в Сельхозтехнике, но все бесполезно. Только к вечеру в МСО появился свой самосвал. Хорошо, что молодой шофер Витя Графов согласился загрузиться кирпичом, довезти его до Болдина и сделать два рейса за песком в карьер под Полибиным. Из Болдина он уехал около десяти часов вечера. Записи в моем дневнике за вторник завершаются следующими словами: «Боже мой, сколько сил уходит на организацию, на то, чтобы достать машину и подвезти материалы. Это явно не-

нормальное положение. Но в течение моей работы в Болдине с 1966 года оно не меняется (вернее, меняется в худшую сторону)».

В среду, 28 июля, завезли сразу 2,4 тысячи штук стандартного кирпича (всего на свод требовалось семь тысяч штук), так что теперь точно хватит на завершение кладки свода. Немного освободился от хлопот по снабжению и занялся чертежами. Сделал чертежи оконного и дверного проемов северной стены первой палаты и передал Соловьёву для изготовления деревянных шаблонов планов, чтобы проще было выполнить закладку. Естественно, все было сделано с учетом размеров аналогичных проемов в южной стене келарской палаты на втором этаже, которые продиктовал по телефону из Москвы Барановский командиру отряда, так как я был в Дорогобуже. Вечером каменщики заложили по первому ряду в каждом проеме. Приближался конец месяца, нужно было ехать в МСО, писать процентовку и наряды. Просидел до трех часов ночи с подсчетом объемов выполненных работ и прикидками по распределению денег между участниками работ.

Утром направился в Дорогобуж. Весь день трудился в МСО, оформляя финансовые бумаги, крутя ручку на металлическом арифмометре «Феликс», который был в единственном экземпляре на всю контору. Заночевал в гостинице и на следующий день, 30 июля, с первым рейсом самолета вылетел в Смоленск. В реставрационной мастерской меня ждали, подписав процентовку у Г.М. Аптекина, прогулялся по замечательному древнему городу, благо администрация реставрационной мастерской размещалась в Пятницкой башне крепостной стены на берегу Днепра. В центр города от крепостной стены поднимался по живописной мощеной улочке. Путь мой завершался у противоположной стены средневекового города – у площади Смирнова, где начинался автобусный маршрут в аэропорт. Рейсом в 13.30 вылетел в Дорогобуж. Только в рейсе стало понятно, что самолет ранее использовался

для сельскохозяйственных нужд, ужасно пахло химикатами. В Дорогобуже очумелый вывалился я из чрева этой газовой камеры, отдышался, только пройдя через весь город на Ямщину, где сдал подписанную процентовку в МСО.

Вечером был в Болдине, студенты растроены, так как закончился стандартный кирпич, но на завершение свода кирпича хватило. Каменщик Андрейчиков уехал в Москву, видимо, не выдержал напряженной работы на своде. Остальные каменщики трудились на северной стене первой палаты. Из Вязьмы приехали гости, Наташа Петрова с сыном и художник Александр Алексеевич Коробов с супругой Антониной Павловной. Коробов родом из Дорогобужа, но уже давно стал москвичом. Много своих живописных работ он посвятил памятникам древней русской архитектуры и был одним из инициаторов создания ВООПИиК. У него зародилась мысль написать триптих, посвященный Болдину монастырю, где он бывал до разрушения и видел замечательный архитектурный ансамбль на фотографиях 1920-х годов П.Д. Барановского и М.И. Погодина, с которыми поддерживал дружеские отношения. В Болдине он с супругой побыл несколько дней, остановившись в небольшой хатке Варвары Деевны Орловой, что стояла на западной окраине монастырской слободы, чаще называемой местными жителями Козловкой, по фамилии одной из семей, там обитавших. К сожалению, картин и зарисовок с видами Болдина Коробова работы мне неизвестно, хотя эскизы своих замыслов он показывал мне в Москве, пригласив в мастерскую на Верхней Масловке.

В субботу и воскресенье все наши силы были направлены на выкладку северной стены первой палаты, так как каменщики московской реставрационной мастерской были отпущены на работу в Болдино только до начала августа. Провели на рабочем месте электрическое освещение, но это не помогло, выкладку оконного проема завершили только с внешней стороны, а у двер-

ного проема выложили только перемышку. Вечером в воскресенье, 1 августа, приехал из Москвы В.П. Оводов, надежный и ответственный труженик, поработавший в прошлом году немного даже в качестве каменщика.

В понедельник утром установили кружала на внутренний рассвет окна северной стены, на выкладку сложной рассветной арки встали Оводов и Левшин, так как двое московских каменщиков, Киселёв и Полосков, собрались в дорогу. Я поехал с каменщиками в МСО, чтобы обеспечить их расчет и «выбить» материалы для завершения намеченных работ. Ночевал в гостинице, а утром, встретив приехавшую из Москвы супругу, вместе направились в МСО, где была обещана машины с материалом на Болдино. На нагруженной цементом машине добрались до Болдина. Кладка рассветной арки у новоявленных каменщиков не получалась, пришлось разбирать и закладывать заново. У студенческого отряда при виде, что кладка идет очень медленно, возникло «чемоданное» настроение, поэтому пришлось срочно активизировать работу. П.Б. Соловьёв оперативно подготовил кружала для двух рассветных арок дверного проема, обеспечив хороший фронт для работы. К вечеру Оводов завершил кладку арки окна. Получил в этот день я письмо от П.Д. Барановского с проектом окна и двери в северной стене первой палаты, который, естественно, уже и не требовался. Выложенные в северной стене проемы ненамного отличались от присланного проекта. В письме было обстоятельное пояснение к предложенному решению и резюме: «Надеюсь, что бывший спорный вопрос о необходимости фиксации на чертежах всех частей стены по их проломам уже закончен и может быть окончательно сдан в архив без воспоминаний». Завершалось письмо советами по организации работ и сообщением о его возможности с 5 по 15 августа быть в Болдине.

Утром в среду, 4 августа, начали очень важную работу на северной стене первой

палаты. Павел Борисович взялся выложить внешнюю рассветную арку дверного проема, а Виктор Павлович встал на выкладку внутренней рассветной арки дверного проема. Бойцы реставрационного отряда оживились, почувствовав возможность завершить выкладку северной стены до намеченного дня своего отъезда. Павел Борисович продемонстрировал крестьянскую рукодельную хватку и на кирпичной кладке. К вечеру «замок» на арке был установлен. Хорошо поработал и В.П. Оводов. На следующий день приступили к выкладке лицевых поверхностей стены и забутке ендов между арками.

Напряженными выдались два последних дня работы студенческого отряда, 5 и 6 августа. За эти дни удалось поднять кладку северной стены до уровня закладки металлического пояса связей, выложить стенки канала и забетонировать связь. Следует учитывать, что в те времена все работы в Болдине по подносу воды из пруда, приготовлению раствора и подаче кирпича и раствора выполнялись вручную, а высота стены была около четырех метров. Бетонировать связь начали лишь после семи часов вечера последнего дня работы, а завершили около 23 часов. Ребята измотались, но дело сделали. В последние дни здорово выручили и двое местных парней, приехавших домой на студенческие каникулы: Женя Галактионов и Володя Кабанов, сын кузнеца А.П. Кабанова.

В субботу, 7 августа, студенческий отряд собирался в дорогу, успели даже разобрать леса у западной стены трапезной. Позвонил из Москвы П.Д. Барановский, очередной раз подтвердил, что собирается приехать в Болдино, но на сей раз выезд планирует на грузовой машине, которую обещали предоставить в Филателистической конторе, арендовавшей помещения в Крутицах. На этой машине было обещано привезти в Болдино и металлический уголок для монтажа каркаса на фрагменте №8 колокольни. Я позвонил в Полибино директору совхоза Белякову с просьбой выделить трактор «Беларусь» для планировки территории у западной и север-

ной стен первой палаты. После обеда приехал автобус из Смоленска, и студенческий реставрационный отряд распрощался с Болдиным. Отряд отлично поработал, несмотря на непогоду и неурядицы в организации работ. В воскресенье устроили день отдыха, осталось нас трое – я, супруга и Виктор Оводов, ходили на Абрамовское озеро.

В понедельник утром поехал я в Дорогобуж, разбираться в МСО с расчетом реставрационного отряда. Дело в том, что начальство МСО отказалось оплачивать надбавку за удаленность объекта, как делалось два предыдущих года, ссылаясь на то, что у студентов вышло по семь рублей на день, что выше заработка рабочих в их организации. Бесконечные переговоры и звонки из Смоленска результата не давали, высказывались предложения отказаться от сотрудничества с МСО, что, естественно, совсем не пугало руководство МСО. Я не мог долго оставаться в Дорогобуже, так как узнал, что на территорию монастыря прибыл из Полибина бульдозер с ковшом на базе трактора «Беларусь». Тракторист Н.М. Иванов тщательно и аккуратно работал у отреставрированных стен трапезной палаты, и за три дня, всего за сорок рублей, навел образцовый порядок. Кроме того, он оказался человеком с фантазией и в Полибине стали распространяться слухи, что при работе в монастыре было выкопано несколько небольших гробиков, которые на вертолете забрали в Москву. Об этой истории неоднократно рассказывали зачистившие в Болдино из Полибина посетители, которые с таинственными и озабоченными лицами внимательно вглядывались в происходящее на территории монастыря.

Утром в пятницу, 13 августа, поехал я в Дорогобуж, где встретился с Валентином Воробьевым, который работал в это время в Управлении культуры Смоленского облисполкома и курировал работу реставрационных отрядов. Опять пытались убедить руководство МСО произвести доплату студентам, но безуспешно, видимо, финансовая ситуация организации не позволяла поощрить до-

стойный труд студентов. Во второй половине дня поехал на машине МСО с мастером И.Д. Жуковым в Болдино для демонстрации выполненной работы. Очевидно, что выполненные работы произвели впечатление на Ивана Дмитриевича, но эмоции свои он не демонстрировал, а лишь прилично отметил возлиянием хорошее дело, как это было у него заведено.

Поздно вечером, уже в темноте, прибыла в Болдино грузовая машина из Москвы. В кабине приехал Барановский, а на лавочке в кузове разместилась большая группа соратников Петра Дмитриевича, которым он пообещал показать достопримечательности восточной Смоленщины. Приехал Е.М. Верченко, Н.И. Иванов, К.К. Лопяло, М.В. Ковалёва и еще несколько незнакомых мне путешественников. Поздний приезд объяснялся задержкой в Вязьме, где, конечно, Пётр Дмитриевич главное внимание уделил проблемам реставрации уникального трехшатрового храма. Все прибывшие гости были обнадежены Барановским, что в Болдине их встретит благоустроенный приют, поэтому и не прихватили с собой все необходимое для походных условий. Пришлось срочно размещать гостей на ночлег. Главным приютом для мужчин стал сеновал на чердаке скотного двора П.Б. Соловьёва. Туда по приставной лестнице пришлось забираться и инвалиду войны, художнику Карлу Карловичу Лопяло. Он не в первый раз приезжал в Болдино с Барановским, несколько лет назад написал он более тридцати портретов местных партизан, служивших главными экспонатами болдинского музея. Женщин разместили в приюте реставраторов, где стоял с матрасом и одеялом топчан Барановского, который поэтому и гостям говорил о благоустроенном приюте. Мне с супругой пришлось попроситься на ночлег к Е.М. Воронцу, бывшему учителю болдинской школы, который занимал одну из трех квартир (южную) в бывшем доме настоятеля монастыря, где он после небольшого перерыва, вызванного смертью супруги, вновь поселился, сойдясь с Варварой Деев-

ной Орловой. Несмотря на август месяц, ночь выдалась на редкость теплая, поэтому никто утром не жаловался на неудобства.

Утром Барановский всем участникам экспедиции показывал монастырь и рассказывал о предстоящих работах. Я на московской машине повез сдавать в МСО оставшийся в Болдине инструмент и имущество, вернулся только к обеду. Женщины сумели организовать обед из даров земли смоленской, благо уродилась картошка и ведрами еще собирали местные жители огурцы в открытом грунте. После обеда Барановский решил опять организовать выезд на поиск деревянного моста, но очередной раз поездка завершилась неудачно. В воскресенье, 15 августа, ранним утром собрались в дорогу. Перед отъездом из Болдина закрыли щитами все двери в трапезной палате и забили щели. На Москву поехали через Дорогобуж, так как дорогу на Вязьму шофер не хотел и вспоминать. На поле около речки Сукромли загрузили в кузов соломы, что позволило нам расположиться в кузове в лежачем положении, так как впереди было более трехсот километров дороги до Москвы. Не доезжая километров 30 до столицы машина сломалась, и шофер предложил нам ловить попутный автобус, так как быстро исправить неисправность он не гарантировал. На этом завершаются записи в моем дневнике о болдинских событиях лета 1971 года.

Хлопоты по завершению летних работ продолжались и в сентябре. В письме от 14.09.1971 года из бухгалтерии МСО А.К. Гриченкова сообщила мне: «Совершенно верна Ваша претензия к нам. Зарплата всем начислена, но выслать Оводову, Полоскову и Левшину не можем, лишь только потому, что нет полностью имени-отчества каждого из них. ...Вас убедительно прошу, напишите мне полные инициалы и мы немедленно вышлем причитающуюся зарплату». И далее: «Привет Вам от всех сотрудников. Дмитрий Александрович в отпуске, отдыхает в Кисловодске». В заключении приписка: «Александр Михайлович. Поясните пожалуйста, где есть последняя процентовка по Болдину. Мы ее нигде

не найдем». Заканчивается письмо фразой: «Киселёву з-ту выслали 13.09.71». Читая ныне текст письма, чувствуешь, как хорошо отражено состояние делопроизводства в организации при очень добрых человеческих взаимоотношениях.

У многих участников летних работ в Болдине еще долго хранились в памяти воспоминания о насыщенных трудовых днях, о благодати смоленской природы и сохранялось чувство причастности к выполнению благородного дела. Неутомимый Карл Карлович Лопяло, вдохновившись на болдинских руинах, воплощал в студеную пору в Москве на листах ватмана фантастические масштабы размаха реставрационных работ по Троицкому собору Болдина монастыря, а также и более прагматичные предложения по сохранению фрагментов колокольни.

В начале декабря получил я письмо из Смоленска от одного из бойцов реставрационного отряда, из которого кроме ответа на мое небольшое послание узнал, что Валентин Воробьёв уже не работает в областном Управлении культуры, а перешел в райком комсомола. Конечно, новая работа открывала значительно большие перспективы для карьерного роста.

Получил я в конце декабря и письмо из Болдина от П.Б. Соловьёва, из которого узнал: «... Тит Петрович бывает в Болдине, но редко. На нашей стройке дела обстоят как всегда – кое-что воруют, проламывают дыры. В кладовке обвалился потолок». Была в письме и новость о дорогобужских перемещениях: «Бородин назначен заведующим отделом культуры – еще одна уступка». Николай Андреевич Бородин в РК КПСС возглавлял, кажется, парткабинет, но перемещение из партийной структуры в советскую в народе воспринималось, как понижение. Так что, в стране понимали, где сосредоточена основная сила государства. Так завершался 1971 год.

1972 год

Работы, выполненные в Болдине в 1971 году, говорили о возможности спасения ру-

инированного памятника и позволяли достаточно обоснованно ходатайствовать о выделении средств на продолжение работ. В ЦС ВООПИиК необходимость продолжения работ по восстановлению первого яруса трапезной палаты сомнений не вызывала, а выделение средств на широкомасштабные работы на руинах колокольни поддержку пока не получало.

При каждом удобном случае Пётр Дмитриевич напоминал мне, что спасение памятника требует полной отдачи и частенько пользовался расхожим выражением: «Нельзя сидеть на двух стульях», имея в виду, естественно, невозможность совмещения работы в Болдине с моей основной работой на поприще электроэнергетики. Весомым доводом для моего перехода на работу в реставрационную мастерскую являлось формирование реставрационной мастерской в структуре ВООПИиК на Крутицком подворье, где велись реставрационные работы под руководством П.Д. Барановского. Возрождение этого масштабного историко-архитектурного комплекса сковывалось тем, что большинство древних сооружений находилось в пользовании у различных ведомств и организаций, что и определяло характер деятельности Барановского и его соратников комплексом проблем по сохранению исторического наследия. Так что создаваемая реставрационная мастерская по замыслам создателей, главным идеологом которых был Барановский, должна была стать научно-реставрационным центром при ЦС ВООПИиК, но мастерская практически работала по обычным законам ремонтно-реставрационных мастерских, да и подчинялась она первоначально Московскому городскому отделению ВООПИиК. Несмотря на все сложности роста, в мастерской формировался активный молодой коллектив. Предложил Пётр Дмитриевич и мне перейти на работу в новую организацию, предварительно согласовав мое зачисление с администрацией реставрационной мастерской.

Непросто было мне расставаться с лабораторией Электросистем ЭНИНа им. Г.М. Кржижановского, где проработал почти четыре года, где достаточно успешно складывалась научная работа над созданием систем передачи информации на тональных частотах для распределительных электрических сетей. Где удалось уже предложить новые схемы построения систем, где сложились хорошие взаимоотношения с коллегами, которые с симпатией относились к моему участию в хлопотах по сохранению исторического наследия. Однако надо было делать выбор. Старшие, более опытные товарищи, конечно, предупреждали о возможных коллизиях, а заведующий лабораторией И.М. Маркович и мой непосредственный руководитель И.Н. Попов даже заверили, что готовы вновь принять на работу в случае возможного моего возвращения.

Конечно, в то время я не учитывал все сложности формального характера. Был у меня лишь достаточно оптимистичный опыт взаимодействия со Смоленскими и Дорогобужскими хозяйственными организациями и властными структурами, где, возможно, магически действовало явление столичного гостя. Было, естественно, огромное желание сделать что-то хорошее и интересное и верилось, что Смоленщина только набирает силу, оправившись от потрясений оккупации во время Великой Отечественной войны.

Уверенность в правильности выбора мне придавал, естественно, настрой на судьбоносные для Отечества дела П.Д. Барановского, который, несмотря на приближавшуюся почтенную годовщину – 80-летие, упорно и настойчиво продолжал служить своему призванию.

О том, что в Дорогобуже надеются на продолжение работ по возрождению памятников Болдина монастыря, напоминали мне письма Т.П. Новикова. В письме от 31 января он писал: «Зима в этом году холодная. У нас температура доходила до – 34 градусов и в январе выше – 27 градусов не поднималась... В связи с холодами мне приходится

как зайцу бегать между Болдином и Дорогобужем». Отвечал в письме Тит Петрович и на мои вопросы, связанные с подготовкой к летнему сезону. Так в указанном письме сообщил, что МСО существует и председателем тов. Сергеев, хотя в составе МСО осталось два колхоза «Путь Ильича» и «Память Ленина». Сообщил также Новиков и о том что, в декабре в Болдине побывал председатель Райисполкома Иван Никитьевич Гольянов, осмотрел все, «...поругал директора школы Ивана Васильевича и того, кого ты покрываешь, Павла Борисовича, и сказал, что он даст указания новому зав. Отделом культуры Николаю Андреевичу Бородину, которого все же выгнали из райкома». У Т.П. Новикова иногда проявлялась небольшая зависть к П.Б. Соловьёву, так как на него, как преподавателя истории, была возложена ответственность за болдинский музей. Правда, экскурсии для редких случайных посетителей всегда с большей охотой проводил Тит Петрович с закоренелым атеистическим оттенком, называя главные ворота ограды монастыря не Святыми, а Парадными и отмечая оборонное значение толстых стен и узких окон древних сооружений.

Седьмого февраля, уволившись из ЭНИНа, появился я в Специальной научно-реставрационной производственной мастерской МГО ВООПИиК на Крутицах, где меня ошарашили тем, что зачислить на работу не могут из-за отсутствия финансирования. После непродолжительных переговоров с директором мастерской З.К.Чернышёвой и главным архитектором А.С. Днепровским все же нашли возможность зачислить меня на временную работу, на должность младшего научного сотрудника с ведением архива, до заключения договора со Смоленским Управлением культуры. Так приступил я к работе в специализированной реставрационной организации, получив рабочее место в надстройке над бывшей Воскресенской церковью на Крутицах, где размещался весь проектный отдел мастерской. В углу выделенной мне комнаты был свален в кучу архивный материал, который мне над-

лежало привести в порядок. Кроме архива, я тут же занялся составлением объемных ведомостей для смет на реставрационно-восстановительные работы по трапезной палате, на консервационно-восстановительные работы по колокольне и на разработку охранной зоны Болдинского монастыря.

Круглую дату П.Д. Барановского отметили 14 февраля, в день его именин, как было заведено в семье Петра Дмитриевича. Сотрудники мастерской собрались в большой комнате проектного отдела. В проектный отдел от входа в сооружение вела прочная, но пыльная деревянная лестница, оставшаяся от коммунального использования кирпичной коробки бывшей Воскресенской церкви, где разворачивались реставрационные работы. Разговоры на праздничном чаепитии в производственной обстановке, естественно, все были пронизаны надеждами на возрождение памятников Русской Культуры.

Отметили 80-летие Барановского и на Смоленщине, о чем сообщил мне Т.П. Новиков в письме от 22.02.1972 года. Были опубликованы статьи в смоленской газете «Рабочий путь» и в дорогобужской районной газете, а Титом Петрович сделал сообщение на районной конференции ВООПИиК, где постановили послать приветствие Петру Дмитриевичу. Сообщил Новиков о своем выезде в Болдино, где увидел, что на территории монастыря в просфорне ставят лошадей и делается это с позволения учителей болдинской школы. На сделанные Титом Петровичем замечания, директор школы ответил, что «... это здание принадлежит школе и они распоряжаются им». Вот так в Болдине заботились о сохранении исторического наследия.

За февраль месяц мне удалось подготовить все необходимые финансовые документы по работам над памятниками Болдина монастыря, но в процессе переговоров в архитектурном отделе ЦС ВООПИиК стало ясно, что непросто будет с выделением средств на начало масштабной работы с фрагментами колокольни. В связи с этим в марте месяце я сел за изложение и обоснование предла-

гаемого метода восстановления колокольни Болдинского монастыря, то есть того, о чем я уже несколько лет грезил, как и Барановский. По завершению работа получила название «Предпосылки и основные положения методики реставрации руинированного памятника архитектуры XVI века – колокольни Болдинского монастыря». Ознакомившись с подготовленным материалом, Пётр Дмитриевич дал добро на его печать. Было сделано пять экземпляров материала, который из-за отсутствия в реставрационной мастерской возможности его переплести, поместили в обычные папки. Возможно, где-то и сохранились полные комплекты материала, а в моем архиве сохранились рукопись текста и пятый машинописный экземпляр материала с подписями на титульном листе П.Д. Барановского и моей. Кстати, на титульном листе материала сохранилась и виза А.С. Алтухова от 25.04. без указания года. Алтухов возглавил реставрационную мастерскую ВООПИиК в начале 1973 года, когда вновь решался вопрос о работе на руинах колокольни (см. ниже). К сожалению, в комплекте утрачены три фотографии и рисунок, которые, правда, не составило особого труда восстановить, что и позволило подготовить достоверную публикацию названного выше материала.

Указанный материал, прежде всего, был передан в архитектурный отдел ЦС ВООПИиК, но там не были готовы принять решения без заключения специалистов, хотя этот вопрос после сессии московских реставраторов, с мая 1970 года, активно поддерживался специалистами, а в приложении к материалу прилагалось письмо НМС от 14.01.1971 года.

Барановский договорился о моей встрече с И.В. Маковецким, который возглавлял Госинспекцию по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР. Я подвез Ивану Васильевичу в Министерство материалы по предлагаемому методу восстановления колокольни Болдинского монастыря, показал фотографии фрагментов. Его реакция была очень живой и одобрительной,

а наша обстоятельная беседа завершилась его рассказом о впечатлениях от поездки в Египет, где проводились масштабные работы по перемещению распиленных на фрагменты памятников из зоны затопления Асуанского гидроузла. В результате плодотворной беседы И.В. Маковецкий позвонил А.А. Молчанову в ЦС ВООПИиК и поддержал предлагаемую работу.

Таким образом, 27.03.1972 года удалось согласовать у Начальника архитектурного отдела ВООПИиК А.А. Молчанова включение в договор проектные работы на сумму 3.5 тысячи рублей (2.5 тысячи рублей по трапезной палате и 10 тысяч рублей по колокольне). Финансировать работы по охранной зоне в ЦС ВООПИиК отказали, хотя наши предложения по границам заповедных территорий были уже подготовлены. Следует отметить, что в ЦС ВООПИиК занимали совершенно верную позицию – финансировать только производство работ, так как хотели видеть спасенными памятники, а не только красивые рисунки и чертежи. О документации должны были заботиться государственные структуры, ответственные за сбережение памятников, но у которых средств, к сожалению, как правило, не было. Послабление в нашем случае определялось тем, что реставрационная мастерская входила в структуру ВООПИиК.

Без промедлений подготовил я договор между Московской реставрационной мастерской и Смоленской специальной научно-реставрационной производственной мастерской, который 30 марта был подписан в Смоленске Г.М. Аптекиным. Таким образом, моя работа по Болдинскому монастырю была обеспечена финансированием. Приказом от 5 апреля по Московской реставрационной мастерской я был освобожден от занимаемой должности, как временно зачисленный, а приказом от 7 апреля опять зачислен временно до 7 мая младшим научным сотрудником, со сдельной оплатой труда, с ведением архива мастерской.

Наконец-то я смог приступить к выполнению чертежей по трапезной палате Болдин-

ского монастыря в масштабе 1:20, необходимых для изготовления макета. Получил я от Барановского графические материалы 1918 года и более детальные обмеры второго яруса при проведении реставрационных работ в 1920-е годы. Естественно, что все полученные материалы необходимо было перевести в метрические меры. Материалы по первому ярусу трапезной палаты предстояло скорректировать по результатам обмеров и исследований, выполненных и предстоящих, в процессе проводимых работ.

В начале мая, я очередной раз был освобожден и вновь зачислен на временную работу. Из дневниковых записей следует, что в среду 17 мая в 23.37 выехал я поездом из Москвы до Сафонова, чтобы на месте, в Дорогобуже и Болдине, попытаться наладить работу или хотя бы подготовку к ней. Производство работ в этом году Г.М. Аптекин включил в план своей мастерской без сотрудничества с МСО, так что необходимо было налаживать оперативное взаимодействие со Смоленском.

От Дорогобужа до Болдина добрался очень удачно, несмотря на прескверную дорогу. На осьменских лугах бульдозерами нагребали дамбу под дорожное полотно, но делалось все очень медленно. Ускорить работу обещали после завершения сооружения моста на Соловьёвой переправе.

В Болдине первым делом обошел территорию монастыря. Нашу летнюю кухню (бывшую просфорню) разгромили зимой, как и сообщал мне Т.П. Новиков. Ставили лошадей, на которых школьники приезжали из Абрамова и Ленкина, были выломаны рамы и потолок. Печальная картина была и за оградой монастыря, в весенний паводок сорвало пруд, промоина образовалась на месте става. Телефонная связь работала плохо, так что дозвониться до Дорогобужа и Полибина я не смог. В пятницу наводил я порядок в жилом помещении в доме на территории монастыря. Обещавшие подъехать из Москвы каменщики не появлялись. В субботу занялся обмером плана паперти, помогал

мне Т.П. Новиков, а затем приспособился обмерять и один, пользуясь замером от нескольких колышков, укрепленных вертикально недалеко от замеряемых стен.

В понедельник связался с Н.А. Бородиным и с П.В. Беляковым, договорились встретиться в Болдине, чтобы обсудить организацию предстоящих реставрационных работ и, конечно, восстановление пруда, так как намеченные работы по кирпичной кладке будут требовать много воды. За всю неделю никто из ответственных за сохранение культурного наследия и за обычную жизнь в Болдине так и не появился, возможно, пугала холодная, дождливая погода. Не удалось мне найти в Болдине и способных поработать на руинах монастыря, поэтому занимался обмерами палат подклета трапезной. Отрывался только на беседы с местными жителями, со многими из которых поддерживал дружеские отношения, сложившиеся за годы работы в Болдине. В четверг заходил Н.М. Кирженков, он после освобождения из заключения поселился в Абрамове и работал в совхозе «Васинский», но рассчитывал перебраться в Болдино, так что немного пофантазировали о перспективах.

Телефонные переговоры со Смоленском были малоутешительны. Только на следующей неделе пообещали прислать машину с инструментом и материалом, необходимым для начала работ. Небо прояснилось и значительно потеплело только к вечеру субботы, 27 мая. Болдинцы готовились к престольному празднику, чаще говорили просто – к Духову дню. Съезжались гости, но на территории монастыря люди не появлялись, приобщенные собирались в лесочке у колодца на горке за домом Щепетовых, где сохранялись обугленные столбы от сожженной часовни.

В воскресенье в первой половине дня зашел ко мне П.Б. Соловьёв и пригласил попариться в баньке, что было очень кстати, так как за неделю измотала непогода. Вернувшись на территорию монастыря, был приглашен я к праздничному столу в дом Воронца. Конечно, очень приятно было пообщаться с

родственниками и близкими людьми гостеприимной семьи, которые хранили в памяти вековые традиции. Застолье, естественно, сопровождалось многочисленными тостами, после которых расхваливали и принесенные гостями напитки собственного производства, которые непременно рекомендовали пригубить. В общем, все было по-доброму и весело.

Только вернувшись в келью, организм мой почувствовал недоброе от непривычного зелья, поэтому пришлось отпаиваться крепким черным чаем. Выпил я немного, по сравнению с другими участниками застолья, и мне было интересно узнать, а как здоровье других и был удивлен, увидев рано утром бодрых гостей, бродящих по территории монастыря и осматривающих живописные руины.

Около середины дня появилась на территории монастыря группа школьников, которым я рассказал об истории Болдинского монастыря и показал музей, где сохранялись портреты партизан Великой Отечественной войны и постоянно пополняемая коллекция изразцов, найденных при разборе завалов в трапезной палате. Отрадно было то, что к руинам Болдинского монастыря добираются группы школьников и туристов, это вселяло и надежду на возрождение достопамятного места.

Машина из Смоленской реставрационной мастерской приехала в Болдино только вечером во вторник. С машиной приехали: И.А. Райскин – мастер мастерской, прикрепленный к работам в Болдине, и командир реставрационного отряда этого года Виталий Зайцев. На машине привезли цемент и известь, чем было положено начало обеспечению работ. Переночевали смоляне в Болдине, так что было время обговорить программу работы реставрационного отряда и первоочередные задачи. На следующий день я вместе со смолянами доехал до Дорогобужа, где в лесхозе выписали щепу на покрытие просфорни, чтобы восстановить облик старого монастырского сооружения.

В ночь на 1 июня из Сафонова выехал я в Москву.

В Москве узнал, что каменщики московской реставрационной мастерской выехали в Болдино. На Смоленщину они направились не по командировке, а взяв отпуск за свой счет в период отсутствия работы на Крутицах. Пришлось срочно звонить в Болдино и договариваться с бригадиром В.Н. Киселевым, чтобы до моего приезда занялись очисткой старого большемерного кирпича от раствора, тем самым готовясь к реставрации стен трапезной палаты. Получить в этом году новый большемерный кирпич для работ в Болдине надежды практически не было.

Целую неделю в Москве убеждал я администрацию реставрационной мастерской в необходимости моего выезда в Болдино. Послушный и исполнительный главный архитектор мастерской А.С. Днепровский изыскивал различные причины, чтобы оставить меня в Москве для выполнения работ по архиву мастерской. Конечно, были попытки подключить к урегулированию конфликта и ответственного секретаря МГО ВООПИиК В.М. Толмачёва, и заместителя председателя ЦС ВООПИиК В.Н. Иванова, но решительных действий с их стороны не последовало.

Восьмого июня мной была подана докладная записка на имя начальника СНРПМ МГО ВООПИиК З.К. Чернышёвой. В ней констатировалось, что приказом по Министерству культуры РСФСР мастерской поручено обеспечить научно-техническое руководство реставрационными работами в Болдине, куда 9.06. 1972 года выезжает авангардная группа студенческого реставрационного отряда, поэтому необходимо мое присутствие в Болдине как ответственного исполнителя научно-технической документации. Не могу судить, что действовало на администрацию мастерской, возможно, временному разрешению конфликта содействовали мои телефонные звонки В.М. Толмачёву и В.Н. Иванову, но вечером восьмого июня я выехал на Смоленщину.

В Болдино добрался я во второй половине дня, московских каменщиков застал за чист-

кой старого большемерного кирпича, так что появилась надежда начать реставрационные работы. Запись в моем дневнике от 9 июня завершается словами: «Что принесет этот сезон!?».

Работы развернули у северной стены подклета церкви Введения, пришлось потрудиться и в воскресенье. На расстоянии 1.5–1.7 метра от стены обнажились большие валуны, видимо, от фундамента галереи, обеспечивавшей подход с паперти к двери в северной стене церкви. В понедельник, 12 июня, начали копать шурф вдоль северной стены подклета церкви. Попадалось много изразцов, но, к сожалению, очень плохого качества – расслаивалась керамика. Во второй половине дня пришла машина из Смоленска, с машиной приехал командир отряда Виталий Зайцев, привезли стандартный кирпич. В этот же день приехали еще три студента из будущего реставрационного отряда. В конце дня удалось съездить в карьер за песком.

Во вторник уже работала полноценная бригада – семь человек. Оперативно вскрыли в дверном проеме подклета церкви канал из-под дубовой связи первого яруса, проходившей под порогом. Вскрытие канала давалось непросто, так как он был заполнен промерзшей смесью грязи и щебня. Это заморозка довоенная, ликвидировав монастырскую общину в конце 1920-х годов, новые хозяева использовали подклеты трапезной палаты под молокозавод, а в подклете церкви устроили ледник, так что прежняя заморозка сохранялась даже до нашего времени. Почистили канал в обе стороны на длину лопаты (около 1.5 метра). Канал промыли и забетонировали. Интересно отметить, что канал первого яруса связей, проходящий между подклетом церкви и второй палатой, не имел продолжения в направлении паперти, что говорило о том, что восточная стена паперти закладывалась позднее северной стены трапезной палаты.

В подклете церкви расчистили место для прокладки центрального бруса под стойки кружал свода. К плотницким работам при-

ступил П.Б. Соловьёв, начал тесать сегменты для кружал. Приходилось использовать старый материал, новых досок пока не завозили. Вечером в среду пришла машина из Смоленска с инструментами для отряда, главное, привезли носилки, которых очень не хватало. О тачках мы даже и не мечтали, их просто будто бы и не существовало.

В четверг каменщики начали выкладку дверного проема подклета церкви. Делали все с учетом результатов исследований прошлого года, поэтому дверной проем должен быть как подлинный. Райскин с двумя студентами поехал на машине в Сафоново за кирпичом, в Дорогобуже пришлось машину ремонтировать, поэтому удалось сделать лишь один рейс.

Очень удачным выдался день 16 июня. П.Б. Соловьёв в Полибине встретился с бригадой передвижной механизированной колонны (ПМК), которые работали в совхозе на вывозе навоза с фермы, и пригласил их поработать для Болдинского монастыря. Комплексная бригада, в которой была машина самосвал, три трактора «Беларусь» с тележками и погрузчик, оперативно завезли в монастырь из полибинского карьера пятнадцать машин песка (всего за пятнадцать рублей, т.е. по рублю за машину), так что должно было хватить на весь сезон. После этого до позднего вечера бригада трудилась на территории монастыря, и смогли вывезти на дамбу пруда почти семьдесят пять тонн строительного мусора, основательно подчистив территорию у трапезной палаты. Вечером сделал я чертеж металлической решетки для раскрытого оконного проема в восточной стене подклета паперти.

Райскин, возвращаясь из Сафонова на машине с кирпичом, в Полибине в совхозной конторе договорился о том, чтобы машина-цистерна, которая возит в совхозе обрат, по нашему вызову в период работы реставрационного отряда завозила на территорию монастыря воду. Это было отличное решение. П.Б. Соловьёв присмотрел на месте старого совхозного коровника, недалеко от

западной стены ограды монастыря, брошенную большую цистерну, которую притащили машиной на территорию монастыря и Павел Борисович стал заделывать на ней дыры. Студенты начали разбирать кружала во второй палате. В субботу и воскресенье были полноценные рабочие дни. Каменщики облицовывали северную стену подклета церкви и при этом выложили внешнюю дверную арку подклета церкви. В один из дней поработала и бригада механизаторов, вывезли на дамбу пруда еще около семидесяти тонн строительного мусора. Пополнились и наши запасы стандартного кирпича, всего на территории монастыря было уже 3200 штук. Получил я письмо из Москвы от Михаила Громова, в котором он меня порадовал тем, что сможет в этом году поработать в июле месяце в Болдине.

В понедельник бригада механизаторов смогла вывезти еще около шестидесяти тонн строительного мусора, на этом наше сотрудничество и завершилось, их переводили на работу в другой совхоз Дорогобужского района. Бригада поработала отлично, за всю работу по трудовому соглашению я им заплатил восемьдесят четыре рубля, которые мне еще предстояло вернуть в смоленской реставрационной мастерской. Бригадир механизаторов Роберт Иванович Мятников, общительный остроумный собеседник, на мой вопрос о его редком для данных мест имени поведал следующую историю. Родился он во время немецкой оккупации, и когда поселившийся в их доме немец увидел в доме малыша, то сразу назвал его Робертом, так это имя и осталось за дорогобужанином.

Работы на трапезной палате шли хорошо. Двое каменщиков продолжали работу на северной стене подклета церкви. Слава Киселев перешел на работу с растесанным восточным окном подклета церкви Введения, а студенты начали готовить территорию для работы на южной стене второй палаты. Заказал я А.П. Кабанову, которого досрочно освободили из заключения за примерное поведение, изготовить две решетки. Одну

решетку на окно подклета церкви, а вторую на окно в восточной стене подклета паперти. Решетки небольшие, поэтому изготовил их Анатолий Петрович быстро и получил за работу двенадцать рублей.

Решил я воспользоваться ситуацией, сложившейся с южной стороны монастыря. Вспомнилось, как П.Д. Барановский рассказывал о находках изразцов на берегах водоемов у Ново-Иерусалимского монастыря. Поврежденные и сбитые при ремонтах изразцы монахи использовали с другим строительным мусором для укрепления берегов водоемов. Решил и я сделать пробный небольшой раскоп на прибрежной части бывшего болдинского пруда. За полчаса работы откопал пять фрагментов печных изразцов, один из которых и зарисовал, так как он оказался с новым для меня рисунком. Впоследствии на территории монастыря нашлись изразцы с аналогичным рисунком, что позволило сделать полную реконструкцию печного стенного изразца.

В среду, 21 июня, пришла машина из Смоленска, привезли наконец-то растворешалку, так что работать реставрационному отряду будет намного легче, чем в предыдущие годы. Следом приехал на «Волге» Г.М. Аптекин с бухгалтером, привезли реставраторам аванс. Началом работ, по моему впечатлению, Григорий Матвеевич остался доволен. Однако выданный каменщикам аванс нарушил хороший ритм работы, москвичи крепко выпили. Следующий день каменщики отдыхали, П.Б. Соловьёв пас коров, так как в Болдине общественное стадо пасли по очереди. Работали студенты, которые начали копать шурф у южной стены второй палаты. Электрик из Смоленской мастерской подключил растворешалку, сделал заземляющий контур, отремонтировал электропроводку в просфорне.

Загул каменщиков был однодневный и в пятницу они бодро вышли на работу. Киселев с Полосковым начали выкладывать откосы окна в восточной стене подклета церкви. Андрейчиков завершал работу на северной

стене подклета церкви. Во второй половине дня решили воспользоваться смоленской машиной для добычи пиломатериала, так как в Смоленской мастерской с пиломатериалом было очень плохо. П.Б. Соловьёв и два студента поехали на лесопилку военного лесхоза в Волочек, где обещали помочь. Вернулись «путешественники» только в десять часов вечера, из-за очень скверной дороги между Дорогобужем и Волочком. Привезли немного досок и теса, всего 2,5 кубических метра.

На следующий день каменщики завершили выкладку оконного проема подклета церкви с установкой решетки, а в воскресенье практически завершили выкладку окна. Андрейчиков довел кладку северной стены до уровня прокладки металлического пояса. Павел Борисович со студентами занимался сооружением нового санузла, который требовалось обустроить до приезда студенческого отряда.

В понедельник, 26 июня, наводили порядок на рабочих местах, так как решили устроить перерыв на несколько дней – до приезда студенческого отряда. Во второй половине дня был сильнейший град, в течение минут тридцати по земле лупили ледышки размером с голубиное яйцо. Утром во вторник поехал я с московскими каменщиками в Смоленск оформлять финансовые документы, а в среду выехал в Москву.

Находясь в Болдине, отвлекся я от перерыва в Московской реставрационной мастерской, а они продолжались по неведомым мне правилам. Приказом от 14 июня меня уволили из мастерской в связи с окончанием временной работы. Барановский прилагал усилия, чтобы меня восстановили, так как я выполнял работу в Болдине. Видимо, было много разговоров в различных кабинетах, но из письменных документов сохранилось только обращение Петра Дмитриевича в местный профсоюзный комитет мастерской от 15 июня 1972 года. В этом обращении он ходатайствует о моем награждении за трудовые показатели на реставрации

Болдинского монастыря в течение четырех лет, которое возникло, видимо, от полного игнорирования его доводов в администрации мастерской.

Появившись в мастерской 29 июня, я узнал, что приказ о моем увольнении с 16 июня был отменен и срок моей временной работы был продлен до 30 июня. Приезд студенческого отряда в Болдино был намечен на 3 июля, поэтому я написал новое заявление с просьбой о зачислении на работу и служебную записку на командировку, однако получил отказ. Но тут же узнаю, что неведомая мне сила повлияла на администрацию, и появился приказ о моем зачислении на временную работу с 10 июля по 10 сентября 1972 года на должность младшего научного сотрудника. На следующий день я узнал, что в мастерской освободилась должность инженера, и сразу написал заявление о зачислении на постоянную работу в должности инженера, но получил очередной отказ. Естественно, я не мог не выполнить своих обязательств перед Смоленской реставрационной мастерской, и дневным поездом 3 июля выехал из Москвы. Ехал с попутчиками Мишей Громовым и его супругой. В середине дня были мы в Болдине, а вечером приехали на автобусе из Смоленска и студенты. Все вновь приехавшие разместились в очень приличных комнатах-классах школы, которые, по предварительной договоренности с районными властями, разрешили нам использовать на время работы отряда.

На следующий день завершали благоустройство просфорни, приспособленной под трапезную и кухню, и начали полноценно работать на трапезной и колокольне. Приезд в июне трех студентов для подготовки обустройства отряда, завоза материала и инструментов полностью себя оправдал. Кроме того ими была обеспечена и полноценная работа московских каменщиков.

Подклет церкви Введения очистили от мусора для удобства установки кружал. Обкосили бурьян на холме рун колокольни и начали раскопки с южной стороны. Миша Громов

приступил к укреплению кладки фрагмента №8 колокольни. Приехали каменщики из Москвы, Гена Андрейчиков и Коля Полоски с подругой. Для них был приготовлен фронт работ на южной стене второй палаты. Тормозило работы только отсутствие пиломатериала, много времени занимало освобождение от старых гвоздей кружал второй палаты, сегменты которых начали использовать для кружал в подклете церкви. Павлу Борисовичу пришлось основательно повозиться с выполнением опалубки для выкладки конхи в восточной части свода. Так как теса на опалубку не было, пришлось снимать тесины с заброшенной, но очень живописной, круглой деревянной башни, видимо, послевоенной постройки у покинутого совхозом скотного двора недалеко от западной стены монастыря.

Плотницкие работы П.Б. Соловьёва стали осложняться тем, что директор школы И.В. Закабунин стал запрещать ему использовать оборудование школьной столярной мастерской, которая располагалась в бывшей монастырской гостинице. Для решения проблемы пришлось подключать районные власти. Составили письменное соглашение на использование школьного оборудования для нужд реставрационных работ, но постоянные придирки директора школы продолжались и создавали нервную обстановку. Как выяснилось, конфликт между директором школы и Соловьёвым начался по весне. Павел Борисович преподавал в школе историю и труд, а также был председателем местного профсоюзного комитета. На уроках труда под его руководством учащиеся школы изготовили штaketник для ограды школьной территории, а по весне и установили ограду. Кажется, надо было бы радоваться преображению школьной территории, но выяснилось, что деньги, порядка четырехсот рублей, за изготовление ограды были выписаны и оплачены подставному лицу. Конечно, Соловьёв стал обвинять в содеянном Закабунина, что повлекло защитную реакцию директора, пытавшегося использовать свои, хоть и

небольшие, но властные полномочия. Только некоторое время спустя, узнал я куда «ушли» деньги. Весной в Никулинском сельском Совете, в чьем ведении была болдинская школа, вместо уходящего Я.С. Степченкова на должность председателя заступал И.В. Румянцев. Отметим это событие советские работники решили, видимо, по заведенному обычаю на средства не из своего кармана, а с помощью Закабунина «пощипали» небогатый школьный бюджет. Завершилась же вся эта история очень печально, но об этом позже. Отряд трудился отлично, мне постоянно приходилось быть то на трапезной палате, то на колокольне, где нужно было фиксировать откапываемые фрагменты, так что записи в дневнике очень фрагментарные и восстанавливать события помогают кроки и фотографии, которые и активизируют память.

К 10 июля каменщики выложили внутреннюю арку дверного проема в южной стене второй палаты и подготовили кружала для выкладки внешней арки. Студенты обкопали фрагмент №9 колокольни, на лицевой поверхности которого сохранилась кладка декоративного пояса между вторым и третьим ярусами, что позволило «привязать» по высоте арочку перекрытия внутрискладной лестницы, сохранившуюся на этом фрагменте. Около фрагмента №9 обнаружился фрагмент барабана завершения колокольни. Небольшие фрагменты колокольни приходилось переносить на хранение в первую палату трапезной, так как другого укрытия не было.

В среду, 12 июля, решили раскопки на колокольне приостановить. Откопали много небольших фрагментов, которые требовали укрепления и сохранения, а для этого необходимо было соорудить специальное укрытие. Кроме того, не хватало и каменщиков, так как двоих вызвали в Москву. Соловьёв с помощниками занимался устройством кружал в подклете церкви. Студенты начали обмазку свода первой палаты. Один из студентов оказался с художественного факультета и с большим интересом и чувством линии окультивировал оконные распалубки. Стояла

очень жаркая погода, больше плюс тридцати градусов, после работы всем отрядом несколько раз ходили купаться на Абрамовское озеро.

Бойцы отряда усмотрели пользу и в лишней запруды речке Болдинке, несколько раз приносили по ведру карасей, выловленных сачком в неглубоком русле. Карасики были в основном небольшие, костлявые, но уха из свежей рыбы у поваров получалась вкуснейшая.

В субботу каменщики из Москвы вернулись. Андрейчиков завершил укрепление фрагмента №6 колокольни и перешел работать на паперть трапезной палаты, где начал укреплять долевую стену. Отряд работал отлично, и появилась надежда кроме свода в подклете церкви, «закатать» и свод над одной из палат паперти. Николай Полосков работал на южной стене второй палаты, выложил стену до подоконника окна. Первоначально окна здесь не было, так как в кладке стены не сохранилось следов откосов. Существовавший оконный проем был пробит при одном из приспособлений помещения. Я начертил проект окна, и Коля Полосков заложил два ряда оконного проема. Однако работу над окном я решил приостановить. Хотел получить согласие на восстановление П.Д. Барановского, но его намеченный выезд в Болдино откладывался уже несколько раз.

В четверг, 21 июля, начали выкладку свода в подклете церкви Введения, расчистили и подготовили к прокладке связей каналы второго уровня в подклете церкви. В этом году проблем с приготовлением раствора не было. За время работы отряда совхозный шофер Александр Анатольевич Шаматурин девять раз завозил по цистерне воды, так что ведрами из речки воду таскать не приходилось. Воду запасали в цистерне, которую Павел Борисович смонтировал на полозья из бревен для удобства перемещения к месту работы. Растворомешалка работала безотказно. Была задержка только со сварочным аппаратом и металлом, но для связей металл

из Смоленска подвезли, и подъехал сварщик, так что достаточно оперативно заложили металл и все своевременно подготовили для бетонирования каналов.

К сожалению, не удалось обеспечить необходимым металлом работы на фрагментах колокольни. Вместо необходимого швеллера из Смоленска пришлось привезти старые трамвайные рельсы, не достали и металл для жестких обжимных каркасов на фрагменты.

В понедельник продолжили выкладку свода в подклете церкви. До начала бетонирования канала связи на подклете церкви успел я сделать все замеры и начертить план. На южной стене второй палаты решился я начать выкладку окна, не дожидаясь приезда Барановского. Во вторник начали бетонировать связь на подклете церкви. Обеспечив фронт работ на несколько дней, утром в среду, 26 июля, выехал я в Москву. В реставрационной мастерской было затишье, у администрации время отпусков. О моем переводе на постоянную работу никто в мастерской и не думал, хорошо, что до конца августа числился на временной работе, поэтому командировку на Смоленщину разрешили. В Болдино вернулся утром в понедельник, 31 июля. Отряд и каменщики поработали отлично, завершили кладку свода в подклете церкви, забетонировали связь по всему периметру. Очень здорово преобразилась вторая палата. После разбора кружал понизили уровень грунта почти на половину метра, и палата будто «выросла». Начали подготовку к сооружению кружал в южной части подклета паперти и работали почти до двенадцати ночи, перенесли электрическое освещение с подклета церкви.

Во вторник начали работать над металлической конструкцией для подъема фрагмента №8, который необходимо было поставить в вертикальное положение, иначе кладка фрагмента могла расслоиться. С большим трудом подвели под фрагмент рельсы и начали обжимать фрагмент жгутами из катанки, так как для жесткой конструкции металла не достали. Миша Громов докомпоновывал

«ширинку» парапета колокольни, и работал над облицовкой верха апсиды подклета церкви. Московские каменщики облицовывали южную стену второй палаты. Студенты, освоившие кладку свода в подклете церкви, начали выкладку свода на паперти. Свод выкладывали толщиной в половину кирпича для уменьшения нагрузки на долевую стену, которую перед началом выкладки свода укрепили горизонтальной железобетонной стяжкой.

Приезжал на неделе новый директор совхоза «Ставково» Анатолий Никифорович Хохлов и поведал, что во вторник, 8 августа, строители с завода азотных удобрений (ЗАУ) начнут работы по восстановлению водослива сорванного пруда. Для подсыпки дамбы будут вывозить строительный мусор с территории монастыря, так что я получил сразу два приятных известия. Восстановлению пруда, о котором говорили с мая месяца, содействовала ситуация с необходимостью уборки урожая ржи, посеянной на полях за речкой Болдинкой, но не обошлось, конечно, без деятельного содействия из РК КПСС Алексея Филипповича Воробьева.

Все намеченные реставрационные работы на трапезной палате завершили в субботу, 5 августа, в воскресенье прибирали территорию, забивали щитами и досками открытые проемы и щели в трапезной палате, а затем студенты и москвичи готовились к отъезду. Отряд заслужил самые высокие оценки, поэтому в сентябре в Москве я подготовил и направил в Смоленский педагогический институт и в Смоленское областное отделение ВООПИиК благодарности за отличную работу отряда и предложение по премированию ударного костяка отряда.

Утром в понедельник на автобусе, присланном из Смоленской реставрационной мастерской, все участники работ выехали в Смоленск, где нас ждали и оперативно выдали начисленную оплату за выполненные работы. Вечером, на рейсовом автобусе в 21.00 я с П.Б. Соловьёвым выехал в Дорогобуж. Переночевали в городской гостинице, а утром добрались и до Болдина. Весь день

наводил я порядок в своей келье. Вечером приехал Виктор Кулаков, он был в Смоленске и решил проведать Болдино. Выпили со встречи бутылочку «Экстры» и проговорили до полуночи, утром он уехал в Москву.

Вечером в среду, 9 августа, приехала в Болдино грузовая машина из Москвы. В машине П.Д. Барановский и Слава Буханов. Машину, как и в прошлом году, выделили на несколько дней в филателистической организации, арендовавшей на Крутицах Успенский собор. На машине привезли немного металла, штук двадцать уголков длиной по четыре метра. Где удалось Барановскому добыть дефицитный металл, сейчас трудно и вспомнить, но очевидно то, что Смоленская реставрационная мастерская не смогла обеспечить таким металлом работы в Болдине. Возможно, поспособствовал Слава Буханов, который активно сотрудничал с Петром Дмитриевичем в последнее время. Буханов, чрезвычайно рукодельный и творческий человек, которого Барановский «заразил» задумкой создания на Крутицах керамической мастерской для изготовления фигурного большемерного кирпича и изразцов. Я даже начал делать реконструкцию круглой печи, фрагменты которой были обнаружены Барановским в 1920-е годы и еще во множестве попадались при разборе завалов во второй палате, пополняя экспозицию болдинского музея. Реконструкция печи была нужна для уточнения количества изразцов каждого типа, тем более что по моим расчетам диаметр печи составлял сто тридцать сантиметров, а не около двух метров, как ранее виделось Барановскому. Очень хотелось восстановить керамическое убранство одностолпной палаты Болдина монастыря, чему способствовали и находки фрагментов половых керамических плит со следами желтой и зеленой поливы. К сожалению, воплощение мечты откладывалось из-за многих объективных причин, да и не ладилось с работой в реставрационной мастерской у Буханова, сказывалось то, что Слава был склонен к проявлению порока, озвученного в его фамилии.

К большому сожалению, использовать привезенный металл для монтажа каркасов фрагментов уже не было возможности, так как не было в наличии сварочного аппарата и специалистов для выполнения этой работы. На следующий день Барановский, как и в прошлом году, решил использовать имеющуюся машину и поехать на поиск пригланувшегося ему в 1966 году деревянного моста. Проводником с нами поехал Т.П. Новиков. Путешествовали весь день, несколько раз подводила машина, но деревянный мост все же попался на нашем пути, однако не тот, который искали. Правда, мост оказался интересным, поэтому я сделал его зарисовку и с помощью Буханова обмерил и, конечно, сфотографировал. Вернувшись в Болдино, устроили праздничный ужин по случаю успешного завершения экспедиции.

Когда форматки с обмером моста оказались в руках Барановского, он черными чернилами поставил на них и свою визу.

На следующий день, 11 августа в пятницу, в Болдино приехал с ЗАУ подъемный кран для установки бетонных труб на водослив восстанавливаемого пруда на реке Болдинке. Спонтанно пришла мне мысль, а не попытаться ли использовать подъемный кран для установки в вертикальное положение фрагмента №8. Желание видеть фрагмент в вертикальном положении явно толкало на ложный путь. Каркас на фрагменте не был сделан, были только подведены рельсы под фрагмент и закреплены бревна основания. Да и кран был маломощный, грузоподъемностью всего семь тонн. Подталкивало то, что оставлять докомпонованный фрагмент на зимний сезон, значит, обречь кладку на расслоение.

В результате ложный шаг был сделан, при попытке подъема массив кладки фрагмента треснул, увязли в рыхлом грунте опоры подъемного крана. Эксперимент пришлось остановить. Свидетелями неудачного опыта с подъемом фрагмента стали и приехавшие из Смоленска Г.М. Аптекин и Г.Н. Люсый. Этот печальный случай послужил для меня хоро-

шим уроком, а беспокоило только то, чтобы это не повлияло на работы в Болдинском монастыре.

На субботу никаких дел в Болдине мы не планировали, поэтому решили проехать в Вязьму, где возрождался участок Смоленской мастерской, который взялся возглавить Вячеслав Петров. Посмотрели раскопки у Спасской башни, где открылись очень интересные особенности. Оказалось, что нижняя часть башни была значительно шире сохранившегося периметра, что говорило о наличии наклонного цоколя, высотой более полутора метров. Затем проехали к Иоанно-Предтеченскому монастырю, поднялись по лесам к шатрам церкви Одигитрии. Наконец-то мне довелось потрогать своими руками скульптурную кладку шатров, выполненную фигурными формованными кирпичами. Изготовление формованных кирпичей для реставрации этого храма планировал Барановский наладить в Москве на Крутицах. К вечеру на «Волге» с Г.М. Аптекиным добрались до Смоленска. На ночлег Барановский, Буханов и я устроились в кемпинге, у поворота с трассы на Смоленск.

В воскресенье, 13 августа, решили съездить на Смядынь, где, как узнали мы у Григория Матвеевича, трудились археологи из Ленинграда под руководством П.А. Раппопорта. Долго добирались пешком от церкви Михаила Архангела до раскопа, который был заложен, как уточнили позднее, на месте Троицкого монастыря на Кловке. Археологи не работали, поэтому мы самостоятельно осмотрели основание части откопанного храма домонгольского периода, о чем говорила кладка, выполненная из плинфы. Меня чрезвычайно удивило обилие изразцов XVII века в отвалах, окружавших раскоп. Небольшие фрагменты изразцов лихо швыряла в Днепр загорававшая поблизости ребятня. На крупных фрагментах терракотовых и покрытых зеленой поливой изразцов увидели мы рисунки, знакомые по болдинским находкам. Несколько плиток прихватил я с собой, для сравнения с болдинскими изразцами,

благо был с небольшим рюкзачком. Возвращаясь с раскопа, отыскиали мы дом, где квартировали археологи. Павла Александровича не застали, но попросили его помощников сохранить изразцы и другие находки более позднего времени, чем интересующий их домонгольский период. На ночлег вернулись в кемпинг.

В понедельник, 14 августа, к началу рабочего дня были мы в Доме Советов. В Управление культуры, на второй этаж, вход был свободным, поэтому я с Барановским направился сразу на прием к начальнику Управления З.А. Цветковой. Рассказали Зое Андреевне об отличной работе студенческого реставрационного отряда в минувший сезон и поведали о безобразном отношении директора болдинской школы к формируемому музею на территории монастыря и к проводимым работам. Результатом нашей беседы стало письмо №673 от 14.08.1972 г. в адрес председателя исполкома Дорогобужского райсовета И.Н. Гальянова с копиями Председателю Никулинского Сельского Совета И.В. Румянцеву и директору болдинской школы И.В. Закабунину с просьбой принять меры по улучшению охраны и благоустройства памятника. Подписала З.А. Цветкова также Приказ по Управлению культуры Смоленблсполкома №305 от 14.08.1972 года о назначении Павла Борисовича Соловьёва хранителем Болдинского Музея Партизанской Славы на общественных началах.

Проведя весь день в Доме Советов, удалось нам попасть и этажами выше, проход куда был возможен только по предварительной договоренности. Встретились с секретарем обкома КПСС Н.И. Москвиным и в облисполкоме с Добровольским. В обоих кабинетах внимательно были заслушаны обстоятельные повествования Петра Дмитриевича о работах в Болдине и о проблемах с сохранением исторического наследия. Покидали мы Дом Советов с надеждой, что наши беседы отложатся в памяти руководства Смоленской области. Проводив Барановского с Бухановым до железнодорожного

вокзала и посадив на поезд до Москвы, я на автобусе в 21.00 выехал в Дорогобуж. Переночевал в гостинице и день провел в кабинетах РК КПСС и райисполкома, высказывая свои впечатления о выходках директора болдинской школы во время работы студенческого отряда. В четверг, 17 августа, в Болдино обещали прислать районную комиссию разбираться со школьными проблемами.

В среду в Дорогобуже встретил я приехавшую из Москвы супругу, и вместе поехали в Болдино. Я должен был в Болдине дожидаться машину с пиломатериалом, который выписали и оплатили в военном лесхозе, но не доставили с Волочка в монастырь, то не работала пиломатериала, то мешало бездорожье. В Болдине в спокойной обстановке с П.Б. Соловьёвым поработали над фрагментом №8 колокольни. Домкратами поджали расколовшиеся части фрагмента, а затем и закрыли сверху рубероидом. Занесли в первую палату оставшийся стандартный кирпич, а вторую палату подготовили для складирования пиломатериала. Довелось мне понаблюдать за сооружением водослива на дамбе. Кстати, когда готовили основание для установки трех труб, выяснилось, что в основании дамбы поперек русла речки проложены, как минимум, два ствола дуба. Среди черноты мореных стволов мне посчастливилось рассмотреть крохотную чешуйку копейки времен Иоанна Грозного, видимо, оброненную при сооружении дамбы. Для устройства водослива с лицевой стороны строители соорудили опалубку в форме воронки. Бетон собирались возить с ЗАУ. Я предложил строителям заложить в бетон металлические уголки, чтобы была возможность регулировать уровень воды в пруду, путем установки на входе трубы закладных досок. Оставил я им и четыре уголка, привезенные недавно из Москвы.

Пиломатериал привезли в Болдино только 21 августа. Доски длиной в шесть метров каждая, а всего десять кубических метров шофер умело опрокинул с лесовоза на землю у северной паперти трапезной. Предстояло все доски затащить во вторую палату

через арку в доленой стене подклета паперти, сложить в штабеля с поперечными прокладками, отдельно доски толщиной сорок миллиметров и отдельно толщиной тридцать миллиметров. На эту такелажную работу ушло у нас четыре дня. Утром в пятницу, 25 августа, мы выехали из Болдина и вечером были в Москве, на этом завершился летний реставрационный сезон в монастыре.

На Крутицах узнал я об очередных переменах в администрации реставрационной мастерской. Начальником СНРПМ был назначен Ю.П. Авдеев, вместо уволенной Чернышёвой. На пост главного архитектора заступила Галина Ювенальевна Лопухина, человек уважаемый в среде архитекторов-реставраторов, сменив уволенного А.С. Днепровского, который за непродолжительное время не проявил себя в проблемах архитектурной реставрации. Несмотря на перемены в администрации мастерской, проблема моего нормального трудоустройства оставалась нерешенной. С 11 сентября я в очередной раз был освобожден от работы, как временно зачисленный. Так как работы по договору со Смоленском не были завершены, с 18 сентября я вновь был зачислен временно на два месяца, т.е. до 18 ноября, младшим научным сотрудником, но без обязательства вести архив СНРПМ.

Продолжалась чехарда и в болдинской школе. В письме от 29 сентября П.Б. Соловьёв сообщил мне, что из-за продолжающихся склок в школе он не смог выполнить намеченные нами работы по устройству дверей и ограждений в ограде монастыря, поэтому просил не подавать сведения в Смоленскую реставрационную мастерскую о выполнении запланированных на сентябрь работ. В октябре Павел Борисович надеялся выполнить намеченную работу.

В Москве я продолжил работать над чертежами трапезной палаты для изготовления макета и тоже надеялся, что в СНРПМ воцарится наконец-то нормальная деловая атмосфера. Получилось совсем по-другому, в руководстве ВООПИиК продолжались стол-

кновения различных сил по определению направления развития СНРПМ и о том, какие работы по сохранению исторического наследия будут финансироваться ЦС ВООПИиК. Нашлись, видимо, противники выделения средств на работы по подъему из руин Болдинского монастыря. Приказом №144 от 31 октября 1972 года по СНРПМ МГО ВООПИиК я был освобожден от работы с 1 ноября, как временно зачисленный. Послушное, но безграмотное руководство реставрационной мастерской поспешило уволить меня, забыв о том, что по прежнему приказу я был зачислен на период до 18 ноября. Мои устные доводы не подействовали, поэтому пришлось подавать в суд, который обязал восстановить меня на временной работе с выплатой компенсации. Суд вынес также особое мнение по факту моего многократного необоснованного переоформления на временную работу, но, естественно, без наказания виновных. Так завершилась моя попытка официального вступления на попроще архитектурной реставрации. С 27 ноября 1972 года я вновь был принят на работу в лабораторию Электросистем ЭНИН им. Г.М. Кржижановского.

В Болдине конфронтация Соловьёва и Закабунина принимала огнедышащий оборот. В письме от 5 декабря Павел Борисович мне достаточно подробно поведал о зловредных акциях Ёньки, так он в последнее время стал величать директора школы. Силу Закабунину придавала поддержка секретаря парткома совхоза, где на партучете стоял Закабунин. По заведенной в партийных рядах схеме Павлу Борисовичу навесили ярлык «пьяницы и морально разложившегося человека». Крамольно из уст Ёньки звучало и обвинение Соловьёва в том, что он слушает по радио «Голос Америки». Об этом директор школы доверительно информировал партийное руководство, так как его квартиру от квартиры Соловьёва отделяла лишь деревянная перегородка. Жили они в деревянном двухквартирном школьном доме. Павел Борисович с супругой, Марией Яковлевной, также препо-

дававшей в болдинской школе, и двумя дочками-двойняшками дошкольного возраста, в западной половине дома. В квартире Павла Борисовича жила и его больная сестра. Тринадцатого ноября по невыясненным причинам сгорел у Павла Борисовича хлев с сеном, что вывело противостояние на новые рубежи. Корову удалось спасти, но для ее прокорма приходилось ходить с веревкой по деревне и просить сено у добрых людей, совхоз в помощи отказал. На 21 декабря было намечено рассмотрение вопроса о болдинской школе на бюро РК КПСС, и Павел Борисович просил поддержки. Я без промедления составил обращение на имя первого секретаря Дорогобужского РК КПСС А.А. Кобякова. В обращении отметил профессиональное участие П.Б. Соловьёва в работах по реставрации Болдинского монастыря с 1968 года и посетовал на нервозность обстановки в болдинской школе, что отрицательно сказывалось в минувший реставрационный сезон на отношении И.В. Закабунина к работе студенческого отряда. Завершалось обращение просьбой разобраться в сложившейся ситуации. Обращение было отправлено в Дорогобуж по почте 14 декабря, подписанное П.Д. Барановским и мной.

В конце декабря получил я со Смоленщины два поздравления с Новым Годом, одно от П.Б. Соловьёва, а второе от Т.П. Новикова. К сожалению, в почтовых сообщениях не было ни слова о разрешении конфликта в Болдине. Так что Новый Год встречал я с надеждой на победу добра над злом.

1973 год

Обнадеживающая весточка из Дорогобужа пришла только в конце января. Письмом из РК КПСС уведомили, что поведение директора болдинской школы обсуждалось на исполкоме Дорогобужского райсовета. И.В. Закабунину за низкий уровень руководства учебно-воспитательной работой, за нарушения финансовой дисциплины и неправиль-

ное отношение к работам по восстановлению б. Болдинского монастыря, объявлен строгий выговор. Тов. Соловьёв П.Б. утвержден хранителем Болдинского монастыря. Подписал письмо Секретарь Дорогобужского РК КПСС Алексей Филиппович Воробьёв.

Возвращение мое на работу в ЭНИН побуждало к активизации работы на энергетическом поприще, поэтому и в моем архиве нет материалов по Болдину монастырю за первые месяцы года. Только в апреле началось «пробуждение» на Крутицах. Реставрационная мастерская выводилась из подчинения МГО ВООПИиК и переводилась под управление Центрального Совета ВООПИиК, чем расширялся масштаб работы мастерской до всероссийского уровня. Директором мастерской был назначен профессиональный архитектор-реставратор Александр Степанович Алтухов. Барановский очень надеялся, что в рамках мастерской можно будет развернуть работы, которые способствовали бы развитию научно обоснованных методов реставрации архитектурного наследия. В название мастерской было вписано слово – экспериментальная. В программу работы мастерской было включено несколько научно-экспериментальных тем. Работы по колокольне Болдинского монастыря планировалось проводить по теме №4 «Методика восстановления архитектурных памятников из сохранившихся фрагментов после обрушения». Вот и были вновь востребованы методические материалы, написанные год назад. Мной были составлены планы проектных и производственных работ по колокольне и трапезной палате Болдинского монастыря, а также подготовлена заявка на механизмы, материалы и оборудование, необходимые для работы по теме №4. Только не смог я согласиться на предложение А.С. Алтухова перейти на постоянную работу в ЭСНРПМ, еще свежи были в памяти события прошлого года, а сказал Александру Степановичу, что непременно буду работать в Болдине со студенческими реставрационными отрядами.

В конце апреля для заключения договоров на работы со Смоленской реставрационной мастерской по Болдинскому монастырю я с П.Д. Барановским и А.С. Алтуховым выезжал в Смоленск¹. Для проведения работ в Болдине вновь планировалось использовать студенческий реставрационный отряд, начать работы намечали, как обычно, в конце июня. На заседании Президиума ЦС ВООПИиК 17 мая 1973 года под председательством В.И. Кочемасова был утвержден научно-технический совет реставрационной мастерской общества (Протокол №6(49) п.В) в составе пятнадцати человек. В состав совета был включен и я.

До отъезда в Болдино мне удалось организовать разработку проекта по электроснабжению первого яруса (подклетов) трапезной палаты Болдинского монастыря, который попросил выполнить коллегу по МЭИ, работавшую в НИИ Гидропроект, Людмилу Захарову. Инициировать разработку этого проекта я решил потому, что в процессе восстановления руинированных кирпичных стен можно было предусмотреть ниши для размещения электрооборудования. В выполненном проекте меня поразило то, что для поддержания комфортной температуры в палате площадью сто квадратных метров при толщине стен древнего сооружения в сажень, потребуются электронагреватели общей мощностью всего около двух киловатт.

Руководство лаборатории Электросистем ЭНИНа, где я продолжал трудиться, очередной раз пошло мне навстречу и разрешило оформить на летний период отпуск без сохранения содержания, так как намеченные программы работ с Мосэнерго и Белорусской энергосистемой были успешно выполнены. Перед отпуском я выступил на семинаре лаборатории с сообщением о подготовленной научной статье, которую планировал передать на публикацию в журнал «Электриче-

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 66.

ство». Статья семинаром была одобрена и я со спокойной совестью начал готовиться к выезду на Смоленщину.

Как свидетельствуют записи в моем дневнике, во вторник 26 июня утром появился я на Крутицах для выезда в Болдино. Выделенную мастерской грузовую машину загрузили приготовленным оборудованием и большемерным кирпичом. Таким образом, администрация Московской мастерской подтверждала свое серьезное отношение к работам в Болдине. Около 12 часов дня выехали из Москвы. Минская трасса была перекрыта из-за проведения велогонок, транспорт направляли в объезд по Можайскому шоссе. До Вязьмы добрались только к 19 часам. Забежал я к Петровым, засвидетельствовать появление на Смоленщине, благо квартира их была в центре города, недалеко от выезда с центральной площади на Старую Смоленскую дорогу, по которой мы решили пробираться в Болдино. До Семлева доехали быстро, а дальше начались мучения. Автобусное сообщение между Вязьмой и Васиным было прекращено года три назад, и грунтовое полотно дороги постепенно зарастало и разбивалось. Причина состояла лишь в том, что Васино расположено на территории Дорогобужского района, и власти этого района должны были думать о проблемах населения своего «княжества». В Болдино мы приехали только в одиннадцатом часу. Разбудили Т.П. Новикова, который и открыл нам приют реставраторов.

Утром выяснилось, что в Болдине уже две недели трудятся студенты (авангардная группа, по успешному опыту прошлого года), но занимались они только приемом и разгрузкой большемерного кирпича, который завозили с кирпичного завода из Тулы. Завезено было уже около восьми тысяч штук. Конечно, не очень эффективно использовалось пребывание в Болдине студентов, но сообщить в Москву о выезде их в Болдино никто не удосужился.

Другая новость просто обескуражила – из Болдина уехал П.Б. Соловьёв со всей своей семьей, уехал в далекие края, где трудился

прежде, как говорили в ту пору, по комсомольской путевке на освоение целинных и залежных земель. На Павла Борисовича была главная наша надежда в Болдине, как на умелого, работающего человека и как преподавателя истории в местной школе, которого можно было втягивать и в музейную работу. Озадачило также и то, что он не сообщил о своем отъезде, хотелось знать и в чем причина его решения.

Узнав болдинские новости, поехал я на московской машине в Дорогобуж, помочь шоферу отметить командировку и проводить его в столицу. Сам пошел по властным кабинетам, и весь день провел в разговорах. В Болдино вернулся только к вечеру, благо дорога подсохла после периода дождей. На осыменских лугах было затишье, работы по сооружению дамбы для подъема уровня дороги были прекращены. Как удалось мне позднее выяснить, работы по дороге были прекращены вмешательством высокого кремлевского руководства. По весне приезжал в Дорогобуж Член Политбюро ЦК КПСС Фёдор Давыдович Кулаков и не смог на хорошей легковой машине добраться до Алексина, где был похоронен погибший в 1943 году брат его супруги. Областному начальству было поручено за летний сезон проложить до Алексина асфальтированную дорогу, что и явилось причиной свертывания всех других дорожных работ в Дорогобужском районе. О визите партийного руководителя такого высокого ранга, но простого и общительного человека, знавшего не по газетам проблемы сельских регионов страны, долго вспоминали в районе. Не раз в застольях повторялся полюбившийся эпизод из трапезы с высоким гостем. Собравшиеся за общим столом руководители района не смели начать трапезу по привычным своим обычаям. Тогда высокий гость взял стакан, наполнил его водкой и по свойски сказал: «Делайте, как я». После такого простого и понятного обращения застолье вошло в привычное русло. Видимо, неслучайно у Фёдора Давыдовича была репутация человека, знавшего мента-

литет нашего народа, которого хотели видеть на самых высоких постах. Скоропостижная кончина 17 июля 1978 года на 61-м году жизни оборвала его созидательную деятельность, но дорога от Дорогобужа до Алексина, покрытая асфальтом к осени 1973 года, не нарушена и по настоящее время.

В четверг, 28 июня, занимался я обустройством жилища, студентов направил на приведение в порядок кухни-трапезной в просфорне. Вечером искупался в пруду, который после восстановления водослива стал значительно полноводнее. Бетонный став был сделан основательно и по бокам были вмонтированы металлические уголки, которые позволяли вставлять закладные доски для регулирования уровня воды в пруду.

На следующий день поехал я в Дорогобуж, в РК КПСС, встретился с первым секретарем А.А. Кобяковым и вызванным им председателем райисполкома. Прислушавшись к моим просьбам, Кобяков по телефону дал распоряжение начальнику Дорожно-строительного Управления Дягилеву организовать вывоз строительного мусора с территории монастыря и помочь с доставкой стандартного кирпича с Сафоновского завода в монастырь. Организация работы студенческих строительных отрядов входила в приоритетные задачи районной власти, но очень часто возможности подведомственных организаций не отвечали объемам работ в районе. Вечером вернулся я в Болдино, субботу и воскресенье просидел над выполнением чертежей на столярку для окон подклета трапезной палаты, которую обещали выполнить в столярной мастерской на Крутицах.

Утром в понедельник, 2 июля, отправился я в Дорогобуж, откуда на автобусе в 11.15 выехал в Смоленск. В Смоленской реставрационной мастерской встретился с Г.М. Аптекиным и командиром студенческого реставрационного отряда Анатолием Путровым. Наметили дату выезда в Болдино отряда и обговорили, какие проблемы нужно решить до выезда студентов. Вечерним поездом отбыл я в Москву. Два дня в реставрационной

мастерской на Крутицах убеждал руководство командировать в Болдино одного-двух каменщиков, но безуспешно, так как реставрационный сезон был в самом разгаре.

В четверг, 5 июля, утренним поездом выехал на Смоленщину, в купейный вагон билеты взял без труда, и в 16.00 был в Сафонове. Без проблем добрался до Дорогобужа и даже успел до окончания рабочего дня встретиться в районном Отделе культуры с Н.А. Бородиным. Поговорили о проблеме болдинского музея, Николай Андреевич пообещал ходатайствовать о выделении единицы хранителя музея. До Болдина добирался на перекладных, сначала до Полибина, затем до поворота на Полежакино, а оставшиеся километра полтора пешком. Около девяти часов был в Болдине. Студенческий отряд приехал и занимался размещением. Командировал Г.М. Аптекин в Болдино и каменщика – Николая Германовича Клявина, опытного реставратора, работавшего с П.Д. Барановским на церкви Петра и Павла в Смоленске. Работа с таким мастером обещала хорошие результаты.

В первый рабочий день начали готовить фронт работ для каменщиков. Заложили шурф с внешней стороны западной стены трапезной палаты, для реставрации большемерным кирпичом цоколя стены. Начали подготовку и северной стены второй палаты для выкладки дверного проема между второй палатой и подклетом паперти. Клявин начал работу по фрагментарной реставрации наличника южного окна западной стены. В субботу он завершил выкладку наличника южного окна и начал реставрацию цоколя западной стены. Вечером приехал из Москвы Миша Громов, так что основной состав был укомплектован.

Воскресенье, 8 июля, сделали рабочим днем, чтобы не расслабляться в начале пути. Отряд работал хорошо, но все были настроены быстрее начать кладку, так как работа виднее и заработать можно будет больше. Земляные работы не очень их «окрыляли». Клявин продолжал работу на реставрации

цоколя западной стены. Кстати, в шурфе у западной стены обнаружилась интересная находка – большемерный кирпич, тычковая часть которого вытесана в форме одной четверти сферы с бусинкой. По всей вероятности, это был элемент наличника окна, которому нужно было найти место в рисунке наличника. Громов встал на выкладку северной стены Введенской церкви, где предварительно пришлось соорудить леса, благо отличный пиломатериал был заготовлен в прошлом году. Для подачи воды из пруда опробовали пожарную помпу, привезенную из Смоленска. В несколько минут наполнили большую цистерну, приспособленную в прошлом году для создания запаса воды, поработали до 19 часов.

Работа налаживалась, поэтому выкроил я время написать письма П.Д Барановскому и П.Б. Соловьёву, по месту его нового места жительства, чтобы выразить сожаление в связи с его отъездом и узнать от первоисточника причины отъезда. Адрес узнал у его родственницы Марии Соловьёвой, жившей в доме за прудом, напротив мельничной башни ограды монастыря. От нее же узнал о том, какую травлю устроило ему совхозное партийное руководство, бывшее заодно с директором школы.

В понедельник каменщики продолжили работу на прежних местах. Один из студентов, Виктор Сурков, освоил приемы тески фигурного кирпича на точиле. Это порадовало, так как работа по теске кирпича предстояла большая. Громов на северной стене Введенской церкви подошел к уровню выкладки декоративного пояска между первым и вторым ярусами сооружения. Хорошо продвинулась работа по очистке от завалов строительного мусора северной палаты подклета паперти, которую мы чаще называли просто проезд с того времени, когда Барановский предположил, что с северной стороны завозили продукты для хранения во второй палате.

Во вторник, 10 июля, Н.Г. Клявин закончил работы на облицовке цоколя западной стены первой палаты и завершил реставрацию

наличников окон западной стены. Михаил Громов начал выкладывать фигурный поясок на церкви Введения. В дверном проеме между второй палатой и подклетом паперти вскрыли и подготовили для бетонирования канал из-под дубовой связи. При расчистке завалов у внешней стены подклета паперти открылись очень интересные архитектурные детали. Внутри стены до самого основания была выложена вертикальная ниша прямоугольного сечения (0,6×0,6 метров). У основания стены с лицевой стороны, в нишу имелся доступ, перекрытый аркой. Этот проем, высотой восемьдесят сантиметров, был заложен кирпичом и покрыт известковой обмазкой, поэтому не был зафиксирован при работах в 1920-е годы. Обнаруженная ниша с открытой аркой оказалась очень похожей на гиревой колодец у колокольни, который был известен мне по чертежам. Поэтому стало очевидным, что до постройки колокольни, часы и звонница в Болдинском монастыре были расположены на северной стене паперти трапезной. При этом конструкция входа на паперть была, естественно, совершенно иной, чем после сооружения крыльца с северной стороны.

Первые дни работы отряда стояла солнечная, но прохладная погода. В среду потеплело, и это было здорово, так как после рабочего дня было очень приятно окунуться в восстановленный пруд. Миша Громов продолжал выкладку декоративного пояска, но перешел уже на апсиду. Внутреннюю поверхность стены выкладывали студенты и тут же бутили всю толщу стены, которая составляла около двух метров. Клявин начал облицовку с внешней стороны восточной стены паперти. Студенты приступили к бетонированию канала из-под связи в дверном проеме между второй палатой и подклетом паперти. Стена в этом месте была очень сырая, кирпич разложился, так что приходилось частично разбирать старую кладку. Съездили на лошадке в лес и привезли немного подтоварника для установки лесов у западной стены первой палаты, кладку которой при-

шло время поднимать под самую крышу до уровня декоративного пояска. Два человека работали на разборке завалов в подклете келарской палаты. Под поздним деревянным полом подклета келарской палаты, который был настелен, видимо, после обрушения свода и перекладки юго-восточного угла палаты, попадались «бруски» из чернолощенной глины и много изразцов. Кстати, изразцы с аналогичным рисунком попадались в подклете келарской палаты и ранее.

Пятница, 13 июля, охарактеризована в моем дневнике как «черный день». Работы на трапезной палате шли своим чередом. В 13 часов заметили, что за оградой монастыря, с восточной стороны, поднимается дым от самого старого дуба, которому, по оценкам специалистов было около четырехсот лет. Дуб, переживший смутное время первой половины XVII века, нашествие иноземцев в 1812 году и фашистов в Великую Отечественную войну, пострадал от рук местных недоумков. Кто-то развел костер в дупле дуба, и когда мы увидели дым, пламя уже охватило сердцевину дуба. Пытались залить водой, таская ведрами из садка в северо-восточном углу монастыря, но сбить пламя не удавалось. Подключили пожарную помпу, пожарного рукава не хватило метров пятнадцать. Сильной струей удалось сбить пламя и погасить основные очаги, но дуб горел внутри. По телефону вызвали пожарную команду из Дорогобужа, минут через сорок они приехали. При приеме вызова диспетчеру слышалось, что горит клуб, поэтому пожарная машина направилась вдоль западной стены монастыря к небольшой деревянной постройке, которая и использовалась по вечерам как клуб. Узнав, что горит дуб, а не клуб, пожарные очень удивились вызову, но к дубу подъехали. Основательно пролили весь ствол дуба, так что у нас появилась надежда, что дуб спасен, и наши усилия не были напрасны. Кстати, во время тушения пожара заклинило нашу пожарную помпу, и стройка осталась без источника водообеспечения.

Утром в субботу обнаружили, что дуб внутри снова горит. Позвонили в Дорогобуж в пожарную команду, там долго совещались ехать или не ехать, но в результате пожарные не приехали. В 13 часов один ствол дуба упал, второй ствол держался, но продолжал тлеть. Были в этот день и радостные события. В первой палате расчистили в юго-восточном углу фрагмент подлинного пола, выложенного ложками большемерного кирпича, таким образом, стал известен уровень древнего пола и рисунок его выкладки. На паперти Н.Г. Клявин выложил фрагменты уровня пят под свод северной палатки, таким образом, определились мы с параметрами свода.

Несмотря на воскресный день, 15 июля, работали. С Клявиным разметил я места установки кружал в так называемом проезде паперти, уточнили радиус сегментов и студент, Николай Павлов, проявивший интерес к плотницкой работе, начал тесать заготовки для кружал. Материал использовали от кружал из подклета церкви, где свод выложили в прошлом году.

В понедельник начали очень важную работу по восстановлению наружной стены паперти. Заложили шурф, обнажили цоколь стены и поняли, что стена между двумя арками, выложенными в 1966 году, по углам имеет две широкие лопатки. Между пилястрами, практически в центре, был расположен проем, открывавший доступ в вертикальный канал. Николай Германович начал выкладку стены, объем кладки в этом месте приличный. Воду для приготовления раствора носили из пруда ведрами. Строительный материал «таял» на глазах, а обещанной машины из Смоленска не было.

Долгожданная машина добралась до Болдина вечером в среду. Привезли цемент, сварочный аппарат. С машиной приехал электрик, который должен был установить и подключить подъемный кран «Пионер» для обеспечения работы на завершении западной стены палаты. Приехал командированный из Московской ЭСНРПМ каменщик Павел Линицкий. Он немного работал в Бол-

дине на выкладке свода в 1970 году, но затем служил в армии, так что давно не держал кирпич в руках. Установка кружал для выкладки свода на паперти шла туго, так как не хватало профессионального плотника, и студентам приходилось осваивать новые навыки. На смоленской машине подвезли песок и стойки из леса.

В четверг, 19 июля, с утра лил дождь. Пришлось работать в помещениях. В первой палате сделали разметку пола, натянули шнуры. Трапезная палата построена на пологом спуске, поэтому перепад между подоконниками окон западной стены почти двадцать сантиметров. Уровень порога двери в северной стене, которая, как было сказано выше, была прорублена позднее, значительно выше уровня фрагмента пола, найденного в юго-восточном углу. Учитывая то, что первую палату предполагалось использовать под экспозицию макетов основных сооружений монастыря, сочли возможным выложить пол с небольшим уклоном. Так что с разметкой пришлось повозиться. В других помещениях палаты сложностей с организацией работ не возникло. Громов начал выкладку дверного проема в северной стене второй палаты. Студенты заложили шурф в апсиде подклета церкви, где обнажилась полость из-под сгнившей дубовой связи, которую необходимо было расчистить и забетонировать. К вечеру дождь утих. На машине удалось сделать один рейс в Сафоново за кирпичом, а затем подвезти и песок из карьера, что под Полибиным. Пока все работали на трапезной палате, в школьное помещение, где размещались студенты, забрались ворishiки, так что пришлось вызывать участкового милиционера Переслегина.

В пятницу выяснилось, что жулики не местные, а гастролеры. В Болдине они переночевали в одном из домов, где тоже прихватили вещишки и покушались даже на болдинский магазин. В общем, детективная история. В середине дня на мощной машине ДРСУ приехал Н.А. Бородин с начальником организации Дягилевым, который и был за ру-

лем. Приехали оценить объем предстоящих работ по вывозу строительного мусора с территории монастыря. Быстро обсудив все вопросы на территории монастыря, беседу продолжили на берегу Абрамовского озера, где гости пожелали отметить авансом еще не начатое дело.

В субботу решили устроить сокращенный рабочий день, ребята немного устали, студенты решили также протопить баньку и постираться. Была в ту пору в Болдине сохвозная баня, которую по предварительной договоренности мог протопить любой желающий. Узнали в этот день и о новых похождениях заезжих жуликов. В Васине они забрались в магазин и угнали мотоцикл у местного жителя, так что их розыск был объявлен уже по всей области.

В воскресный день отдыхали. Я с Мишей Громовым ходил в лес по малину. Ходили недалеко, за скотный двор на Любиной горке. Малины было много, так что набрали литра по два, сварили варенье и вечером пили чай с душистым лакомством. Немного отвлеклись от ежедневных проблем с обеспечением строительными материалами. Получил я наконец-то письмо от Соловьёвых, местом их нового обитания стал совхоз «Чиликский» Чингирлауского района Уральской области. Писала супруга Павла Борисовича Мария Яковлевна, так как Павел Борисович, по ее словам, в степи, убирал урожай комбайном. Извинялась она за молчание, связанное с тяжелым периодом, выпавшим на их долю. Однако переезд был вызван не только местной скандальной ситуацией, но и общими причинами оскудения сельской местности Смоленщины. Вот строки из письма: «А уехать надо было, так как там делать нечего, школьников остается все меньше и меньше, переехать в другую школу на год-два тоже не дело. Здесь школа средняя, сельская имеет шестьсот пятьдесят учащихся, наполняемость классов двадцать пять-сорок учеников, деторождаемость высокая. Работой будем обеспечены сполна». Так теряло Болдино деятельных людей.

В понедельник, 23 июля, принялись за продолжение реставрационных работ. Завершили установку кружал в проезде паперти и начали выполнять опалубку. В середине дня прибыла машина из Смоленска, груженная известью. Хотя известь была и не очень высокого качества, но позволила нам придерживаться реставрационных стандартов при выполнении кирпичной кладки. Во вторник во второй половине дня был сильнейший ливень. Вдруг в Болдине появился Виктор Кулаков. Он пробрался на своем «Запорожце» из Вязьмы через Семлёво. Приехал с архитектором Еновичем, работавшим по усадьбе Глинки в Новоспасском и, видимо, побывавшим в Хмелите. Так что работы в Болдине постоянно привлекали внимание специалистов. Побыли гости часа два, боялись застрять на непроходимой после дождя дороге. Чтобы не простаивать в дождливый период, решили мы начать настилку кирпичного пола в первой палате. Обеспечив фронт работ и составив их перечень, я подготовился к выезду в Москву, так как требовалось мое участие в оформлении отчетности в ЭСНРПМ.

Утром в среду отправился в Дорогобуж, в Сельхозтехнике договорился о выделении цемента, за которым должны подъехать студенты из Болдина на машине, так что и цементом удалось обеспечить работы. Добрался до Сафонова на автобусе, а дальше на поезде до Москвы, дома был поздно вечером. Весь следующий день пробыл на Крутицах, оформлял процентовку и наряды по архитектурным работам, выполненным в Болдине в июле месяце.

В пятницу, 27 июля, калининградским поездом в 8.50 выехал из Москвы. До Дорогобужа добрался хорошо, а на дороге до Болдина возникли осложнения. Прошедшие дожди сделали почти непроходимой дорогу по осьменским лугам, так что вырубали только совхозные трактора, которые вытягивали машины из грязи. Добравшись до Полибина, переждал небольшой дождь и решил идти пешком. Прошел не больше километра, и вновь грянул ливень. Отсиживался под ку-

стом, хорошо, что дождик был теплый. До Болдина все же немного удалось подъехать на «ГАЗике», который держал путь на Васино. В Болдине встретился с приехавшими из Смоленска сотрудниками реставрационной мастерской. Главный прораб мастерской Анатолий Константинович Вознюк остался доволен выполненными работами и сказал, что, видимо, потребуется просить дополнительных ассигнований. Главный механик мастерской Бунцев приехал взглянуть на фрагменты колокольни, с перемещением которых с начала года ничего не удалось сделать, даже в части подготовки металла и приспособлений. Очередной раз поговорили о необходимости вывоза строительного мусора с территории монастыря. У А.К. Вознюка были с собой бланки реставрационной мастерской, на одном он тут же написал гарантийное письмо на оплату вывоза мусора, правда, печати у него с собой не было. Из-за скверной погоды гостям не удалось выбраться к местной достопримечательности – Абрамовскому озеру, поэтому их выезд на природу был отмечен по пути к достопримечательности, в походных условиях. В Смоленск гости отбыли с рассветом, часа в четыре утра.

В субботу начали выкладывать из большего кирпича передние арки проезда паперти. Над одной аркой трудился Миша Громов, а вторую «закатывал» Коля Полосков, добравшийся накануне поздно вечером из Москвы со своей подругой Янькой. Студенты помогали Н.Г. Клявину выравнивать пяты под свод проезда паперти, а потом приступили и к своду, который для облегчения выкладывали в половину стандартного кирпича. После обеда Н.Г. Клявин появился изрядно под «газом», видимо, смоляне привезли ему подкрепление. Пришлось от работы его отстранить, но на следующий день он очень был смущен и каялся за свою несдержанность, по всей вероятности, сохранилась генетическая совестливость, так как по его признанию он Клявинш, обрусевший латыш.

Воскресенье сделали рабочим днем, студенты были уже настроены на скорый отъезд.

На своде кладку довели до замка. В первой палате Николай Германович завершил выстилку пола в южной части первой палаты, до разделительной стены, закладку которой в полу мы отметили, но не восстанавливали, чтобы было место для монтажа макетов основных сооружений монастыря. Вечером наводили порядок в музее, сняли со стендов портреты партизан и очистили стенды от обветшавшей бумаги.

В понедельник, 30 июля, с утра все работали на паперти. В первой половине дня завершили кладку свода. Миша Громов встал на облицовку восточной стены, Коля Полосков начал поднимать западную стену паперти. При сопоставлении порядовки кладки стен паперти выяснилось, что от места примыкания восточной стены к северной стене подклета церкви до места примыкания западной стены к северной стене первой палаты, разница составляет два ряда. Для согласования порядовки пришлось выкладывать два клиновых ряда на западной стене подклета паперти. Клявин поднимал северную стену, а затем перешел на выкладку дверного проема в восточной стене. Так что подклет паперти преобразался.

Последний день июля я занимался остеклением поврежденных рам в музее и подключением электроосвещения. Вечером с комиссаром реставрационного отряда Анатолием Аглушевичем и Виктором Сурковым оклеили стенд в музее. Для оклеивания использовали обои, которые из Отдела культуры передал Н.А. Бородин. Обои использовали, естественно, обратной стороной, без рисунка. Так что стенд стал выглядеть значительно приличней.

В среду, 1 августа, продолжали работу на паперти. Вечером подъехала машина из Смоленска. Машину к нам отправили порожняком. Для завершения начатых работ нам был нужен цемент, которого в смоленской мастерской не оказалось. На следующий день поехали за цементом, выручил директор совхоза А.Н. Хохлов, погрузили около двух тонн. Затем возили песок для продолжения работ по настилу пола в первой палате.

Погода стояла жаркая, гремели громы, но грозы обходили Болдино стороной. В обед сходили с Мишей Громовым на Святой колодец – Ильин день. Иконка на полочке стояла прежняя, но добавилось количество цветных лоскутков, так что Святое место посещается верующими людьми.

Августовские дни для студенческого отряда выдались очень напряженными. Завершили выстилку пола в первой палате. Закончили кладку северной стены первой палаты и стен подклета паперти под самую крышу, оставили проем только в северной стене паперти для доступа под консервационную крышу.

В воскресенье, 5 августа, работать начали часов в семь утра, все студенты и каменщики работали на западной стене первой палаты, кладку которой нужно было подвести под самую крышу, до уровня декоративного пояса. Часов в 11 пришлось опять ехать в совхоз за цементом. Можно сказать, что успешная работа реставрационного отряда в 1973 году во многом была обеспечена поддержкой совхоза, который выделил в общей сложности восемь тонн цемента. К десяти часам вечера работы на западной стене были полностью завершены, леса разобраны и убраны во вторую палату.

К концу рабочего дня в Болдино приехал автобус смоленской реставрационной мастерской, на котором в понедельник утром участники реставрационных работ выехали в Смоленск. В Болдине остались трое москвичей. Мне пришлось ехать с отрядом и до конца рабочего дня пробыть в реставрационной мастерской, занимаясь переоформлением документов, в которых «намудрил» командир отряда Анатолий Путров, видимо, по своей неопытности. Ночевал я в Смоленске в гостинице «Россия». С утра в реставрационной мастерской завершили оформление всех документов по работе студенческого отряда в Болдине, и я смог выехать в Дорогобуж. Ехать пришлось на электричке до Сафонова, а затем на автобусе до Дорогобужа. К вечеру добрался я и до Болдина, где порадовался

приезде Виктора Оводова с сыном и собакой, так как ожидало много дел по консервации объекта реставрации на зимний период. Виктору понравилось приезжать в Болдино в конце реставрационного сезона, когда была видна проделанная за лето работа.

В среду, 8 августа, проводили Павла Личникова в Москву, а оставшиеся труженики занялись малообъемными работами на трапезной палате. Николай Полосков встал на выкладку сильно поврежденной внутренней поверхности северной стены второй палаты, выложил специальную нишу для установки щитка электроснабжения. Виктор Оводов обеспечил каменщика раствором и начал наводить порядок на территории, где еще на минувшей неделе кипела работа. Яна помогала Николаю и кашеварила. В четверг днем поехал я в Дорогобуж встречать супругу. До прибытия автобуса выкроилось свободное время, и я зашел в РК КПСС, хотел очередной раз просить содействия в вывозе строительного мусора с территории монастыря. В райкоме была тишина, шла уборка урожая, и все руководство с утра разъезжалось по хозяйствам района. Около восьми вечера добрались с Ольгой до Болдина. За минувший день Коля завершил облицовку северной стены во второй палате и вместе с Виктором прокопали шурфы с двух сторон центральной арки в доленой стене на паперти, чтобы укрепить основание средней ниши.

Совмещали работу с небольшими прогулками в лес. Моя задержка в Болдине была вызвана тем, что за все лето не выбрался сюда Барановский, которому, конечно, очень хотелось увидеть, что сделано в этом сезоне. В пятницу с утра сходили в лес, набрали немного свинушек и малины, на обед были жареные грибы и малина с сахарным песком. Полосков начал выкладывать щиток центральной арки на паперти, так что к приезду Петра Дмитриевича уже нельзя будет из северной палатки паперти, которую он называл проездом, загружать продуктовые запасы во вторую палату. Оводов сколачивал щиты на окна первой палаты.

Стояла замечательная теплая погода конца лета. С утра работали, а после обеда шли в лес за малиной. Малины было много, но стоило прикоснуться к кусту, ягоды осыпались. Сегодня позвонил Барановскому, и очередной раз услышал о его большом желании выбраться на Смоленщину. К сожалению, в Московской ЭСНРПМ за летний период ничего не удалось сделать для развертывания работ в Болдине по колокольне.

В понедельник, 13 августа, Полосков завершил кладку щитка ниши. Щиток выложен по аналогии с сохранившимися фрагментами щитков на двух боковых арках толщиной в один большемерный кирпич. Назначение трех ниш в доленой стене подклета паперти было не понятно. Возможно, в подклете паперти прежде были захоронения, но никаких фрагментов надгробий нами не было обнаружено. Раскопки у ниш мы не производили, а неглубокие шурфы показали, что вплотную к доленой стене были приложены фундаменты подпружных арок, которыми, по всей вероятности, был укреплен свод палатки. Виктор закрыл щитами дверные проемы палат, так что теперь в первую и вторую палаты можно было попасть только через дверь в северной стене первой палаты, которая запиралась на замок. После обеда поехали на лошадке за продуктами в магазин Полибина. На обратном пути, под Милосельем, на поле подкопали картошечки, естественно, с разрешения директора совхоза. Клубни были отменные, что говорило о хороших видах на урожай.

Во вторник Полосков поработал немного в первой палате, аккуратно состыковывал новую выстилку пола с сохранившимся фрагментом подлинного пола в юго-восточном углу. Затем заложили шурф в подклете келарской палаты у проема в восточной стене, который в начале XX века использовался в качестве входа в помещения второго яруса. В 1920-е годы, когда П.Д. Барановский проводил реставрационные работы и создавал в Болдине музей, на двери в этом месте красовалась вывеска «Музей». Прокопав шурф

и сделав зондаж, обнаружили в кладке стены фрагменты оконного проема, которые решили зафиксировать и немного укрепить, чтобы они не были утрачены за зимний период. Сын Виктора Оводова – Алексей – тоже не сидел без дела, готовил для покраски решетки на отреставрированных окнах, работая напильником и шкуркой. Затем красил решетки суриком. В среду Алексей завершил работу над последней решеткой, что в восточной стене паперти.

Рано утром в четверг приехал П.Д. Барановский с А.С. Алтуховым. В Болдине они объявились до нашего пробуждения, так как в Сафонове им повезло нанять «козла», таксисты на «Волгах» не рисковали ездить в наши края. Алтухов впервые попал в Болдино, хотя, естественно, много раз слышал о памятниках монастыря, поэтому ему не терпелось осмотреться на территории монастыря. Барановский был неожиданно поражен порядком у трапезной и закрытыми дверями. Весь день прошел в осмотре сделанного и разговорах о развитии работ. Когда Барановский показывал Алтухову необычные наличники на западных окнах первой палаты, я поведал о найденном в шурфе фигурном кирпиче, который, по моему мнению, явно имел отношение к наличнику. Александр Степанович живо отреагировал на мою догадку и подтвердил, что с этого кирпича и должен начинаться наличник.

Позвонили в Смоленск и предложили Григорию Матвеевичу подъехать в Болдино, чтобы на месте поговорить о перспективах расширения работ в монастыре. В этот же день в Болдине неожиданно появился В.Е. Бобылёв, который был досрочно освобожден из заключения. Кроме Болдина ехать ему было некуда. В Басманово, где обосновалась его жена с двумя детьми, он ехать, естественно, не решился, опасаясь новых недоразумений. Я предложил Бобылеву расположиться в средней комнате приюта реставраторов, пока он не определится со своим обустройством в Болдине. Вечером в просфорне, где была обустроена студенческая трапезная,

устроили прощальный ужин, так как на следующий день наметили общий отъезд из Болдина.

В пятницу, 17 августа, в первой половине дня приехал на «Волге» Г.М. Аптекин. Записи в моем дневнике на этой дате заканчиваются, но в памяти кое-что сохранилось. За два года в Болдине, когда работы стали проводиться непосредственно через смоленскую реставрационную мастерскую, по трапезной палате был выполнен большой объем работ, хотя за минувший год наглядно проявились и серьезные сложности с обеспечением строительными материалами и транспортные проблемы, усугубляемые бездорожьем. Договорились, естественно, объединять усилия по спасению памятников Болдина. Пообещали оба директора реставрационных мастерских изыскать возможность оплатить работу Бобылева по загоразиванию тыном проломов в ограде монастыря, которую предложили ему выполнить для поддержания существования.

Из Болдина Барановский, Алтухов и я с Ольгой выехали в Смоленск. Нам вчетвером удалось разместиться на заднем сиденье, благо наши комплекции позволяли. Больно было наблюдать, как за машиной долго гналась небольшая собачонка, которая неизвестно откуда появилась на территории монастыря и почти неделю жила при трапезной, сопровождая нас при всех выходах в лес. В Смоленске долго не задержались. Переночевали в гостинице «Смоленск», а в субботу дневным поездом выехали в Москву. Сохранилось в моем архиве письмо от Н.А. Бородина, которому, судя по тексту, отправлял я отметить командировочные удостоверения Барановского и Алтухова. В письме Николай Андреевич сообщил, что выполнены надписи к портретам партизан для болдинского музея. Пожалел я только о том, что надписи выполнены после отъезда студенческого отряда, бойцы которого основательно облагоустроили беспризорное помещение музея. Завершалось письмо обнадеживающе – «До встречи в октябре. Надо думать, что Аркадий

Александрович выполнит свое обещание». Это о нашей договоренности с А.А. Кобяковым о вывозе строительного мусора с территории монастыря. Третьего сентября получил я по почте записочку от Бобылева из Болдина, в которой он сообщил – «...все в порядке, работаю, что вы мне говорили».

В Москве А.С. Алтухов предпринимал попытки активизировать работы по научным темам в рамках ЭСНРПМ. При одной из встреч он познакомил меня с Алексеем Павловичем Ивановым, который был зачислен в ЭСНРПМ для выполнения работ по колокольне Болдина монастыря. Я, естественно, очень обрадовался подключению нового человека к работам на руинах и передал ему все наработки по колокольне за последние годы. Для ознакомления с фронтом работ решили вместе выехать в Болдино. Конечно, мне хотелось инициировать во время нашего выезда вывоз строительного мусора с территории монастыря, чтобы присмотреть за работой мощной техники и показать, что нужно вывезти в первую очередь. Письмом от 2 октября сообщил я А.А. Кобякову о планируемом на 15–16 октября выезде в Болдино. Намеченная поездка с Алексеем Ивановым состоялась в срок. У нас было достаточно времени поговорить о предстоящих работах и в поезде, и по дороге от Дорогобужа до Болдина, так как пришлось идти пешком. Дорога из-за осенних дождей была некудышная, но в дни нашего непродолжительного выезда дождя не было и иногда проглядывало солнышко. Организовать вывоз мусора не удалось, так как из-за непогоды битва за урожай еще продолжалась. Бобылева застали в доме на территории монастыря. Кое-что из намеченных работ ему даже удалось выполнить. Естественно, он сразу отчитался, от скольких безобразий ему удалось уберечь помещения восстановленных палат – двери на трапезной выламывали, щиты на окнах ломали. Поведал также, что из Москвы обещанные за работу деньги прислали, а из Смоленска пока нет. Жалко, что в Болдине не было человека,

присматривающего за музеем и территорией монастыря. Н.А.Бородин добивался выделения на 1974 год ставки для болдинского музея в районном Отделе культуры. Кандидат на эту должность в Болдине был. Это Евгений Михайлович Воронец, вышедший на пенсию преподаватель физики болдинской школы, живший на территории монастыря, в бывшем доме настоятеля.

Переночевали мы на территории монастыря в не очень уютной в осенний период юго-восточной келье приюта реставраторов, а на следующий день отправились в Москву. Алексея не напугала запущенность и бесхозность территории, я почувствовал в нем техническую смывленность и склонность к работе с металлом и механизмами. Так что появилась надежда на налаживание работ по колокольне.

Конечно, возвращение осенью на энергетическое поприще не позволяло мне много времени уделять болдинским работам, но в ноябре месяце все же мной был составлен развернутый план работ по трапезной палате. В это же время в ЭСНРПМ велась подготовка к развертыванию работ по научным темам, была составлена смета на экспериментальные консервационно-восстановительные работы по фрагментам историко-архитектурного памятника XVI века колокольни Болдинского монастыря в Смоленской области на 71654.00 рублей. Это и обеспечило возможность А.П. Иванову приступить к разработке проекта организации работ.

1974 год

В первых числах января получил я письмо из Казахстана. Наконец-то Павел Борисович собрался духом написать письмецо, да, год для него выпал нелегкий. Из Болдина он вынужден был уехать в марте 1973 года на поиск нового пристанища для своей семьи, а с первого апреля уже работал на новом месте. Семью перевозил после завершения учебного года. На новом месте дали ему квартиру в двухквартирном доме, общей

площадь пятьдесят четыре квадратных метра, до школы всего двести метров. Так что устроился намного лучше, чем в Болдине и с перспективой, но очень просил написать, как идут дела по реставрации. Работа на порушенном древнем сооружении, конечно, запала ему в память.

В конце января получил я письмо и от В.Е. Бобылёва, который написал, что «...сошелся с Шуркой...» и живет теперь в Абрамове, что в трех километрах от Болдина. Так что территория монастыря опять осталась без пригляда.

В двух реставрационных мастерских, в Смоленске и в Москве, в январе месяце началась подготовка к проведению летнего реставрационного сезона в Болдине. В Смоленской реставрационной мастерской была составлена смета на восстановление трапезной палаты, на основе объемов работ составленных в Москве в ноябре 1973 года. Директор московской мастерской А.С. Алтухов назначил на 21 февраля первое заседание научно-технического совета ЭСНРПМ. Секретарем совета была утверждена Е.М. Караваяева, работавшая ранее в научно-методическом совете при Министерстве культуры СССР. Елизавета Михайловна в 1970 году активно поддержала предложение по восстановлению колокольни Болдина монастыря, так что в ЭСНРПМ укреплялись позиции научной реставрации. Был назначен в ЭСНРПМ и новый главный архитектор К.М. Губельман, известный нам как реставратор деревянного зодчества Мемориального Музея В.И. Ленина в Шушенском.

В первом квартале на научно-методическом совете планировалось рассмотреть и утвердить пять научных тем для разработки в ЭСНРПМ, в том числе, и тему №4, под которой значилось восстановление колокольни Болдина монастыря. На работы по теме №4 в 1974 году было запланировано 23.3 тысячи рублей. Однако в начале февраля стало выясняться, что по финансированию экспериментальных работ в ЦС ВООПИИК возникли проблемы. Так что стало под во-

просом обеспечение работой А.П. Иванова и зачисленного в мастерскую по моему предложению для проведения работ по Болдину монастырю А.В. Алексеева. Надеюсь решить возникшие проблемы с помощью территориальных властей, ответственных за сохранение руинированных памятников Болдина монастыря, был предпринят выезд на Смоленщину П.Д. Барановского, которого сопровождали я и А.П. Иванов. Поездка представлялась очень важной, поэтому достаточно подробно описана в дневнике Барановского¹. Сохранились записи об этой поездке и в моем дневнике. Выехали мы из Москвы в воскресенье 31 марта на поезде в 22.50 до Смоленска. В Смоленске местные городские проблемы во всех кабинетах, естественно, затмевали проблемы Болдина монастыря. Однако нам все же удалось оформить письмо в адрес московской ЭСНРПМ за подписью Начальника Управления культуры Смоллоблсполкома З.А. Цветковой и Председателя президиума областного отделения ВООПИИК Д.И. Будаева с просьбой участвовать в производстве реставрационных работ в Болдине при финансировании работ ЦС ВООПИИК. Третьего апреля около трех часов дня выехали мы в город Дорогобуж. При въезде в город увидели необычную траурную колонну с флагами, направляющуюся на Афанасьевское кладбище. В РК КПСС, куда мы, доехав до центра города, направились в первую очередь, на наш вопрос о необычной траурной процессии, сказали, что хоронили старейшего коммуниста района Тита Петровича Новикова. Для Петра Дмитриевича и меня это было чрезвычайно печальное известие, так как много лет доводилось нам общаться с Т.П. Новиковым. Барановский хорошо помнил, что работы на руинах Болдина монастыря были начаты только после письма Новикова в Областное

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 67, 68.

Управление культуры о бедственном положении с сохранением руин Болдина монастыря, оставленных на государственную охрану. Естественно, мы пошли на Афанасьевское кладбище поклониться могиле достойного человека, который после начала в Болдине реставрационных работ проводил экскурсии на территории бывшего монастыря для туристических групп школьников, присматривал за приютом реставраторов и писал письма в Москву, ожидая каждый год нового летнего реставрационного сезона. После кладбища зашли мы в дом Новикова, высказать свои соболезнования его семье, помянули Тита Петровича. Вернувшись в старую левобережную часть города Дорогобужа, переночевали в комнатке для приезжих в райкоме партии.

На следующий день, 4 апреля, после обстоятельных бесед с руководством района, которые обычно вселяли надежду, решили проведать Болдино. Это оказалось не так просто выполнить, но руководство района оперативно организовало наше путешествие. Дело в том, что весенний разлив затопил сухопутный путь и добраться до Полибина можно было только по воде. В райкоме предложили нам до Полибина добраться на моторной лодке, которая, видимо, была постоянно готова к непредвидимым ситуациям, выдали нам тулупы, чтобы не просквозило в пути, и пожелали доброго пути. Я впервые за годы работы в Болдине добирался до Полибина столь необычным путем, так как первый раз оказался в этих краях в весеннюю распутицу. Хотя о подобной ситуации знал и видел в Полибине даже баржу, которая была предназначена для связи в распутицу восточной части Дорогобужского района с районным центром. Речной путь очень впечатлил. Опытный моторист отслеживал все извилины русла Днепра, и длина нашего маршрута до Полибина раза в три превысила обычный сухопутный путь. В Полибине нас ждал Председатель сельсовета И.В. Румянцев с повозкой на одной лошадиной силе. Барановский с Румянцевым ехали в повозке, а мы с Лёшей Ивановым шли ря-

дышком. Было очень тепло, мы скинули даже пиджаки и шли в одних рубашках. На полотне дороги снега не было, и бежали ручьи. Болдино встретило тишиной и запустением. Войдя на территорию монастыря, первым делом направились к объекту реставрации – трапезной палате. В первой и второй палатах подклета трапезной двери были сорваны и полы залиты водой, так как много было неубранного строительного мусора вокруг сооружения. Затем подошли к зданию часовни, где размещался музей. Вместо вдохновляющих впечатлений, получили «охлаждающий душ» действительности, и весь обратный сухопутный и водный маршрут провели молча. К вечеру вернулись в Дорогобуж, и на автобусе добрались до Сафонова, а дальше ночным поездом выехали в Москву.

Оправившись от унылых впечатлений поездки на Смоленщину, в Москве начали предпринимать радикальные меры. Конечно, в первую очередь добивались решения архитектурной секции ЦС ВООПИиК о включении производства работ по колокольне Болдина монастыря в программу ЭСНРПМ, которое все же было принято. Таким образом, была обеспечена возможность выезда в Болдино целой бригады из Москвы, к чему мы и начали готовиться.

Предприняли попытку обращения в Министерство монтажных специальных строительных работ для содействия в обеспечении планируемых в Болдине работ специальными подъемными механизмами, но, к сожалению, заинтересовать кабинетных работников не смогли. Все советовали обращаться в специализированные организации на месте.

Следующий выезд в Болдино из Москвы был предпринят 12 июня. К дате выезда сотрудниками ЭСНРПМ была проведена подготовка инструментов и небольшого количества материалов для проведения подготовительных работ к продолжению разборки завалов на колокольне Болдина монастыря. Реставрационная Мастерская выделила для поездки автобус «Кубань», с опытным шофером Михаилом Фёдоровичем Гончаровым. В

составе экспедиции был прораб Владимир Блажеев, за участком которого закрепили производство работ по колокольне, двое рабочих – Саша и Валера, сотрудники указанного участка. Ехали в Болдино также А.П. Иванов, А.В. Алексеев и я. Сборы на Крутицах затянулись и из Москвы выехали мы поздно, к Вязьме подъезжали в девятом часу вечера. Решили сократить путь и поехали через Издешково на Чёботово. Хорошо, что была сухая погода, и мы удачно перебрались по бетонным плитам через речку Кострю в Чёботове. В Болдино приехали около 12 часов ночи. На следующий день определились с первоочередными работами. Рабочим Саше и Валере поручили провести косметический ремонт приюта реставраторов. В первую очередь требовалось обустроить юго-западную комнату, где периодически обитал Т.П. Новиков, а теперь, в связи с его кончиной, можно было оборудовать чертежную мастерскую. С рабочими остался Алексеев, который должен был помочь обустроить рабочую комнату, так как ему предстояло заниматься обмерами фрагментов колокольни при разборе завалов. Остальные члены экспедиции поехали на автобусе в Дорогобуж, чтобы оперативно объехать организации, способные помочь механизмами для перемещения фрагментов колокольни. Иванову пришлось задержаться в Дорогобуже, чтобы в очередной раз попытаться решить вопрос с организацией вывоза мусора с территории монастыря. Я и Блажеев на автобусе к вечеру благополучно вернулись в Москву.

Для кратковременных выездов на Смоленщину мне удавалось использовать отгулы, которые набирались за работу на овощных базах, в подшефном совхозе, на рейдах Добровольной народной дружины (ДНД) и т.д. Перед выездом на длительное время оформлял я очередной отпуск и вдобавок отпуск без сохранения содержания, благо на летний период жизнь в научно-исследовательских организациях, как правило, замирала.

С третьего июля я числился уже в отпуске и заранее подал заявление на оформление

на работу в ЭСНРПМ. Моему оформлению пытались препятствовать главный архитектор К. Губельман и начальник планово-технического отдела Брунак, но директор мастерской А.С. Алтухов слово свое держал и не сомневался в необходимости моего участия в болдинских работах.

Утром третьего июля я с Алексеем Ивановым на автобусе ЭСНРПМ, в который были загружены припасенные механизмы и инструменты, выехали на Смоленщину. Подъезжая к Вязьме, поняли, что, как и в Москве, последнюю неделю на Смоленщине шли дожди. Пробираться в Болдино решили через Семлево Старым Смоленским трактом, но отъехав от Семлева километра полтора узнали, что на Осьме смыло мост и проехать по старому тракту невозможно. Узнали у местных жителей, что невозможно проехать и через Издешково, так как при высокой воде не перебраться через речку Кострю в Чёботове. Решили ехать на Дорогобуж. В поселке Верхнеднепровский зашли с Ивановым к моему родственнику по линии мужа моей сестры Серафимы – Ивану Яковлевичу Абрамову. Я решил познакомить Алексея с Иваном Яковлевичем, рассчитывая на его содействие в работе по перемещению фрагментов колокольни. И.Я. Абрамов работал в транспортном цехе завода ЗАУ и имел отношение к работе с механизмами. За ужином поговорили о технических проблемах и о местном бездорожье. Пробираться в Болдино в темноте по бездорожью не решились. На ночлег Иван Яковлевич приютил нас в небольшом садовом домике недалеко от поселка. Утром поехали в Дорогобуж. В городе встретились с группой студенческого отряда из Смоленска, которые накануне на автобусе «Кубань» тоже не смогли пробраться в Болдино. Со студенческим отрядом из Смоленска направили еще две грузовые машины, одну со спальными принадлежностями, а вторую с цементом. Сопровождал отряд прораб, назначенный в этом году на болдинские работы. Стали совместно решать, как доставить все в Болдино. Обратились за помощью к

Председателю райисполкома И.Н. Гальянову, который долго обзванивал районные организации, отозвались только в военной части. На грузовой машине повышенной проходимости за два рейса перевезли в Болдино все имущество и участников предстоящих реставрационных работ. Машину с цементом притащили гусеничным трактором, правда, при буксировке немножко повредили у машины передок. Во второй половине дня студенческий отряд обустроивался в Болдине. Вечером добрался до Болдина и каменщик из Москвы Н. Полосков, от Дорогобужа до Болдина ему пришлось идти пешком.

В пятницу, 5 июля, приступили к работе. Весь отряд пришлось поставить на разборку завалов внутри подклета келарской палаты, а Николай Полосков занялся теской большемерных кирпичей для основания наличников окон западной стены. Это результат прошлогодней находки в шурфе. Из-за бездорожья было много нерешенных вопросов по обеспечению работ. Не было пиломатериала, извести, не был завезен песок. Совершенно не готовы оказались мы к масштабным работам с фрагментами колокольни. Из отрядных событий было только то, что хранителем болдинского музея был назначен Евгений Михайлович Воронец, которого зачислили на штатную должность в районном Отделе культуры. Перед обедом пошел дождь, который скоро перешел в ливень. Тучи обложили округу со всех сторон.

Субботнее утро началось с тревоги, разбудил Е.М. Воронец. Он побывал уже на дамбе пруда и сказал, что может сорвать плотину. Вода в одном месте действительно уже шла поверх дамбы. Хорошо, что в Болдине задержалась смоленская грузовая машина. Студенты быстро загрузили машину строительным мусором на территории монастыря, который высыпали в опасном месте, предварительно установив преграждающую доску. Дождь скоро прекратился, но гул воды с водостока плотины был долго слышен и на территории монастыря. К вечеру директор совхоза А.Н. Хохлов отрядил из Полибина

трактор «Беларусь» с ковшом и «ножом», и все низкие места на дамбе были подсыпаны.

В воскресенье, 7 июля, студенческий отряд работал. У москвичей, что занимались обустройством помещений приюта реставраторов, был выходной. Весь день шел дождь. Проводили в Смоленск прораба, довели его на машине только до Полибина, дальше пришлось ему пересаживаться для переправы через разлившийся Днепр, на лодку. В Полибине вода подошла к магазину. Почту из города не привозили. Связь с районным центром была только по телефону. Командир студенческого отряда Путров съездил на машине в Васино, привез извести, так что можно было приступать к кирпичной кладке. С известью выручил директор совхоза «Васинский» И.П. Ларинков, как уже не раз выручал он нас в сложных ситуациях.

При разборе завалов в подклете келарской палаты у западной стены обнаружили остатки фундамента печи, которая здесь находилась, видимо, до обрушения свода. Вечером смотрели по телевизору финальный матч первенства мира по футболу, играли команды ФРГ и Голландии. Получили истинное удовольствие от прекрасной игры. Я болел за Голландию, но со счетом 2:1 победила команда ФРГ.

В понедельник продолжили работы на разборе завалов подклета келарской палаты. Полностью очистили от завалов восточную стену, в которой сохранились фрагменты древнего оконного проема. В монастырскую бытность после обрушения свода завалы в палате, видимо, разбирать не стали, повысили уровень пола, а оконный проем растесали и превратили в дверной. В шурфе у восточной стены нашлось много фрагментов «брусков» из чернолощеной керамики от декоративного убранства шатра. Аналогичные находки попадались и внутри палаты под поздним полом. Скорее всего, все говорило о том, что при ремонтных работах на шатровом завершении церкви, при устройстве обрешетки для покрытия шатра железом и были сбиты декоративные керамические украшения шатра. Указанные работы про-

изводились после обрушения сводов келарской палаты, поэтому фрагменты керамики оказались в завалах строительного мусора под поздним полом.

Самое интересное открытие было сделано с внешней стороны южной стены келарской палаты. При расчистке завалов обнаружили остатки стен кирпичной палатки, примыкавшей к южной стене. Это фактически остатки южной паперти. О существовании южной паперти можно было предполагать по восстановленному в 1920-е годы Барановским дверному проему в южной стене келарской палаты. Это тот самый дверной проем, построение которого Барановский предложил использовать в 1971 году как образец для восстановления северной стены первой палаты. Обнаруженные фундаменты, конечно, были очень важны для разработки проекта восстановления трапезной палаты, так как позволяли понять, каким образом подавалась в трапезную палату пища, приготовленная на первом этаже. Барановский при начале работ на руинах надеялся найти внутрисконную лестницу в южной стене, для чего проем между двумя несущими столбами консервационной крыши на южной стене келарской палаты не был выложен кирпичом, а был зашит досками.

Полосков довольно быстро подготовил фигурные кирпичи и восстановил подлинный вид древних наличников трапезной палаты. После работы с наличниками он занялся укреплением фрагментов барабана колокольни, которые были откопаны еще в прошлом году. Я с Алексеем Алексеевым занялся обмером фрагментов окна, сохранившихся в толще восточной стены подклета келарской палаты. Московская ремонтная бригада, основательно затянувшая работы по благоустройству помещений приюта реставраторов, занималась устройством стеллажей в непригодных для жилья средней и западной комнатах северной части дома казначея. Эти помещения мы решили использовать для хранения завезенных из Москвы инструментов и механизмов.

Три дня недели, со среды до пятницы, сидели мы без электричества. Ливни прекратились, но мелкий дождичек периодически моросил. С южной стороны келарской палаты очистили от завалов фундаменты двух пристроек. В одной из палаток (большей по площади) хорошо сохранился пол, выложенный большемерным кирпичом. Кирпичи пола были черны от сажи, что говорило о пожаре, случившемся в этом помещении. Фундамент малой палатки, примыкавшей к большей палатке с западной стороны и оканчивавшейся у двери в южной стене второй палаты, позволял предположить, что в малой палатке и была размещена конструкция подъема на второй ярус. От кладки стен пристроек местами сохранялось до десяти рядов от уровня пола.

Коля Полосков начал работу на окне восточной стены подклета келарской палаты. Оконный проем по сохранившимся фрагментам стесанных кирпичей определялся вполне достоверно. Я сделал чертеж решетки на световой проем и заказал изготовление А.П. Кабанову.

В пятницу, 12 июля, встречали автобус из Москвы с металлом для работы над фрагментами колокольни. С автобусом приехал В.П. Оводов, которого по моей рекомендации зачислили в ЭСНРПМ на временную работу. Виктор Павлович несколько лет участвовал в работах на руинах и достаточно успешно выполнял различные виды работ. С автобусом приехал и незнакомый мне Андрей, которого подыскал на временную работу Алексей Иванов, как специалиста-химика, который должен был помочь нам в методах укрепления разложившихся кирпичей на фрагментах колокольни. Автобус подъехал к левому берегу реки Костри в Чеботове, переехать речку шофер не решился. Грузовая смоленская машина, «зависшая» из-за бездорожья в Болдине, с трудом смогла переехать по бетонным плитам на другой берег реки Костри, где в нее перегрузили из автобуса все доставленное из Москвы. С автобусом отправили в Москву двух прежних

работников – Сашу и Валеру. За время своей работы в Болдине, в мое отсутствие, они занимались чем угодно и немножко ремонтом дома. Как вскоре выяснилось, они ухитрились покрасить стены и окна небольшого деревянного сооружения, стоящего рядом с экономическим воротами монастыря. Это рубленое из бревен сооружение осталось от бывшего совхозного скотного двора, где использовалось, кажется, под кормокухню, но было приспособлено под клуб. На ремонт же дома на территории монастыря у командированных из Москвы «мастеров» краски не хватило и т.д.

Виктор Оводов и Андрей в субботу приступили к работам на колокольне. Начали с очистки руин от травы и отвода воды от фрагментов. Успешно продвигались работы и на подклете келарской палаты. Полосков вывел до подоконника кладку в восточной стене. Немного пришлось повозиться нам с уточнением разметки светового проема и откосов. Северная часть окна получилась сразу, так как сохранялись хвостовые части кирпичей. Южная часть окна была растесана сильнее, и пришлось прочертить несколько вариантов. В результате остановились на ширине светового проема в сорок девять сантиметров, т.е. равному положенным на растворе «ложку» и «тычку» большемерного кирпича. Тут же установили и решетку, выкованную А.П. Кабановым. Работал Полосков чисто, вдумчиво, что было видно и на результатах работы.

Студент Олег Козлов, проявивший способности к освоению профессии каменщика, начал расчищать и докомпоновывать ряды коробового свода, сохранившиеся на северной стене подклета келарской палаты. Пришлось студентам заняться и ремонтом деревянной пристройки у бывшей просфорни, где уже не первый год на лето обустраивали кухню и трапезную. Здесь свои плотницкие навыки проявил Николай Павлов, ветеран болдинских студенческих отрядов.

В воскресенье, 14 июля, выдался хороший солнечный день. Студенты решили

устроить выходной, отдыхали на Абрамовском озере. Москвичи работали. Полосков тесал кирпич для откосов окна, а Виктор с Андреем трудились на руинах колокольни, до которых наконец-то в этом году начали доходить руки.

Начало новой недели порадовало подкреплением, приехал из Смоленска замечательный каменщик-реставратор Николай Германович Клявин. Из Дорогобужа до Полибина добирался он на совхозной барже. Осьменские луга по-прежнему были залиты. С утра погода обычно бывала солнечная, а к вечеру находили тучи. Снова вода заливала откопанные фрагменты колокольни, работать было просто невозможно. Небольшие фрагменты, которые начали готовить к склеиванию клеем БФ-2, приходилось переносить в помещение для просушки. Для продолжения работ на колокольне нужно было соорудить сарай и навесы, так как увеличивалось количество небольших фрагментов, которые необходимо было защищать от атмосферных осадков.

Во вторник начали разбираться с юго-восточным углом келарской палаты, который оказался переложным с самого основания, видимо, его обрушение и повлекло обрушение сводов первого и второго ярусов келарской палаты. Очень возможно, что после этой беды и были сооружены контрфорсы у юго-западного и северо-западного углов трапезной палаты, а также у апсиды церкви Введения. Переложная кладка угла келарской палаты выглядела вполне надежно, трещин после взрыва в ней не появилось. К сожалению, толщина южной стены переложного угла была выполнена тоньше. Если снаружи плоскости стен келарской палаты и переложного угла совпадали, то внутри помещения для опоры свода стену на протяжении около двух метров нужно было расширить на двадцать пять–сорок сантиметров и «связать» новую кладку со старой.

Студенты успевали не только достойно трудиться, но заботились и о сытной, вкусной пище, ловили карасей в болдинском пруду,

так что на обед частенько бывала вкуснейшая уха. Проявляли студенты и интерес к болдинскому музею. Комиссар отряда Валентина Комягина вечерами смогла сделать для экспозиции музея новый план территории Дорогобужского партизанского края 1941–1942 годов, взамен обветшавшего старого.

Среда порадовала жаркой погодой, пожалуй, это был первый настоящий летний день со времени начала работ в этом году. Клявин начал работу на цоколе юго-восточного угла. Пришлось переложить с внешней стороны стены валуны, заведенные в кладку. При перекладке угла уровень дневной поверхности, видимо, был выше, и валуны были приложены без раствора. Но не для всех хорошая погода была в радость, Коля Полосков с Лёшей Алексеевым загуляли, видимо, решили устроить выходной за работу в воскресный день. Каждый день я звонил в Смоленск в надежде добиться доставки кирпича и пиломатериалов, так как проехать в Болдино через Чёботово стало возможно, уровень воды в реке Костре постепенно спадал.

Не радовала обстановка и в Московской ЭСНРПМ. Приехавший в пятницу из Москвы поездом А. Иванов, сообщил, что в ЦС ВОО-ПиК запретили выписывать командировки в Болдино и это, естественно, могло повлечь свертывание работ по колокольне.

В субботу, 20 июля, Коля Полосков выложил внешнюю рассветную арку окна в восточной стене келарской палаты. Н.Г. Клявин командовал целой бригадой «новоиспеченных» каменщиков, в отряде оказалось несколько рукодельных студентов, которые с большим интересом подключились к освоению новой профессии. Студенты укрепили и выложили до единого уровня кладку на основаниях южных пристроек. В восточной стене большей пристройки, где, по всей вероятности, была дверь в палатку, оставили проем. Подлинных элементов дверного проема не сохранилось, поэтому я решил не делать закладку дверного проема на двух-

трех рядах, а оставить эту проблему до разработки проекта восстановления южных пристроек. Помощники Клявина под его руководством начали облицовку южной стены подклета келарской палаты, кладка которой была нарушена на толщину в половину кирпича, и выкладку стен внутри подклета келарской до уровня пят свода. Из прошлогоднего пиломатериала начали тесать сегменты кружал для устройства поддерживающих лесов, необходимых для выкладки коробового свода подклета келарской палаты.

Для полноценной загрузки отряда работой начали переборку прируба к бывшей профформе. Взялись также, по предложению директора совхоза, подремонтировать мост через речушку Малая Болдинка, что разделяла поселение Болдино к западу от монастыря на две части, именуемые издавна местными жителями как Московка, что ближе к монастырю, и Коровники, которая за мостом.

Утром в среду, 24 июля, оставив программу работ для отряда на несколько дней, покинул я Болдино, так как в конце месяца, по сложившейся практике, необходимо было отчитываться за проделанную работу. Перед отъездом в Москву нужно было заехать и в Смоленск. От Болдина до Дорогобужа пришлось добираться пешком. В Смоленск выехал из Дорогобужа на автобусе в 11.15. Областной центр встретил проливным дождем. Колхозную площадь от автовокзала, куда прибывал автобус, до трамвайной остановки переходил по колено в воде. Оставил вещи в камере хранения на железнодорожном вокзале и направился в реставрационную мастерскую, которую из Пятницкой башни перевели в здание церкви Варвары, что совсем рядом с железнодорожным вокзалом. Требовалось только перейти через железнодорожные пути по пешеходному мосту.

В реставрационной мастерской встретился с прорабом Бунцевым, который замещал приболевшего А.К. Вознюка. Узнал, что Г.М. Аптекин с главным инженером выехал сегодня утром в Болдино, вот к чему приводило в минувшие времена отсутствие связи.

Поведал мне Бунцев о том, что смету-калькуляцию на работы по колокольне в Болдине Г.М. Аптекин пока не утвердил и не отправил в Москву справку о наличии финансирования, что, естественно, меня очень огорчило, так как не позволяло в Москве настаивать на активизации работ по колокольне.

В реставрационной мастерской познакомился я с новой сотрудницей, архитектором по имени Мира, которой было поручено вести работы по архиерейскому дому, что на соборном дворе. Остаток дня, по просьбе Миры, провел с ней на архиерейском доме. Она была новичком в реставрации, но то, что делалось на замечательном памятнике архитектуры, ее справедливо возмущало. С западной стороны дома при рытье траншей было найдено много изразцов XVII века, которые меня очень заинтересовали, так как по рисунку были очень близки болдинским находкам. Изразцовая «ножка», рельефный рисунок которой был покрыт разноцветной глазурью, была близнецом изразцов, найденных П.Д. Барановским в 1920-е годы. Одна из плиток с рельефным растительным рисунком, покрытая зеленой поливой, была аналогична находкам прошлого года на раскопках Троицкого монастыря на Кловке и находкам в Болдине монастыре, который у нас получил название «Солнышко». Еще одна из плиток с фрагментом из указанного рисунка была терракотовой. Изразцовые находки немного скрасили мое дневное пребывание в Смоленске, в 23.28 выехал на поезде в Москву.

Четверг и пятницу провел на Крутицах за составлением нарядов и процентовки, в мастерской с солидным названием ЭСНРПМ, но наполненной бестолковщиной и суетой. В субботу в 8.50 выехал на поезде из Москвы до Сафонова. В Болдино добирался новой для меня дорогой. От поселка Верхнеднепровский дошел пешком до шаткого подвесного моста через реку Днепр в районе деревни Мартыново. Этот маршрут проложили, видимо, работники Дорогобужской ГРЭС. Жители деревень Никулинского сель-

совета пользовались им, чтобы добираться до рабочих мест на поселке, а поселковые жители имели кратчайший доступ к желанным дарам природы. Дальше на попутной телеге, с тягой в одну лошадиную силу, подъехал через Мендерево до Полежакина, от которого до Болдина километра три пешком. Дорога экзотична, но не короче, чем по осьменским лугам, которые, говорили, подсыхают, так что скоро от Дорогобужа до Болдина опять можно будет добираться и на современных колесных средствах передвижения.

Воскресенье, 28 июля, был рабочий день. Начали устанавливать кружала для выкладки свода в подклете келарской палаты. Я надеялся, что выложим свод в этом году, но сложности с доставкой строительных материалов ставили под сомнение наши планы.

В понедельник похолодало, будто резко наступила осень. Н.Г. Клявин начал выкладывать фрагмент свода, перекрывавшего большую палатку паперти у южной стены. Следы примыкания свода хорошо прослеживались в кладке южной стены, поэтому я и решил заложить фрагмент начала кладки свода. Студенты прокладывали металлическую связь по восточной и южной стенам подклета келарской и продолжали выкладку стен внутри помещения. Продвинулись дела с прирубом у просфорни, положили первые пять венцов. При раскопках на колокольне открылось много небольших фрагментов от третьего яруса. Особенно ценны были фрагменты архивольта над аркой проема звона.

Несколько раз звонил я в Смоленск, напоминая о том, что заканчивался цемент и известь, не было пиломатериала для работы над кружалами. Каждый раз обещали обеспечить работу студенческого отряда, но обещания не выполнялись.

Первого августа приезжала комиссия по проверке работы студенческого отряда – технический инспектор, врач и заместитель Председателя районного исполкома Аргонов. Технический инспектор, естественно, сделал замечания по устройству неинвентарных лесов и по общей организации ра-

бот. Пришлось писать объяснительную записку по устранению выявленных нарушений, которые были обусловлены, в основном, отсутствием строительного материала. Потребовалось сделать также чертеж поддерживающих лесов для выкладки свода в подклете келарской палаты. То, что это уже шестой свод, возводимый в Болдине с аналогичными параметрами, комиссию не убедило. Из Смоленска, наконец-то, доехали до Болдина две машины. Привезли цемент и большемерный кирпич. Неожиданно появился из Москвы новый сотрудник ЭСНРПМ, представился он как электрослесарь Михаил Васильевич. Удивительное дело, механизмов нет, а квалифицированного работника из Москвы командировали. Поручил я Михаилу Васильевичу сделать около колокольни земляной контур, тем самым положили начало подготовке к работе на колокольне с электрооборудованием.

Начало августа для отряда было очень напряженным, работали с семи часов утра до девяти вечера. На восточной стене келарской палаты проложили и забетонировали межъярусную железобетонную связь, выложили кладку до уровня декоративного пояска. При выкладке стены пришлось делать клиновые ряды, так как с основания стена была заложена с небольшим уклоном в южную сторону, а основание декоративного межъярусного пояска по всему периметру закладывалось строго по уровню.

Четвертого и пятого августа всем отрядом трудились на южной стене, общей стене подклета трапезной и келарской палат. Н.Г. Клявин выравнивал кладку пилястры между первой и второй палатами, чтобы обеспечить выравнивание южной стены к уровню выкладки декоративного пояска. В местах примыкания стен южной пристройки были оставлены штробы. Кружала в подклете келарской доделать не удалось, поэтому в южной стене оставили проем для подачи материала при выкладке свода, работу по которому пришлось перенести на следующий год. По завершению работ на южной стене,

разобрали строительные леса, и материал занесли в палаты, так как работы прекращались до следующего сезона.

Утром шестого августа студенческий отряд выехал в Смоленск, выбирались через Чеботово на Издешково. В Смоленск приехали около восьми часов вечера. За последние дни работы студенты, конечно, прилично измотались, так что не устраивали по заведенному обычаю прощальный болдинский ужин. В целом студенты достойно справились с работой в сложнейших погодных условиях, неприятные впечатления остались только от нелепых выходов командира отряда Анатолия Путрова при оформлении отчетной документации. Негативные строки я почерпнул из дневниковых записей, а в памяти, естественно, сохранились только светлые впечатления, но из песни слова не выкинешь.

Весь день седьмого августа провел я в Смоленске, обсуждал в реставрационной мастерской с Г.М. Аптекиным и в Смоленском отделении ВООПИиК с А.П. Котаром перспективы проведения работ в Болдине. Вечером на автобусе выехал в Дорогобуж. Переночевал в городе, а утром стал названивать в Москву А.С. Алтухову, который со свойственной ему оптимистичностью обещал срочно направить в Болдино автобус с заготовленным в Москве оборудованием для работы на колокольне. Попутных машин на Болдино в привычном месте остановок у столовой на улице Карла Маркса за день не появилось, поэтому часов в пять решил идти пешком. Перед выходом на осьменские луга, у военных лагерей, появился попутный самосвал, направлявшийся в Васино, так что в семь вечера был в Болдине. Оставшиеся в Болдине москвичи трудились на колокольне. Обещанный А.С. Алтуховым автобус вечером не приехал.

Утром неожиданно появились в Болдине гости из Москвы. Оказалось, что автобус ЭСНРПМ все же выехал к вечеру из Москвы, и ночью пытался проехать от Васино до Болдина, но застрял, не доехав километра три до монастыря (около поворота на Абрамово).

Ночевать экспедиции пришлось в автобусе. Утром автобус вытащили трактором, и московское пополнение добралось до Болдина. Приехал Алексей Иванов, прораб Павел Иванович, сварщик Борис. Отважились выехать в Болдино и две женщины – супруга Алексея Иванова и супруга Андрея, трудившегося на колокольне. Так что появилась надежда, что бригада будет обеспечена нормальным питанием. Привезли на автобусе и долгожданное оборудование – сварочный аппарат, ручные лебедки, полиспасты.

Без бойцов студенческого отряда работы в Болдине, конечно, не столь активны, поэтому и моего постоянного присутствия не требовалось, но я задержался на несколько дней, так как ожидал приезда комиссии из ЦС ВООПИиК. На трапезной палате работы на этот год были завершены, а на колокольне только появилась надежда наконец-то развернуть работы. Начали строить сарай для хранения небольших фрагментов и складирования целого кирпича. Электрик и сварщик переквалифицировались в плотников, ставили каркас сарая. На столбы в сарае использовали материал из разобранных лесов у трапезной палаты, а для обшивки пришлось набирать доски из строительного «хлама». Надежды на завоз пиломатериалов, конечно, мы не теряли.

Евгений Михайлович Воронец, исполнявший функцию смотрителя музея, делал стеллажи в средней комнате северной половины бывшего дома казначея. Стеллажи были необходимы для хранения множества находок, которые со временем должны стать экспонатами музея. Особо радовали находки изразцов, которых скопилось много с различными рисунками, но на их систематизацию сил не хватало.

С неделю после отъезда студенческого отряда пробыл я в Болдине, а утром 16 августа выехал в Москву. Занимался обработкой результатов работ по трапезной палате и убеждением руководства ЦС ВООПИиК в необходимости всячески поддерживать работы в Болдине. На Крутицах в столярной мастерской поторапливал мастеров с изготовлени-

ем рам для окон подклета трапезной палаты в Болдине. Выезд комиссии на Смоленщину был намечен на первые числа сентября, а я решил подъехать в Болдино до приезда комиссии.

Второго сентября утренним поездом выехал на Сафоново, а к семи вечера добрался до Болдина. Оставшаяся в Болдине бригада московской мастерской трудилась на колокольне. К руинам колокольни подвели трехфазную линию 0,4 киловольт, для чего пришлось установить четыре новых столба, и присоединиться к линии, которая проходила за территорией монастыря вдоль западной стены ограды. Подключили сварочный аппарат, который обеспечил возможность монтировать каркасы для перемещения фрагментов колокольни. Алексей Иванов начал монтаж каркаса под фрагмент №17.

Комиссия приехала в Болдино поздно вечером третьего сентября, задержались в Вязьме на трехшатровой церкви Одигитрии. Работы по этому уникальному памятнику архитектуры были включены отдельной научной темой в план московской реставрационной мастерской и финансировались, как и работы в Болдине, из средств ЦС ВООПИиК. В Вязьму из Смоленска приехал ответственный секретарь Смоленского областного Отделения ВООПИиК Александр Петрович Котар, генерал в отставке, вдумчивый и отзывчивый человек, которому бывшие коллеги обеспечили и надежный транспорт, зная бездорожье Смоленщины. Москвичи же воспользовались автобусом «Кубань», что был в распоряжении реставрационной мастерской на Крутицах. ЦС ВООПИиК в комиссии представлял Анатолий Александрович Молчанов, возглавлявший в ЦС архитектурную секцию. Был в комиссии Николай Николаевич Свешников, опытный и уважаемый архитектор-реставратор, и, естественно, Пётр Дмитриевич Барановский. От московской реставрационной мастерской к экспедиции подключились работавшие с Барановским на Крутицах инженер Лариса и Владимир Блажеев, а также В.Н. Киселёв, несколько

сезонов трудившийся в Болдине со студенческими отрядами. На автобусе привезли столярку для трапезной палаты. А.П. Котар побыл в Болдине около часа и уехал в Смоленск. Все оставшиеся ночевали в Болдине.

Утром поднялись часов в шесть и пошли осматривать состояние работ на памятниках. Дед, как мы частенько между собой называли Барановского, был явно не в духе и начал все хаять, не считаясь с трудностями в организации работ и в снабжении. В результате, конечно, сначала определенным образом воздействовал на Молчанова, который впервые выбрался в Болдино. Возможно, недовольство Барановского было вызвано тем, что без его участия были вскрыты основания южных пристроек к трапезной палате, которые позволили достаточно убедительно восстановить стены подклета келарской палаты. В целом члены комиссии были вполне удовлетворены результатами работ по трапезной и своими глазами смогли увидеть, что разворачиваются работы по разборке завалов руин колокольни. Часов в десять за Молчановым приехал на машине Котар и они отбыли в Смоленск. Все оставшиеся члены московской экспедиции, к которым присоединился и я, поехали на автобусе в Дорогобуж. В Дорогобуже наша группа разделилась. Я с Н.Н. Свешниковым и Ларисой поехал в Сафоново, чтобы на поезде отбыть в Москву. Барановский решил использовать удачную возможность, с помощью Славы Киселева и Володи Блажеева привести в порядок места двух захоронений своих ближайших родственников на дорогобужских кладбищах.¹

Почти пятичасовой путь в общем вагоне поезда от Сафонова до Москвы до сих пор в моей памяти рассказами Николая Николаевича Свешникова. Узнал я многое о сложных реставрационных работах с поиском таинственных подземных ходов в Серпухове, где многие годы он трудился. Затем были

повествования о начатых в те годы работах по храму Вознесения в селе Коломенском, где благодаря усилиям П.Д. Барановского в 1920-е годы был заложен замечательный Заповедник Русской Культуры. Быстро пролетело время, и мы в Москве, на Белорусском вокзале. Вот таким, небывало насыщенным впечатлениями, оказалось мое возвращение в Москву из поездок на Смоленщину в 1974 году.

Перед возвращением к работе на энергетическом поприще, удалось мне с супругой немного попутешествовать по достопримечательным местам Крыма, где, естественно, в жарком сухом климате часто вспоминались смоленские дожди. И не покидали думы о работе бригады на разборке руин колокольни.

В октябре получил я письмо из Болдина от Варвары Деевны Воронец, супруги Е.М. Воронца. Она сообщала, что 24 сентября Евгений Михайлович был вынужден подать заявление об отказе выполнять функции смотрителя музея в Болдине, так как ему за месяц работы заплатили тридцать рублей, вместо обещанных шестидесяти пяти. Как написала Варвара Деевна, это результат писем болдинских «доброжелателей» в районный Отдел культуры, которые требовали для Болдина нового заведующего клубом, только не пенсионера. Эта инициатива почему-то у местных жителей возникла только тогда, когда Отдел культуры изыскал возможность выделить для Болдина должность заведующего клубом, подразумевая опеку над создаваемым на территории монастыря музеем Партизанской Славы. Таким образом, музей опять оказался беспризорным, а на должность заведующего клубом, так летом называли сруб бывшей кормокухни, зачислили дочку управляющего болдинским отделением совхоза.

А.П. Иванов вернулся с бригадой из Болдина, видимо, в конце октября. По его устной информации и из представленных фотографий стало ясно, что бригада поработала успешно. Удалось сделать каркасы и переместить с помощью ручных лебедок с вершины руин два из трех крупных фрагментов. Рабо-

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 69.

тать с фрагментами было непросто, так как от фрагментов отслаивались кирпичи кладки свода перекрытия третьего яруса. Несколько крупных фрагментов удалось переместить от общего холма руин и расположить рядом с консервационным навесом. Таким образом, была открыта возможность дальнейшей разборки завалов и расчистки основания колокольни. Ноябрь месяц в ЭСНРПМ, как обычно, был посвящен составлению программ работ на следующий год и подкреплению наших позиций авторитетными отзывами известных специалистов в области архитектурной реставрации.

В 20-х числах декабря получил я письмо из Болдина от Е.М. Воронца. В письмо была вложена вырезка из районной газеты «Ленинская правда» от 5 декабря с заметкой «В районных учреждениях культуры» за подписью заведующего районным Отделом культуры Н. Бородина, в которой было упомянуто, что в Болдине начал действовать новый клуб. Конечно, Евгений Михайлович прекрасно знал, что никакой клубной работы в Болдине не ведется, это его и возмутило. И он резюмировал: «Возможно прочитавши эту заметку, вы сумеете найти путь к разоблачению обманщиков и бездельников». Главным неприятным известием в письме было то, что школу из Болдина переводят в Полибино, а это неминуемо приведет к ускоренному затуханию жизни в этом «неперспективном» населенном пункте. Письмо, написанное собственноручно Евгением Михайловичем, как я и предчувствовал, содержало личную заинтересованность. Двухквартирный дом, где жил директор школы И.В. Закабунин, а в другой половине, что ранее занимала семья П.Б. Соловьёва, жила семья учительницы – Галины Алыничевой, освобождался. Евгений Михайлович давно жаловался, что холодно зимой в бывшем настоятельском доме на территории монастыря, но председатель сельского Совета И.В. Румянцев не предпринимал мер по ремонту дома, за содержание которого нес ответственность. Опасался Е.М. Воронец, что Румянцев не позволит

ему переселиться и в освобождающийся школьный дом, поэтому и просил моего участия. Завершалось письмо сообщением, что на объектах реставрации все в порядке, «... за исключением всех выбитых стекол в стелляжке. Во время моей работы я настеклил все рамы... Простите, что плохо пишу, делаю много ошибок. Поэтому стараюсь писать меньше. Стыдно, но что делать». Письмо было заказное с уведомлением. Вот такая обстановка царил в Болдине.

К Е.М. Воронцу в Болдине было неприятное нам настороженное отношение. На наши вопросы о военном периоде Евгений Михайлович не очень распространялся, хотя во время оккупации был в Болдине. Часто вспоминал только о том, что спрятал семейный столовый серебряный сервиз в нише одного из столбов Троицкого собора и с надеждой ждал начала раскопок самого крупного холма руин на территории Болдина монастыря. Местные жители, пережившие оккупацию, вспоминали, как Евгений Михайлович и в тяжелую пору играл на гармошке в клубе, размещавшемся в южном приделе Троицкого собора. Воронец был директором болдинской школы и преподавал физику, поэтому смена властей никак не сказывалась на его уроках, а вот преподаватель географии, вспоминали бывшие ученики, называл оккупированную территорию Большой Германией. После освобождения территории Смоленщины многим приходилось доказывать свою непричастность к службе оккупационному режиму. Пришлось, видимо, объясняться и Е.М. Воронцу, но об этом мне довелось узнать спустя много лет. При ремонте в 1991 году деревянного дома, служившего приютом реставраторов, под наличником двери юго-восточной кельи были обнаружены три листочка, скрепленные стежком белой нитки, видимо, готовившиеся к отправке. На одном листочке было написано обращение местных жителей в Дорогобужский Особый отдел. Второй листочек содержал заявление партизан Болдинского отряда, также адресованное в Дорогобуж-

1975 год

ский Особый отдел. На третьем листочке написанная карандашом характеристика на Е.М. Воронца, заверенная печатью и подписями Председателя и секретаря Холмецкого сельского Совета. В бывшем доме казначея Болдина монастыря после освобождения от оккупации размещался сельский Совет и, видимо, кому-то не очень хотелось, чтобы документы попали по назначению, а в найденных документах говорилось о помощи Е.М. Воронца партизанам и его непричастности к убийству в Болдине советского десантника.

Пришло в конце декабря из Болдина и письмо от А.П. Кабанова с пожеланием успехов в труде, но не с новогодними поздравлениями, а с напоминанием просьбы, с которой он уже неоднократно обращался ко мне в Болдине. Анатолий Петрович просил разыскать его военную фотографию, которую несколько лет назад взял у него художник (К.К. Лопяло) для того, чтобы написать портрет для болдинского музея Партизанской Славы. Анатолий Петрович писал: «Этот портрет должен был значиться в болдинском музее обязательно, но по чьей вине его нет, этого я не могу сказать». Как мне удалось выяснить у К.К. Лопяло, фотографии Кабанова у него не было, и портрета его он не писал. Что остановило П.Д. Барановского от включения портрета Кабанова в экспозицию музея, мне неизвестно, но то, что многие жители Болдина недобрыми словами вспоминали о лесной жизни Кабанова в период фашистской оккупации, я был неоднократным свидетелем. В книге «Солдаты Победы. Смоленская область», изданной в 2007 году, Анатолий Петрович Кабанов, 1915 года рождения, записан как рядовой партизанского отряда «Дедушка». Местом его рождения указана деревня Лещеки Ставковского сельсовета Дорогобужского района Смоленской области. Однако, вспоминая военные годы, он говорил, что в партизанах его величали «Толик-сибиряк», поэтому у меня сложилось впечатление, что на Смоленщину он попал с подкреплением из Сибири. Так что трагический для нашей страны период Великой Отечественной войны породил много загадочных историй.

В начале наступившего 1975 года в московской ЭСНРПМ велась обработка материалов довольно успешной работы в Болдине по колокольне, которые завершились поздней осенью. Составлялись также планы по завершению восстановительных работ по трапезной палате и завершению разборки завалов на колокольне.

Не утихала зимой жизнь и в Болдине. За оставшееся школьное имущество разгоралась борьба. В письме от 4 января Е.М. Воронец сообщил мне, как Председатель сельского Совета, совместно с депутатами, изгоняли его корову из бывшего школьного крольчатника, который ранее обещали ему продать. Евгений Михайлович просил помощи в обуздании местных властителей, опасаясь, что его недоброжелатели не позволят претендовать ему и на квартиру в освобожденном учительском доме. Естественно, мне пришлось незамедлительно направить обращение в Дорогобужский райисполком, рассчитывая на содействие в переселении Е.М. Воронца с территории монастыря в учительский дом за оградой монастыря. Это позволяло, наконец-то, улучшить жилищные условия семье учителя, многие годы проработавшего в болдинской школе и освободить помещение на территории монастыря для размещения реставраторов в летний период проведения работ. На удивление быстро положительное решение было принято. В письме от 10 февраля 1975 года Евгений Михайлович с радостью сообщил мне: «...Я перешел на другую квартиру. Занял квартиру Алыничевых. Решением райисполкома учительский дом, вместе со всеми надворными постройками передан учителям-пенсионерам. Очевидно, ваше ходатайство имело немаловажную роль. Большое спасибо ...». Далее в письме высказывались соображения по сохранению от захвата освобожденной квартиры на территории монастыря.

Видимо, чувствуя хозяйскую заботу Е.М. Воронца о болдинском музее, М.М. Сысоева

решила передать наконец-то в музей монеты, найденные в 1968 году. Об этом кладе Евгений Михайлович, естественно, сообщил в Отдел культуры района. В результате медные пятаки времен Екатерины II, в количестве 86 штук, для обеспечения сохранности, были переданы под расписку в Смоленский областной исторический музей.

В Москве с начала года велась подготовка к проведению летнего реставрационного сезона в Болдине. Хлопоты по подготовке к продолжению работ по разборке руин колокольни в этот период полностью перешли к А.П. Иванову, под руководством которого в ЭСНРПМ работало несколько человек над выпуском отчета по выполненным в 1974 году работам. Я же составил калькуляцию на завершение работ по первому ярусу трапезной палаты и на разработку проекта воссоздания второго яруса трапезной палаты с церковью Введения.

В первой половине мая довелось мне на денек выбраться в Болдино с машиной, завозившей из Москвы в Болдино металл и механизмы для работы с фрагментами колокольни. А.П. Иванов с бригадой выехал в Болдино раньше, так что было кому принять груз. В память об этом выезде сохранилось несколько слайдов. Запечатлел я новый для меня вид – кусты буйно цветущей сирени на территории монастыря у северной стены ограды, так как обычно выезжал в Болдино лишь в июне месяце. Сфотографировал остатки древнего дуба с восточной стороны монастыря, горевшего летом 1973 года. В 1974 году дуб с трудом покрывался листвой и во время своего выезда в Болдино П.Д. Барановский предложил для его спасения спилить могучие сучья, что и исполнили сотрудники московской реставрационной мастерской Женя Маковкин с помощниками. Зафиксировал я, естественно, и состояние работ на руинах колокольни, где для разборки завалов на всем периметре колокольни оставалось переместить с верхней части руин лишь один фрагмент. Фрагменты перемещались с помощью ручной лебедки, для чего предвари-

тельно готовилась наклонная поверхность для перемещения, а за местом новой установки фрагмента вкапывался в землю анкер. Переместить запечатленный на снимке фрагмент №1 удалось до начала основных работ по разборке завалов основания колокольни, а в распоряжении тружеников стали появляться новые инструменты и приспособления, в том числе и тачка.

Для работы со студенческим реставрационным отрядом я смог выехать из Москвы только утром в воскресенье, 6 июля. Перемены, произошедшие в руководстве лабораторией Электросистем ЭНИНа им. Г.М. Кржижановского с кончиной в октябре 1974 года И.М. Марковича, практически не сказались на отношении начальства к моим работам в Болдине. Лабораторию возглавил один из ближайших соратников Марковича, М.С. Либкинд.

Из-за проливных дождей в Москве готовился я столкнуться с проблемами на Старой Смоленской дороге, но напрасно. На Смоленщине целый месяц не было дождей, и пыльная грунтовая дорога до Болдина была проходима для любого транспорта. Около четырех часов я был уже на территории монастыря.

Студенческий отряд из Смоленска приехал в Болдино в пятницу. Отряд состоял наполовину из бойцов прежних отрядов. Командиром отряда был Петр Малянчук, отлично работавший в прошлом году. В четвертый раз в отряде был Николай Павлов, так что с обустройством отряда проблем не возникло, отряд разместился в знакомых многим пустовавших помещениях школы. Приехал с отрядом и замечательный каменщик Николай Германович Клявин, для которого работать в Болдине со студентами стало привычно. Разбирать завалы колокольни приехала группа москвичей из общественных помощников реставраторов, которые активно участвовали в работах на субботниках на Крутицах и других объектах в Москве. Люди с хорошей интеллектуальной подготовкой, в основном, сотрудники научных и проектных организаций. Народ приехал семьями, всего человек десять. Так что под размещение

были заняты помещения бывшей монастырской гостиницы, освобожденные от школьного оборудования, и бывшая квартира Е.М. Воронца в доме на территории монастыря. Некоторые неудобства у москвичей возникли лишь с организацией своего питания, но они к этим проблемам были готовы и решили все по-семейному, каждый в своем помещении. Одна семья приехала на машине, так что за продуктами при хорошей дороге ездили в магазины центральных усадеб совхозов – Васино и Полибино. На разборке завалов колокольни работало человек пять, очищали от завалов центральную часть, а также восточную и северо-восточную грани колокольни с внешней стороны. При разборке завалов было найдено около десятка квадратных плиток, размером 20×20×5,5 сантиметров по фактуре материала похожих на большемерные кирпичи, которыми, видимо, был выстлан пол в палатке второго яруса колокольни.

Студенческий отряд начал подготовку к работам по восстановлению свода подклета келарской палаты, а также внутренних стен паперти и основания стен одностолпной палаты. Для выполнения указанных работ первым делом был сделан трап для доступа и подъема материала на паперть. Кстати, смоленская мастерская до начала работы отряда смогла завести в Болдино небольшое количество пиломатериала и стандартного кирпича. Растворомешалку привезли в день заезда отряда, так что с понедельника, 7 июля, отряд начал полноценно трудиться.

В среду с утра поехал я в Дорогобуж для переговоров в РК КПСС с А.Ф. Воробьевым и новым секретарем по идеологии – О.П. Окунем. На встречу был приглашен и новый заведующий Отделом культуры Аксенов. Довольно быстро договорились о действиях по неотложным делам. К вечеру Е.М. Воронец был оформлен на должность работника культуры (половина ставки, тридцать рублей в месяц) с использованием его для трудов в болдинском музее. На ночлег вернулся я в Болдино.

Фронт работ по разборке завалов на первом ярусе колокольни был обеспечен, и

Алексей Иванов вечером в среду смог уехать в Москву. На трапезной палате до конца недели удалось расчистить и выложить в северной стене выход дымохода из долевой стены между первой и второй палатами подклета. Между церковью и трапезной палатой расчистили от мусора закопченный проем, по всей вероятности это были следы от топки печи, которая была сложена в северо-западном углу церкви. Я сделал обмер находки. Работы по опалубке кружал под свод в подклете келарской палаты пришлось приостановить, так как закончился тес. С помощью речного домкрата почти на один метр подняли крышу на восточной (алтарной) стене церкви Введения, что позволяло начать выкладку многогранной с наружной стороны апсиды храма. В пятницу, 11 июля, уехал в Смоленск Клявин, с которым я отправил Г.М. Аптекину записку с просьбой продлить командировку Николаю Германовичу и другими просьбами по обеспечению работ. На субботу и воскресенье я смог выехать в Москву.

В понедельник, 14 июля, на поезде в 8.50 выехал я из Москвы. Билетов в кассе, естественно, не было, выручили проводники. Повезло, поезд обслуживала бригада студенческого отряда. В Болдине был около 17 часов.

Вечером во вторник добралась до Болдино машина из Смоленска. Привезли тес и подъемный кран «Пионер». Так что появилась возможность завершить опалубку кружал под выкладку свода в подклете келарской палаты. Леса для выкладки апсиды студенты тоже подготовили, можно было также начинать выкладку кирпичных стен под консервационной крышей трапезной палаты, т.е. на переходе от первого яруса ко второму.

Отлично поработали и москвичи на руинах колокольни. Откопали остатки оконного проема в восточной стене. Северный откос окна сохранился довольно прилично, а южный откос – труха. Сохранившиеся остатки кирпичной кладки окна были очень важны, так как позволяли документально восстановить размеры оконных проемов до их поздних растесок, зафиксированных Барановским в

1920-е годы. На восточной грани колокольни сохранилось три ряда кирпичной кладки свода, что тоже можно считать важной находкой, так как Барановскому было не до обмеров абрисов кривых сводов колокольни. Нашлось в завалах и несколько большемерных кирпичей с метками на тычковых поверхностях. По всей вероятности, метки были нанесены на кирпичи в процессе формовки. Одна из меток была значительно крупнее других, видимо, содержала наиболее важную информацию об изделии.

Вместо Клявина в среду из Смоленска приехал новый сотрудник мастерской Владимир, по первому дню работы, а начал он с выкладки декоративного межъярусного пояска на апсиде Введенской церкви, было видно, что каменщик с хорошими профессиональными навыками. Дурили московские каменщики Павел и Александр. Работа над укреплением небольших фрагментов колокольни им была, видимо, не по душе. Желали чувствовать объемы выполненной работы, вот к чему приучали действующие расценки для каменщиков-реставраторов. В среду вечером приехал на автобусе Московской реставрационной мастерской Алексей Иванов.

В четверг, 17 июля, приезжал Г.М. Аптекин со старшим прорабом смоленской мастерской. Григорий Матвеевич остался доволен работой в монастыре и сказал, что с каждым годом все больше к ним проникается. Поговорили о перспективе развития работ по трапезной палате с подъемом крыши, если, конечно, будет финансирование. Посмотрели где можно в этом году начать работы по восстановлению ограды монастыря. П.Д. Барановский настоятельно требовал в Москве в ЦС ВООПИиК выделения средств на восстановление порушенных участков ограды монастыря, дабы обеспечить защиту монастырской территории от непрошенных гостей. Московские труженики решили после обеда отдохнуть и воспользоваться московским автобусом для поездки на экскурсию в усадьбу Алексино.

Стояла отличная летняя погода. Ночью прошел дождь и немного прибил пыль. Сту-

денты начали выкладку свода подклета келарской палаты, благо этот коробовой свод был без распалубок, и кладка свода опытным бойцам отряда была вполне под силу. Смоленский каменщик продолжил работу на апсиде Введенской церкви. В работах на колокольне, к сожалению, было затишье. Отлично трудились только научные сотрудники на разборке завалов, чувствовалось, что люди совестливые и ответственные. Постоянные сотрудники московской мастерской появлялись редко, похоже, что подрядились строить совхозный скотный двор в Полибине. Решил я поговорить с Алексеем Ивановым, чтобы не компрометировать отношение к реставрационным работам на памятниках Болдина монастыря. То, что в совхозе не хватает квалифицированных работников понятно, но помогать хозяйству нужно без ущерба для реставрационных работ, на которые были командированы специалисты из Москвы.

В пятницу вечером Е.М. Воронец истопил баньку, и я с большим удовольствием попарился, похлеставшись заготовленным ранее березовым веничком. Потом попили чайку с земляничным вареньем, конечно, при таких общениях всплывало много интересных воспоминаний о местных событиях и людях.

Вечерком поработал над чертежами по трапезной палате. Восстановление первого яруса самого древнего кирпичного сооружения монастыря подходило к завершению, поэтому вполне можно было выполнить чертежи на все сооружение. Графические материалы по второму ярусу были выполнены П.Д. Барановским в 1920-е годы, и я их уже использовал при составлении чертежей для изготовления макета трапезной в масштабе 1:20, когда работал в 1972 году в реставрационной мастерской. Тем более, в мастерской за выполненную работу приходилось мне отчитываться листами и форматками.

В воскресенье, 20 июля, устроили общий выходной. Все отправились на Абрамовское озеро, многие впервые увидели это небольшое, но глубоководное чудо природы. Был жаркий, солнечный день, так что накупались

и отдохнули отлично. В понедельник с утра моросил дождик, но потом утих. День посто-ял пасмурный, но теплый. На апсиде церкви Введения довели кладку до уровня подо-конника и заложили на одном ряду оконный проем в центре апсиды. Осталось уточнить размеры двух ниш в апсиде для жертвенни-ка и дьяконника.

На колокольне продуктивно и разумно вели разборку завалов двое москвичей – Николай Владимирович Чарыгин и его при-ятель Владимир Фёдорович. С большим ин-тересом трудился на колокольне и местный паренек – Коля Вещунов, который освоил работу с ручной лебедкой и занимался пере-мещением с верха завала не очень больших, но неподъемных для переноски на руках, фрагментов кирпичной кладки. Чтобы при перемещении фрагменты не развалились на отдельные кирпичи, он сначала обкладывал их небольшими дощечками и стягивал про-волокой, а затем с помощью троса и ручной лебедки стаскивал с руин, освобождая тем самым сохранившиеся стены сооружения для очистки от завалов. Николаю не было и шестнадцати лет, но деревенская жизнь воспитала трудовые навыки. Из-за возраста были сложности с зачислением его на работу в Московскую реставрационную мастерскую, но Алексей Иванов, конечно, изыскивал пути оплаты столь заинтересованного отношения Николая к работе. Его пример, к сожалению, не служил укором московским каменщикам и примкнувшим к ним отдельным доброволь-ным помощникам реставраторов, которые выбрались на Смоленщину из Москвы, види-мо, для проведения досуга на природе.

С утра во вторник, 22 июля, я готовил перечень первоочередных работ до кон-ца недели, так как необходимо было быть в Москве для составления процентов по выполненным за месяц работам. Иванов уе-хал ранее, поэтому мне пришлось составить перечень работ для студенческого отряда и для работавших на колокольне. Восточную стену колокольни очистили от завалов почти полностью, так что по возвращению можно

будет приступать к ее детальной фиксации и укреплению.

Из Болдина до Сафонова добрался я бла-гополучно и успел к калининградскому по-езду. В 19.15 был в Москве на Белорусском вокзале. Все дни до конца недели провел в делах и суете на Крутицах в Московской ре-ставрационной мастерской. Только утром в субботу, 26 июля, смог выехать в Болдино. В поезде встретился с Алексеем Ивановым, так что добирались вместе, и было достаточ-но времени поговорить, конечно, и о рабо-тах в Болдине. От Дорогобужа до Болдина пришлось идти пешком. Всю дорогу небо было черно от туч, но на нас не упало ни ка-пли дождя. В районе Болдина перед нашим приходом прошел сильный ливень, и низины дороги были все в больших лужах, которые приходилось преодолевать по обочинам.

Студенческий отряд во время нашего прихода трудился в полную силу. Завершали кладку свода в подклете келарской палаты. К часу ночи поставили замок свода, так что последний свод первого яруса древнего со-оружения был завершен. В мое отсутствие отряд поработал отлично. Настигла только жуткая весть командира отряда Петю Ма-ленчука, пришла телеграмма, что погиб его брат, и он вынужден был уехать, оставив на руководстве отрядом Виктора Голицына.

В воскресенье сделал я не очень про-странную запись в дневнике, на что уже по-сетовал в записи, сделанной в понедельник, 28 июля: «...что это временная усталость, пресыщенность или действительно нечего писать? Сразу трудно и определить».

Чувствуется, что на записи в дневнике за понедельник сказался резкий переход от московской быстротекущей жизни к спокой-ной, возможно излишне, жизни в Болдине. Приведу фрагмент записи: « Болдино хиреет с каждым днем. В этом году закрыли школу. Скоро, видимо, закроют медпункт и т.д. По всей вероятности, одна надежда на ожив-ление этого места – туристический марш-рут. Вышел сегодня вечером на крыльцо, и стало дико. Этак можно и всю жизнь здесь

проторчать и не увидеть музея, достойного этого места, или даже Историко-архитектурного заповедника (конечно, наяву, а не в названии). Тут нужно обладать стойкостью и оптимизмом Петра Дмитриевича». Вот такое явилось отступление.

Записи о работе свидетельствуют, что в этом году основной интерес вызывали дела на колокольне. Хоть и не было интригующих находок в виде полихромных, зеленых и терракотовых печных изразцов, которые радовали в изнурительно тяжелой работе по освобождению палат подклета трапезной от завалов. На разборке завалов руин колокольни иногда приходилось удивляться сохранности того или иного конструктивного либо декоративного элемента, счетной метке на кирпиче. То «бегунец» с «поребриком», то фрагмент свода перекрытия внутрисклонной лестницы и т.д. Разбирая завалы первого яруса, докопались до порога входной двери и позднего деревянного пола. Количество работников на колокольне увеличилось, то ли работы в Полибине были завершены, то ли это результат моей дружеской беседы с Алексеем Ивановым, выяснять я не стал. Каменщики из Московской реставрационной мастерской решили отправить домой, в наше отсутствие они пьянствовали и додумались даже устроить стрельбу по голубям в деревне. Охотились на голубей и под консервационным шатром подклета Введенской церкви, пробив в нескольких местах оцинкованное железо. Местные жители, естественно, были возмущены и пригрозили им вызвать милицию. Кропотливая работа с расслоившимися фрагментами кирпичной кладки колокольни оказалась московским каменщикам не по душе.

Из-за большого количества расслоившихся фрагментов накопилось довольно много отдельных кирпичей и все они, естественно, без определения места их расположения в кладке памятника. Но это было важно лишь для кирпичей с лицевых поверхностей и от декоративных элементов, а большинство кирпичей из толщи стен, которые были выло-

жены на всю толщину, а это около 2 метров, полноценными кирпичами. Так что все большемерные кирпичи с размерами (30×14×9) сантиметров и маломерные кирпичи (22×13×5) сантиметров от декоративных элементов предстояло аккуратно сложить в отдельные штабеля под навесом для использования их при восстановлении памятника.

У москвичей, работавших на колокольне, чувствовался настрой на отъезд, а отряду, видимо, предстояло задержаться, так как в ЦС ВООПИиК были выделены средства на восстановление порушенных частей ограды монастыря, чтобы оградить территорию от посягательств местных жителей на подлинные кирпичи XVI века от взорванной колокольни. За прошедшие сезоны работы в Болдине задержек с отъездом отрядов не было, так как ребятам требовался отдых после достаточного напряженной физической работы в течение месяца.

К работам на монастырской стене приступить мы не могли, не было материала (кирпича, цемента). Вечером пришла пустая машина из Смоленска, нужно было ехать в Сафоново «пробивать» кирпич. В среду, 30 июля, я продолжил работать над чертежами по трапезной палате. Студенческий отряд завершал кладку внутренних стен под консервационной крышей трапезной палаты. Для работ на восточном проломе в стене монастырской ограды отряд все же решили задержать. На колокольне работы тоже сворачивались. Завершив запись в дневнике за день, не очень насыщенный событиями, поставил дату грядущего дня – 31 августа, но продолжить записи довелось только в поезде, по пути в Москву. Неделю не мог придти в себя от ужасного происшествия, случившегося в размеренной трудовой атмосфере у стен монастыря.

Всю последовательность случившегося во второй половине 31 июля восстанавливал я позже, а около 18.00, поработав на колокольне над одним из новых фрагментов, шел к дому своего обитания. Увидел, что из под арки водяных ворот вбегает на территорию

монастыря испуганная девочка с криком: «Там мама!». Я выбежал к берегу пруда и увидел лежащую по пояс в воде женщину. Подбежав к ней, ощутил удар током и сразу понял, в чем дело. Выбежал на берег и разорвал разъем временной электрической линии, проложенной с территории монастыря к электронасосу, который был установлен на деревянных мостках. После этого вытащил женщину на берег, она дышала и хрипела, я начал делать ей искусственное дыхание, но опомнился, так как у мостков видел тело мальчика. Я зашел по пояс в воду и взял мальчика за руку. Он не дышал и показался мне уже холодным. Я вынес его на берег и стал быстро делать ему искусственное дыхание. В этот момент подбежали студенты и ребята с колокольни. Студенты быстро и активно начали заниматься мальчиком, а я стал делать искусственное дыхание женщине, которая быстро пришла в себя и встала. Сложнее обстояло дело с мальчиком. Студенты раскрыли ему рот и слили из него воду, а затем стали интенсивно делать ему искусственное дыхание. Максимум сноровки в этом сложном деле проявил студент Саша Юрочкин, который без промедления применил непростой способ искусственного дыхания «рот в рот». Только на шестой раз активного воздействия Саши Юрочкина мальчик задышал. Когда раздался крик мальчика, у меня немного отлегло. Одновременно с нашими действиями на берегу другие собравшиеся принимали меры по вызову скорой помощи из Дорогобужа. Благо, телефон был в почтовом отделении, которое в ту пору помещалось еще в доме на территории монастыря, а скорую помощь из Дорогобужа удалось вызвать только после обращения в районную милицию. Москвичи на своей машине поехали разыскивать местных медицинских работников в Полибино и Никулино. Только часа через два приехала скорая помощь из Дорогобужа, и привезли местного фельдшера Мацакову из Полибина. Мальчику сделали укол и его отец, москвич из бригады добровольных помощников реставраторов, повез

его на своей машине в районную больницу. В сознание мальчик пришел только ночью, о чем мы узнали по телефонному звонку из больницы, так как дежурили у аппарата, перемещенного с почты. Затем началось постепенное его выздоровление, и в начале августа вся семья благополучно вернулась в Москву.

Вот такое чрезвычайное происшествие буквально ошеломило всех участников реставрационных работ в Болдине в последний день лета 1975 года. Причины несчастного случая все очевидны и банальны. Студенты, как обычно, с помощью электронасоса «Кама» накачивали про запас воду из пруда в большой бак для работы на трапезной палате. Насос на время работы устанавливали на мостки недалеко от южной стены монастыря, практически рядом с воротами в ограде. При подключении электрической линии к насосу перепутали ноль и фазу, так как за месяц работы вышла из строя трехполюсная розетка, и приходилось пользоваться двухполюсной с маркировкой. Завершив наполнение емкости водой, насос отключили кнопкой на двигателе, не отключив подачи электроэнергии, не свернув временную двухфазную линию и не убрав насос с мостков, как это обязан был делать ответственный за обслуживание насоса студент, что, кстати, и делалось ежедневно в течение месяца проведения работ. В это время семья москвичей, глава которой трудился на разборке завалов колокольни, решила искупаться в пруду. Мать с дочерью и сыном младшего школьного возраста, игнорируя категорический запрет на появление на рабочей площадке, а тем более на мостках около насоса, по невыясненным причинам оказалась в зоне риска. Кроме того, все приехавшие в Болдино москвичи были предупреждены, что купаться в рабочее время можно только на левом, противоположном от монастыря берегу пруда. Хорошо, что завершилось все благополучно, но урок остался в сознании, без сомнения, у всех участников событий и надолго.

Несмотря на потрясение, студенческому отряду было не до расслаблений, так как тре-

бывалось, не затягивая, завершить работы на трапезной и все силы сосредоточить на восстановлении пролома в восточной стене ограды монастыря. За первые два дня августа студенческий отряд завершил кладку на восточной стене церкви Введения, заложили проем в южной стене, оставленный ранее для подачи материала при выкладке свода подклета келарской палаты и чердачных стен. Были разобраны леса у трапезной палаты и забиты все проемы, ведущие под консервационную крышу. Таким образом, были завершены работы по восстановлению первого яруса древнейшего кирпичного сооружения монастыря.

Третьего августа, в воскресенье, студенческий отряд приступил к работам на проломе восточной стены монастыря, построенной в середине XVIII века. Работы оказались больше, чем предполагали. Очистка от завалов остатков фундамента участка стены, протяженностью около сорока метров, показала, что кирпичная кладка разрушена до валунов фундамента. Валуны, размером от тридцати до пятидесяти сантиметров были заложены с внутренней и внешней сторон стены, а между валунами местами сохранялся только строительный мусор, который не был даже пролит раствором. На некоторых участках пришлось вычищать весь мусор и заново делать забутовку фундамента. В процессе расчистки фундамента было обнаружено шесть осколков белокаменных надгробий со следами букв и орнамента, которые по стилистике можно было отнести к концу XVI, началу XVII веков.

Сначала думали, что вряд ли справимся с намеченной работой, но, как говорится: «Глаза страшат, а руки делают». До разбивки прясел и мест закладки столбов пришлось выкладывать поверх валунов два-три ряда кирпичной кладки. Уровень закладки рядов согласовывали с уровнем кладки сохранившихся участков стен. При строительстве стены в XVIII веке ряды кладки отражали изменение рельефа, поэтому стена была живописно встроена в естественную среду и сохранившиеся участки стены смотрелись

очень хорошо. Наша задача состояла в том, чтобы сохранить древний метод сооружения стены. В цоколе стены использовался тесаный кирпич с профилями «вал» и «полувал». Над теской пришлось основательно потрудиться студентке Наташе Горской, которая смогла за короткое время натесать около двухсот кирпичей. Кстати, объем работ, выполненных по стене, определился наличием остатков нового большемерного кирпича на трапезной палате, так как завезти стандартный кирпич из Сафонова так и не удалось. Порухенный участок стены удалось выложить на высоту в шесть рядов от валунов, т.е. над уровнем земли стена поднялась на высоту около шестидесяти сантиметров. В середине восстанавливаемого участка были оставлены два прясла на уровне валунов, чтобы в стене сделать новые хозяйственные ворота для въезда на территорию монастыря современной строительной техники. Вся намеченная по стене работа была выполнена к вечеру 6 августа. К сожалению, в моем архиве не оказалось фотографий проведенной работы, видимо, к тому времени был израсходован весь запас фотопленки. Следующий день отряд занимался подготовкой реставрируемых объектов к зимнему периоду, а в пятницу 8 августа студенты отбыли в Смоленск. Да, непростой сезон выдался для отряда в этом году, и ребята справились со всеми проблемами благодаря отличному настрою и взаимодействию, в чем немалая заслуга и прекрасных девчат, работавших на кухне – Нины Баранович и Валентины Минкиной, доброжелательных и отзывчивых, несмотря на каторжный кухонный труд в сельских условиях.

Записи в моем дневнике за 1975 год завершились датой – 7 августа, к этому времени уехали из Болдина все добровольные помощники реставраторов, а на колокольне продолжили работу сотрудники Московской реставрационной мастерской, которые освобождали от крупных фрагментов северную часть основания колокольни. Пришлось мне в этом сезоне выезжать в Болдино еще во

второй половине августа, в надежде организовать продолжение работ по воссозданию восточной стены ограды, но безуспешно, так как завезти необходимые материалы оказалось практически невозможно.

Вернувшись в Москву, я сдал в мастерскую выполненные на ватмане формата А-1, семь листов проектных чертежей по трапезной палате с церковью Введения (на одном листе планы первого и второго яруса, четыре листа с фасадами и два с разрезами). Для работы сделал себе копии на ксероксе, которые у меня и сохранились. Первый, подклетный ярус палаты, был изображен в полном соответствии с реализованными решениями без нанесения крыльца северной паперти и пристроек с южной стороны, так как для принятия решения по ним требовались дополнительные исследования. Второй ярус сооружения был вычерчен в полном соответствии с материалами 1920-х годов Барановского. Наличники XVIII века, как мы и договаривались ранее, были показаны только на западной стене, окна северной и южной стен были нанесены без наличников, в формах XVI века. Крышу я изобразил с щипцами (фронтами), как было на одном из вариантов Барановского, как более живописную, и совсем не претендовал на оригинальность этого решения¹. Завершив работу в реставрационной мастерской, в начале сентября поехал я с супругой на недельку отдохнуть в Палангу. Возвратившись в Москву, приступил к работе в ЭНИНе.

Без записей и документов, только по памяти, сложно воспроизвести хронологию событий, но в сентябре, по непонятной причине, начались упреки в мой адрес со стороны П.Д. Барановского. Первоначально все сводилось к тому, что по моей вине не выполнена работа по полному восстановлению пролома восточной стены ограды монастыря. Затем Барановский затребовал

из московской мастерской всю проектную документацию, которую я составлял по Болдину монастырю. На проектных чертежах по трапезной палате решил он изменить форму щипцовой крыши на четырехскатную, сделав это только на чертежах фасадов, не изменив при этом форму крыши на разрезах. Внеся указанные изменения, чертежи Петр Дмитриевич подписал.

По нашим долгим и напряженным телефонным разговорам чувствовалось, что Барановский очень болезненно переживал невозможность своего участия в работах на памятниках Болдина монастыря, которым посвятил всю жизнь. Его ревностное отношение особенно проявлялось к новым предложениям и решениям, которые были вызваны открытиями новых деталей на памятниках монастыря. О напряженных взаимоотношениях свидетельствовало и то, что Барановский потребовал, чтобы я вернул материалы по Троицкому собору Болдина монастыря, которые он мне ранее передал для работы¹. К сожалению, в окружении П.Д. Барановского часто оказывались люди, «подогревавшие» и так довольно обостренное его чувство к защите своих материалов, собранных за годы титанических трудов, от недобросовестных публикаторов, что, наверно, в его насыщенной творческой жизни и случалось. В результате наши взаимоотношения просто прекратились.

В Болдине же жизнь шла по своим местным правилам, на которые наши бурные московские перипетии совсем не влияли. В середине сентября я получил заказное письмо от Е.М. Воронца, в котором он сообщал, что с момента моего отъезда больших событий не произошло. Все помещения школы на полтора месяца заняли учащиеся смоленской ветеринарной школы, которых привезли на уборку совхозного урожая. Бывшую монастырскую гостиницу и дом на территории

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004, рис.21.

¹ Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

монастыря, где размещалась почта и приют реставраторов, признали аварийными, и будут отключать от электричества. Основная же тема письма состояла в том, что Евгению Михайловичу не заплатили за июль и август, и он прекращает свои хлопоты по музею. Для клубной же работы в Болдине, как написал Воронеж, оформили других людей, которые ничего не делают, так как клуба в Болдине нет. Естественно, мне пришлось направить письма в Дорогобуж в надежде, что ответственные районные работники сдержат свои обещания по поддержке возрождения исторической памяти на руинах Болдина монастыря.

К занятию по работе на энергетическом поприще в конце 1975 года добавились у меня и бытовые хлопоты. К началу декабря удалось подыскать обменный вариант, и семья переехала в новую двухкомнатную квартиру в районе метро «Семеновская». Так что вернулся я на жительство в район, где прошли детские и юношеские годы. К сожалению, в месте нового проживания не было домашнего телефона, что насторожило Барановского и поспособствовало нашему отчуждению, так как связаться со мной можно было только по рабочему телефону, а дневное рабочее время он обычно использовал на разговоры с «государственными» служащими.

В московской суете все же удавалось выкроить мне время и для хлопот по болдинским делам. Сохранившиеся в моем архиве документы показывают, что в конце 1975 года была составлена и согласовывалась со смоленской мастерской программа и объемная ведомость по завершению восстановления первого яруса трапезной палаты с церковью Введения и на завершение восстановления участка восточной стены ограды монастыря. Был составлен также перечень объемов работ для оценки стоимости полного воссоздания трапезной палаты с церковью. Кроме выше указанного, была составлена и согласована с новым главным архитектором ЭСНРПМ В.А. Виноградовым

«Калькуляция проектно-сметных работ по Трапезной палате на 1976 год».

1976 год – июнь 1977 года

Несмотря на изменение домашнего адреса, в первых числах января 1976 года я получил поздравительные послания, среди которых были и из Болдина, открытка от В.Е. Боеenkova и обстоятельное заказное письмо от Е.М. Воронца. Письмо от Евгения Михайловича порадовало тем, что присматривать за территорией монастыря он продолжает, провел даже несколько экскурсий с показом музея. Однако платить за его работу перестали с октября месяца, а за сентябрь заплатили только тридцать пять рублей. Во всех нарушениях с оплатой он винил председателя сельсовета И.В. Румянцеву, к которому у него накопилось много претензий. Написал Е.М. Воронеж и о том, что по распоряжению председателя сельского совета среднюю квартиру в бывшем доме настоятеля монастыря передали Марии Архипенковой. Ранее она жила в Болдине, но в 1960-х годах уехала в Москву к дочери.

Уезжая, свой дом, что напротив монастыря за прудом, Архипенкова продала Соловьёвым. Теперь, как вдова погибшего во время войны мужа, она претендует на квартиру в Болдине. Еще одна новость в письме расстроила меня больше всего. Почтовое отделение с территории монастыря перевели в школьное здание. Это значит, что дом, который мы использовали в качестве базы для реставрационных работ, для хранения археологических находок и сбережения инструментов, остается фактически без постоянного присмотра. Сообщалось в письме и о безобразиях в совхозе, где было выявлено огромное воровство государственных средств.

Почтовую открытку от В.Е. Боеenkova получил я в первый раз. Василий Егорович, работавший в совхозе пастухом, был не местным, но уже несколько лет жил в доме Марии Соловьёвой. Видимо, разругался с хо-

зайкой и поселился в одной из комнат бывшей монастырской гостиницы, т.е. оказался ближайшим соседом Е.М. Воронца, став, таким образом, приобщенным к хлопотам по делам, происходящим на опекаемой нами территории.

Очередные послания от В.Е. Боенкова и Е.М. Воронца получил я в марте. Если коротенькое письмо от Василия Егоровича свидетельствовало только о спокойной зимней жизни в Болдине с желанием засвидетельствовать свое почтение моей супруге в праздничные дни, то заказное послание от Евгения Михайловича было более насыщенное. В первую очередь, конечно, слова благодарности за высланный мной ранее цветной слайд, который он с трудом, но посмотрел через проектор, и загорелся желанием освоить цветную фотосъемку. Написал он также о том, что в Болдине в марте побывали две группы туристов. Одну группу из восемнадцати человек на ночлег в Болдине он не оставил и отправил в Дорогобуж, а группу из семи человек разместил в одной из комнат бывшей монастырской гостиницы. Помещение, конечно, пришлось основательно протопить, но туристы остались очень довольны, написали благодарственные отзывы. Сообщил Евгений Михайлович и о том, что регулярно осматривает территорию монастыря, следит за сохранностью строительных материалов в помещениях трапезной палаты, где несколько раз взламывали замки. Возмущает его то, что в сельсовете не хотят достойно оценить его труд и прижимают с заработной платой в отличие от двух клубных работников, которые практически ничего не делают, но регулярно получают более высокую оплату.

По весне противостояние в Болдине обострилось. Письмо от 9 апреля было написано в мой адрес уже не Евгением Михайловичем, а его супругой Варварой Деевной. В короткой записке она написала, что совхоз забирает под контору в школьном здании классы, которые планировалось использовать под прием туристических групп. Все это делается сельским советом. Михайловичу (так В.Д. величала супруга) они истрепали

все нервы, работать при таком отношении невозможно, и ему придется отказаться от возложенных обязанностей (т.е. «положить ключи»). Не сохранилось у меня записей о том, как развивались события, но перемены произошли. В поздравлении с майскими праздниками В.Е. Боенков написал: «... у нас пока все по старому, но немножко есть изменения, когда приедете, тогда все узнаете».

Неблагоприятно складывались отношения к работам в Болдине и в Московской реставрационной мастерской, возможно, с назревавшими переменами было связано и отстранение от должности директора мастерской А.С. Алтухова. На моем участии в реставрационных работах в Болдине перемены сказались в июне месяце. Спланировав работу в ЭНИНе и оформив отпуск, в конце июня я написал заявление с просьбой зачислить на временную работу в ЭСНРПМ. В новой администрации мастерской мне сказали, что в текущем году сложных реставрационных работ не планируется, поэтому в Болдине с намеченными работами вполне справятся сотрудники мастерской, которые будут работать по колокольне. Я, естественно, позвонил в Смоленск и сообщил об этом Г.М. Аптекину. Григорий Матвеевич знал, что для полноценного руководства работой студенческого реставрационного отряда мое присутствие в Болдине необходимо и предложил зачислить меня на должность мастера в Смоленскую реставрационную мастерскую. Я ответил, что отстранение меня от работ в Болдине, по моему мнению, принималось в ЭСНРПМ не без участия П.Д. Барановского, поэтому я не хочу давать повод для обострения затянувшегося по недоразумению конфликта. Посоветовал я Г.М. Аптекину командировать в Болдино со студенческим отрядом каменщика Владимира, который в минувшем году прекрасно справился с выкладкой цоколя участка восточной стены ограды монастыря. Я не сомневался, что Владимир справится с выкладкой прясел стены на всю высоту, так как был знаком с особенностью выкладки этого участка стены с учетом наклонного рельефа.

Все время летнего сезона я не имел представления о том, что происходит в Болдине. Только в конце августа узнал от сотрудников Московской реставрационной мастерской, что студенческий отряд поработал нормально. Пролом в восточной стене монастыря выложили полностью, оставив проем в два прясла для въезда техники на территорию монастыря. Во второй палате подклета трапезной был выложен пол и сделана обмазка свода. В палате подклета келарской палаты были разобраны поддерживающие леса, что простояли год после выкладки свода в 1975 году. Так что все палаты первого яруса были подготовлены для использования.

На колокольне были лишь завершены работы по расчистке завалов с внешней стороны остатков первого яруса шестигранного сооружения. Никаких работ по укреплению кладки основания колокольни проводить не позволили, так как на указанные работы средства в ЦС ВООПИиК не были выделены. По настрою в ЭСНРПМ чувствовалось, что работы по колокольне будут прекращены из-за отсутствия финансирования.

Осенью, скорее всего в октябре месяце, в ЭСНРПМ был организован выезд на автобусе в Болдино. В поездку отправилась большая группа: П.Д. Барановский, писатель В.А. Чивилихин, сотрудники мастерской – главный архитектор В.А. Виноградов, главный инженер С.О. Молчанов и архитектор-реставратор М.Н. Гребенков. Участвовали в поездке и непосредственные исполнители работ по колокольне: А.П. Иванов, А.В. Алексеев и двое рабочих. Чем была вызвана эта поездка, мне неизвестно, и о ней я узнал только спустя некоторое время. Скорее всего, транспорт был выделен для вывоза из Болдина оборудования мастерской, использовавшегося при работе на колокольне. Воспоминания об этой поездке В.А. Чивилихин включил в свой роман-эссе «Память».¹ Литературную обработку своих впечатлений

о Болдине Владимир Алексеевич, видимо, писал не сразу, а спустя как минимум два года, так как колокольня представилась ему с восстановленным первым ярусом, что он мог увидеть только позднее на фотографиях.

События, развернувшиеся в Москве по отношению к работам в Болдине в конце 1976 по июнь 1977 годов, я восстанавливал по материалам архива П.Д. Барановского при работе над книгой по Болдинскому монастырю². Что и привожу в изложении для полноты картины болдинской эпопеи. Основной удар был нанесен Постановлением Совета Министров РСФСР №548 от 5 октября 1976 года «О мерах по дальнейшему улучшению содержания и использования памятников истории и культуры». В перечне памятников истории и культуры в Смоленской области, подлежащих реставрации в 1976–1980 годах, указанного постановления, в строке – Руины Болдинского монастыря XVI века – финансирование было предусмотрено только в 1976 году. Страна готовилась к Олимпийским играм 1980 года в Москве, и реставрационные работы финансировались, в основном, на памятниках, попадавших в поле зрения гостей Олимпиады. Болдино было в стороне от проторенных туристических маршрутов, поэтому и не было включено в планы финансирования на ближайшие четыре года. В ЭСНРПМ была расформирована группа, занимавшаяся разборкой завалов руин колокольни. Это был приговор всему, что было сделано для спасения памятников Болдина монастыря за последние пятнадцать лет, и вынесен он был на самом высоком уровне.

В январе получил я весточку из Болдина. Написал Василий Боенков, который некоторое время отсутствовал в Болдине, а вернувшись, был удручен «...сообщаю, что у нас очень много померли стариков и Воронеж помер, осталась Варя одна с матерью ...».

¹ Чивилихин В.А. «Память». Роман. Газета №16 (950), 1982. – С. 85–90.

² Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т.2. Составитель и автор обзорной статьи А.М. Пономарёв. – М.: Прогресс-Традиция. 2004. – С. 70, 71.

Вот так жители Болдина вступали в новый год.

В Москве же в конце 1976 года и, особенно, в первые месяцы 1977 года велась напряженная борьба за продолжение работ в монастыре. Были здесь письма активистов ВООПИиК, которые организовывали деятельные члены шефского движения Н.В. Чарыгин и В.Д. Ляпков и, замиравшие только на ночной период, телефонные переговоры П.Д. Барановского, заточенного слепотой в стесненном жилище на территории Новодевичьего монастыря. Кстати, я знал от сотрудников Московской реставрационной мастерской, общавшихся в этот период с П.Д. Барановским, обстановка у него дома осложнялась изменением жилищных условий в помещениях бывших больничных палат на территории Новодевичьего монастыря, где он жил с супругой Марией Юрьевной. Палаты освобождали от жильцов для проведения реставрационных работ и приспособления под музейное использование. В монастыре функционировал филиал Государственного Исторического музея. Менять место жительства Барановским было практически невозможно, так как Мария Юрьевна была сотрудником Исторического музея и до основного здания на Красной площади из-за болезни ног могла добираться только на служебном транспорте, курсировавшем между монастырем и центром столицы. Барановским предложили новую жилую площадь в торцовых помещениях больничных палат. Жилищные условия, по сравнению с прежней коммунальной квартирой, были значительно улучшены. Им выделили отдельную квартиру с двумя изолированными комнатами, кухней и ванной комнатой, но перемещение архива, книжных собраний и окружавших их мемориальных вещей, несмотря на помощь друзей и коллег, далось Барановским очень тяжело. Напряжений последних месяцев не выдержало сердце Марии Юрьевны, 8 июня она скончалась. Приведу эмоциональное

свидетельство Марии Алексеевны Орловой, работавшей в Историческом музее с М.Ю. Барановской с 1971 года, которое она записала со слов двоюродной сестры покойной, бывшей с ней до последнего вздоха: «Она с утра плохо себя чувствовала. У нее уже был один инфаркт, а Пётр Дмитриевич очень нервничал по поводу своего Болдина. Она лежала, а он тряс ее все время, повторяя – Маруся! Болдино погибает, Болдино погибает..., а она оттолкнула его руку и резко сказала: «Уйди, Пётр Дмитриевич!!!». Сказала эти слова и умерла». Кончина Марии Юрьевны, видимо, стала для Барановского толчком к нашему примирению, так как он знал о ее расположении ко мне, даже по знаковому совпадению ее девичьей фамилии с моей. О том, что Марии Юрьевны нет, я узнал в день ее кончины по телефонному звонку Петра Дмитриевича. В день прощания с Марией Юрьевной я был на отпевании в Успенской церкви Новодевичьего монастыря, видел нервный срыв Барановского в храме, когда он после прощания неожиданно стал возмущаться предстоящей кремацией тела, обвиняя всех в нарушении православной традиции. Успокоить его смог только неожиданно появившийся в храме один из высших иерархов Русской Православной Церкви.

Долгий путь до крематория в подмосковном Николо-Архангельском прошел в напряженном молчании. На обратном пути Барановский понемногу стал отходить от состояния оцепенения и завел разговор о Болдине. Он спросил меня, смогу ли я в этом году выехать на работу в Болдино, так как в ближайшее время будет сформирована в Москве бригада для продолжения работ на колокольне. Вопрос с финансированием работ в ЦС ВООПИиК, видимо, был уже решен. Ответил я, естественно, утвердительно, но до отъезда предстояло еще определиться в решении многих проблем, так как предстояло вступать в новый этап в сохранении памятников Болдина монастыря.

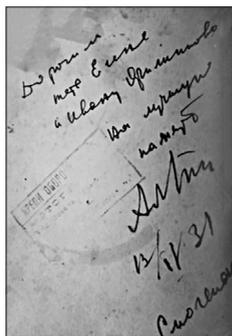

Любые сведения о любимом поэте всегда вызывают интерес. С радостью мы получили и эти воспоминания Георгия Ивановича Лебедева из Калуги. Георгий Иванович – двоюродный брат А.Т. Твардовского. И этим все сказано. Имя «Твардовский» – как ключ, код, пароль, особенно для нас, его земляков, да и для всей России. Эти записки не претендуют на дотошность, все-таки время не столь ясная линза. Что-то уже видится и нечетко. О чем и сообщила в своем отклике на эти воспоминания дочь А. Т. Твардовского Валентина Александровна. Но все же записки приносят некие новые черточки в портрет нашего великого земляка и заставляют снова думать о нем, о его жизни и судьбе. Даже обычный случай с лошадью воспринимается нами с трепетным вниманием и благодарностью – этой судьбе, хранившей поэта.

Редакция альманаха

Георгий ЛЕБЕДЕВ

ВСПОМИНАЯ ВЕЛИКОГО БРАТА

А.Т. Твардовский. Фото с дарственной надписью из архива Г. Лебедева

Мы в жизни с А.Т. Твардовским долгое время были рядом. Но не в прямом смысле, а я имею в виду другое, а именно то, что он был и остается с каждым из семьи Лебедевых в наших помыслах, оценках обстоятельств, жизненных ситуаций. Потому, что мы с ним связаны узами кровного родства. Наша мама – Елена Митрофановна и его мама Мария Митрофановна родные сестры, в девичестве обе Плескачевские.

С моими родителями – мамой и отцом, Лебедевым Иваном Филипповичем он был

особенно близок, потому что, кроме близкого родства, он рос на глазах моей мамы. Она его нянчила, будучи на восемь лет старше, водила за руку, смотрела за ним, когда не было рядом родителей, и помогала матери поэта Марии Митрофановне следить за его учебой.

Мама рассказывала, что маленький Шура (именно так звали его в детском возрасте, а не Саша, как об этом часто пишут) был очень любознательным и целеустремленным. И, вместе с тем, послушным. Был такой случай, когда в разгар уборочных работ вся работоспособная семья Твардовских трудилась в поле, моя мама здесь же на лугу сидела на посланном одеяле вместе с Шурой. Рядом стояла телега, где можно было спрятаться от дождя, и недалеко к дереву была привязана лошадь. Шура много раз пытался подойти к лошади, но мама все время не разрешала, и однажды не усмотрела за ним, и он оказался рядом с лошадью у ее ног. На крик мамы он сразу возвратился. Об этом случае, когда я уже был большой, студент, при встрече в Смоленске с Александром Трифоновичем вспоминали, и он, улыбаясь, говорил: «Тетя Лена, ну зачем же волноваться, вы же были сельским жителем, и знали, что лошадь, даже

злая собака чувствует ребенка и никогда не тронет».

У Твардовских в доме было много разных книг. Имелись и детские. Маленький Шура очень любил разные сказки и готов был их слушать день и ночь. Мама ежедневно их ему читала, когда он еще не умел это делать сам. Он даже скорее засыпал, если рядом на кровати лежала книга.

Время шло, Александр Трифонович взрослел. Все заметнее становилась его тяга к книге. Я напомним еще об одном случае, который рассказывала мама. Был у моих родителей еще со времен их первого года совместной жизни, как сейчас назвали бы «платяной шкаф», а по тому времени – гардероб. Сделан он был добрым знакомым нашей семьи, первокласснейшим мастером-краснодеревщиком. Гардероб был красивым, с резными и витыми карнизами. Внизу у него было два больших выдвижных ящика. И были они доверху набиты книгами и журналами. И среди них много старинных журналов «Нива», «Искра науки», «Вокруг света». После ухода юным из отцовского дома Твардовский продолжал держать связь с моими родителями. Обменивались письмами, и позднее он приезжал на ж.д. станцию Тычино (в двадцати километрах от Смоленска), где в то время уже жили мои родители, и папа работал начальником этой станции. Каждый раз, приезжая, он интересовался книгами, которые лежали в ящиках гардероба. Ему даже было предложено взять на память любую из книг, и он выбрал стихи Н.А. Некрасова.

Время это было одним из труднейших периодов в жизни начинающего поэта. Вот в этот-то период в одном из своих писем к отцу Александр Трифонович обратился со своей неожиданной, но свидетельствующей о его неумемной тяге к знаниям просьбой. Он просил прислать для чтения (если можно) все что есть. И отец незамедлительно связал в кипы кое-что из ящиков гардероба и выслал в Смоленск в адрес Александра Твардовского. И вскоре, надо полагать, в знак признательности, Александр Трифонович прислал отцу

свою фотографию с дарственной надписью на обороте от 1931 года: «Дорогим тете Елене и Ивану Филипповичу на лучшую память». Это была первая подаренная Александром Трифоновичем фотография, которую как реликвию хранили мои родители, а сейчас она находится у меня.

Когда юный Александр навсегда покинул Загорье, мои родители поддерживали его духовно и помогали материально. Были они и первыми критиками его стихов. Несомненно, что и семья Лебедевых оказала влияние на становление будущего поэта.

Все это я написал из достоверного источника – рассказов моей мамы Елены Митрофановны Лебедевой. Моя первая встреча с Александром Трифоновичем состоялась в 1945 году в городе Смоленске, правда, меня он видел раньше, когда мне было 3 или 4 года.

В 1945 году я и моя сестра Аня поступили учиться в Смоленский электротехникум связи. С общежитием был очень сложный вопрос. Ане место предоставляли, так как семь классов она закончила на отлично. А мне нужно было этот вопрос решать. Жилье для нашей семьи папе на службе обещали только в середине ноября. И меня мои родители определили к тете Мане Твардовской на Запольный переулок, где я и жил около двух месяцев. Александр Трифонович Твардовский, уже известный поэт часто приезжал в Смоленск и навещал своих родителей. Случился как-то его приезд в субботу утром, когда я еще спал. Тетя Маня сказала ему про меня и зашла ко мне предупредить о его приезде. Я быстро собрался, умылся и зашел в другую комнату. Вскоре туда заглянул и Александр Трифонович. Я очень боялся этой встречи, не знал, как себя вести. Ведь я же был тихий, сельский парень, и вдруг такая неожиданность. И надо отдать должное Александру Трифоновичу, он сразу все понял и сумел как-то с первых слов расположить меня к себе, и у нас получилось интересная, продолжительная и откровенная беседа. Его интересовало буквально все – как мы живем, как идет учеба, чем я интересуюсь и

мои планы на будущее. Остановился я и на своих трудностях, сказал, как я переживал, что был утерян один год учебы из-за оккупации Смоленщины. Ведь мне нужна была как можно скорее специальность, чтобы работать. У отца проблемное сердце, брат придет из госпиталя инвалидом, и мой долг – все для жизни брать на себя. Поэтому я решил за летний сезон подготовиться по программе шестого класса и сдать экстерном экзамены. Проконсультировавшись в РОНО, я этим немедленно занялся. Кстати, были у нас знакомые преподаватели, все у меня получилось, и в начале учебного года я, вместе с сестрой Аней сел за парту в седьмой класс.

Продолжать учебу в средней школе из-за материального положения я не мог, а студентам давали продовольственные карточки наравне с работающими на предприятиях. Все это очень понравилось Александру Трифоновичу, хоть он считал необходимым продолжать учебу, в крайнем случае заочно, но получить высшее образование. Он почувствовал, что с моим настроением все это может получиться. Забегая вперед, я скажу, что все мы трое детей – я, сестра и брат получили высшее образование. Расскажу, как это получилось у моего брата – инвалида Великой Отечественной войны, с помощью Александра Трифоновича. Это было летом 1946 года в городе Смоленске на квартире Марии Митрофановны (матери Твардовского, моей тети). Мой старший родной брат, Валентин, в возрасте 23 лет только что вернулся из госпиталя с Украины, где около двух лет лечился после тяжелого ранения под Берлином. У него, совсем молодого и неопытного, было затруднение в том, что он не знал, как дальше жить. За плечами он имел восемь классов, рука с несросшейся кистью после ранения на марлевой повязке, пробитая автоматной пулей нога и трость для передвижения. В таком возрасте, и с таким образованием он был еще и инвалид второй группы.

От тети Мани мы узнали, что в Смоленск приехал А.Т. Твардовский. Наши родители

решили представить ему Валентина и спросить его совета.

Пришли мы на Запольный переулочек к тете Мане. А.Т. Твардовского там не было. Всегда при приезде в Смоленск его приглашали многие организации, и очень мало времени оставалось, чтобы побыть с родными.

Пообедав вместе с родителями Твардовского Марией Митрофановной и Трифоном Гордеевичем, мы уже собрались уходить, как вдруг за дверью раздались громкие шаги. Вошел Александр Трифонович вместе с каким-то летчиком, майором, с двумя звездами героя. Оба были возбуждены, веселы. Позже выяснилось, что майором тем был уже давно скончавшийся в чине генерала наш знаменитый земляк Владимир Лавриненков. Пошли приветствования и представления, и в общей сумятице выделялся Трифон Гордеевич, невысокий, плечистый, с красивыми седыми усами, и с белыми как вата зачесанными на левый пробор густыми волосами. Помню его веселую фразу: «Подождите вы с поэтом, дайте мне героя». И стал с Лавриненковым обниматься. И уже после Александр Трифонович ответил на заданный ему вопрос моим братом Валентином. Его ответ врезался всем нам в память на всю жизнь. Я приведу его почти дословно: «Подобно тому, как, скажем, наша Волга сильна и могуча потому, что на всем своем протяжении питается другими реками, речками и речушками, так и человек силен и всемогущ тем, что по каплям впитывает в себя знания. Поэтому учиться, молодой человек». И брат выполнил его совет, окончил педучилище, пединститут, и приобщил еще попутно к своему «багажу» знания по музыке и журналистике.

Все четыре года нашей учебы в городе Смоленске мы – каждый раз при приезде Александра Трифоновича в город встречались с ним. Встречи происходили по его просьбе на квартире у тети Мани. О себе он рассказывал кратко, говорил, что мы все это знаем из периодической печати, радио и телевидения, а больше и подробнее интересо-

вала его наша жизнь. Он сильно переживал, слушая наши рассказы о жизни в военное время. Был такой случай с моим братом Валентином в период оккупации. На станции, где жили мы, русские рабочие убирали и подметали территорию. Унтер-офицер предложил Вале перейти к другой куче навоза. Валя заупрямился, и он ударил его по лицу. Пошла кровь. Надо было видеть, как реагировала прибежавшая мама, с криком – «Варвары! Людоеды! Звериное отродье!». Хорошо, что подошел другой немец и сказал, что уберете срочно женщину, ее сейчас застрелят.

Александр Трифонович с восхищением отозвался о моей маме, сказав «Молодец тетя Лена!». И шутивно добавил: «Узнаю характер Плескачевских».

Каждый раз, заканчивая встречу, Александр Трифонович доставал свою тетрадь в кожаном переплете и читал нам стихи, которых, как он говорил, нет еще в печати. Правда, он их не читал, а любил произносить наизусть. Кроме таких встреч, наш папа имел регулярную переписку с ним по почте, и каждое присланное из Москвы письмо заканчивалось словами «ваш А. Твардовский».

После учебы я долгое время работал в городе Пскове, затем в Сибири. За это время встреч с ним не имел. В 1969 году меня перевели на работу в город Калугу, и здесь в 1971 году я получил траурное сообщение о безвременной кончине Александра Трифоновича Твардовского. Вместе с женой я был на его похоронах. Для всех его родственников были забронированы места в западном секторе гостиницы «Россия». На траурной церемонии в доме литераторов все прохो-

дило организовано. Присутствовало много видных литераторов.

В 1965 году, когда в Смоленске хоронили мать Александра Трифоновича – тетю Маню, Александр предложил обойтись без оркестра – «Чтобы меньше душу надрывать».

На похоронах же самого Александра Трифоновича было все, что буквально разрывало душу: тьма-тьмушная скорбящего народа, и траурная музыка, и слезы без конца даже незнакомых людей, и проникновенные молитвы.

Запомнился нам Александр Исаевич Солженицын, уже тогда всюю опальный. В дубленке, с бородой Достоевского, он держался хоть и особняком, но независимо. При прощании склонился над гробом и перекрестил покойного.

Вечное пристанище Александр Трифонович нашел на Новодевичьем кладбище, рядом с могилами Марка Бернеса и Н.С. Хрущева.

Назавтра утром к нам в номер гостиницы пришли наиболее близкие к Александру Трифоновичу сотрудники редакции журнала «Новый мир»: критик Игорь Александрович Сац, Гавриил Николаевич Троепольский, известный литератор Александр Григорьевич Деметьев и другие. Вспоминали черные дни «Нового мира», неоднократные уходы и возвращения Твардовского, как «главного», его твердость и стойкость в отстаивании позиции журнала. Много мы услышали хороших слов в адрес нашего близкого, родного человека, чьи добрые советы помогли всем нам найти свое место в жизни.

г. Калуга, 21.04.2017 г.

Владимир ФОМИЧЁВ

ЯВИВШИЙСЯ ИЗ ПЛАМЕНИ ГЕНОЦИДА

Очерк

26 сентября 2017 – перезахоронение на «Поле заживо сожженных» вдоль дороги Угра–Знаменка священных останков 340 испеленных 13 марта 1943 гитлеровцами мирных жителей в деревне Борьба на Смоленщине.

Я был бы бесконечно благодарен судьбе за возможность лишь встретиться и пожать руку свидетелю-участнику российской дважды Хатыни. Трагедии всемирно-исторического значения, случившейся в марте 1943 года на территории нынешнего Угранского района Смоленской области. Района, где родился и вырос, где до выхода на пенсию в шестидесятых прошлого столетия жила моя мама, ближайшим городом к которому является старинная Вязьма. Имя этого человека Пётр Афанасьевич Бычков.

Однако мы не только свидетели, но стали по-настоящему близкими людьми и, что важнее всего, в течение десяти лет являемся деятельными соратниками в решении проблемы безусловно гигантской государственной важности. Суть ее – борьба с дикой ситуацией тотального замалчивания неслыханной народной беды, реального глумления над святыней Великой Отечественной войны. И более того. В конечном счете выяснилось, что таких существует ни много ни мало – тысячи. О местах нахождения большинства из них современное общество, как ни горько произнести, знает меньше, чем о поверхности луны.

На пути постижения огнедышащей истины мы вышли на 19 миллионов жертв мирного населения во время Великой Отечественной войны – главный геноцид Земли, о котором ранее также существовало поголовное не-

вежество. Названный мной период выбрал целую бездну трудов, вовлечения в орбиту божеского дела множества мудро-сердечных личностей. Скороговоркой того не передашь, и в результате родился очерк о человеке, сравнимом с истоком Волги. Как она начинается с малого родника, так широко текущий поток сегодняшнего знания о только что поименованном взял разбег в душе П.А. Бычкова.

Встреча, дружба, разблокирование святыни

Три десятилетия назад довелось мне – смолянину, ставшему с отроческих лет москвичом, – отдыхать с женой Еленой в деревушке Дуденки. Селение вместе с окрестными было включено после ликвидации Семлёвского района в Угранский, где прошло мое детство. Присоединили же к нашему в 1960-х. Оттого эта часть колыбельной и взрастившей земли не была мне знакома в школьные годы, а после окончания семилетки я жил в Москве и других городах и весях СССР, вплоть до Крайнего Севера.

Чем наполнилось мое сердце в тот отпускной период? Конечно же, в первую очередь, как и всегда при встречах со Смоленщиной, глубокими воспоминаниями о начале собственной жизни. Сердце как бы пело песнь:

Честная сердечная сторонка,
Ты – моя тропинка бытия.
Пела мне над люлькою: «а-а»
Мамою-крестьянкою незвонко,
Ты – седая с детства мысль моя.

Заключительный стих процитированной строфы вобрал в себя Великую Отечественную войну в восприятии автора, за четыре года до начала которой я появился на свет. Она стала главным событием в жизни двух поколений: наших родителей и моего – детей войны. Летом 1941-го я последний раз видел отца, первого в родной деревушке Желтоухи тракториста, ушедшего на фронт и сложившего там голову в бою за Родину. Никогда не забыть пережитую в нежном дошкольном возрасте, вместе с односельчанами, двухгодичную фашистскую оккупацию, что запечатлелась в таких, например, стихах: *«Враг прямо в сердце метил, / Гудел огонь в пазухах. / Ему до самой смерти / Гореть в моих глазах»*. Это – когда пришлые «цивилизаторы» славянских и других народов нашей многовековой Отчизны, при отступлении в марте 1943-го, спалили дотла Желтоухи, а в последней избе, которую также подожгли, еще хотели испепелить и всех нас, что называется, ни за что ни про что. Ритуально, даже без малейшей военной необходимости. Из леденящего кровь пламени наши, в основном, многодетные семьи, выскочили, как из тартара; женщины тушили друг на дружке платки. Я уверен: садисты испугались, получив весть, что красноармейцы – рядом, ибо бывали известные им наверняка случаи, когда советские воины таких огненных палачей, настигнув, сжигали живьем самих.

В отпускное лето, с чего начал рассказ, япил мед радости от общения с душевными земляками и несказанно живописной природой местности, празднично слушал кристальный лепет нитяной речушки Серебрянки. Второй стороной медали-отдыха на «малой родине» являлся печальный вид ее угасания, обезлюдения местности. В исчезающей деревушке Дуденки всего оставалось пять жителей, причем – один работоспособный. Горюя о запустошении края, я не мог предположить о большем горе его, «а узнал – мороз по коже пошел», – повествовал потом в статье «Слепая память». Оказывается, всего в километре с небольшим нацистские живо-

глоты предали огню деревню Борьбу вместе с ее и нескольких окрестных селений мирными жителями. Отчаянные крики испускавших дух своими ушами слышала доживавшая в Дуденках последние дни родившаяся тут же и никуда не уезжавшая тетя Маруся.

– Наши деревенские убежали вон в те кусты и спрятались, потому что нас тоже могли уничтожить, как соседей, – говорила она и, свесив голову, добавила. – Это же надо быть такими нелюдями, чтобы даже детей не пощадить!

– И никто не спасся?

– Три человека уцелели. Старуха восьми-десятилетняя по нужде запросилась – сказала: «Иди и больше не приходи», да два мальчика, по четвертому году каждый, улизнули. Потом, уже взрослыми, они померли. Никого из тех не осталось на свете.

Беседа со старой женщиной произошла буквально перед моим отъездом. Уже собрал вещи и ожидал машину друзей, которая должна была увезти меня к поезду. Тетя Маруся перед избой, где я провел с неделю, пасла корову, сидя на земле. У нее болели ноги, трудно было ходить. И, естественно, она не имела возможности проводить меня к месту невероятной трагедии. Сам же, сказала местная жительница, я его не найду: дорога туда заросла. Под сильным впечатлением я тогда же написал стихотворение, которое затем не однажды публиковал и читал в разных залах. Представляю его здесь с сокращением: *«Не могу больше видеть все это, / Я, наверно, от боли умру... // Здесь любил, врагов усмиряли, / Землю нежили – каждую пядь. / Ныне местной Хатыни едва ли / Место в зарослях можно сыскать. // Как же горе такое не помнить? / О, какая увиделась жуть! / Поскорее на помощь, на помощь! / Наша Родина ранена в грудь»*.

...Минул 21 год, и случилось чудо! Мне позвонила из Угры Лариса Владимировна Шуненкова, заведующая отделом культуры, с которой вместе посадили, взращивали и проводили ежегодный праздник поэзии Михаила Исаковского, сказав:

– Есть живой свидетель трагедии сожжения заживо мирных жителей в Борьбе. Это Пётр Афанасьевич Бычков. Он имеет квартиру в Вязьме, телефон, который сообщаю, и построенный самим дом в Фоминском, в нескольких километрах от места огненного кошмара в марте 1943 года.

Встретился я с бывшим в пятилетнем возрасте смертником П.А. Бычковым, приехав с другом в отцовский край накануне Дня Победы 9 мая 2007 года. То есть за несколько дней до того вовсе не знал о его существовании и, само собой, в глаза никогда не видел. Мы с ним к тому времени были устоявшимися пенсионерами: я, писатель, – старинушка с десятилетним стажем, а он, рабочий, крестьянин и инженер, – с восьмилетним. После же обросшего огнем марта 1943 года и на веки вечные тяжелым-претяжелого для него 13 числа в родной деревне прошло 64 года. И что удивительно, такая жуть напрочь отсутствовала в общественном сознании земли Угранской, не говоря об известности где-либо еще. Коль уж Лариса Владимировна, человек величайшего сердца и досконального знания о родном крае, всего какие-то считанные дни назад тоже не ведала о Петре Афанасьевиче. Как и за 21 год до нашей встречи с приговоренным к истреблению огнем в дошкольном возрасте Петей не имела понятия о нем, явившемся из пламени, дуденковская тетя Маруся. Подумайте только, считала, что нет никого в живых из видевших черный костер Борьбы женщина, слышавшая своими ушами вопли пожиравшихся Молохом сельчан соседней деревни, от мала до велика ей известных! Но, слава Богу, она назвала имя чудовищной трагедии – Борьба. О происшедшем там узнала от меня Л.В. Шуненкова, что и помогло ей разыскать Петра Афанасьевича.

Именно он – единственный из всех смертных! – помог к настоящему времени основательно «рассекретить» аутодафе в Борьбе. Не будь П.А. Бычкова – невежество о величайшей трагедии осталось бы на уровне до 2007! Все, что сделано за десять минувших

лет по увековечению священной памяти об ушедших в духовный мир 13.03.1943 страстотерпцах, – в конечном счете – он.

Таким образом, Пётр Афанасьевич Бычков – это памятный знак на месте заживо сожженных его односельчан и мирного населения окрестных деревушек, а также беженцев из Ельни, нескольких тяжело раненных красноармейцев, – установленный в первые сутки нашего знакомства, в День Победы.

П.А. Бычков – моя об этом баллада «9 мая 2007 года», впервые опубликованная три месяца спустя в газете «Московский литератор» вместе с фотографией с места массовой казни огнем многих десятков сельчан и прочитанная в том же августе на фестивале поэзии Михаила Исаковского во Всодах. После представления собравшимся самого Петра Афанасьевича с группой, побывавшей в праздник Великой Победы там, где *«Погибли невинные! – чистые-чистые! / Лютейшею смертью в садистском костре»*.

П.А. Бычков – открытое и освященное в следующем году, тоже на День Победы, «Поле заживо сожженных» на выделенном местной властью «в бывшей д. Прасковке вдоль дороги Угра–Знаменка один гектар земли... в память о земляках, заживо сожженных, и других погибших от рук фашистов на территории Угранского района» – на основании письма в райцентр бывшего в дошкольном возрасте смертника вместе с угранцами, проживающими в столице.

П.А. Бычков – широко известное ныне «Обращение к Президенту РФ Д.А. Медведеву, ко всем гражданам страны» 18 ноября 2008 года. Под ним стоят подписи таких личностей, чьи имена, как говорится, на слуху современного общества. Среди них – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л.Г. Ивашов, председатель правления Союза писателей России В.Н. Ганичев, председатель политической партии «Народный Союз» С.Н. Бабурин, Народная артистка СССР, лауреат Государственных премий Л.И. Касаткина, знаменитый доктор эко-

номических наук М.Я. Лемешев, скульптор, Народный художник России Н.А. Селиванов, председатель Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН), доктор философских наук Е.С. Троицкий, руководитель Высших литературных курсов, лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького В.В. Сорокин. Уважаемые повсеместно в стране люди выражали президенту недоумение, «почему замалчиваются трагедии российских Хатыней, почему о них нет сведений даже в энциклопедиях о народной священной войне, говоря словами самой популярной песни того времени». Памятник-мемориал гибели мирного населения в ВОВ просто необходим после ухода за границу общезначимых символов невероятного геноцида – Хатыни и Бабьего Яра. Обращались также с надеждой использовать во всероссийском масштабе «действия руководителей Угранского района Смоленщины по увековечению памяти о заживо сожженных и других невинных жертвах Великой Отечественной войны».

П.А. Бычков – Фоминский мемориал «Всем погибшим в войне 1941–1945 годов гражданам СССР», созданный Петром Афанасьевичем перед своим сельским домом, личными возможностями, на открытие которого, в очередной День Победы, приезжали к хозяину и чудесной хозяйке Надежде Павловне ветераны войны и труда из Москвы, журналисты и другие земляки из Смоленска, Вязьмы, Угры, явились жители Фоминского и близлежащих деревушек.

П.А. Бычков – посвященная ему моя книга-обличение публицистики, стихов, документов «Поле заживо сожженных», к тому времени единственная в мире о невообразимом множестве российских Хатыней, выпущенная двумя изданиями – в 2009 и 2010. Она имеет четыре тетради иллюстраций. Была удостоена медали губернатора Кузбасса А.Г. Тулеева «За веру и добро» и Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле», которую вручили автору на месте величайшего танкового сражения с одноименным названием. Кстати, это «из-

данье-печаль расплеснулось до Кремля», до всех областей и краев России, находившихся в оккупации; его выложили в интернете.

Только за период шестилетнего нашего знакомства представлять Петра Афанасьевича в таком плане, а значит, рассказывать об обнаруженных реалиях запредельной трагедии массового предания огню мирных жителей в Борьбе и «о найденных сестрах прискорбной» – не хватит площади номера широкоформатной газеты. Обобщением здесь может служить отрывок из вступления к сборнику стихов «Горящие русские хаты» (Смоленск, «Маджента», 2013):

«В.Т. Фомичёв сумел широко познакомить читательскую и литературную общественность Москвы и Смоленщины с Петром Афанасьевичем Бычковым, которому судьба помогла спастись из горячей избы при массовом сожжении гитлеровцами в деревне Борьба 287 (согласно последних данных их было 340. – В.Ф.) жителей 13 марта 1943 года...

У В.Т. Фомичёва большой круг соратников и союзников. Это поэты и писатели Василий Леонов, Валентин Сорокин, Анатолий Парпара, Валентина Тархова. Леонид Фадеев, Евгений Соколов, Олег Дорогань, Анатолий Панасечкин, Анатолий Терентьев, Алла Паролло, Людмила Щипахина, министр Александр Соколов, издатель Елена Минина, педагог Валентина Пронькина, руководители Угранского района Павел Андреев, Александр Ермаков, Лариса Шуненкова, Виктор Виноградов, журналисты Евгения Пришлецова, Дмитрий Прудников, Николай Кеженов, ветеран войны Фёдор Русаков, его коллега по офицерским погонам Алексей Кузовов, руководители фонда «Примирение» Владимир Шаргаев и Игорь Ясинский, ветераны-пограничники Николай Посметный и Михаил Савенков, скульптор Оксана Лазукина, тушинец Александр Матвеев; земляки, живущие в Москве: Виктор Мушенков, Евгений Иванов...» Я бы сказал, комментируя приведенный текст: все перечисленные в нем граждане, в том числе я сам, а список

можно было бы значительно продолжить даже тогда, – они в таком контексте тоже П.А. Бычков. Ибо он не мог не вовлечь нас в орбиту своей магнитной личности, не объединить «вулканической правды духовной силой» в служении святому делу, являясь его «главным героем, геноцидом пронзенным», ставшим о жути «живой памятью на свете», «безбрежной судьбой» всех пылавших факелами 13.03.1943, как я характеризовал его в поэме «Атлантида святынь». Хочется привести из нее еще одну оценку этого, на мой – надеюсь – объективный взгляд, выдающегося человека: *«Столь блистательный дух – Бородинское поле, / Божий суд хладным взорам, прибityм чинам».*

Вновь возвращусь к своему отдыху в Дуденках, где об Угранской (Семлёвской) Хатыни услышал впервые, причем совершенно случайно, фактически в час отъезда. А ведь я побывал в то лето во всех сопредельных селениях, разговаривал со множеством проживавших там людей, кое-что у них покупал, например, прополис в Фоминском. И общался не только с ними. Ко мне приезжали журналисты из райцентра, Вязьмы, Смоленска, мы вместе ловили рыбу в недалеком пруду, варили уху, а за нею ночи напролет вели разговоры обо всем на свете и, конечно же, об истории края. Однако Борьба нигде ни разу в них не всплыла, равно не промаячил и живой свидетель трагедии. Тетя же Маруся, как выяснилось после моего знакомства в мае 2007 с П.А. Бычковым, ошиблась и в отношении него, и других участников чудовищного события того жарко полыхавшего геноцидом марта. Теперь мы точно знаем, что их было семь человек, а также – их имена, фамилии, возраст каждого (от пяти до 67 лет, а трехлетних и восьмидесятилетней не было). В моей книге и на барельефе Фоминского мемориала есть их общее фото, опубликованное в красноармейской газете «На штурм врага» воинской части 95852. Она освобождала от немецких фашистов эту местность, захоронила останки заживо сожженных и расстрелянных при попытке

убежать из огня безвинных мирных жителей. Эти исторические факты, дошедшие до нас с вами, – тоже П.А. Бычков. И вот почему.

Номер «дивизионки», где они были зафиксированы, обнаружил в Харькове один из фронтовиков, перебирая газеты военного времени. Потрясенный леденящим душу злодеянием нацистов в Борьбе, он прислал в ближайшую от нее школу в 1978 году снимок с пространной подписью под ним и попросил «красных следопытов» провести свой поиск обстоятельств происшедшего, рассказать о судьбах уцелевших тогда семи человек, составить подробные списки заживо сожженных земляков. К моменту нашей первой встречи с Петром Афанасьевичем уже закрылась та Путьковская школа, коллектив которой так и не исполнил просьбу ветерана-харьковчанина, а шесть изображенных на фото ушли в мир иной. Если бы не П.А. Бычков (о первых сутках знакомства с ним я писал в балладе: *«Он один из семи еще здравствует, / Из огня в наш явившихся свет»*), сохранивший самый важный документ, подлинного знания о тогда спасшихся не было бы у нас и сейчас. При необходимости же, возможно, какие-то исследователи ссылались бы на тетю Марусю из Дуденок, память которой, как видели, подвела ее и в количестве спасшихся, и по персоналиям.

Ошиблась дуденковчанка и по третьей позиции. Она заявила тогда, что массово сожженных в соседней деревне было 217. После моего уточнения у директора краеведческого музея, где есть справка, правда, не в надлежащем исполнении, подтверждающая количество жертв мирного населения в Борьбе, – везде стала фигурировать цифра 287. Я о таком изменении поведал в печати. Но затем, в 2010 году, в книге «Расскажите о нас – чтобы помнили!» (смоленское издательство «Эверест»), на странице 77 было сказано, что, в соответствии с документальными материалами, в Борьбе немецкие фашисты заживо испепелили 340 жителей. Пришлось мне писать и об этом. Полагаю, 340 цифра окончательная. Однако при раз-

ночтениях иногда слухи могут значить больше бывшего на самом деле, а то и служить основой для сознательной спекуляции на путанице. В подобном отношении показателен следующий факт.

В 2010 году в моей столичной квартире раздался телефонный звонок от известной в Угранском районе женщины, возглавлявшей в администрации важный участок работы, и я услышал довольно решительный вопрос-обвинение:

– Почему вы передегиваете историю: пишете, что в Борьбе при сожжении остались в живых семь человек, а их было всего три? Мне об этом рассказывала старшая родственница и я сама из той местности, знаю о том хорошо.

Я попросил землячку еще раз посмотреть в моей книге, которую она, как оказалось, читала, снимок из фронтовой газеты, опровергающий ее утверждение о некомпетентности автора. Потом снова набрать мой номер, и мы поговорим не отвлеченно, а конкретно. Я сказал: «Если ваша родственница и вы отсюда, то должны знать запечатленных на нем людей. Фронтовой фотокор не мог их взять из другой среды». Она не перезвонила, но при скорой встрече в мой очередной приезд на Угру продолжала голословно стоять на своем. Заявила, что она тоже напишет об этом книгу. В ответ на такую самоуверенность я заметил, что книгу не так легко создать, как она, наверно, думает. И почему-то сделал это пока только я, живущий от Борьбы в трехстах с лишним километрах, всего несколько лет назад впервые увидевший П.А. Бычкова и фото с такими выражениями в подписи: «немцы загнали в два дома всех жителей этого селения, а также Ломанчина, Криволевки и заживо сожгли»; «На снимке оставшиеся в живых семь человек. которые вылезли из дома незаметно для немцев». Они поименованы: Бычков Александр – 16 лет, Опенкина Акулина – 42 года, Нестерова Мария – 67 лет, Бычкова Клавдия – 52 года и трое ее детей – Петя, 5 лет, Миша, 13 лет, и Сережа, 10 лет.

Это происшествие говорит не только о вздорности моей собеседницы, но вызывает горькое чувство сожаления от сознания того, что никто не записал за целые десятилетия остальных спасшихся 13.03.1943 года жителей Борьбы, которых теперь уже нет в живых. А если были бы зафиксированы их показания, разве могла бы возникнуть подобная ситуация? Вопрос, согласитесь, риторический.

И в такой связи фигура П.А. Бычкова становится еще крупнее. Он видится личностью по-настоящему Исторической – спас от забвения не семейное предание, не что-то уровня местечкового, а целую важнейшую страницу народного бытия.

Впервые широкому читателю донесли происшедшее в Борьбе ваш покорный слуга в соавторстве с Виктором Максимовичем Мушенковым. Его деревушка Васильевское находилась от моей в четырех километрах, мы вместе учились на энергетическом отделении в Московском политехникуме Министерства заготовок СССР и на историко-филологическом факультете Московского государственного пединститута (ныне университет). В.М. Мушенков стал кандидатом исторических наук, крупным организатором учебного процесса в вузах и техникумах, в основном трудился в Министерстве высшего и среднего специального образования. После двух длительных командировок за границу возглавлял в родной «фирме» Управление по внешним связям. Наш с ним материал «Угранская Хатынь (Рассказ бывшего смертника)» был опубликован в давно известной газете Смоленской области «Рабочий путь» под рубрикой «К 65-летию замолчанной огненной трагедии» и его можно прочесть в моей книге. Предваряя повествование, авторы сообщают о П.А. Бычкове, что «впервые встретились с ним в Вязьме, где сейчас проживает наш герой, после службы в армии построивший сельский дом в деревушке Фоминское – недалеко от места пережитой трагедии; вместе участвовали в праздновании Дня Победы на нашей «малой родине», побывал он у нас в Москве. Между

нами, земляками, завязалась настоящая мужская дружба». Из публикации видно, что его «родители – крестьяне деревни Новая (за ней больше закрепилось название Борьба, по имени колхоза. – В.Ф.), он «был в семье поскребышем... Отец – с Финской – на Великую Отечественную, в 1943-м погиб под Ленинградом. В избе находилось восемь человек». Мы осветили приход в Борьбу осенью 1941 года немцев, которые «как пришли, стали требовать : «Яйца, куры...», «отбирать и угонять в Германию трудоспособную молодежь», жизнь населения в голоде и холоде, бесконечных мучениях. Из семьи Бычковых «взяли в рабство Нину и Надю», сестер Пети.

Достаточно подробно об аде, в котором побывал 13.03.1943, сообщает, конечно, Пётр Афанасьевич: «Самым страшным стал март 1943-го, когда немцы начали отступать. По всей округе объявили, что будут давать продукты. Собрали и малого, и старого в деревне Новая (Борьба). Здесь также оказались жители соседних деревень, с Ельни два человека. Находились и наши тяжело раненные солдаты (так называли в местности всех красноармейцев. – В.Ф.), которые значительное время в крестьянских семьях восстанавливали здоровье и прятались на чердаках. Один молоденький говорил: «Если останусь живой – дам о себе знать, напишу или приеду».

Хотячее население построили в шеренги по четыре человека и погнали протаптывать дорогу до деревни Гришино. Ее сожгли полностью и всех возвратили под охраной обратно. А кто не мог идти, старые да малые, находились в деревне Новая в огороже – колючая проволока в два ряда. Их охраняли часовые. Окна забили, стены обложили соломой. Тех, которые протаптывали дорогу, тоже загнали в эту хату и никого не выпускали.

Примерно часов в шесть подожгли. Мы всей семьей стояли около двери с солдатами, хоронившимися у нас. Часть дома, покрытая соломой, являлась жилой. А во второй не было потолка и пола, что нас и спасло. Когда подожгли, люди напирала на окна, на

двери, некоторые выскакивали из огня и попадали под автоматные и пулеметные очереди.

Двери выбили, колючая проволока наклонилась от натиска толпы. Солдаты сказали: «Первого часового сбиваем». В том замешательстве и под покровом дыма они хватили таких маленьких, как я, кто был под рукой, и кидали через проволоку, в снег. Это произошло, когда отвлекся часовой, а может быть, сбили красноармейцы... Спаслись от огня многие, но их расстреливали, а мы первые по дыму ушли».

Я и В. Мушенков еще тогда ясно увидели нравственный подвиг нашего нового друга, бескорыстное служение высшим этическим ценностям, подчеркнув это: «Петра Афанасьевича не смогли уничтожить немецкие оккупанты. Трудности военной и послевоенной жизни смоленской деревни только укрепили его волю и характер. Сегодня он живет одной мыслью: воскресить и увековечить память не только о своих заживо сожженных земляках, а обо всех угранцах, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков. И делает все, что в его силах».

С самого рождения он руководствуется естественными человеческими законами, утвержденными в его душе и сердце крестьянской педагогикой мамы и отца, сельского мира в целом. Всегда в трудах и заботах, открыт и отзывчив по отношению к родным и близким, соседям и коллегам по совместным делам. А их было за минувшие годы – не перечить, начиная с детских обязанностей в домашнем хозяйстве, по сильной ребячьей помощи с однолетками колхозу в период послевоенной разрухи, полеводческих работ в нем. После школы окончил сельскохозяйственное училище. Служил в пятидесятые в Советской Армии. 18 лет – в сфере энергосетей Вязьмы. Ветеран труда. В балладе «9 мая 2007 года» я увидел его в домашней праздничной обстановке таким:

Осветил стол улыбкой гагаринской
Пётр Бычков, развернувши гармонь.
Отвергаемый кланом, как пария,
С неисчерпанной силою конь.

Дом, подворье, да с пчелками, трактором,
Ликованье в час праздника Пётр...
Пело песни застолье стократно
Про Победу в главнейший наш год.

Тяжелейшим в его судьбе стал день 12 июля 2009 года – скоропостижно скончалась боготворимая им жена Надежда Павловна, которую он иначе как Надюшка, никогда не называл и не называет. Сетования на действительность, частое повторение фразы «Была бы жива Надюшка – все было бы по-другому» подвинули меня на звонок в Питер его дочери Наталье, стоматологу, кандидату медицинских наук, жене и матери подростка-сына и крошечной еще дочурки. Высказал ей предположение, что у отца, мне кажется, тяжелая депрессия, а какая это нещадная болезнь, сказал в телефонном разговоре тогда, – не мне объяснять ей, высокого уровня врачу. Зная, как Наталья Петровна горячо любит своего «дорогого папочку», что подарила ему иномарку, на которой ездим из Вязьмы в Фоминское, попросил ее купить видеокамеру, навестить отца и снять о нем любительский фильм, который мы попытаемся представить в интернете. Прямое общение «Россия – П.А. Бычков», думал я, ослабит его горе, вызовет прилив внутренних сил от осознания общественно-государственной важности того, чему посвящает жизнь. Молодая поросль не подвела, исполнила просьбу, но до ужаса переживала за то, что у нее «съемка получается очень низкого качества». А когда мы вечером посмотрели работу самодельного оператора на экране телевизора в Фоминском, я ободрил Наталью, заявив: «Прекрасно!» Слава Богу, как хотели, так и случилось: у Петра Афанасьевича острота горя прошла, а граждане России благодарят нас за видео на сайте «Общества потомков участников-героев войны 1812 года» и в Ютубе. Ролик имеет соответственно названия «Поле заживо сожженных» и «Смоленские деревни, сожженные фашистами».

К тысячам массовых казней гитлеровскими кострами

Знаковым стало появившееся в интернете интервью главного редактора только названного сайта М.Н. Горovenko со мной в качестве председателя общества «Поле заживо сожженных» имени Э.А. Хлысталова. Эту общественную организацию я основал и возглавляю. Беседа Марины Николаевны с автором этих строк называлась «Величайший юбилей-невидимка» (речь шла о 2013-м) и была выложена под рубрикой «Разблокирование российских Хатыней». Мы коснулись самого главного в представляемой теме, систематизировав хронологически сделанное с самого начала деятельности активистов начатого общественного движения в указанном направлении. Учитывая, что я выше уже какие-то существенные вещи назвал, изложу, дорогой читатель, наш разговор на сайте с пропуском известного вам. Из сказанного ранее и представляемых далее вопросов и ответов вы зримо увидите, как истина о казненных огнем являлась нам и обществу не только из пепла Борьбы. Как она, по всему очевидно, умышленно замалчивается, как вольно или невольно хранят историческое беспамятство современники должностные лица даже самого высокого уровня. Итак, знакомьтесь.

ВОПРОС. Почему вы считаете 2013-й годом гигантского юбилея?

ОТВЕТ. Да, именно так. Потому что исполнилось 70 лет с преимущественного освобождения Красной Армией областей и краев России от огненно-кровавой немецко-фашистской оккупации. Например, 25 сентября 1943 года из коричневого ада вывели западную Смоленскую область, где я родился (Всходский, ныне Угранский район), сам пережил двухгодичный завозной кошмар, а потом послевоенное лихолетье, окончил школу-семилетку. Так вот только в одном моем отцовском краю гитлеровские каратели истребили около 550 тысяч мирных граждан, спалили дотла более пяти тысяч

сел и деревень, из них около 300 вместе с мирными жителями. Это опубликованные в недавние годы «Смоленской энциклопедией» и журналом «Смоленск» данные, никем не опровергнутые.

Кстати замечу, что Великобритания, где гражданского населения погибло 60 тысяч, то есть в девять раз меньше, чем только в одной Смоленщине, отмечает День памяти жертв геноцида Второй Мировой войны. В России же подобная дата отсутствует, хотя советских жертв геноцида Великой Отечественной войны было 16 миллионов, что на пять миллионов больше, чем полегло за Родину красноармейцев. (Сегодня, когда я пишу этот очерк, цифры существенно изменились, но о том я скажу позже).

О небывалой гекатомбе наших мирных граждан промолчали даже в юбилейном 2013 году большинство органов науки и культуры, средств массовой информации, общественных организаций, известнейших в обществе людей, не прозвучала она в официальных речах и постановлениях.

ВОПРОС. В Великобритании, союзнице СССР по антигитлеровской коалиции, не было и не могло быть ни одного случая сожжения заживо невооруженных англичан, ибо кованный сапог вермахта не ступал на их землю. А что вы можете рассказать о живых факелах граждан России, подобных живым факелам Нерона, которыми стали первые христиане?

ОТВЕТ. О таком злодеянии римского императора-гомосексуалиста наши современники, пожалуй, знают больше, чем о похожих, совершенных коричневыми садистами семь десятилетий назад у нас на родине. Так, например, широко известна картина художника XIX века Г.И. Семирадского на эту тему истории Древнего Рима. А хроника системного разблокирования российских Хатыней (сразу подчеркну, лишь общественного, в форме частных инициатив) фактически началась шесть лет назад. Основные составляющие этого очевидно святого дела следующие.

Накануне Дня Победы 9 мая 2007 года – я и Евгений Фёдорович Иванов, почетный радист России, уроженец ныне не существующего Семлёвского района, встретились с бывшим в пятилетнем возрасте смертником при массовом сожжении в деревне Борьба (Новая) 340 мирных жителей Петром Афанасьевичем Бычковым и его женой Надеждой Павловной на вокзале в городе Вязьме. Нам, прибывшим из Москвы электричкой, представила чету Бычковых начальник департамента образования Вяземского района Валентина Николаевна Пронькина, которую тоже видели тогда впервые.

В.Н. Пронькину же попросила это сделать моя прекрасная знакомая, курировавшая культуру Угранского района Л.В. Шуненкова, отыскавшая П.А. Бычкова. Названные здесь земляки стали сердцем нового неформального движения за рассекречивание трагедии заживо сожженных мирных жителей в Борьбе, а потом и других подобных ужасов. К моменту вяземской встречи имя уникальной личности П.А. Бычкова ни единожды не упоминалось даже на районном или областном уровне, как и сам факт Угранской (бывшей Семлёвской) Хатыни. Сегодня, надеюсь, о них знает вся Россия. Естественно, та Россия, которая хочет знать отечественную, сплывающую ее, историю. Знает хотя бы по представленному нами в интернете.

Начало 2008-го – я, являясь заместителем главного редактора будущего журнала «Русская история», председателя Московского отделения Русского исторического общества Виктора Владимировича Грицкова, вместе с ним и редакцией готовил пилотный номер, налаживал контакты с общественностью, формировал редакционный портфель и Совет. Параллельно все более погружался в исследование запредельной огненной трагедии сегодняшнего моего района на Смоленщине, проблему сохранения памяти о ней. Естественно, соприкасаясь с такими же на территориях, где, как сказано в сталинском приказе №227 «Ни шагу назад!», к

28 июля 1942 года «мы потеряли более 70 миллионов населения».

В конце концов передо мной встала дилемма: или остаться при престижной и оплачиваемой должности, или в порядке общественной работы полностью отдать себя рассекречиванию Атлантиды национальных святынь Великой Отечественной войны. Я написал заявление с просьбой об освобождении от обязанностей в журнале, пришел к В.В. Грицкову и пояснил ему: «Извините и поймите меня правильно. Я с великой любовью отношусь к русской истории и к тому, как собираемся пропагандировать ее в первую очередь среди молодежи, абсолютно устраивают меня все сотрудники, как и прочее. Но, к сожалению, ныне в стране нет ни одного писателя или журналиста, кроме меня, кто стремился бы и мог, по мере своих сил, в доступных вариантах, обозначить грандиознейший огненный геноцид в отношении моего поколения детей войны, а также наших матерей и бабушек с дедушками. Время же ураганно сметает непосредственных свидетелей. Так, из семи спасшихся в Борьбе 13.03.1943 сегодня здравствует один человек, шесть седьмых живого знания навсегда утрачено. А к вам, Виктор Владимирович, надеюсь, боевым замом придет человек не менее меня профессиональный». На том и поладили. Время подтвердило, что наша беседа была конструктивной. К настоящему моменту вышло 26 номеров отличного журнала «Русская история» и, смею надеяться, в значительной степени обрушен информационный геноцид замалчивания тысяч российских Хатыней.

Сентябрь 2009 года – В.Т. Фомичёв, Е.Ф. Иванов, А.Н. Матвеев встретились в Мосальске (Калужская область) с 82-летней Марией Павловной Беляковой, поведавшей гостям из Москвы о массовом сожжении в январе 1942 года на ее глазах многих десятков мирных жителей (около 500) в ее родной Юсовке. До встречи страдалицы с гостями из столицы грандиозный факт мирового значения вовсе не был известен в местном крае-

ведческом музее. О нем ни разу не писала районная «Мосальская газета», не говоря уж о более высоких уровнях музеев и периодических изданий. По нашей просьбе местный краевед Геннадий Афанасьев немедленно подготовил, восстанавливая справедливость, материал «Вспоминает Мария Павловна Белякова» о происшедшем в Юсовке трагизме. Его напечатала в №3-4 за 2010 год «районка», а я поместил на стр. 191–193 во втором издании своей книги «Поле заживо сожженных» вместе со снимком героини на странице 309.

2009–2010 годы – подписавшие 18.11.2008 Обращение к Д.А. Медведеву напоминали о документе этому тогда первому должностному лицу, но, к сожалению, адресовались весь его президентский срок в никуда. Мы не получили ответы даже на самые простые вопросы. К примеру, где в России были массовые сожжения живьем беззащитных детей, стариков и женщин, сколько в РСФСР невооруженных граждан превратили пришлые чудовища в пепел? Разве это не экстремальная ситуация, то есть крайняя? Но никто не называет Д. Медведева экстремистом.

Оба выпуска посвященной П.А. Бычкову своей книги «Поле заживо сожженных» я направил первым лицам государства, всем губернаторам 18 оккупированных в 1941–1944 годах. областей и краев РСФСР. Ее все пользователи интернета, кого интересует история родного народа и страны, читают на моей странице в «Хроносе».

19 января 2011-го – отослал письмо Д.А. Медведеву Валентин Сорокин: о замалчивании кричащей проблемы книги «Поле заживо сожженных». Лауреат премий Ленинского Комсомола и Государственной им. А.М. Горького удивлялся: «Мы думали, что Госдума заслушает автора книги – трагического документа, а СМИ широко оповестят Россию. Но – молчание. Как молчали 65 лет. Больно и стыдно».

25 апреля 2012 года – РОО «Бородино-2012» приняла Меморандум «Не дадим замолчать тему Российских Хатыней!» Проя-

вил полное понимание проблемы и подготовил материал Меморандума ответственный секретарь РОО «Бородино – 2012», председатель «Общества потомков участников-героев Отечественной войны 1812 года», академик ПАНИ А.С. Шуринов. Это произошло после личных встреч и заслушивания на расширенном заседании организации моего доклада о сожженных русских деревнях вместе с жителями в годы ВОВ и выступления П.А. Бычкова как свидетеля «варварского преступления фашистских оккупантов, который лично подтвердил, что является очевидцем сожжения заживо 340 мирных жителей на Смоленщине 13 марта 1943 года». Подлинный дух тревоги за состояние общественного здоровья пронизывает обнародованный на официальном сайте «Бородино – 2012» и в периодике текст, начинающийся истинно набатными словами «Всем народам! Всем органам власти! Всем партиям!»:

«Уже многие годы этими энтузиастами поднимается тема сожженных русских деревень и массовых преданий огню гитлеровцами невинных жителей. Между тем, как ни странно, массовое истребление в палаческих кострах немецкими фашистами населения захваченных во время войны деревень не воспринимается сегодня величайшей трагедией в жизни нашего народа. Почему? Что это? Организованное забвение или просто наплевательское отношение к отечественной истории, судьбе собственных граждан? Непонятно, почему нигде, например, в Угранском краеведческом музее, нет ни одного экспоната о происшедшем, равно как и в Смоленском музее Великой Отечественной войны».

8 февраля 2013-го – вечер памяти жертв мирного населения во время Великой Отечественной войны в Центральном Доме литераторов. Вести встречу довелось мне с В.В. Сорокиным. В гости к писателям прибыли и приняли активное участие в разговоре летчик-космонавт СССР, депутат Государственной Думы РФ Светлана Евгеньевна Савицкая, мэтр г. Вязьмы, поэт, композитор

и журналист Александр Константинович Клименков, который в 1983 году Митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом был рукоположен в сан диакона, другие известные личности.

Присутствующие с удовлетворением узнали о поддержке руководителей Вяземского региона поискового движения учащихся Тумановской средней школы им. Героя Советского Союза К.И. Молоненкова. «А приехавшие учащиеся-поисковики, – написала затем в газете «Московский литератор» поэтесса Нина Попова, – показали прекрасную музыкально-поэтическую композицию о своей работе красных следопытов и тесном сотрудничестве с Семеном Яковлевичем Самуйловым. Это о его судьбе, свидетеля огненной трагедии в Трубине-Чертовке, говорится в статье И. Ковальчука «Мальчишка из сожженной деревни» (газета «На западе Москвы»), иллюстрированной довоенной и современной фотографиями из семейного архива Самуйлова. Пронизывающая душу статья эта словно уносит читателей в тот «пылающий овин». К сказанному моей коллегой по творческому цеху необходимо добавить, что тогда, 8 марта 1943 года, на глазах двенадцатилетнего Сени Самуйлова были сожжены 458 мирных жителей его селения и нескольких окрестных. Хочется заметить еще, что прекрасный отчет об этом нашем вечере в ЦДЛ сделала 12 февраля с. г. в газете «Советская Россия» Галина Платова. Назвав П.А. Бычкова и некоторых других активистов общества «Поле заживо сожженных», она отметила в решении ими этой в конечном счете стратегической проблемы мобилизационный режим, которого не увидела со стороны власти.

Здесь следует также упомянуть о том, что газета Западного административного округа столицы с публикацией о С.Я. Самуйлове могла у меня не оказаться. Ее передал знакомый ученый-психолог, который там живет. Зная о моем глгучем интересе к теме массовых убийств беспомощных соотечественников расистскими кострами-палачами.

до позорища стране. Только при достижении такой цели придуманный провокаторами из категории «гогочущих пророков» (В. Розанов) преступный миф о «русском фашизме страшнее немецкого» рухнет мгновенно и на веки вечные. Пора прекратить массовую дезинформацию населения, перестать говорить ему 100-процентную неправду о кровопролитной и победоносной войне наших отцов-красноармейцев. Оправдывая тем самым концепцию «сверхчеловека» и проводившуюся нацистскими преступниками политику уничтожения (геноцид). А вместе с тем в форме умолчания вести поругание национальных святынь Великой войны. В то же время гнусно оскорблять светлую память о казненных пламенем ни в чем не повинных детях, женщинах, стариках, других жертвах гражданского населения в результате бушевавшего карательного мракобесия «цивилизованных», их лженаучного арийского «превосходства».

Уточнение о конвейере огненной смерти

Эпиграфом ко второй части своей книги «Поле заживо сожженных», при переиздании, я взял цитату с фактами о невероятнейшем огненном шторме смерти в нашей с П.А. Бычковым области из статьи двух авторов уже упоминавшегося журнала «Смоленск» (№9 (109), сентябрь 2009 г., стр. 13–15) – Фёдора Русакова и Алексея Кузובה: о пяти тысячах спаленных дотла населенных пунктах, 300 вместе с живыми людьми. Но иногда эта кричащая реальность людоедской оккупации родного края воспринималась с недоверием, и что трудно постижимо, – порою теми, кто должен по роду своего положения в обществе знать ее, что называется, назубок. И вот год назад я получил мощное писательское подтверждение абсолютной точности использования архивных документов о страшном офицерами военного времени Ф. Русаковым и А. Кузововым, а чуть позже – доказательство в статье научного светила. В сказанном может убедить ци-

тата из воспоминания литературной знаменитости, тоже случайно найденного в домашнем архиве Е.Ф. Ивановым, и мое письмо к официальному лицу, которые привожу далее:

О Твардовском. К 80-летию со дня рождения

Не знаю – как говорить о земле смоленской, сколько уже о ней говорено, но и замолчать нельзя: триста деревень вместе с жителями было сожжено фашистской армией в этой области, тысяча двести групповых захоронений на земле этой...

Сергей ЗАЛЫГИН

*Журнал «Новый мир», 1990г., №6
Газета «Труд», 1990 г., июнь*

*****

Директору Вяземского патриотического центра «Долг», депутату Смоленской областной Думы Н. Г. Куликовских

Дорогая Нина Германовна!

Пользуясь оказией, передаю для Вас безукоризненное свидетельство более чем 25-летней давности С.П. Залыгина, возглавлявшего после А.Т. Твардовского журнал «Новый мир», о 300 смоленских Хатынях. Этот факт подтверждает и введение к книге «Сожженные заживо взывают к нам», которое тоже представляю, написанное выдающимся авторитетом в исследовании новейшей истории родной страны Ш.М. Мунчаевым, д.и.н., заслуженным деятелем науки РФ, руководителем научной школы «Отечественная история» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Зачем я такое делаю?

На фоне объективной истины вспомнился демарш д.и.н. Д.Е. Комарова в центре «Долг» (декабрь 2012) при Вашем и моем

с коллегами присутствии, когда представляли книгу «Река времен», – против авторов Ф. Русакова и А. Кузובה. Они утверждали то же самое, что и С. Залыгин с Ш. Мунчаевым. Но почему-то наш достаточно молодой земляк-ученый выразил резкое с ними несогласие, обвинив уважаемых людей в «дилетантизме». Извините, что я тогда, как мне показалось, огорчил Вас своим возражением ДЕК. Однако факты названного номера областного журнала, как видите, подтвердились. И, более того, лично для меня теперь наступило удивление иного рода: смоляне на протяжении жизни целого поколения (что соответствует четверти века) демонстрируют полное равнодушие к одному из главнейших известий о времени огненно-кровавой оккупации Гитлера – такому беспрецедентному горю на нашей земле.

Всего Вам самого наилучшего!

Сердечно преданный **Владимир Тимофеевич ФОМИЧЁВ**.

12 апреля 2016
Москва, Тушино

Сколько же было подобных ужасов во всех 18 оккупированных Гитлером регионах РСФСР, неизвестно и в 2017-м. Оттого рождаются горькие строки: *«Как сможете, хронисты грозных лет, / Про массовые казни пламенем молчать – / Невинных, в тысячах России мест? / Впрямь НЛО ваш амнезийный водопад!»* («Амнезийный водопад»); *«Потеря обычных людских понятий – / Не слышать кричавшие в пламени хаты»* («Змеиное бездушие»).

После встречи с П.А. Бычковым я постоянно обращаюсь к этой личности в своем творчестве, используя разные жанры: от вступительного слова к его собственному рассказу на печатной странице, посвященных ему или о нем самом стихотворений до крупноформатных произведений – поэмы, очерка. Завершая одно из таких, опубликованное потом с некоторым сокращением в альманахе «Московский Парнас» (№ 3 (90),

2014) я отметил: «Хочу обратиться к буквально сегодня полученному письму из Туманова от педагога и краеведа Эмилии Степановны Гайдуковой. Мы 30 сентября 2013 года побывали на представлении второго издания ее книги в местной средней школе, где она 45 лет назад создала музей и уже много лет руководит поисковым движением учащихся. Кто – мы? «Гости из Москвы из общества «Поле заживо сожженных», как написала 24 октября газета «Вяземский вестник». К нашей писательско-земляческой группе, уже в Вязьме, пятым присоединился П.А. Бычков. И как же тепло восприняли его тумановцы! «Огромное спасибо, – пишет мне Э.С. Гайдукова, – за то, что привезли на презентацию книги «Опаленные войной» своих талантливых друзей-поэтов и москвичей-смолян. За то, что познакомили с удивительным человеком – Петром Афанасьевичем Бычковым, на долю которого выпало много горя, чудом оставшимся в живых. Человеком из пламени, Человеком патриотом-подлинным (это слово подчеркнуто. – В.Ф.). Жизнь свою посвятившим Памяти – увековечению заживо сожженных». В конверт был вложен номер «Вяземского вестника», упомянутого выше, где Пётр Афанасьевич в унисон назван «человеком из огня». Его «рассказ-свидетельство (изумительно точно! – В.Ф.) о зверствах фашистов в концлагере на улице Кронштадтской в г. Вязьме (находился там с семьей в начале 1942 года – В.Ф.), о заживо сожженных в д. Борьба Угранского района людях, среди которых он был сам, всех присутствующих заставил содрогнуться».

Так трепетно воспринимаемое населением горе Борьбы, к сожалению, даже в году 70-летия Угранской Хатыни ни единожды не было упомянуто в официальных речах, постановлениях, СМИ, как и П.А. Бычков – личность удивительной красоты и душевного здоровья. Из плеяды людей, выдающихся по нравственности, героев духа, прямо-таки могучих. Единственный ныне ценнейший исторический свидетель происшедшего в российской «глубинке» 13.03.1943. Ни денег, ни

орденов П.А. Бычков за свой нравственный подвиг не получил. Даже в поминальный, юбилейный, день Родина не зажгла свечи и лампы, не положила к праху великомучеников цветы в Борьбе, не приходили родные и близкие – туда нет дороги. Как не было ее в 1986 году, когда я впервые услышал в Дуденках об огненной трагедии в соседней деревне от тети Маруси. Такой же молчок существует практически и о всех трехстах на Смоленщине подобных ужасах. А ведь область в 2013 году – праздновала юбилей 70-летия освобождения. Не измени ли в том суть – в отказе от возвращения народу-победителю целого материка национальных святынь Великой Отечественной войны, исчезнувшего как Атлантида? На фоне этих фактов содержание современной жизни выглядит в другом свете. Когда, например, все фракции в Думе как будто совершенно довольны друг другом оттого, что молчат о божеском. Как и безмолвствующие о том СМИ, ответственные должностные лица и прочие «заботящиеся о правде» граждане, о которой круглосуточно кричат в уши стране с экранов всех центральных телеканалов.

Мы однозначно доказали, что в идеологическом времени отсутствует понятие «святость», без чего человек не может жить. Почему мы не видим на экране ТВ светлые лики заживо сожженных детей, мам, бабушек и дедушек? Зачем скрывают идею Гитлера о расовом превосходстве арийцев, о магических действиях нацизма и его языческих жертвоприношениях? Почему мирные граждане России тайфунно становились факелами как раз в марте 1943-го, когда Адольф находился в бункере под Смоленском? Месяце убийства пламенем Борьбы, а также множества других деревень? Это отметил летом 1988 года в главной областной газете «Рабочий путь» Орик Иванович Лонский, печатавший в четырех номерах очерк «Тайна бункера Гитлера». Корреспондент, еще будучи фронтовым, начал исследовать тему немецко-фашистского огненного геноцида. Почему память о трижды Хатыни, Трубине-

Чертовке, хранит лишь музей Э.С. Гайдуковой в Тумановской школе? Почему германский заменяют «фашизмом» тех, кто его победил? Почему нет даже подробных списков заживо сожженных мирных граждан, указателя исторических священных мест, где это происходило? Почему нет энциклопедии или хотя бы приличного справочника о кострах-палачах? Зачем вместо архинеобходимых обществу таких книг в «лихие девяностые» в РФ выпустили «Энциклопедию Третьего рейха»?

Приведенные Э. Гайдуковой, а также корреспондентом вяземской газеты высокие оценки личности П.А. Бычкова и его богоугодной деятельности по установлению нерушимой истины о заживо испепеленных, других безвинно погибших жителях России не расходятся со всегдашними моими.

У подножия Эвереста геноцидов

В осенних месяцах года «юбилея-невидимки» сначала со мной, попросив привезти все лично написанное по теме об огненном геноциде, а потом с Петром Афанасьевичем (в присутствии меня и Е.Ф. Иванова) основательно поговорил в редакции «Правды» Виктор Стефанович Кожемяко. Ныне он ее политический обозреватель, а трудится там, считай, всю жизнь. Опытнейший публицист общался примерно в течение трех часов с каждым, записывая беседы на диктофонную ленту. Выпотрошил своих гостей полностью в части знания обстоятельств марта 1943 года, да и вообще всего оккупационного периода. Затем он пришел 22 ноября в Союз писателей России, где общество «Поле заживо сожженных» проводило Народный сход по проблеме сохранения священной памяти о казненных огнем в 1941–1944 годах мирных гражданах и других жертвах не боевых, целый день активно участвовал в форуме. В результате такой тщательной подготовительной деятельности он в №7 от 24–27 января 2014 года напечатал просто бесценную статью-полосу «Сожженные заживо взывают к нам» под рубрикой «Увековечение их памяти

не терпит отлагательств». Она несколько раз была обнародована в других периодических изданиях, вызвала бурный поток откликов, которые идут в редакцию до сего дня. «Правда» стала их представлять читателям большими подборками, в основном, целыми полосами, иллюстрируя снимками военного и, реже, нашего времени.

Статья дала название книге, вышедшей двумя изданиями в минувшем году и представленной на новом Народном сходе в СП России 12 марта 2016 года. Именно к ней и написал упомянутое мной в письме к Н.Г. Куликовских введение «Увековечить истребленных небывалым геноцидом» прославленный ученый Ш.М. Мунчаев. Это сборник всех публикаций в газете за 2014–2015 годы. Свидетельств и размышлений «об официально замолчанных тысячах гитлеровских костраха-палачах» в РСФСР, о «беспримерном в мире геноциде в отношении населения исторической России» в годы Великой Отечественной войны. Как В.С. Кожемяко в зачине, так и десятки других авторов со всей страны, сообщает аннотация к новинке, говорят «о не терпящей отлагательств проблеме создания достойного памятника жертвам оккупации». Однако, «видя, что все инициативы в данном направлении уходят в бюрократическую мглу, невозможно не скорбеть. Невольно возникает мысль: не обеспечивает ли такое отношение должностных лиц к национальным святыням – самым высшим ценностям – гарантированное уничтожение народа?»

Личность героя моего произведения и общие вопросы, очевидно, не отделимы друг от друга, когда мы говорим о замалчиваемых десятилетиями бессмысленных изуверствах немецко-фашистских захватчиков на нашей земле. Ведь семлёвец-угранец единственный живущий вместе с нами исключительный свидетель преступного деяния в Борьбе. Из разряда настолько черных дел, что в документах Нюрнбергского Международного военного трибунала о них сказано: «более жестоких, чем в Лидице». Черчилль же назвал эти небывалые где-либо ранее злодейства

«позором несказанных преступлений Гитлера в России». Таким образом, в деревушке моего друга с десятилетним стажем случилась величайшая трагедия планеты. Только П.А. Бычков, ослепительно яркий, как цвета Индии, в верности ужасно погибшим вдохновил на защиту небесной памяти о них всех, кто стал вместе с ним вершить это праведное дело. Сам же он, я думаю, мог увидеть его в полном объеме только с высоты своего чистого сердца. И что еще дорого – в отличие от найденных нами других очевидцев похожих несчастий, активно вносит свой вклад во встречи с разными группами населения, рассказывая о злодеяниях фашистов в годы ВОВ. Пётр Афанасьевич участвует в традиционном автопробеге по деревням Смоленской области, сожженным гитлеровцами в период оккупации. 20 июня 2016 года с трибуны «круглого стола» Госдумы он обратился к Президенту страны с просьбой о создании в Российской Федерации мемориального памятника небывалым жертвам фашистского террора на древней земле русского и братских ему народов. Поплатившимся жизнью в период неслыханного геноцида войны с монстрами «сверхчеловеческой судьбы».

Не случайно лучший, на мой взгляд, публицист последних десятилетий В.С. Кожемяко свою статью-полосу о Народном сходе их памяти, длившемся целый день в Союзе писателей России 22 ноября 2013 года, где с «настоящим криком души о наболевшем» перед собравшимися горячо и доказательно выступали многие, начинает такими словами: «Как это было? Замер зал, когда на трибуну поднялся седовласый сухощавый человек с бородкой, которому, как говорится, по всем статьям не должно бы сегодня быть в живых. Ибо пятилетним мальчонкой он, Пётр Бычков, вместе с односельчанами уже объят был смертным пламенем, уже опалило ему голову, лицо, грудь, и отчаянная безысходность дохнула в душу: конец!» Так определила самое впечатляющее событие и главного героя того дня публикация правдиста, один к одному воспроизведенная затем в книге

вместе с десятками других. Показательно и то, что ее иллюстративный ряд составили пять фотографий времени дьявольской оккупации и лишь одна современная с такой подписью: «Владимир Фомичёв (слева) и Пётр Бычков с одной из односельчанок на месте сожженной с жителями деревни Новая-Борьба».

В силу возраста и других обстоятельств ни М.П. Беляковой, ни С.Я. Самуйлову не довелось лично присутствовать ни в одном «битком набитом зале» (А. Речмедин о представлении книги «Поле заживо сожженных» в Центральном Доме литераторов), где наша общественная организация проводила свои мероприятия. Мы лишь смогли установить с ними содержательные контакты, неформально поговорить, получить от них важнейшие живые свидетельства и документы. А сегодня и Мария Павловна, и Семен Яковлевич, очевидцы российских трижды Хатыней, уже не с нами, ушли в мир иной. Теперь из уникальных свидетелей огненных трагедий запредельного уровня остался, мне представляется, один П.А. Бычков. Во всем мире! К глубочайшему прискорбию, скончались и другие выдающиеся в нашем, по зову сердца, деле личности, представленные в этом очерке: Л.В. Шуненкова, В.Н. Пронькина, Л.И. Касаткина, Е.С. Троицкий. Разные публикации хранят светлые имена иных отошедших в вечность коллег по разблокированию массовых сожжений заживо гражданского населения РСФСР, всех неисчислимых злодеяний человеконенавистников, возомнивших себя «высшей расой». Вечная память упокоившимся нашим сердечным друзьям, внесшим, начиная с 2007 года, бесценный вклад в изменение до того абсолютно искаженного представления о людоедской оккупации территорий Родины!

Значение же П.А. Быčkova в начатом после встречи с ним таком процессе, в ряду открывшихся невероятных обстоятельств и фактов, неумолимого движения самой жизни вообще невозможно переоценить. Он, лучше всех информированный о трагедии казненных пламенем в Борьбе, сохраняющий национальную память о ней и кристаль-

но правдивый, безусловно заслуживает, я бы сказал, тотального внимания. В похожем смысле также высказался педагог с длительным стажем

А.В. Иванцов из г. Тамбова в правдинской публикации, ставшей страницами 69–74, составленной В.С. Кожемяко и мной из газетных материалов книги. Автор знает моего героя со школьных лет: с 1951 по 1954 годы учился с ним вместе в Клетковской семилетней школе. Знал всю трудолюбивую, достойно живущую, мужественную и скромную крестьянскую семью Бычковых, вместе хлебобрили в колхозе. У брата Петра, тракториста Михаила, работал прицепщиком. С другим братом Сергеем на его грузовом автомобиле, с благодарностью отмечает А.В. Иванцов, «была единственная возможность добраться до райцентра и обратно». И мама их, Клавдия Васильевна, и сыновья стойко хранили в себе, «какой ужас пришлось им пережить во время фашистской оккупации: ведь буквально из пасти смерти вырвались они!» Алексей Васильевич, подчеркивая это, вспоминает: «Ни от кого из них я не слышал» о том. Хотя, продолжает уроженец находившейся в семи километрах деревни Раслово, «о событиях того страшного мартовского дня 1943 года мы с детства знали по рассказам родителей, учителей, других сельчан старшего возраста».

После привлечения иного значительного материала по теме грамотный выходец из этой местности в заключение возвращается именно к личности П.А. Быčkova. Высказывает пожелание: дали бы «ему слово на центральных каналах телевидения, чтобы рассказал на всю страну и весь мир о лично им пережитом ужасе фашистского геноцида». И добавляет, как важно изучать реальную историю «сороковых роковых» лет, особенно молодым. А конкретные предложения А.В. Иванцова ставят в центр движения за увековечение памяти российских Хатыней трагедию в Борьбе, фигуру бывшего в дошкольном возрасте потенциальным смертником ее свидетеля изнутри и саму местность, где дышит не фальшивомонетная история:

«1. ...всемерно добиваться от властей предрешающих признания на государственном уровне 13 марта Днем памяти жертв безвинно сожженных фашистскими захватчиками мирных граждан страны.

2. Учредить Фонд Петра Афанасьевича Бычкова, главной задачей которого стала бы аккумуляция негосударственных средств на обустройство мест захоронения и увековечения памяти заживо сожженных гитлеровцами советских людей. Фонд нужен общероссийский.

3. Добиться от центральных и местных властей проектирования и строительства всероссийского музея-комплекса близ поселка Угра».

В отличие от П.А. Бычкова у меня территориальная зона действий больше, чем у него. В силу выхода в разные уголки планеты собственными произведениями. Но так как они в течение последних десяти лет обязательно связаны с ним, то теперь «путешествуем» по свету вместе. И таким образом Пётр Афанасьевич из наших Восточно-Угранско-Вяземских мест достиг за Урал, в Азию, потом и в Америку. Как именно?

Любовь Милыева – поэт, прозаик, публицист – 3 апреля 2014 года в еженедельной общественно-политической газете Ханты-Мансийского автономного округа «Новости Югры» опубликовала запись беседы со мной «Воскрешенная память» в группе материалов «К 70-летию Победы». Зауральских читателей, как оказалось, из последних моих книг больше всего заинтересовала посвященная бывшему в младенческом возрасте смертником нынешнему жителю района, где родился автор. Я охотно удовлетворил их любопытство на странице периодического издания, где в первой половине 1970-х регулярно печатался, будучи в Советском районе округа сотрудником местной редакции. Поведал о необыкновенной судьбе П.А. Бычкова и совместных с ним трудах на всероссийском «Поле заживо сожженных». А важность представленной темы, видно, дала ей дальнейшее движение... в США. В 2015 году Л. Милыева выпускает в издательстве «Лулу» (Северная Каролина, г. Роли) книгу «Крест

Служения Отечеству. Биографический очерк о Владимире Тимофеевиче Фомичёве». Пятую в серии очерков о писателях Югры «Из поколения детей войны». Естественно, «Воскрешенная память» стала частью этого издания, шагнув через океан на новый континент.

Теперь о людских потерях в ВОВ, к которым, когда упоминал о них, я обещал вернуться. Предварительно назову количество погибших на борьбе с вермахтом граждан США и Великобритании, союзниках СССР по антигитлеровской коалиции: 300 тысяч и 370 тысяч. А вот что об общих людских потерях Советского Союза и об умерших не своей смертью в годы Праведной Битвы согражданах моих и твоих, дорогой читатель, сказал 20 июня 2016 года на «круглом столе» в Госдуме Ш.М. Мунчаев: «Это была война, рассчитанная на физическое истребление населения нашей страны. Задача фашистов, которые оккупантами ворвались на Советскую землю, не сводилась только к уничтожению евреев и цыган. Неполноценной расой считались также славянские и другие народы многонационального Советского Союза. Среди более 27 миллионов погибших соотечественников – военнослужащих 8,5 миллионов Гораздо большая часть той скорбной численности, превышающая 19 миллионов, – гражданское население. В мире за все прошедшие века такой чудовищной трагедии нигде не бывало!».

Фактически то же самое поведал свету другой доктор исторических наук, министр культуры РФ В.Р. Мединский в книге «Война». Его процитировал один из авторов сборника «Сожженные заживо зывают к нам» на странице 155: «Уничтожено почти 19 миллионов мирных жителей, по 13 тысяч, в основном детей, женщин и стариков, ежедневно в каждый из 1418 дней войны».

В нашей книге на уровне большой науки названа еще одна основная цифра, относящаяся к годам оккупации садистами Третьего Рейха значительной части Отчизны. Это 75 миллионов граждан СССР, полоненных на длительное время расистской чумой, затем повешенной в 1946 году в Нюрнберге.

Такие впервые открывшиеся сенсационные исторические факты не могли не шокировать. Я, историк по одному из базовых образований, фактически только на 80-м году жизни узнал о главной трагедии Великой Отечественной войны. Что уж говорить о других. Никакой официальной информации в течение всего послевоенного времени о наиважнейшем в отражении людоедской агрессии! Ничего о самом грандиозном геноциде, сравнимом с Джомолунгмой (Эверестом), самой высокой горой в мире. Ничего об основополагающей национальной святыне Народной войны 1941–1945 годов. Ничего об Оккупационном, 75-миллионном, немецко-фашистском концлагере смерти на территории Советского Союза. Где в течение долгих-долгих месяцев убивала «узников» общеизвестная германская педантичность и не менее популярная точность. В соответствии с разработанными еще до вторжения в «Восточную державу» планами поголовного истребления «монголоидных убудков». Именно так характеризовала нас брошюра-бестселлер «Der Untermensch» («Недочеловек»), имевшаяся у каждого вояки в форме со свастикой, губивших с невероятной жестокостью безоружных мирных жителей. В соответствии с правом «более способного народа» (нацистский министр Р. Дарре, 1936), а также целями и задачами «войны на уничтожение» (А. Гитлер, 30 марта 1941) – ликвидировать население нашей Отчизны, как вредных насекомых! В том числе в тысячах мест кострами-палачами!

Замалчивание всего этого сопредседатель нашей общественной организации, выдающийся поэт Валентин Васильевич Сорокин 12.03.2016 года при представлении книги «Сожженные заживо взывают к нам» в СП России назвал, по-моему, очень точно, «преступлением, равным самому фашизму». А я стопроцентно уверен, если бы человечество услышало священные трубы 19-миллионного, огненно-кровавого, геноцида ВОВ, то последыши эсэсовцев ни в коем случае не посмели бы уничтожать потомков красноармейцев на Украине.

И хочу подчеркнуть: фантазмагория вместо подлинной истории о праведном бое «ради жизни на земле» получена без воли русского народа, так как он единственный в отчем краю не имеет национальной государственности, ни одной структуры и полномочий на решение каких-либо проблем. Не имеет субъектности, не упомянут ни в одном государственном документе! Если бы такое положение основного народа, главной составляющей Великой Победы, было в годы Великой Отечественной войны, то, весьма вероятно, ныне вовсе не существовало бы нашей страны и всех живущих в ней.

С новинкой «Сожженные заживо взывают к нам» как экскурсией по преисподней Гитлера и трепетным обсуждением сборника, в том числе с выступлением В. В. Сорокина, можно познакомиться в интернете – нажмите CTRL и щелкните ссылки: http://дорогамипобеды.рф/?page_id=6; <http://дорогамипобеды.рф/?p=784>

Кстати, составите себе понятие об отношении первых руководителей страны сегодня к проблеме-тревоге. По озвученному и единодушно принятому к ним Обращению, остающемуся без ответа. А в книге, на страницах 138–151, прочтете о взгляде «после многих выступлений «Правды» и обращений к главе государства»: «как можно губить божеское дело в иезуитской канцелярщине».

Найденное наконец достоверное научное знание о коричневом аде 1941–1944 годов, потрясающее душу, думаю, в немалой степени также герой этого очерка. Оно изначально – при прочих составляющих, еще экстраординарное детство и образ жизни во имя Бога единственного в своем роде свидетеля обвинения в Нюрнберге XXI столетия Петра Афанасьевича Бычкова:

Малыш пятилетний, судьбой сбереженный, –
Чтоб миром был проклят бесовский набег,
Не канули в Лету кострами казенные...
Он – память святая планеты навек.

*Январь 2014 – 9 мая 2017 года
Смоленская область – г. Москва*

Николай ЧЕПУРНЫХ

«ТИХАЯ МОЯ РОДИНА, Я НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛ...»

очерк

В начале мая и «катившимся в июль летом» вновь побывал в родном краю – с. Селечне Суземского района, что на Брянщине.

Перед возвращением в Смоленск, которое каждый раз непросто мне дается, моя младшая дочь Катя сказала: «Папа, наверное, я люблю твою родину больше, чем ты сам!».

Неожиданное, хотя, конечно, имеющее под собой почву – признание.

И хожу я теперь – «давно человек городской» – под впечатлением и, с одной стороны, радуюсь, потому что далеко не каждый ребенок, родившийся и выросший в серых и подчас мрачноватых «лабиринтах каменных джунглей», способен полюбить село или деревню, в которых родились его отец или мать; с другой, – я как будто стал сам не свой, ибо слова эти всколыхнули меня, разбудили «дремлющую» память, возвращают назад, в то благословенное время, «когда деревья были большими», а я был маленьким.

Помню, я стою на дороге, по которой идут в школу ученики. Стою и – ни с места – капризничаю. А рядом стоит мой отец, с палкой-костылем в руке, на который он опирается (инвалид второй группы), – учитель этой самой школы; уговаривает меня идти скорее, чтобы не опоздать к началу урока. Школа находилась в небольшом двухэтажном кирпичном здании. Учеников было около 600 человек! Теперь это трудно представить...

Зимой 1969 года перебрались в новую школу, разместившуюся в только что построенном – огромном трехэтажном каменном здании, со столовой, большим спортивным залом, просторными, светлыми учебными классами. Вспоминается, как перевозили на санях разную школьную утварь; вижу и себя,

примостившегося рядом с «земным шаром», то есть огромным, едва ли не больше меня самого, глобусом. Мне тогда не исполнилось еще и четырех лет.

В памяти отложилось, как однажды летом – месяц или два я прожил у своей бабушки, в соседнем селе. Было мне уже годов пять – шесть.

Бабушка была весьма набожной. Знала многие религиозные праздники и молитвы. Она и меня научила молиться. И не «просто» молиться, а отбивать перед иконами, которых у нее было два десятка, – поклоны, с вставанием на колени и прикладыванием лба к дощатому, выкрашенному в коричневый цвет, полу. Тогда же я выучил молитву «Отче наш»:

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».

Смысла и значения этой молитвы я, конечно, не понимал. Но со слов бабушки знал, что она поможет мне в трудную минуту.

Ну, а бабушкина соседка научила меня во весь голос распевать задорную песенку о трех веселых танкистах – «экипаже машины боевой». Только в песне были изменены слова. Она звучала так: «Три танкиста выпили по триста, а пехота только по сто грамм». Что именно пили танкисты и пехота – я уже знал...

Вскоре я пошел в первый класс. Кажется, это был солнечный день. Именно солнце и бездонное синее небо чаще всего вспоминаются мне, когда я мыслями возвращаюсь

в свое детство. А иногда – дождь, неторопливо и монотонно стучащий по зеленой листве берез.

В это время я получил одно из самых сильных эмоциональных впечатлений. В старом клубе, в который, порой, набивалось столько народу, что многим приходилось смотреть ту или иную картину, стоя в проходе, показывали фильм «Вий», с Леонидом Куравлевым и Натальей Варлей в главных ролях. И я каким-то образом пробрался на вечерний сеанс. Половину картины смотрел, то и дело поворачивая голову назад, потому что глядеть на экран, находившийся от меня на близком расстоянии, было страшно. А когда в конце фильма появился сам Вий и «железным» голосом произнес: «Подымите мне веки: не вижу», – какая-то сила сорвала меня с места и вынесла из помещения наружу.

Не чуя под собой ног, бежал я по темной улице, словно пушкинский герой от Медного Всадника по «потрясенной мостовой», – домой. Остановился только перед входом в подъезд.

И тут случилось нечто еще более жуткое. Я услышал медленный, глухой стук шагов по каменным ступеням. Кто-то – кого я не видел – спускался со второго этажа вниз. Этот кто-то подошел ко мне и – ни живого – ни мертвого – обнял. Это оказалась наша соседка по площадке.

Одно из удивительных воспоминаний – это исполнение мной в 4-м классе, на уроке пения, песни «Гулял по Уралу Чапаев-герой».

Гулял по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с полками на бой.

Мне было жаль гибели отважного героя Гражданской войны.

Река Урал глубокая,
Крутые берега,
А степь да степь широкая,
Там наши бьют врага.

Это был единственный раз за все 10 лет учебы – чтобы я один, «во весь голос», пел

эту (и вообще) песню. Я выучил ее по пластинке, которых у нас в доме было множество – песни Революции, Гражданской, Великой Отечественной войн, русские народные, романсы, частушки, современные отечественные и зарубежные исполнители, вокально-инструментальные ансамбли. Все эти песни я очень любил!

Кстати сказать, в некоторый период времени у меня, то есть у нас со старшим братом (младший был совсем еще маленький, а сестры еще не родились) были такие «игрушки», объяснить нахождение которых в доме я не могу. Ладно еще – красноармейская буденовка, офицерский ремень времен Великой Отечественной войны, а то ведь – настоящая, тяжелая сабля или шашка, и настоящая же винтовка, с обрезанным стволом – я до сих пор помню, как игрался с затвором. Потом сабля и винтовка куда-то безвозвратно исчезли.

Зато появились другие, далеко небезобидные «игрушки», которые, чуть повзрослев, мы делали сами, – пугачи, «припальники», стрелявшие дробью или мелкими кусочками проволоки, и тому подобное, делали гремучую смесь, разрывавшую на мелкие осколки стеклянные бутылки. Однажды один осколок мне насквозь пробил верхнюю губу (шрам остался на всю жизнь), а другой разрезал правую бровь. Угоди осколок чуть ниже – остался бы я без глаза...

А то, вообразив себя средневековыми рыцарями, взялись (мой друг Ю.С. и я) мастерить орудия для славных битв – мечи. Смастерили – из железных обручей, которыми скрепляют деревянные бочки. Смастерили. Стали закалять на огне. Все, как полагается. А костер развели прямо около дома товарища. Уже начала заниматься огнем краска, которой был выкрашен дом. Мы с другом растерялись и испугались, не зная, что делать. Слава Богу, пожар предотвратила его бабушка, оказавшаяся поблизости. Кажется, попутно, она хорошенько отходила нас по спицам. Как бы не этими самыми рыцарскими мечами...

Запомнилось строительство Дома культуры, с огромным зрительным залом, высокой сценой, где, насколько мне помнится, предпологалось выступление даже артистов цирка. На одной из стен, с внешней стороны, красным выведен профиль головы вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. Правда, в осенне-зимний период в зале было холодно. Что и отразили в песне собственного сочинения студенты-практиканты из Брянска на отчетном концерте:

А в Селечне клуб стоит,
Словно холодильник.
Если хочешь заболеть –
Приходи кино смотреть...

Было начато строительство пекарни, детского сада. Только, опять же, пекарня так и не начала выпекать хлеб, а в детском саду не зазвенели голоса детей...

По окончании 5-го класса, 12-летним подростком, я со своим другом Ю.С., целый месяц отработал на т. н. «сушилке» – предприятии по переработке свежескошенной травы в «муку», используемую на корм скоту. Вставать приходилось в пять часов утра. Находилась «сушилка» за селом, примерно в километре, рядом с построенным свиноводческим комплексом. За восемь часов работы мы покрывались темно-зеленой «мучной» пылью с головы до пят. А неподалеку было небольшое озерцо – «Ямка», где эту пыль можно было смыть. За месяц мы заработали что-то по 100 рублей на брата – хорошие по тем временам деньги.

С наступлением осени вся школа, начиная с 4-го класса, выезжала в поля, помогая, как те студенты, колхозу в уборке картофеля, моркови, свеклы. Эти моменты мне особенно дороги.

Старый автобус – медленно и словно нехотя – тащится по ухабистой, пыльной дороге. Машину то и дело, будто пьяную, мотает из стороны в сторону, подбрасывает, когда колеса наезжают на какую-нибудь неровность.

Я стою в конце салона, у окошка. Крепко держусь за поручни. Передо мной – старшеклассники: парни и девчонки. Им – все ни почем, и ухабистая дорога тоже. Я обращаю внимание, главным образом, на девчонок. Потому что они: во-первых – красивые, во-вторых – поют! О любви. Звонкими, чистыми голосами.

А он мне нравится, нравится, нравится
И для меня на свете друга лучше нет!
А он мне нравится, нравится, нравится,
И это все, что я могу сказать в ответ...

Анна Герман пела эту песню...

Автобус останавливается. Прямо на поле, имеющем ярко выраженный зеленый цвет. Это свекла. Густая ботва склоняется от собственной тяжести книзу.

Небо – чистое.

Солнце поднимается все выше.

Становится жарко.

Сбрасываем с плеч куртки.

Приступаем к работе. Выдергиваем свеклу из земли и срезаем ножом ботву.

Перерыв!

Быстрый обед.

Немного еще работы.

Возвращение домой.

И снова – нешуточные девичьи страдания.

Там, где клен шумит над речной волной,

Говорили мы о любви с тобой.

Отшумел тот клен, в поле бродит мгла,

А любовь, как сон, стороной прошла...

После окончания 9-го класса, в начале июня, мужская половина, по распоряжению военкомата, была направлена в районный центр – на двухнедельные военно-учебные сборы. В течение этого времени мы должны были познакомиться с азами военной службы.

Жили в одноэтажном дощатом бараке. Спали по-спартански – на спортивных матах, на полу, без мягких подушек и простыней. Отбой в 23.00, после вечерней поверки, как

в армии, подъем в 7.00. После подъема – зарядка, умывание во дворе, холодной водой, завтрак. Затем – зубрежка воинских уставов, обучение ходьбе строевым шагом, различным строевым приемам, разучивание военно-патриотических песен, маршировка с песнопениями по улицам поселка.

По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони-дончаки.
Распеваает верховой:
«Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казацких
Из чужой реки».
Казаки, казаки,
Едут, едут
по Берлину
Наши казаки!

Во время сборов мы впервые взяли в руки оружие. Настоящее, боевое. В специально оборудованном месте, за поселком, под бдительным оком сотрудников военкомата, – каждый допризывник сделал три выстрела по мишени «из положения лежа»...

Это было время, когда мы стали больше, а деревья «меньше».

Через несколько лет в стране случилась «перестройка». Шквальный ветер перемен достиг и моего села. Хозяйство стало стремительно приходить в упадок. В короткий срок все оказалось разрушено «до основания». Богатый прежде колхоз лишился трех- или пятидесяти тысяч поголовья свиней, нескольких

сотен коров (помещения свиноводческого комплекса, как и моя «сушилка», были разобраны до последнего кирпичика, до последнего листа шифера). На разрушающиеся здания Дома культуры и школы нельзя смотреть без горечи и грусти. Поля перестали засеиваться. Безработный люд потянулся на заработки в Москву. От 600 учеников осталось одно воспоминание. Сегодня в школе учатся 40 человек. Едва ли не половина домов стоят брошенными, с «пустыми глазницами окон». Перед «ослепшими избами» – густой, высокий бурьян.

Справедливости ради, надо сказать, что некоторым моим землякам не чуждо чувство прекрасного. Они стараются (по мере сил и возможностей) украсить свои дома – внутренне и внешне, на придомовую территорию любо-дорого посмотреть. На полях летом вновь колосится пшеница – это частная инициатива некоторых предприимчивых селян. Но в целом, нового, лучшего, мира не построено. Но это, как говорится, уже другая история.

Разумеется, любовь к отчему краю от всех этих «тектонических сдвигов» не уменьшается. Наоборот, она становится крепче, сильнее, возвышенной, хотя и с немалой долей печали.

Не могу сказать, чье чувство сильнее: мое или моей дочери. Они, чувства, в силу разницы в возрасте, других причин – несколько разные. Это естественно. Так и должно быть. Разубеждать же ее я, конечно, не буду...

2014 год

Константин ПАСТЕРНАК

МАРУСЯ

Рассказ

Давно я задумал написать этот рассказ. Не однажды даже пытался писать его. Но рассказ упорно не получался. То я не знал с чего начать, то отвлекался на посторонние детали и рассказ выходил длинный и многословный, то...

Впрочем, я и сейчас не вполне уверен, получится ли мой рассказ на этот раз. А написать его необходимо прежде всего для самого себя, так как вот уже несколько лет он, как живой, просится и говорит НАПИШИ... А рассказ я назвал «Маруся». Под Сталинградом это было, во время войны. Я шел из фронтового госпиталя по лесной дороге в свою часть. Нога моя подзажила, но я еще немного хромал. Из молодой орешины я выломал себе палку, не столько для пользы, сколько для форсу и, шагая по обочине дороги, оглядывался и прислушивался, не идет ли какая машина, чтобы подъехать. Так я прошел изрядное расстояние. Солнце уже клонилось к закату. Дорога была пуста. Я забеспокоился – неужели никакой машины не будет?... Да такого же не может быть! И, правда, где-то в глубине леса послышался отдаленный рокот мотора. Я остановился, оперся на свою палку и ждал. Вскоре на лесной дороге показалась грузовая машина-полупортка. Гремя деревянным кузовом, ныряя по колдобинам фронтовой дороги, полупортка, наконец, подъехала и остановилась возле меня.

Шофер открыл дверцу кабины.

- Садись, пехота! Подвезем! Из госпиталя?
- Так точно!
- Ранило?
- Ага. Осколком при бомбежке.
- Быва-а-а...А сам-то откуда?

– Из Донбасса я.

– Слышал. А я с Волги. Симбирск.

– А-а-а

Поговорили. Дальше ехали молча. Не поворачивая головы, кося глазом, я рассматривал шофера и кабину: удивительно они были похожи друг на друга. Еще молодой, коренастый, стриженный, пилотка на нем вся в масляных пятнах, сидела не по форме, а блином, натянутая на уши. Выгоревшая гимнастерка, тоже в пятнах, на ней сверкал новенький гвардейский значок. Руки на «баранке» от загара и грязи были темно-коричневые, как будто не мыл он их со дня своего рождения. Кабина была не чище: рычаг переключения скорости был подперт деревянной рогаткой, чтобы не выскакивал, из сидения торчали пружины, на которых невозможно было сидеть.

К тому же под ногами был целый склад всяких железяк: гаечные ключи, насос со шлангом, всякие гайки, неуклюжий домкрат, ноги некуда было поставить, в результате колени упирались в подбородок. Так ехали мы по лесной дороге. И совсем на ровном сухом месте мотор чихнул. Раз, другой и... заглох. Шофер нажал на стартер, тот что-то прорычал, проскрипел и затих. Сколько шофер не давил на стартер – мотор молчал.

– Что с тобой, моя Маруся?– добродушно произнес шофер, открыл дверцу кабины, сошел, вытащил из-под сиденья длинную рукоятку и пытался завести мотор вручную.

Он яростно крутил рукоятку – да так, что дрожала и приподымалась кабина вместе со мной. Я выкарабкался из кабины, хотел предложить ему свою помощь, но увидев его мрачное, даже злое лицо, решил – лучше не

мешать, отошел с дороги в сторону и сел на пригорке. А он все крутил и крутил рукоятку, упав всем телом в изнеможении на мотор. Вдруг он выпрямился во весь рост, поднял вверх рукоятку и размахнулся...

– А-а-а!..– услышал я его крик, а затем пронзительный мат... (Я впервые слышал такую комбинацию слов.) По-детски беспомощно, он выкрикивал страшные тюремно-лагерные слова и в такт этим словам он несколько раз ударил по машине рукояткой. Это был нервный срыв. Мне стало жаль его. Потом он затих. Бросил на землю рукоятку и, тяжело дыша, поднялся на пригорок и сел недалеко от меня. Обхватив голову руками, он уткнулся лицом в колени. Так сидел он неподвижно, и мне даже подумалось, что он плачет...

Солнце уже коснулось верхушек дальнего леса. Воцарилась та предвечерняя тишина, когда слышно, как падает с дерева осенний желтый лист. И в этой тишине одиноко стоявшая на дороге полуторка вдруг неожиданно вздрогнула и мягко зарокотала, как ни в чем не бывало. Мотор работал четко, без перебоев. Я взглянул на шофера: он сидел в прежней позе, не поднимая головы, но по его спине чувствовалось, что он все слышит и ждет. Потом он медленно, очень медленно поднял голову, посмотрел на полуторку, потом на меня. И вдруг подпрыгнул, расставил руки, как крылья, и, казалось, полетел, как птица, к своей машине с радостным криком:

– Маруся! Милая! Я знал! Не подведешь!!!

Я поспешил за ним. Мотор работал безукоризненно, и всю оставшуюся дорогу мы ехали без происшествий, как говорят, нормально. И почему-то ехали молча. Шофер гордо сидел за рулем, выпрямившись, и изредка поглядывая на меня блестящими счастливыми глазами, как бы говоря: – БЫВА-А-А-Т!...

Прочитавший мой рассказ скажет: «Ерунда! Такого не может быть!»

В свою защиту я могу лишь привлечь русскую поговорку: «НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ, А ВРАТЬ НЕ МЕШАЙ!» А еще мог бы на помощь позвать В. Шекспира: («Есть в этом мире многое такое, что не по уму всем вашим му-

дрецам»), но это уже было бы слишком серьезно... Не надо!

Нескучный вокзал

Скажи, вокзал, вокзал нескучный,
Не уж-то нравится тебе
Век коротать свой непослушный
Послушным быть своей судьбе?
И было что тебе помехой
Взять чемодан, махнуть рукой
Сорваться с места и уехать
И посмотреть бы мир иной?
Таких же, как и ты проведать
И далее посмотреть иных,
Или иной судьбы изведать?
Живешь ты судьбами других!
И мне порой бывает грустно,
Порой так тошно, что беда....
Порой бывает просто пусто,
И вдаль потянет хоть куда...
Но я не еду – дело чести,
Но я не еду, не могу...
Я, как и ты, стою на месте,
Вращаюсь в собственном кругу.
Когда меня сомненья мучат,
К тебе, вокзал, я прихожу.
Я прихожу к тебе, нескучный,
И по перрону похожу.

***

Замолчите! Орать прекратите!
Пылесосить ковры подождите!
Со своею жратвой отодвиньтесь!
Вы, бетонные стены – раздвиньтесь!
Разверните, панели, пошире!
Слышу сквозь глухоту толстых стен,
Как в какой-то над нами квартире
Поселился прекрасный Шопен.

***

Вечер тихий такой,
Я брожу под луной
По тропинкам весеннего сада
Здесь мы были с тобой,

И ты грела рукой
Желтый лист от осеннего хлада...
Вот скамья под сосной,
Вот и берег крутой,
Вот свидетель – ночная прохлада
А теперь что с тобой?
С кем идешь под луной
По тропинкам весеннего сада?

Кто прав?

Жили двое на этой планете
И один сказал: «Эта земля – моя, и главный здесь – Я!»

А другой подошел и тихо вымолвил: «Нет!». Он поднял руку большую как свет, и сказал: «Эта Земля – частичка вселенной, она ничья. И не надо стараться ее иметь, а нужно просто уметь и умнеть. На этой Земле лучшей радости нет, на этой земле высшей мудрости нет!»

Американцы

Это было летом 1932 года, мне стукнуло девять лет, сестре было уже 14... Был яркий солнечный день, я сидел на печной лежанке, подобрал под себя ноги и ждал... Мать послала мою старшую сестру за картофельными очистками, а сама растапливала печь.

Сестра пришла, неся полную кошелку картофельных очисток, и еще в дверях сказала: «А сегодня много и жирные».

Мать высыпала очистки в большой таз, налила воды и стала мыть. Она несколько раз меняла воду, пока очистки не стали чистыми и желтоватыми. Когда печка разогрелась, мы с сестрой, выбирая очистки покрупней, прикладывали их к раскаленной плите печки мякотной, или как говорила сестра, «жирной» стороной, обжигая пальцы, плотно прижимали их к раскаленному металлу, чтобы очистки испеклись. Потом, подув на них, тщательно выгрызали съедобную часть картошки.

«Во! И солить не надо!» – восклицала сестра. «Ага! – повторяя я за ней – не надо!». Нам было весело и вкусно. Только наша мама сидела молча у плиты и, согнувшись, смотрела на огонь.

На Украине был голод.....

Напротив нашей хаты, через дорогу, стоял добротный дом, одноэтажный, кирпичный, с нарядным крыльцом, выкрашенным в зеленый цвет. Когда-то в нем жил владелец одной из шахт Донбасса. После революции хозяин сбежал за границу, и теперь дом принадлежал заводууправлению. В этом доме проживала какая-нибудь семья инженера-специалиста, прикомандированного на завод. Потом эта семья уезжала, а на ее место приезжала другая.

На это раз дом заняла семья инженера, вернувшегося из Америки. Его посылало правительство по спецдоговору на два года в Чикаго изучать процесс непрерывной разлики стали или что-то в этом роде. Уезжал инженер с худенькой женой, десятилетним сыном Иваном, с двумя чемоданами. А возвратился с располневшей супругой, поваром и гувернанткой. Сыну было уже 12 лет.

Мы с интересом и завистью смотрели на заграничную мебель, огромные чемоданы и ящики, которые выгружали заводские рабочие из двух грузовиков.

Близко не подходили, смотрели через дорогу, боялись, что нас прогонят.....

Рабочие вынули из ящика большую люстру и понесли в дом. Люстра сияла на солнце.

– Золотая, небось?

– Ну да, золотая?! Золотую давно бы украли и снесли в торгсин¹. Позолоченная вверху, а внутри железа.

– Много ты знаешь.

Переговаривались Димка и Колька.

– А вот и знаю!

Из дома выбежал сын Иван, вскочил на кузов, взял небольшой желтый чемодан и, ко-

¹ Торгсин – так в советское время назывались пункты скупки имущества у населения для перепродажи за границу. Буквально: торговля с иностранцами.

ротко взглянув на нас, скрылся за парадной дверью. Пустые грузовики уехали. В окнах дома зажегся яркий свет.

На другой день мы, как всегда, собрались и сидели в тени забора нашей хаты. Мы ждали, когда выйдет Иван, чтобы расспросить его об Америке. Но дом был тих.

– Спят, наверное, по-американски, это у нас день, а там ночь еще.

– Ты все знаешь, – сказал Колька

– А вот и знаю! – сказал Димка, – Солнце-то одно, и сейчас у нас. Если у нас день, то в Америке – ночь. И все там спят, и тут они спят по-американски. Привыкли.

– И все-то он знает, прямо профессор кислых щей, – сказал Колька, и все, кроме Димки, расхохотались.

Неожиданно в дверях появился Иван. Невзирая на жару, он был одет в черный костюм и казался выше, чем вчера.

Иван все смотрел на небо, на облака, на крыши домов, а нас даже не замечал.

– Он думает, если он американец, так мы должны к нему подходить, – сказал Колька, – пусть он к нам подходит, правильно?

– Правильно, – согласились все.

Но американец так и не сошел с крыльца. Постояв немного, он ушел в дом, так и не взглянув в нашу сторону.

На следующий день то же самое... Стоял, смотрел вверх, а на нас – ноль внимания.

– Давайте споем «Американца», – сказал Васько.

Все сказали: «Давай!».

На всякий случай все привстали, чтобы бежать, и хором запели:

Один американец
Засунул в попу палец.
И думает, что он
Заводит патефон.

И побежали всей гурьбой в переулочек, оглядываясь, не гонится ли он. Но американец продолжал стоять на крыльце и улыбался....

А через день мы гоняли тряпичный футбольный мяч. Иван сидел на лавочке и смотрел на нашу игру. Случайно мяч залетел под парадное крыльцо. Американец палкой достал мяч и отправил его к нам ногой.... С разбегу Васько оказался близко у крыльца, и, как ни в чем ни бывало, спросил американца:

– Тебя как зовут?

– Иван, – ответил по-русски американец.

– А по-американски как?

– Джон! Джон – это значит Иван.

Вмиг игра прекратилась, и все пацаны окружили Джона.

– А правда, что в Америке небоскребы по сто этажей? – спросил Колька.

– Даже больше, – ответил Джон.

– Вот это да-а-а, – сказал Димка.

– Только качает на карусели!

– Да ты чего? Зачем? – сказал Колька.

– Небоскреб должен качаться, иначе он развалится. Физический закон, – сказал Джон.

– Вот это да-а-а, – сказал Димка.

– А правда, что в Америке можно все купить без очереди? – спросил Колька.

– Можно все купить без очереди, – сказал Джон.

– А что в Америке едят? Обедают что? – Спросил Колька.

– Обедают? Суп с мясом, котлеты...

– Это по праздникам?

– Нет, это каждый день!

– Как? Как это каждый день?

– Каждый день. А что?

После этого разговора мы все решили бежать в Америку, но жаль, родители нас вернули.

Валерий СДОБНЯКОВ

Лауреат литературной премии им. Н.И. Рыленкова

ИСКРЫ ПОТУХАЮЩИХ КОСТРОВ

Разворачивая свиток времени

ПРОЩАЙ ДРУГИМ И ТЕБЕ ПРОСТИТСЯ

2007 год

3 января

Утром позвонила Наташа Адрианова – получила книгу из типографии («Обретенные тетради»). Договорились, что я заеду. Так и сделал. Сначала побывал на улице Мина в «Дятловых горах» (последние штрихи в верстке «В-18»), а уж потом зашел к Адриановой. Сидели в комнате Юрия Андреевича, пили чай. Наташа рассказала о письме Распутина, и что отослала Валентину Григорьевичу книгу воспоминаний об Адрианове. Сборник стихов издан хорошо, и ведь все она сделала на свои деньги, заняла у родственников. Для противного лагеря это поражение. Рябов хотел выкупить весь тираж, но Наташа не согласилась. Теперь в скором времени планирует провести презентацию книги (уже раздала около ста экземпляров) и затем выпустить сборник переписки Юрия Андреевича с друзьями и литераторами.

Комната все более становится похожа на мемориальную. Прежний жилой дух из нее постепенно уходит. Наверное, это хорошо, правильно. И елка украшена редкими, старыми елочными игрушками. От их вида легонько щемит в сердце.

9 января

Пришло поздравление от Виктора Потанина из Кургана на красивой Рождественской открытке – с праздниками и премией. Добрые слова написал о журнале, чем порадовал меня и взбодрил.

В типографии окончательно подписал в печать «Вертикаль». Преловский пообещал все сделать быстро, к восемнадцатому числу. Позвонил и сообщил об этом Шестинскому. Он же сказал, что вышел журнал «Слово», где есть и мой рассказ «Искушение». Ларионов привез номер Олегу Николаевичу еще третьего числа. Будем ждать почту. Шестинский чувствует себя плохо, ходит с трудом, задыхается. Возможно, опять ляжет в больницу.

10 января

В музее Радиолоборатории Поповские чтения. Информационно любопытно. Хорош рассказ о первых годах Нижегородского ЧК Шарова. Но в целом все та же, как и ранее, беда – поиск решения исправления ситуации вне духовного поля. По мне же, без исправления ситуации в сфере духа России своих проблем (СПИД, наркомания, алкоголизм, здоровье, преступность, падение производства, воровство олигархов, коррупция чиновников...) не решить.

Вечером два звонка – оба неожиданных. Юра Марахтанов (очень нетрезвый) узнавал о своих рассказах. Сказал прямо – они мне не понравились.

Альбертина Кессель – предлагает включиться по работе (организационной) над мемориальной доской Адрианову. Письмо В.П. Шанцеву Шамшурин отнес. Надо выяснить насчет денег. Найти «концы» этого письма. Интересная деталь. Она предложила Шамшурину (как вариант) выбить на доске строчки из стихотворения Юрия Андреевича «Эпилог XX века»:

Бессмертны и честь, и отвага,
А Родина – выше всего!
Валерий воспротивился – «Это Майн Камф» какой-то».

Удивительно, почему все, что связано с преданностью Родине, России, вызывает у него такое раздражение и протест?

12 января

В Центральной городской библиотеке поэтический Рождественский вечер. Ведет Борис Селезнев. Из серьезных поэтов никого, но зал полон. Неожиданно хорошее выступление подготовила сотрудница библиотеки по теме воскресения в художественной литературе. Один тезис – кто не испытал в себе воскресения, тот никогда этого (то есть православных догматов) не поймет – очень точен. Закончил вечер долгим своим словом-проповедью В. Цветков. Говорил хорошо, но уж слишком много назидательности, напора. После всего опять тяжелый (духовно опустошающий) разговор с Валерием Валентиновичем Фирсовым.

П.П. Шаров просит написать предисловие к его книге «Мозаика жизни заурядного человека». Селезнев явно схалтурил. Встретились у Дома книги. Ходили под дождем, спорили об истории, вере... Позвонил и пришел к подъезду Саша Высоцкий. Принес рукопись подборки стихов. Пьян.

Звонок Лены Крюковой: «Надо встречаться».

13 января

Набирает обороты работа над мемориальной доской Юрию Андреевичу Адрианову. Вчера выяснил в областном комитете, что деньги выделены и перечислены в Союз художников. Сегодня звонок Наташи. У нее был наш художник Ким Иванович Шихов и скульптор. По поводу надписи я предложил встретиться и обсудить коллективно на нейтральной территории (не в Союзе писателей) – например, в музее Горького.

15 января

Пашков устроил в театре Комедии замечательный поэтический вечер, где стихи классиков читали артисты нижегородских театров, а свои Жильцов и Эрастов. Атмосфера встречи теплая, заинтересованная. Поговорил с В.В. Никитиным, Л.С. Беловым, Н. Прибутковской, Г.С. Демуровым...

Перед этим звонил Шестинскому. Хандрит и физически плохо себя чувствует. Хотел прогуляться по улице, но вернулся – задыхается.

17 января

Вчера по сотовому меня разыскал В.П. Полеванов. Ждет журнал, хочет его посмотреть до 29-го числа, перед своей поездкой куда-то. А сегодня дважды звонок Наташи Адриановой. Перед завтрашним обсуждением надписи на мемориальной доске сообщила новость – Цирульников, Кессель и другие против надписи «русский поэт». Требуют «русский поэт». Наташа предупредила: «Мы остались вдвоем». Я спросил: «Какие аргументы против «русского поэта?»» «Утверждают, что теперь так не принято писать и говорить, такого словосочетания не используют».

Звонок Александра Пашкова – Владимир Жильцов ему сообщил, что сегодня они с Шамшуриным и Рябовым договорились, что Володя будет председателем нашего Союза писателей. В правление войдут Цирульников, Чуянов, они, Прилепин.

В дополнение всего пришли стихи от Шестинского, которые Алексей Маркович напрочь раскритиковал. Я вроде бы в чем-то с ним и согласился, а когда перечитал, то вновь душой на них откликнулся. Я понимаю состояние Олега Николаевича, что он хотел сказать. Он жаждет умиротворения, успокоения и обращается к вопросам вечным.

Днем в музей заходил Валентин Арсеньевич Николаев. По моей просьбе рассказал историю создания рассказа «Солнышко всем» – от отзывов Игоря Дедкова и Виктора Астафьева до публикации его в «Ленинской смене» Пашковым. Я попросил наконец-то показать рассказ мне (скоро тридцать лет,

как о нем слышу, но ни в одном журнале, ни в одной книге он так и не был напечатан) – обещал.

18 января

В 15.00 встреча в Литературном музее комиссии по литературному наследию Ю.А. Адрианова: Наталья, я, Шамшурин, Цирульников, Рябов, Фигарев. Наташа настроена категорично. Предложенный ею текст принимается единодушно с маленькой редакционной правкой (убрали слова «выдающийся» и «писатель»). Цирульников робко попытался возразить против словосочетания «русский поэт», но это не прошло. Я вздохнул с облегчением. С заседания этого шел, как с праздника. Теперь Юрию Андреевичу будет достойная мемориальная доска на доме, где он жил. (Ведь половину ночи перед этим не спал, терзался, а они побоялись вступить в спор, все разговоры «против» остались за кулисами). Но drogни мы – и у них все бы получилось.

В 16.00 в Союзе Правление. Повестка дня – предстоящее собрание. Шамшурин уходит. Вместо него предлагается Жильцов. Валерием был поднят вопрос и о моей кандидатуре. Я сразу отказался, да и все высказались против (в чем я и до этого был уверен).

– Но этот вопрос может быть поднят на собрании, – забеспокоился Шамшурин.

– Не будет, – успокоил его я.

20 января

В Союзе выборы. В общем-то прошло все спокойно, хотя выступлений (и всяких – Валентин Николаев, обращаясь к Шамшурину, просто ругался) было много. Даже я не выдержал, сказал свое слово.

После застолья шли с Николаевым. У нас с ним это давно вошло в традицию – мнением от увиденного и услышанного обменяться.

В перерыве заседания взял «Земляков», где есть и мои публикации. Может быть, зря я их туда дал – прощальное слово с Вячеславом Михайловичем Клыковым (Шамшурин дал тексту свое название – «Завещание» и

статья «Возможен ли бунт в современной России» (заголовок в альманахе «Не бессмысленный, но беспощадный»)?

22 января

В типографии получил «В-18». Опять есть брак – непропечатанные страницы. И фотографии слишком черны, плохо различимы. Позвонил Кожину, Кононенко, Полеванову. Придется везти в Москву журналы такими, какие есть.

24 января. Москва

Приехал на утреннем поезде. В гостинице «Мотор Сич» устроился удачно, но и огорчился – Кононенко уехал. Журналы для него оставил у секретаря. С Полевановым повстречались в офисе Владимира Павловича. Журналом (фотографиями в нем) он остался доволен. Записали на диктофон часовую беседу. Любопытную. Хотя до главного – Китая, золота, большой политики, природных катаклизмов – дойти не успели. Решили, что договорим потом. Эту запись надо будет расшифровать. Думаю, что и этот разговор породит новые вопросы.

В «Советский писатель» пошел пешком. Понимал, что это не должно быть далеко. Но не ожидал, что офис так близко от Красной площади. По Пятницкой вышел к мосту через реку. Далее, обойдя Кремль, мимо библиотеки Ленина вышел на Новый Арбат. Вот и все. Ларионов оказался у себя. Накормил обедом, выдал гонорар и журналы с публикацией «Искушения». Был грустен и малоразговорчив. Но все свои вопросы на будущее я с ним обговорил.

Теперь в «Форте-клуб». До юбилея Михаила Ивановича Ножкина, который устраивает Клуб Н.И. Рыжкова, пришлось с час бродить по Тверской. Благо, погода сухая (подморозило) и безветренная.

Сам юбилей оказался довольно домашним. Перед началом Ножкин подошел ко мне. Мы обнялись. Я его поздравил и от писателей, и от геологов. Еще раздал «В-18» некоторым. За столом сидел с директором

НИИХИММАШ (предприятие, изготовившее все наши космические ракеты) А.А. Макаровым.

25.01. В Москве холодно, метель. Узнал у соседа по номеру, что Петр Иванович будет только на следующей неделе. Надо уезжать. Хорошо, что билеты в кассах были. Купил без проблем. Потом поехал в Союз. Там никого (с Ганичевым виделись вчера на юбилее) – один Геннадий Иванов. Какой же мертвечиной там от всего веет. Оставил письмо нашего собрания (слезное), касающееся особняка, и парочку «Земляков». Что же, план поездки полностью выполнил... кроме главного.

28–29 января

Был у меня Борис Лукин. Утром встретил его с поезда на вокзале. Вместе ходили на службу в собор Александра Невского. Поднялись к отреставрированному храму Сергия Радонежского. Убранство богато – роспись везде, позолота, мраморный пол. А уж потом отправились к Володе Заногге смотреть последние работы. Просидели в мастерской до вечера. С площади Минина домой шли пешком. Мороз стойко установился за минус десять градусов. По Волге плыли большие ледяные поля. Черная вода и белый, заснеженный лед.

29.01. Борис весь день занимался подготовкой макета своей книжки в «Дятловых горах». Я у себя в «Волгагеологии» дорасшифровал с диктофона запись беседы с Полевановым. Потом опять вернулся в Союз. Метель. В городе сплошные пробки. Заседание Правления вел Жильцов. Ясно, что в нашей работе надо что-то менять, но никто не знает, что и как. Меня и Захара Прилепина Володя предложил в замы. Борис с нами просидел на правлении – стойко!

9 февраля

Разнес журнал по библиотекам. Побывал и у Н.И. Лещевой в комитете по культуре.

Вечером в Областной библиотеке пятилетие издательства «Книги». Вел Сергей Чуянов. Олег Рябов на сцене за столом. По-

здравления чередовались с музыкальными и вокальными номерами. Все любопытно и неутомительно. Потом еще немного поговорили с Эдуардом Чапраком, подарил ему «В-18». Стол хорош, как и обычно на торжествах у Олега. Получилась местная творческая тусовка. После ужина захотелось пройтись пешком. Так через мост и прошел до дома.

Испортил вечер немного Михаил Веселицкий, представивший опять свое театрально-сексуальное представление, как он уверил, по Сергею Довлатову. Чапрак по этому поводу высказал мне недоумение:

– Надо же понимать где, перед кем и что показывать...

Уже поздно вечером позвонил дедушка – умерла Валя (в Доскине). А я с ней несколько дней назад разговаривал по телефону, торговалась со мной насчет продажи фарфоровой ванны. В обычную она не умещалась – слишком полная.

12 февраля

Звонил Кононенко – он на Украине; Шестинским – Олег Николаевич в больнице (чувствует себя неважно, капризничает); в Питер – оказывается, у Виталия сегодня 50-летие. Вот так все вперемежку и все не радостно.

14–15 февраля. Москва

На этот раз поездка получилась спокойной. Все, что намечал, выполнил. Немного решил вопрос с Кононенко. Вечером в Индийском посольстве провели вечер русские поэты – Ананичев и еще одна женщина. Читали хорошие стихи. Что-то исполнялось под музыку. У Ананичева хорошие тексты, но исполняет он их не по-бардовски, а по-эстраднему. От этого поэзия отчасти теряется. В окончании вечера скромный фуршет с непонятными индийскими, очень специфическими закусками.

Перед тем, как идти в посольство, заехал к Лукину в «Литературную газету». Там встретился с Яковлевым. Саша прочитал мою заметку о его книге. Удивился, какие я нашел параллели.

15.02. Получив необходимое от Кононенко, из гостиницы созвонился с Кодиным и поехал к нему в Университет, повез журналы. При встрече Михаил Иванович напомнил, что нужно прислать мои материалы о Клубе для книги, посвященной юбилею. До него осталось совсем немного – два полноценных заседания.

После обеда время до поезда еще оставалось, заехал на улицу Поварскую к Ларионову. Хотел забрать только диск с фотографиями, но Арсений Васильевич меня ждал, усадил за стол. Встреча получилась душевной и откровенной. Ларионов сказал, что относится ко мне более чем дружески. «Читаю потихонечку вашу книгу. Вы по образованию инженер?» «Нет, экономист». «Ну, это все равно. У вас мысль в произведениях выстраивается, конструируется». Думаю, это точная оценка, хотя сам я так еще не думал. Но теперь склонен с таким выводом согласиться.

До Курского вокзала ехал на «Волге» Арсения Васильевича. Дороги забиты, но по Садовому кольцу совсем близко – к поезду успел загодя.

16 февраля

День встреч. С Коломийцем договорились, что я начинаю подготовку его большой книги поэзии и прозы. Тут же связался с Геней Щегловым.

Борис Селезнев пришел забрать подборку стихов Владимира Корнилова из Братска, которую я вместе со своим вступлением подготовил для «Арины». Проговорили долго. Рассказал ему о своей идее сделать специальный всероссийский поэтический выпуск «Вертикали». Тогда же позвонили от Рагима, спросили о дне моего рождения. Потом и сам Рагим взял трубку. Журнал мой он читает. Приглашает с семьей в гости в Дербент.

После обеда пришел Евгений Иванович Галкин. В наших беседах он все больше раскрывается. Так, на тему еврейства (став сразу серьезным и категоричным) жестко заявил – они умнее нас. (Я тут же подобные слова вспомнил, услышанные от Жильцова).

В его воспоминаниях о встречах с Адриановым нет теплоты, сочувствия, но много цинизма. Потому он и не понимает сути произошедшего между ними разрыва. А ведь Юрий Андреевич чувствовал именно это. Потому и обида накапливалась, несмотря на огромное количество перепитой совместно водки и какие-то денежные подачки.

20 февраля

Еще вчера неожиданно позвонил на сотовый Валерий Базунов. Мы с ним не общались со времен моего сотрудничества с «Горьковским рабочим». Последние годы, больше десяти лет, он возглавлял нижегородский выпуск «Из рук в руки». Попросил о встрече. Сегодня повидались. Базунов ушел из рекламы и хочет нормального творческого общения. Думал об истории России, ее пути. Что-то пишет. Мы повспоминали прошлое, обменялись взглядами по поводу сегодняшнего времени. Подарил ему «В-18» и пригласил к сотрудничеству. Посетовал, что такого как у него опыта в бизнес-издательском деле «Вертикали» не хватает, чтобы стабильно выходить.

Расстались оба воодушевленные произошедшим разговором. Базунов попросил – если у меня будут встречаться писатели, то на это общение приглашать и его.

Следом пришел Владимир Цветков с идеей создать ассоциацию независимых писателей. У меня по этому поводу серьезные сомнения (хотя в целом я идею одобрил) – с кем создавать? Ведь нужны не болтуны, а деятели.

22 февраля

В Союзе писателей приехавший из Москвы Юрий Уваров вручил общественные ордена Киму Шихову и Валерию Шамшурину. Но главное – Вячеслав Широков представил свой концерт на стихи Владимира Миронова. Видно, что он влюблен в его поэзию. Но к исполнению (к тем акцентам, которые Широков расставил, исполняя стихи и песни на стихи Миронова) у меня есть претензии.

Много натяжек, пафоса, театрального надрыва. Но то, что он создал композицию на стихи поэта – замечательно.

Вечером – застолье в кафе, в подвале у Союза. Камерное, доброжелательное. Нас человек десять. Богатый стол. Устроил все Уваров.

После концертного выступления Широкова я переговорил с Олегом Рябовым о специальном выпуске поэтического номера «Вертикали». Он на это откликнулся горячо. Сказал, что деньги найдет. Хотя, я думаю (уже дома, после застолья), что обманет.

23 февраля

Позвонил Валерий Александрович Базунов. Прочитал «Вертикаль». Оценки самые высокие. Хочет встретиться по поводу каких-то конкретных предложений. «Вы делаете великое дело». Неужели может появиться единомышленник-менеджер? Даже боюсь в это поверить.

26 февраля

Позвонил в Переделкино Шестинскому. Олег Николаевич бодр, больница пошла ему на пользу. Теперь гуляет по большой улице. Благо, погода стоит замечательная – солнечная, снежная и немного морозная.

Олег Николаевич продолжил традицию прогулок по этой улице после Андрея Вознесенского – своего соседа по переделкинским дачам. Раньше, изредка они встречались на этих прогулках, здоровались. Теперь Вознесенский на подобные прогулки не выходит.

Статья Олега Николаевича обо мне в «Патриоте» вышла. А вот в «Слове» моей публикации нет. Оттого я немного огорчился. Мой материал отложили, видимо, потому, что в номере много Шестинского – рассказы, рецензия. В больнице Олег Николаевич написал новую поэму. Возлагает на нее надежды, как на некое новое свое слово. Обещал прислать для прочтения.

27 февраля

В Центральной библиотеке Ленинского района десятилетие «Светелки». Опять все

безалаберно, низко профессионально. Застолье в дешевом кафе. Жаль загубленного дня. Сколько раз обещал себе прекратить все это. Но поддался на уговоры.

1 марта

Позвонил Покровский. Деньги на сборник «Русское» городской комитет по культуре дает. Хочет срочно встретиться. Договариваемся, что в «Перекрестке». Выяснилась одна неприятная деталь – он против того, чтобы это выходило под «Вертикалью». Начинаются игры амбиций. Как противно. Но я все-таки взялся довести это дело до ума. Подготовил письмо от Союза писателей в поддержку книги и отзыв о рукописи от Жильцова. Подписал у Владимира.

В 11.30 в Союзе журналистов Захар Прилепин рассказывал о встрече с В.В. Путиным молодых писателей. Общее мое впечатление – конечно, от этой власти ждать решений в социальной и культурной сферах нечего. Она цинична и жестока по отношению к людям.

В 18.00 закрытие театрального фестиваля имени народного артиста СССР Евгения Евстигнеева в Комедии. Мне показалось, что все очень убого. Из-за отсутствия денег? Видимо, этот конкурс начинает затухать.

4–7 марта. Москва

В гостиницу «Измайловская» приехали вечером. На следующее утро с Алексеем Марковичем пришлось ехать в Союз за приглашительными билетами на Всемирный Русский Народный Собор. Оттуда пешком прошли до Храма Христа Спасителя.

Сразу скажу – во всех выступлениях на Соборе не хватало радикализма. Ситуация с бедностью в стране ужасающая. Потому необходимо власти в лицо бросить не упреки, а самые жесткие обвинения. Этого не было.

На Всемирном Русском Народном Соборе был только один министр – Соколов (культура). Вот тебе вся всемирность и народность! От законодателей – Слиска (заместитель Председателя Государственной Думы), Торшин (заместитель Председателя Совета

Федерации). От крупного бизнеса – Якунин (ОАО «Российские железные дороги»).

Вступительное слово произнес Ганичев. Сказал свое слово Патриарх. Представитель Президента в Центральном федеральном округе Полтавченко зачитал приветствие от Путина.

О докладе митрополита Кирилла опять будут много шуметь, но мне кажется, это больше пиар, чем желание что-то решить, как-то облегчить участь людей. Хотя им и было констатировано – 20 процентов жителей России существуют на доходы ниже прожиточного минимума; крестьяне бросают земли, уезжают в города, чтобы как-то выжить; в России от 30 до 40 процентов всех ресурсов Земли, и в то же время разрыв в доходах между 10 процентами самых богатых и такого же количества самых бедных достигает (по официальной статистике) 15 раз; нет социальной защищенности, которая существовала в СССР.

После Премьер министр Украины Азаров зачитал приветствие от Януковича.

Соколов – По статистике, представленной ООН, во всем мире население все более и более беднеет. У нас просто катастрофическое положение с оплатой труда в сфере культуры.

Архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Зарубежная Церковь) – В мае этого года будет подписан акт об объединении Церквей...

Вечер этого дня с Шемшученко провели в «Мотор Сич». Я результативно встретился с Кононенко.

6.03. У метро «Краснопресненское» встретились с Володей. Пленум Союза в ЦДЛ. Мы пришли туда с опозданием. Немного попутали в окрестностях зоопарка – Шемшученко решил провести более короткой дорогой.

Хорошую статью о языке зачитал с трибуны Личутин. Но слишком длинную. Не дали закончить, прервали. Надо будет ее перечитать в «Литературке». В целом от уровня выступлений (а дискуссии вообще не было) впечатление удручающее. Хотя хорошо, что в перерыве со многими повстречался.

Вечером посидели в редакции «Литературной газеты», затем в баре около Красной площади попили пиво с Лукиным и Шемшученко. Владимир читал стихи Бориса и очень их ругал (об этом он говорил мне еще утром). Вечером просто общались, никаких оценок не делали.

Вчера, при расставании Шемшученко сообщил мне новость о провозглашении на собрании (или каком-то форуме) в Воронеже Виталия Розе Царем. Говорит, что у него есть фотографии схождения благодати на Виталия во время этого. Очень хочется на эту тему поговорить с Розе.

7.03. Назад ехали в полной машине. Опять не удержался, поспорил с Алексеем Марковичем по поводу биографии Давида Самойлова. На душе гадкий осадок. Ну, право, как можно говорить, что в советское время его стихи не печатались. Да у Самойлова удачная литературная судьба, биография!

10 марта

Вечером в мастерской у Заноги. Приехал с Сережей Шестаком. Было еще три человека – те, с которыми Владимир путешествовал на яхте по Волге. Занога показывал новую свою большую работу «Макарьевский монастырь», на мой взгляд удачную. Она встает в ряд его работ о Нижегородском Кремле. Внутренним, эмоциональным содержанием они схожи.

13 марта

Позвонил домой Виталию. Сказал ему, что и статью прочитал, и Владимир мне новость об Александре 4-м сообщил. Последовал долгий монолог Розе, в котором не все я понял. Но главное уяснил – все было ему открыто еще десять лет назад. Теперь все должно как-то развиваться. Но как? И все-таки как трудно это событие принять не разумом, а сердцем, угнездить его в нем.

Коломиец на туристической базе «Волгагеологии» (в Киселихе, на берегу Линды) провел Совет директоров Советского района. Позвал туда и меня. Сам представил

«Вертикаль» и попытался «выпросить» на ее издание денег. Но мне кажется, безуспешно. Слушали его равнодушно.

15–16 марта. Москва

В РГСУ Козин проводит Международный круглый стол под эгидой Собора славянских народов Украины, России, Белоруссии. Я приехал с опозданием почти на два часа. Но некоторые любопытные выступления застал. Особенно приведенная статистика по экономике, демографии... Как всегда спокойно и убедительно говорил Сергей Глазьев. Я, к сожалению, почти ничего не записывал. Писать в ближайшие номера «Вертикали», видимо, ничего не буду. Или дам о последних своих поездках какой-то обобщенный материал. Тем более, что в проблематике они перекликаются.

Закончилось все студенческим концертом и обедом.

После некоторых передвижений по Москве поехали с Шемшученко в гостиницу. Для меня места не нашлось. Пришлось звонить Шестинским и «бегом» ехать в Переделкино. На последнюю электричку еле успел – вскочил в крайний вагон, и двери закрылись. Зато, подходя к дому, увидел, что свет горит везде – на первом и втором этажах, на балконе. Это чтобы случаем не заблудился, чтобы видел – ждут.

Встретили радушно. Оказывается, Олег Николаевич с Ларионовым ездили к Бондареву на день рождения (восемьдесят три года) – тоже живет на даче. Рассказал коротко, что там снимало телевидение, потом застолье, за которым Юрий Васильевич лихо пил водку. На мой вопрос, что Бондарев сейчас пишет, кроме «Мгновений», Олег Николаевич ответил – похоже, затеял новый роман.

Улегся я спать «на своем месте», успев еще прочитать рукописи статьи и поэмы Шестинского.

16.03. За завтраком заговорили о рукописях. Олег Николаевич им придает очень большое значение (впрочем, как и всему им написанному в последнее время), я же

каких-то значительных открытий, откровений в них не вижу. Все написано под впечатлением от только что прочитанных воспоминаний о Корниловском «Ледяном походе» (он же Кубанский степной, во главе которого стоял генерал Л.Г. Корнилов, погибший во время этого похода). В общем, еще буду писать о своих впечатлениях письмо Шестинскому. Там постараюсь как-то объективно разобрататься в своих впечатлениях.

Погода чудесная. Сухо, солнце. Потому и в Москве, купив билет на Кировский поезд с Ярославского вокзала, решил прогуляться. Осмотрел памятник на Комсомольской площади первому министру (Российской империи) путей сообщения. Все монументально – мрамор, гранит, чугунные решетки.

От Казанского вокзала пошел в сторону Садового кольца. И тут вспомнил, что стоит съездить в Союз, попытаться забрать газеты «Русский писатель» с моей публикацией о книге Адрианова. Правда, в пятницу там никого не бывает, и все-таки стоит попробовать. Вошел в метро «Красные ворота».

В Союзе получилось все удачно. Газеты взял. Встретился с Геннадием Ивановым, передал ему «В-18» с его публикацией. Обрадовался. Оказывается, отосланные по почте журналы до него не дошли. Сразу же предложил поехать с делегацией писателей в Белгород в мае.

В «Советский писатель» к Арсению Ларионову пошел пешком по старому маршруту по Большой Афанасьевской. Перед этим зашел в магазин «Софрино». Давно собирался, и вот выполнил задуманное. Огромное количество разнообразных икон, утвари, драгоценных наперсных крестов с панаягами. Два этажа, где и облачения, и хоругви – богато, красиво, тихо звучат песнопения из невидимых динамик.

У Ларионова обедали с Владимиром Вельможиным (главным редактором подмосковной газеты «Щелковчанка») после встречи того со студентами. Наши с ним впечатления об их уровне подготовки и принципах дальнейшей работы совпали. Арсений Васильев-

вич вспомнил о моей заметке, о том, что «ее читал весь факультет». Кстати, передал мне копию своего текста о моей книге («Сопроотивление нелюбви»), который будет опубликован в журнале «Слово», и тоже копии двух писем, которые мне отослал. Я понял, что последнее письмо к Ларионову от меня его задело. Что ж, я на это рассчитывал, надеялся втянуть его в полемику.

На вокзал пришлось добираться бегом. Вельможин вызвался подвезти, но машины на Новом Арбате не оказалось. Видимо, патруль эвакуировал.

18 марта

Сходил к Наташе Адриановой, отнес газеты. Рассказала, как прошел вечер памяти в Университете. Опять много обид. Но не хочется об этом. К вечеру она получила второй тираж (пятьсот экземпляров) «Обретенных тетрадей». А скоро выйдет книга последних стихов Юрия Андреевича. Я перелистал рукопись ее. Она хранится в отдельной папке. Удивительное чувство испытал, будто вновь с ним повстречался. Ведь отдельные листы я держал в руках при его жизни.

22 марта

На заседании Правления (Жильцов, Чянов, Рябов, я) Олег впервые сказал правду. Из этого дома Союз выгоняют. На месте нашего особняка будет строиться гостиница. Союзу предоставят другое помещение.

Как и ожидалось – всем правит не Шамшурин, а Рябов. Жильцов выступает чистой марионеткой. Только поддакивает и ждет подачек, которые ему швыряют все реже и реже. Вид у «председателя» жалкий.

Продолжается борьба за мемориальную доску Ю.А. Адрианову. Рябов заявил, что он «остановил ту дурь», имея в виду размещение доски на здании филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где учился поэт. Вечером я звонил Наташе. Та завершила, что все осталось в силе.

У меня складывается такое впечатление, что Олег Рябов «поподлее» и понетерпимее Шамшурина будет.

24 марта

Должен был состояться «марш несогласных», запрещенный властью. Впрочем, это ей, власти, не помешало перепугаться до смерти. Я специально пошел на все это посмотреть. Ничего подобного раньше в городе не происходило. Уже у нас на ярмарке группы милиционеров человек по пять, с противогазными сумками, патрулируют улицы. Те же группы на Канавинском мосту через Оку блокируют пешеходные дорожки. Весь центр города для движения транспорта перекрыт. Всюду ГАИ и все те же милиционеры с противогазами. Ворота в Кремль со всех сторон держат спецвойска в шлемах, наколенниках, бронежилетах... На площади Минина стоят спецавтомобили с видеокамерами на крышах и микрофонами для прослушивания. На Большой Покровской милиция просто кишит. В новостях увидел, что у телецентра стоит бронетранспортер с крупнокалиберным пулеметом. Насколько же наша власть труслива, боится за свою шкуру. Чувствует свою незаконность, неправедность. Ведь всю эту силищу нагнали, чтобы разогнать сотню-другую стариков и подростков, вооруженных флагами. Нет, эта власть рухнет, и очень скоро. С подлой трусливой душой долго не живут.

29 марта. Княгинино

Юрий Хромов сагитировал съездить в местный институт на вечер памяти Александра Ивановича Люкина. Принимал ректор. Студенты читали стихи Александра Ивановича (плохо), рассказывали о его жизни (наивно и поверхностно). Но ректор любит поэзию и пытается это же привить студентам, что похвально. Закончился вечер нашими выступлениями – Хромов, Карпенко, Фигарев, я, проректор Сельхозинститута (Нижегородского), тоже пишущий стихи, Ивенин. На обратной дороге много говорили с Карпен-

ко. Он мне нравится своей рассудительностью, цельностью.

30 марта

Отдал Коломийцу читать черновую верстку его книги. Приходила Мария Сухорукова. Принесла свои книги и рукопись воспоминаний о Федоре Сухове – своем муже. Друг о друге мы слышали, но встретились впервые. После ее ухода сразу начал читать воспоминания. Не ахти какие откровения, но что-то в них есть. Надо публиковать.

В 17.00 в школе на Александровском шоссе собрание патриотов из общества «Отчизна». Выступает какой-то иеродьякон (автор книг) по поводу новых паспортов, ИНН, прихода антихриста и так далее. Говорит два часа с упоением (больше я не выдержал, ушел). Народу собралось полный небольшой зал. Преимущественно старушки. Все это жутко пахнет маргинальством. Сказать это прямо пригласившему меня Володе Цветкову не решился – обидел бы. Но бесконечный пафос оратора меня ни в чем не убедил. От элементарного логического построения его концепция неприятия новых паспортов просто рассыпается.

2 апреля

Начали работать с А.И. Юриным над макетом «В-19». В Союзе разговор с Чуюновым (Рябов не приехал) о возможном продвижении журнала на финансирование через Комитет по культуре области. Сергей высказал ряд любопытных идей и предложений по содержанию журнала. Пока все ограничилось этим.

3 апреля

Встретившись с Валерием Шамшуриным в «Дятловых горах» (приносил договор на «Русское» подписать Игорю Преловскому – он так документ и не оформил), завел разговор о журнале. Он вроде бы тоже идею более тесного контакта «Вертикали» с Союзом одобряет. Я предложил Валерию Анатольевичу войти в состав редсовета. Он без колебаний

согласился. Обговорили (приблизительно) возможные темы сотрудничества.

Тут и Жильцов сообщил, что завтра правление. Что же, вот и поднимаю вопрос о журнале.

В музей ко мне позвонила, а потом и приехала Сухорукова со своей спутницей Ириной Высоцкой. Сидели в фойе на диване и говорили не менее часа. Очень хвалила мою книжку «Обретение России», даже подарила стихотворение, что мне посвятила по прочтению. Я прочитал воспоминания о Сухове с большим интересом... Не со всеми оценками истории Федора Григорьевича могу согласиться – но и отрицать, что это самостоятельный, выстраданный взгляд, никак не могу. Получил у Марии добро на публикацию. В свою очередь, подписал ей «Сопrotивление нелюбви». Книгу она купила у Преловского в издательстве. Вообще, она оставляет впечатление отзывчивого и искреннего человека. Наши оценки духовной жизни во многом схожи, потому и общение получается не тягостным, а радостным.

4 апреля

Долго разговаривали с Шестинским по телефону. Он написал новые статьи, рассказ, который посвятил Валентину Николаеву. Прочитал мне заметку для «Патриота», где отвечает «группе писателей» на призыв о примирении.

В Союзе правление. Текущие вопросы. В разном утвердили мою книгу на премию Нижнего Новгорода и обсудили вопрос по сотрудничеству «Вертикали» и Союза. Группа, координирующая работу – я, Чуюнов, Рябов, Шамшурин.

7–8 апреля. Пасха

С Шестаком на Пасхальную службу пошли в Собор Александра Невского. Там все дороги, двory, территории заставлены машинами. У паперти светят телевизионные камеры. Народ валом валит с Крестного хода. В сам собор не пройти – центральные двери закрыты. (Потом от Селезнева узнал, что были открыты боковые). Я подумав, что и

в храме политико-административная тусовка (решили отгородиться от народа) в раздражении ушел в Староярмарочный собор. Там намного свободнее, хотя храм заполнен людьми. Много молодых парней. Крестятся истово, с верой. Как это радостно. Хотят быть причастными к истории и вере своей страны.

Выйдя из собора, еще долго ходили с Сергеем около нашего дома и по бульвару. Ночь холодная, но праздник во всем. Люди радостные, горит свет в окнах домов. В этот раз много говорили о литературе.

9 апреля

Прежде чем продолжать этот дневник, несколько дней думал – стоит ли? Есть ли смысл в констатации каких-то фактов личной биографии без анализа, дополнительных размышлений по поводу их? И все-таки решил продолжить. Пусть это будет деловой дневник, по которому, если в том возникнет нужда, я смогу восстановить в памяти даты, события и людей, принимавших в них участие.

Первые несколько записей внесу задним числом.

Потрясающий концерт оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева прослушал в нашей филармонии. Зал был набит битком. Исполнялись произведения: К.Дебюсси «Послеполуденный отдых фавна», которое буквально усыпило, укачало зал; И.Стравинский. Симфония. Н.Римский-Корсаков «Шехерезада» – сказка в музыке. Что-то неземное... В зале сидели с Чуяновым и Заногой. Встретились перед концертом случайно. Владимир во время музыки что-то рисовал, набрасывал на чистой стороне пригласительного билета.

Сегодня у меня были Климешов (Павел дважды перед этим звонил, пытаюсь организовать встречу) и Селезнев. Хотят каких-то новых действий. Предложил им создать (пока формально) самостоятельную писательскую группу, пригласив дополнительно Владимира Цветкова. Разошлись все довольные, хотя я

в действительность этой идеи почти не верю (с этими персонажами) – слишком мал творческий потенциал и потенциал убеждений, жертвенности.

11 апреля

С днягами отчаянный напряг. Решился попросить помощи у Рагима Казиканова. Звонил ему в Дербент. Тот откликнулся с готовностью: «Я давно должен был тебе помогать». Обещал в ближайшие недели перезвонить. «Я тебя считаю своим близким другом» – от этих слов мне стало тепло на сердце. Рагим обещал приехать (обязательно) на мое пятидесятилетие.

Пришел Шаров. Вчера он приносил свою книгу с моим предисловием. Сегодня накрыл стол. Просидели до 22.30. Я выпил бутылку коньяка. Говорили хорошо – собеседник он умный, интересный и терпеливый к чужому мнению.

Неприятности у Коломийца. В Москве все-таки готовят документы, чтобы его снять с должности. Вот тебе и прибыль в шесть миллионов рублей за прошлый год. Для кого старался? Эх, люди, вот так все стараемся угодить больше чужому дядюшке, а копейку в помощь ближнему дать боимся (или жале-ем?).

12 апреля

Нет никакого желания выпивать – но в галерее у Юркова собираемся, чтобы поздравить с шестидесятилетием Евгения Ивановича Галкина. Принес ему в подарок книгу 1938 года – Академия наук, доклады ученых по пушкинской тематике (в свое время мне ее подарил Геннадий Бедняев, когда я у него единственный раз был в гостях, в доме у гостиницы «Нижегородская»).

В галерее собрался наш обычный круг – Пашков, Жильцов, фотографы Анатолий Чепела и Георгий Ликин. Пришел и Фигарев, затем Коля Симонов. Тут никаких «нюансов» – просто дружеская выпивка с продолжением в кафе кинотеатра «Рекорд». Я себя щадил, и как оказалось, не зря. Домой пошел пеш-

ком и на Окском мосту, почти в центре его, на пешеходной дорожке на меня набросился пьяный, с уже разбитым лицом парень. Крепко он меня схватил, но я смог его оттолкнуть и ударом ноги сбить с ног. Он быстро вскочил и опять бросился на меня. Я опять ударил ногой, сбил его и, повернувшись, пошел. Тот бросился за мной. Спину подставлять было нельзя. Пришлось опять пойти на него, но злости у меня к этому парню (что как-то странно) никакой не было. Тот грязно матерясь встал в стойку боксера. Драться не хотелось. «Дурак ты парень» – сказал я ему, и отвернувшись дальше пошел своим путем, не оглядываясь. Парень еще какое-то время шел за мной, орал, матерился, но близко, на расстояние удара подойти не решился.

А вечер был такой теплый, хороший. Странно, что этот отвратительный случай почти не изменил моего настроения. Чаще всего, я захожусь «с пол оборота», а тут... Может быть, это из-за того, что я не пустил в сердце злобы лично к нему, этому парню, как к человеку?

13 апреля

В «Волгагеологии» собралась наша новоиспеченная группа в полном составе. Разговор об идеологии и задачах. Больше говорили я и Цветков. Потому и создалось впечатление – двум остальным сказать нечего. Они желают только прибиться к кому-либо, к делу, которое будут творить другие, и что-то от этого (хотя бы и только морально) получать.

Председателем нашей группы я предложил Цветкова.

Появился Павел Шаров. Застолье (короткое, я всех поторопил), после чего пошел прогуляться, а Павел Павлович решил меня проводить. Так вместе и дошли до музея Добролюбова. Там Дмитрий Бирман (депутат Городской Думы) представлял свою книгу стихов. Мы опоздали. Бирман заканчивал выступать. Говорил, что «мы живем в православном государстве», и его деньги есть в тех колоколах, что будут повешены на звоннице храма (я не понял, какого – похоже, имелся в виду восстановленный храм у «Мильеш-

ки»). Но когда он шел избираться депутатом, то мама ему говорила – «в этом городе еврея никогда не изберут». А он пошел и победил. Мне сразу захотелось спросить – в Израиле много депутатов русских? И вообще, кто-то за русского там бы проголосовал, да и возможно ли для русского стать гражданином Израиля?

На водку и бутерброды с Шаровым не остались, ушли.

Цветков подарил свою книгу, что напечатали в Самаре. Такое впечатление – издавали дикари, книгу ранее в руках не державшие. Вообще – это беда многих изданий патристического толка. В чем тут дело – мне понять сложно. Но точно не в деньгах, а в какой-то расхлябанности, безвкусице, наплевательстве. От этого можно сделать проекцию на качество всего нашего патристического движения. Из пяти книжек, подаренных Владимиром Георгиевичем – четыре изданы безобразно (при хорошем качестве текстов, содержании), одна посредственно.

16 апреля

Позвонил Розе. Виталий с предельной убежденностью говорил о том, что это Господь привел его на царство и теперь его устами говорит Бог. И я ему верю, хотя полностью, глубоко это убеждение принять в себя не могу, не способен. В словах Виталия уловил – он ожидает всего, даже расправы над собой со стороны врагов, «синедриона». И еще – «Это я вам должен помочь, а не вы мне. Я для того, чтобы спасти тех, кто верует».

Архиепископ Константин (Горянов) последней статьей Розе возмущен. Пожаловался В.Н. Ганичеву, и тот вышел из состава редакционного совета журнала «Всерусский собор». Господи, дай Виталию сил выстоять. Защити его от всего злого. Надо ехать в Питер. Разговаривать. Ощущаю острую необходимость, потребность в этом.

Позвонил и Лукину. Тот в полном унынии. Видимо, что-то не клеится у него с работой в «Литературной газете». Да и как иначе –

журналистской свободы теперь нет и в поmine. Выполняй лишь то, что тебе скажут. А при этом еще полное трудовое бесправие, незащищенность законом, нищенская зарплата.

17 апреля

Очередной разговор по поводу дальнейшей судьбы – творческого развития и материального сотрудничества с журналом. На этот раз с Леной Крюковой. Встретились в Союзе. Вроде бы все-таки договорились о взаимодействии. У Елены много творчески наработанного и неопубликованного. Выяснили литературные и эстетические пристрастия друг друга. К тому же она высоко оценивает содержание «Вертикали». Главный итог разговора – необходимо создать презентационный буклет, с которым мы с Леной должны пойти к возможным спонсорам.

Сегодня же говорил о возможном Союзном выпуске с Жильцовым и Шамшуриным. Мое внутреннее впечатление – маловероятный проект.

20 апреля. Ново-Смолино

Поездка с редакцией «Нижегородской правды» на проведение круглого стола, посвященного году русского языка в школе поселка, куда собрались учителя русского языка и литературы из школ Володарского района. Получился любопытный разговор (само-собой получилось, что ведущим оказался я) людей, обеспокоенных возникшей проблемой. И главное – это благодаря таким преданным людям дети еще что-то узнают о русской литературе. Думаю, подробный материал даст «Нижегородская правда». И о мизерных зарплатах учителей, и о сокращении часов преподавания...

Сам поселок –военный городок, построенный финскими фирмами. Красивые удобные пятиэтажные дома. Такая же красивая, чистая, современная школа с двумя бассейнами. Учителя ездили по СССР и за границей – жены военных. Принимали тепло, заинтересованно.

После поездки в кафе «Ковчег» (парк имени Кулибина) отметили семидесятипятилетие Шарова. Познакомился с конструктором (создателем) приемника «Микрон». Вот так неожиданно пересекаются судьбы.

23–25 апреля. Москва

К этой поездке готовился, но все равно многие вопросы пришлось решать в последние минуты. К сожалению, звонки в Москву не обнадежили.

Поехали на машине с Алексеем Марковичем. Устроились в «Измайловской». Сразу отправился в «Литературную газету» к Лукину. Застал и Александра Яковлева. С Борисом поехали на его московскую квартиру ночевать. По дороге он мне рассказал о своих редакционных страданиях. Хлеб у него нелегкий, но главная проблема в том, что он мало и недостаточно хорошо пишет. Уже дома выпили по две рюмки виски и улеглись спать на полу. Как много мы в детстве спали на полу – это была норма, когда приезжали к кому-то в гости. Ведь квартиры 60-х годов XX века – маленькие, без лишних кроватей. Выспался отлично.

24.04. В офисе «Мотор Сич» разговор с Кононенко – разочаровавший. Вид у Петра Ивановича больной, утомленный. Помочь в издании книги он не отказался, но окончательное решение перенес на потом. Одарил меня пачкой книг (6 штук) о принесении десницы Иоанна Крестителя в Россию. Тяжелые фотоальбомы. Тащить их в пакете было утомительно. Потому в дороге мучился (даже выходил на станции метро «Динамо», сидел на лавочке, решал – ехать в Переделкино или в «Советский писатель»). Решил направиться к Ларионову – тащиться к Шестинскому с обузой очень не хотелось.

Ларионов как обычно приветлив, но я приехал не вовремя. У Арсения Васильевича свои хлопоты по Шолоховской премии, своему юбилею... Подарил мне «Слово» со своей заметкой о «Сопротивлении нелюбви». Оказывается, Юрий Васильевич Бондарев тоже читал мою книгу. Очерк о Викторе Астафьеве

его раздражил – он ему не может простить высказываний перестроечной поры относительно себя. На это Ларионов ему будто бы ответил в том роде, что «в мире живут и такие люди, которые думают иначе, чем мы».

Мы и раньше встречались с Облогом, редактирующим приложение «Дом Ростовых» для газеты «Патриот». Теперь познакомились. Человеком он оказался приятным в общении, но несколько порывистым.

При мне Ларионов звонил Шестинскому, затем и мне дал поговорить. Слава Богу, что я не поехал в Переделкино. С Олегом Николаевичем я бы не встретился (за ним Ларионов послал машину) и только бы зря промучился. А так дождался его в «Советском писателе», подарил фотоальбом и библиографию, вместе напомнили Ларионову (он, оказывается, забыл) об очерке «Яблоки русского сада» – «Это лучшее, что обо мне написано» – опять сказал Шестинский. Кстати, и о волжских очерках Ларионов сказал, что их будут печатать. Тоже со временем надо будет напомнить.

Прощаясь, все расцеловались.

Вечером впервые гулял вокруг измайловских гостиниц. Многое вспомнилось – полет на Кубу (отсюда), приезды в командировку (от торгового дома «Микрон» и фирмы «Купец»), вообще восьмидесятые доперестроечные года. Чувства одновременно сладостные и горькие от ощущения ушедшего времени. И вот теперь отмечаем награждение Коломийца общественной наградой в дешевом кафе – и все это происходит уже в ином, невероятно изменившемся мире. К тому же, Лукин вчера сообщил, что умер бывший Президент РФ Б.Н. Ельцин. Никакого огорчения по этому поводу во мне, конечно же, нет. Наоборот. Это он украл у меня тот мир, о котором я сейчас невольно тоскую. Хотя молодость мою забрало время – только оно и больше никто.

25 апреля

Возвращаюсь домой без денег. Этот год начинается очень трудно, угнетающе. Ничего не издается, нет денег для жизни. Тупик!

Домой позвонил Лукин, сообщил, что приехал Шемшученко. Ну и что? Правда, он надеялся, что я еще в Москве. Затем напомнил о себе Пашков. Саша упрекнул по привычке за мое нежелание ему звонить. Но поговорили по-доброму. И в заключение вечера В.В. Никитин рассказал, что готовит для школьников программу по рассказам Юрия Казакова. Вспоминал моего «Кольку» и натолкнул меня на мысль сделать запись на диске. Я пообещал позвонить Валерию Васильевичу в ближайшее время.

26 апреля

Побывал у Адриановой. Подарил ей «Библиографию», вышедшую к моему 50-летию и последний выпуск «Вертикали». Наташа ходит на выступления в библиотеки, встречается со школьниками. Так и дополнительный тираж «Обретенных тетрадей» потихоньку расходится. Не могли мы с ней не коснуться дел Союзных. Рассказал о своем разочаровании в попытке совместно с правлением выпустить поэтический номер журнала. Она о том, что отказалась встречаться с Рябовым, хотя тот на это напрашивался под предлогом передать давнишнюю грамоту, подписанную Ганичевым, и так и провалявшуюся в ящике стола у Шамшурина (с пятилетия «Вертикали» – я помню, что их тогда привозил Переяслов.) Работа над книгой стихов Юрия Андреевича подходит к концу. Макет почти готов. Пообещала передать мне свои воспоминания.

Случайно попал в выставочный зал на площади Минина – узнал в областном комитете культуры, что открывается выставка росписи по дереву. Зашел бегом минут на пятнадцать. Хохлома почти вся знакома. Хороша. Есть образцы росписи 30-х – 50-х годов. Любопытны, но не трогают. Тематика, понятно, революционная, борьба за мир. Но краски скромнее.

В соседнем зале выставка «обнаженных натур» наших живописцев. Скукотища! Один Пурихов блещет своими скульптурами (камень, дерево, гипс) обнаженных женщин.

Материал о круглом столе пока не вышел. Коломиец после проволочек приступил к работе над книгой избранного. Вернее – возобновил ее. Мне хочется этот проект довести до конца. Пока нет журнала, пусть хоть это будет результатом.

27 апреля

Удивительный день!

Сначала побывал на чтениях, посвященных проблемам ПВО в радиолоборатории. Тема мне несколько знакома – ведь я служил в радиотехнических войсках (9-я радиотехническая бригада 16-го корпуса Московского округа ПВО). Стало понятно, что никакой действительно надежно защищающей страну ПВО у нас нет (да и не было по большому счету все эти «демократические годы» – старое разрушили, а нового ничего не создали). Значительная часть осуществленных разработок создана еще в Горьком. Сейчас для глобального контроля выход существует лишь один – подниматься в космос.

Здесь встретился с Цветковым. Он пригласил на встречу (уже частную, на квартире) с иеродьяконом Авелем (Семёновым), который показывал новый фильм. В видеозаписи старец рассуждал о духовном мире, о том, что сегодняшнее время, события предвиделись духовными людьми. Говорил не назидательно, но убежденно и твердо, как власть имеющий. После просмотра, когда Авель уже собрался уходить, в дверях вдруг опять заговорил о новых паспортах, об ИНН. Все правильно, в том числе и о цели нашей жизни, и о том, что все теперешние ценности мира ничтожны и временны, а нам уготована жизнь вечная, о ней надлежит думать и с этими мерками подходить к собственному существованию на земле. Но в его словах, искренних, уже звучало назидание. Он верил в то, что говорил – но это для него была теория, без духовного опыта.

Во время этого разговора одному из гостей позвонили на сотовый и сообщили, что умер Патриарх Алексий II. Включили телевизор. Об этом ни слова. Но в новостях сообщили,

что умерли артисты Ростропович и Кирилл Лавров. Только что каналы захлебывались от восхваления Ельцина. Мне показалось, что демтусовка сама себя успокаивала, уговаривала. Что и говорить – мистически потеря Ельцина для них – это уход основы из-под ног. Теперь за все безобразия произошедшего развала страны, приватизацию и так далее придется отвечать им. Больше валить не на кого.

Идет очищение духовного пространства страны. Во всяком случае, так хочется думать.

Хоронили (отпевали, провожали в последний путь на Новодевичьем кладбище) Ельцина три митрополита во главе с Кириллом (Смоленским и Калининградским). Было телевизионное обращение Алексея II с перечислением заслуг перед Церковью «первого президента России». И вот... Так ли это, жив он сам или уже нет – это все скоро разъяснится.

У Преловского узнал – договор с городским комитетом по культуре подписан. Можно приступать к работе над книгой «Русское».

28 апреля

Позвонил Виталию. Пересказать его слова (а говорил только он) не сумею, хотя все, о чем он говорил, понимаю и с этим соглашусь. Предрекает в скором времени глубокие общественные потрясения. Призывает (и меня в том числе) веру в помазанника Божия пустить не в разум, а в сердце, как когда-то это сделали апостолы Христа, «и тогда сила непоколебимая дана будет». Он уверен в скором падении демократического режима не только в России, но и во всем мире. И говорит это Розе не от себя – от Бога. Но как, как свое сердце открыть, чтобы загорелась в нем истина, преданная вера, не знающая страха. Виталий сказал (а звонил я ему домой), что кассеты с его речью уже ходят по стране. К нему приезжают люди из других городов, священники, миряне. Что телефоны его прослушиваются, но ведь терпят, ничего с ним не делают, не убивают.

Попросил его молиться о нас. Так хочется сокрушить грех уныния, вновь вселившийся в мою душу. И каждый раз это происходит, когда вижу переживания Ирины от недостатка денег. Но ведь от этого у меня самого работа только разваливается, все идет труднее, через преодоление еще и собственного угнетенного состояния.

Относительно вчерашнего «сообщения» о смерти Патриарха, так это, как стало известно Володе Цветкову, имелась в виду клиническая смерть, из которой Алексей вышел.

2 мая

По телевидению в новостях Патриарх сказал, отвечая будто бы на вопрос корреспондента, что слухи о его кончине «распространяются теми, кто, видимо, этого очень хочет, но никак не может дождаться».

6 мая. Бор

С Климовым поехали смотреть выставку работ художника о. Евгения Юшкова. Она разместилась на втором этаже краеведческого музея, в старинном купеческом особняке.

На Бор переправлялись на речном катере. Солнечно, но холодно – сильный пронизывающий ветер. Весенний город с реки великолепен. Работы о. Евгения в трех залах и коридоре. В основном живопись. Немного акварелей и совсем мало графики. Ряд работ интересен. Они есть в книге, которую художник мне подарил. Оказывается, о. Евгений был настоятелем Карповской церкви. Пять его братьев тоже священники. Он рукополагался в 1980 году. Сейчас ему уже семьдесят. Мал ростом, сух, в очках, но подвижен. Говорит быстро и громко. Хочет, чтобы о выставке написали. Я думаю дать репродукции его работ на обложку, а Павел пусть пишет о выставке. Если попытаться одним словом оценить увиденное – пейзажи, жанровые картины (кстати, цвет в них чаще всего приглушен, немного размыт), рисунки и акварели – то это состояние внутренней погруженности, задумчивости. Буду читать

книгу, записи из дневника. Может быть, она еще что-то добавит к впечатлению.

7 мая

В Союзе отмечаем День Победы. Людей пришло немного. Из ветеранов (трех – И.К. Кузьмичева, А.И. Плотникова, К.Д. Промина) один Константин Данилович. Он бодр, свободно выпивающий и свободно же говорящий своим назидательным «академическим» голосом с остановками, паузами, артистичностью. Перед началом встречи я сдал в производство «Русское» и подарил по предложению Шамшурина два выпуска «Вертикали» студентке, пишущей диплом по литературным журналам.

Само застолье в этот раз больше походило на домашнее. Жильцов затянул песни. Затем все разбрелись по залу кучками (из членов Союза всего-то было четырнадцать человек). Поговорили мы с Эрастовым. Женя уже не раздражается на «Вертикаль», не предвещает журналу скорую гибель. Сказал, что видит – мой журнал упоминается и цитируется в обзорах (в частности, в «Новом мире») наравне с другими толстыми журналами. Условились, что запишем с ним большую беседу, поговорим о литературном процессе, который вместе пережили.

Закончена подготовка текста для «Избранного» Коломийцем. Все материалы отдал Щеглову.

Стояли с Сергеем Чуяновым у окна (в зале Союза), пили кофе после водки, и он спросил – что у вас произошло с Чуяновым. Сергей спрашивал об этом и у отца Владимира, но тот ничего не ответил. (А вернее всего, ничего не смог объяснить, так же, как и я.) Чуянов убежден, что мы что-то скрываем. А на самом деле – просто все заканчивается в этом мире. И дружба, к сожалению, тоже.

15–19 мая. Москва – Белгород – Москва

В первый день только заехал в Союз. Правда, и там повидался наконец-то с Виктором Потаниным (обнялись, расцеловались), Се-

мичевым и Кан, Поздняевым. (Он говорил, что обеспокоен судьбой библиотеки отца – Константина Ивановича Поздняева. Хочет подарить ее в районную библиотеку города Семенов, раз отец так много писал о поэте Борисе Корнилове). Весь же остаток дня провел в «Литературной газете». Там у них своя работа. Чтобы не мешать, я даже на час выходил погулять по окрестностям Костинского переулка. Набрел на площадь, где когда-то стояла Сухарева башня. Давно хотел там побывать. То, что передают старые фотографии, сейчас неузнаваемо. Большая площадь плохо ухожена. Сквер, где стоит памятный знак, неопрятен.

Саши Яковлева я так и не дождался (хотел показать рассказы для газеты), но зато пришел писатель Михаил Попов (московский, а есть еще архангельский) – чрезвычайно симпатичный и добродушный человек, несмотря на свою знаменитость. Принес водки, закуски – пили, и я подарил ему два номера «Вертикали».

В поезде попали в одно купе с кинорежиссером (фамилии не помню) и руководителем писательской организации из Вологды. Приходил Владимир Личутин. Хоть и слегка пьян, но говорил хорошо об истории, русской культуре, языке.

16.05. В Белгороде жара. Сразу у гостиницы «Южная» осмотр памятника князю Владимиру. Поездка по городу. Впечатление – мал городок, но опрятен и чист. И очень умеренно на улицах рекламы.

Открытие памятника русскому слову. Думается, художником (скульптором) возможное решение найдено. Хотя все условно, с некоторой натяжкой. Выступил Лановой. Специально прилетел.

В университете открытие Дней российской литературы. Потом концерт. Пела Татьяна Петрова (замечательно – голос сильный, чистый), Василий Лановой читал стихи А.С. Пушкина и В.В. Маяковского, Михаил Ножкин пел свои известные песни и много еще чего было хорошего.

Закончился день губернаторским приемом – щедрым застольем, которое сам Евгений Степанович Савченко и открывал.

17.05. Три главных события. Посмотрели спорткомплекс Светланы Хоркиной. Замечательное новейшее сооружение со всевозможными залами, бассейном и прочим. Долгая и содержательная конференция русистов в университете. В кинотеатре просмотр немого фильма Довженко «Земля». Антиулацкий, богоборческий (от этого жутковато), но талантливый. Сцены – умирание старика, голая невеста «беснуется» от горя о погибшем женихе, похороны...

Перед фильмом и после долго разговаривали с Виктором Федоровичем Потаниным о Викторе Петровиче Астафьеве (у В.Ф. сотни писем от него – они дружили долгие годы), Валентине Григорьевиче Распутине (они и сейчас дружны, большая переписка), Юрии Казакове (тоже были близки), о его писательской судьбе. Конечно, все в памяти не удержишь, а записать беседу полностью не получится. Вот лишь эпизод. На Байкале Потанин стряхивает ручку за бортик, чтобы чернила вновь писались. Распутин ее вышибает.

– Ты что делаешь. Для Байкала и капли чернил много. Под озером есть еще Байкал и там живут люди. – И замолчал. Продолжать говорить на эту тему Распутин не стал.

Потанин обеспокоен, сможет ли Валентин Григорьевич вынести смерть дочери, погибшей в страшной катастрофе в Иркутске. («От нее ничего не осталось. Похоронили горстку пепла и расплавленный крестик»).

Очень дружны Распутин и Владимир Николаевич Крупин. «Бывает, что неделями каждый день видятся». Ну, и далее много чего любопытного и познавательного.

18.05. Выступать в учебное заведение потребкооперации не поехал. Отправился гулять по центру города. Поразились чистоте, ухоженности. Парк вдоль речки. Театральная площадь. Сквер и Вечный огонь. Вокруг здания областной администрации и Преображенского кафедрального собора, в котором в первый день мы приложились к деснице (к

самой – стекло было поднято, десница обнажена от покрова) св. Иоасафа. Русский город – спокойный, достойный. Потому что власть русская, православная. Простят ли это все губернатору наши враги?

За эти дни близко познакомился (жили в одной комнате) с Андреем Николаевичем Печерским, редактором газеты «Русь Державная». Он мне казался (да так и есть) человеком молчаливым, не очень располагающим к общению. Но при ближнем знакомстве он немного раскрылся, потеплел. Может, и будем дружить. Подарил ему «Обретение России» (он прочитал, и книга ему понравилась) и «Сопrotивление нелюбви».

Закончились дни русского языка на Прохоровском поле. Жара несколько измотала, утомила.

21 мая

Выставка Заногы в зале областной библиотеки. На светлых стенах и картины заиграли, засветились жизнерадостностью. Удивительно. Все это я у Владимира Ивановича видел ранее. Но все равно хорошо. С любовью написано.

Повидался с профессором Кутыревым (подарил новую книгу), Валерием Никитиным, Виктором Тырдановым, Геннадием Красниковым...

22 мая

Вечером, в 17.30 в офис позвонил М.И. Кодин. Интересовался – куда я пропал и почему ему не звоню, когда приезжаю в Москву. Рассказал о предстоящих заседаниях Клуба и поездках. Предложил подготовить и издать книгу к 15-летию, куда войдут уже написанные мной материалы и будущие. Это к декабрю.

Конечно, я не звонил и не заезжал сознательно. Слишком «бросово», как мне показалось, Михаил Иванович начал относиться и к моей работе, и ко мне самому. В то же время помощь изданию прекратилась совсем. А видеть во мне «обслужу» я не позволю. «Вертикаль» – это мое детище, мною

выстраданное издание. Когда же слишком много в журнале материалов о деятельности «Московского интеллектуально-делового клуба» (да еще в одном номере), то это портит качество журнала. Хотя, если вновь восстановятся хорошие отношения, то я буду и дальше сотрудничать с Клубом Н.И. Рыжкова.

23 мая. Кунавино

Первый раз в этом году доехал до деревенского дома. Слава Богу, все в целости. На машине «Волгагеологии» отвез Наташино кресло, книги и всякие пожитки.

По телефону разговаривал с Ириной Дмитриевной Мухиной. Мои книги до нее дошли. Договорились, что к предстоящему моему юбилею сделаем для «Нижегородской правды» интервью.

24 мая

День потрачен на выяснение решения проблемы с соцстрахом. Спасибо Шарову, подключился вплотную.

На Славянские дни в Литературный музей заскочил буквально на минуту – отдал книги «Русское», которые перед этим забрал в «Дятловых горах». Сам даже не посмотрел, не открыл ни одной пачки.

25–28 мая Кунавино

С Иррой. Открыли дом. И работа, работа... Жара несусветная, плюс тридцать два градуса. Спасла баня.

29 мая

Жара продолжается. Тяжело и шевелиться, и думать. Писать ничего не получается. Звонил Шестинскому. Он высоко оценил «Кольку», но вот что предложить на конкурс в Московскую железнодорожную газету? Советует «Отца», но без оптимизма. От «Советского писателя» украли бронзовый памятник В.И. Ленину (на низком постаменте) работы скульптора Комова. Вот времена! Сколько десятилетий скульптура простояла, но перед рынком кто устоит?.. Наверняка распилят на металлолом.

Сергей Шестак помог получить «Русское» в типографии. Намучились, подъезжая к департаменту культуры. Улица Варварская у площади Минина перекрыта. На улице Минина горит ночной клуб-казино «Рокко». Пришлось ехать к улице Воробьева (объезжая улицу Ильинскую – там меняют трамвайные пути) и уже с нее через площадь Горького и площадь Свободы пробираться к Нижегородскому универсаму. Целое путешествие. Но гора с плеч, дело завершено. Спасибо, что Сергей безотказный.

1–3 июня. Кунавино

Посадили с Ириной четыре штуки сосен и кусты ежевики. Куст шиповника у ванны.

Записал статью для «Земли Нижегородской», посвященную году русского языка.

Должен был ехать в Болдино на Пушкинский праздник, но не поехал.

6 июня

Начал работу над версткой книги к 15-летию Клуба Н.И. Рыжкова. Мои тексты пока уместились на ста сорока страницах.

10–12 июня. Кунавино

По дороге в лесу выкопали две елочки и шиповник. Ирина нашла и дубок. Оставили на потом. Все посадили у себя на участке. Наконец-то занялся дверью в бане. С таким-то опозданием.

Еще в прошлый раз увидел на черемухе напротив моего окна большое гнездо. Подумал, что оно брошенное. Но на следующий день по приезду в этот раз увидел, что из гнезда выбрались четыре птенца сороки – большие, пушистые. Двое улетели совсем уже после обеда. Два других ночевали на наших деревьях. Мы все наблюдали за ними, переживали – не погибли бы. Но вроде бы обошлось.

13–16 июня. Москва

На этот раз до Москвы доехал с Алексеем Марковичем. Сразу на метро и до Сокола. С гостиницей вышло удачно. Успел еще и

до Союза доехать, с Геннадием Ивановым, Николаем Переясловым, В.Н. Ганичевым встретиться. Подарил «Сопrotивление не любви» и выслушал всякие хорошие слова от Валерия Николаевича о «моей творческой форме»...

Утомление всего дня сказывалось. С Лукиным решил не встречаться, но он сам приехал на Сокол, и мы в парке ходили по округе и все говорили, говорили. Сообщил Борис и приятное для меня – рассказ «Говорящее дерево» идет в «Литературной газете» в конце месяца. Статья о русском языке в школе тоже принята очень доброжелательно.

14.06. Утром обзваниваю Ларионова, Полеванова, Кодина – он в Китае, но верстку попросил оставить. У Полеванова встреча просто отрадная – «Всегда рад вас видеть». Интервью прочитал и подписал, с журналом обещал помочь, показал на компьютере отрывки фильма о Вьетнаме, который сам делает.

Пешком прошел до Ларионова. Памятник Ленину работы Комова у издательства забрали. (Думаю, за какие-то долги.) Еще один скандал. Арсений Васильевич их просто порождает. Встретился у них с Михаилом Поповым – главным редактором журнала «Двина» из Архангельска. Тот ехал получать какую-то премию в Ульяновске. По-моему, добροжелательный дядька. Мы вместе ушли от Арсения Васильевича, немного поблуждали в метро. Обязательно пошлю ему свои журналы. Но ведь не ответит – как обычно.

В гостинице читал книгу о велосипедисте – путешественнике с Камчатки. Полеванов дал с возвратом. Захватывает.

15.06. С Лукиным едем в Переделкино. Шестинский дает интервью для «Литературки». Много говорит о Ларионове – утомительно и для меня (по мне) уже надоедливо.

Днем почти три часа ходил по кладбищу и по улицам. Свежая могила Михаила Алексеева. В этом же ряду лежит Юрий Щикочихин, Юрий Давыдов. Ниже могилы Татьяны Глушковой, Роберта Рождественского, Вадима

Кожевникова. Поднимаюсь к Корнею Чуковскому и Борису Пастернаку.

Ночевал у Шестинских. Спал плохо, тяжело.

16.06. Перед отъездом домой ходил по улицам внутри Садового кольца у Курского вокзала. Пустынно в Москве в выходные дни. От этого и на душе как-то пусто.

22 июня

В областной библиотеке Бринские презентуют книгу отца. Собрались бывшие партизаны – старые, с клюшечками. Настоящие воины. Многие выступали. Вел встречу Цирюльников.

Удивительные подробности рассказала дочь прославленного нашего партизана (из Москвы.) Когда Антон Петрович отправлял отряды на задание, то всех обнимал и после этого некоторых оставлял – чувствовал неладное. Или во время войны какая-то сила буквально заставила его выйти из блиндажа, и тот после этого взорвался. Рассказывала и другие подобные случаи из жизни отца.

А вообще, войну мы стали забывать. Далеко ушли... и от многих книг про нее отказались. А зря!

23–24 июня. Кунавино

Посадили еще одну елочку. В окно смотрел на опустевшее гнездо сороки, и отчего-то было грустно. Будто приезжали в дом гости, порадовали хозяев – и уехали. И вот теперь в окружающем мире, в моей жизни чего-то не хватает.

27 июня

Вчера разговаривал с Шестинским. Был у него Олег Пономарёв (из Тулы). Как я понимаю, конфликт между ними исчерпан. Вспоминали меня. С юбилеем Ларионова полная неясность. В «Литературной газете» напечатана очередная уничтожающая его статья. Такой подарок к 70-летию от «михалковцев».

Вечером собрались у меня в редакции Климешов, Селезнёв, Цветков, Евгений Супрун. Говорили о продолжении сборника. Но

если делать его с ними, то надо жертвовать качеством и идеей.

Пешком дошли до моего дома с Цветковым. Попили у меня чай, говорили о сборнике. Я предложил название «Русское слово». Есть преемственность от первого сборника в названии и легко обыгрывается – «слово» пишется более мелким шрифтом. В авторы пригласить известных русских писателей – Шестинского, Крупина, других.

Сегодня с Владимиром были в мастерской у Виктора Ивановича Пурихова, смотрели макет нового памятника. Я многие работы разглядел будто впервые. Заодно зашли в соседнюю мастерскую, посмотрели модель памятника Войно-Ясенецкому (установят у медицинского института на проспекте Гагарина) и барельеф Юрия Адрианова. Все впечатлило.

28 июня

Еще два дня назад приходил ко мне художник Альберт Данилин. Принес статью об авангардном искусстве. Ранее она печаталась в «Нижнем Новгороде». Прочитал. Очень многословно. В перепечатке у себя отказал. Посоветовал написать новую – художник и земля, как национальная основа творчества (он сейчас живет в Сеченове), позабыв о своей старой статье. А сегодня он позвонил вновь. Пригласил встретиться у художницы Арбековой, посмотреть ее гобелены. (Покойная искусствовед Екатерина Пухова написала мне статью о ней, которую пока я так и не опубликовал). Пешком пошел в Кузнечиху. Встреча оказалась теплой. Работы изумительные, а труд, чтобы создать их – каторжный. На картоне рисуется эскиз. Затем по нему набиваются цветные нити. В разговоре за ужином выяснили – абсолютное совпадение взглядов по «русскому вопросу». Подарил им журналы и «Русское». Себе на память взял фотографию большого гобелена – десять сюжетов из жизни Христа от Благовещения до Вознесения. Прекрасное произведение... Свои работы художник не продает. Жалеет. Их немного, а продай – на

выставках показывать нечего будет. Да ведь это еще и как дети – сколько жизненных сил, времени им отдано!

30 июня – 1 июля. Кунавино

Пасмурно. На второй день моросило. Птицы склевали всю клубнику у Ирины. Она даже видела рано утром, как они это делают – садятся на землю и аккуратно обходят все кусты, выискивая спелые ягоды. В разбое замечены дрозд и четверо наших сорочат.

2 июля

Письмо из Хабаровска. Журнал «Дальний Восток» готовит публикацию из «Кольки». Просят биографические данные.

Сообщение на телефон от Прохорова из Нижнего Ингаша. Журналы с моими публикациями выслал в пятницу. А я в пятницу как раз купил «Литературную газету» с «Говорящим деревом». Этой публикации ждал.

По телефону говорил с Кодиным. Он весело-приветлив. Я пообещал заехать к нему в среду.

7–8 июля. Кунавино

Начали с Ириной благоустраивать дальний участок. Я косил. Она вырезала малину.

11 июля

Позвонил Олегу Николаевичу. Он тоже получил «Истоки». Мою работу «Яблоки...» опять оценил очень высоко и наговорил в мой адрес много теплых слов. Сам же журнал охарактеризовал как «самодеятельный». Это верно – но пусть выходит хотя бы такой, чем никакой. Жаль только, что по всем признакам у Прохорова начинается «головокружение от успеха». Надо бы дело делать поспокойнее и повдумчивее. Ну да и так ладно, лишь бы все впрок. А Олег Николаевич хандрит, тоскует, как сам замечает, «от одиночества и предательства». Как хочется помочь – но чем? А может быть, это мои заметки так на него подействовали.

27–29 июля. Кунавино

Закончились юбилейные дни. За все это время за дневник не брался – не было никакого желания. Отметили мое 50-летие достойно, так, как я и не ожидал. Было достаточно много прессы – везде, где это еще возможно (говорить о культуре в нижегородских газетах) были статьи, интервью. Поздравила и «Литературка». Ларионов прислал телеграмму, Шестинский написал замечательно-теплое поздравление. Все это тоже будет напечатано.

Сам день рождения отмечали в ресторане «Черная пантера». Перед этим с Цветковым сходили на кладбище к могиле отца. За столом кроме наших – Занюги, Коломийцы, Лукины, Пафнутьев, Цветков, Марахтанов. Несколько раз звонил Рагим. От него привезли подарок – золотые наручные часы. Вечер прошел замечательно. К нему напечатали №19 «Вертикали». Всем его подарил.

Через неделю в кафе поздравляли Лену. Там случился разговор с Еленой Шаховой по ее инициативе. Ее шеф заинтересовался журналом. Продолжение разговора через неделю. Уже более подробно Елена расспрашивала, как издается журнал, что делать им с газетой. Уговаривает на сотрудничество. Вообще-то я не против, но только в том случае, если у нас произойдет общение с ее хозяином и мы найдем точки соприкосновения взаимных интересов. Передал Елене для него комплект журналов и свои книги.

Все прошедшие выходные в деревню не ездили. И вот опять здесь с Ириной. Сжег весь мусор на дальнем участке. Как сразу стало хорошо. В этот раз натопил баню. Перед поездкой в Москву на следующей неделе – это укрепление сил.

Наконец-то начал отсылать свои издания в книжную палату. Нужно использовать возможность для благого дела.

30 июля

Позвонил Печерскому, чтобы договориться о встрече в Москве, а узнал, что он в Дивеево и не может найти меня. В «Руси

Державной» вышла моя статья (может быть, интервью?). Он был готов заехать ко мне, но в итоге договорились, что встретимся в Москве. Жаль, могли бы хорошо пообщаться, а затем вместе и в столицу отправиться.

Отец Евгений Юшков за журналами прислал сына Николая – реставратора. Времени на разговоры почти не было, но взаимные интересы относительно журнала обнаружились сразу. Даст Бог – получится хорошее продолжение нашему намечающемуся сотрудничеству.

31 июля – 4 августа. Москва

С вокзала проехал к Полеванову. Отдал ему журналы с его интервью. Короткий разговор, кофе. Владимир Павлович подарил новые фотографии с Байкала. Новый (настоящий) исток реки Лены они все-таки нашли.

В Союзе писателей угодили на Секретариат. Валерий Николаевич поздравил с юбилеем и вручил Почетную грамоту. Я в ответ подарил свежие номера «Вертикали», к тому же там есть материалы о празднике в Белгороде.

Геннадий Иванов пригласил в следующую поездку – уже в Оренбург в более тесной компании. Ночевать устроился в гостинице «Мотор Сич».

01.08. Разочарования продолжают. Копоненко в помощи журналу отказал. Огромные деньги он потратил на акции фонда Андрея Первозванного.

Купив на Курском вокзале билеты обратно, пошел новым маршрутом в «Советский писатель». Вышел на набережную и уже от туда, мимо Кремля зашагал на Поварскую. У Ларионова застолье – привезли из типографии его новую книгу «Из-под самого сердца: книга русской жизни...» – статьи из журнала «Слово». Мой очерк о Шестинском ему не очень нравится. Видимо, публиковать не будет. («Потом как-нибудь» – я воспринимаю как отказ.) О реках вроде бы идет, но тоже до конца не определено.

К Шестинским в Переделкино приехал вечером. Обижены. Ждали меня к обеду. Ночь, такое впечатление, что провел без сна.

02.08. Дождь. На сердце тоска. Долго стоял под навесом торгового центра напротив Киевского вокзала, соображая, что делать дальше. Встреча с Андреем Печерским назначена только на вечер.

Попытался на Курском обменять билеты, чтобы уехать домой (так мучительно было на душе) – безуспешно. Пешком дошел до «Литературной газеты». Саша Яковлев понял мое состояние, отпаивал чаем. Дозволил до Печерского. Он медленно едет по трассе. Машина с неполадкой – почти нет тормозов.

Лукин дает ключи от квартиры на Речном вокзале. Отправляюсь туда. В пустых комнатах слышно завывание ветра за окном, стук дождя о подоконник. Но странно – потихоньку успокаиваюсь. Тоска уходит.

03.08. Утром еду в Троицкое с платформы от метро «Войковская». Погода немного разгулялась. Станция небольшая, в лесу. Андрей встретил на платформе с овчаркой.

Ездили в Новый Иерусалим. Ожидаемого впечатления монастырь не произвел, хотя Истра в этом месте действительно похожа на Иордан (как я его видел на фотографиях). Скит Никона в лесах, место уединенное, вдали от монастырских крепостных стен.

Внутри побывать довелось только в подземном храме. Там и свечи поставили.

В самом Троицком два храма. Один деревянный, старинный. В нем служат лишь дважды в году. Каменный никогда не закрывался. Служба велась почти непрерывно.

Вообще же место благодатное, красивое, спокойное. У Андрея большой участок земли со своим леском (грибы растут – видел белый, подберезовик, лисички, валуи, сыроежки), дом переделан из бывшего сельского медпункта. Находились, нагулялись под дождем, наговорились вволю. Хозяин приготовил вкуснейшие стейки из семги.

04.08. Утром сына Андрея – замечательного паренька – отвезли в Шереметьево-2. Он улетает с группой православной молодежи в Сербию. В московской квартире (метро «Водный стадион») узнаю историю их семьи.

Оказывается, жену Андрей увез без родительского разрешения.

Договорились о сотрудничестве. Во что это выльется, загадывать сложно.

Дождь не перестает, но, уже подъезжая к Владимиру, заметил в окно – тепло и солнечно. Непогода осталась позади. И как же хорошо возвращаться домой!

10–12 августа. Кунавино

В деревне дважды топил баню. Обрезали смородину.

Опять через пробки. Назад, почти в 11 часов вечера встал у Рекшино. Почти четыре часа добирались до дома. Машину истерзал.

13 августа

В Союзе писателей отметили день памяти Юрия Адрианова. Два года, как его не стало. Организовано плохо – никто не пришел, кроме меня, Цирульников, Чуянова, Фигарева. Был Жильцов. Наташа заглянула и тут же ушла. Уже когда мы с Чуяновым пошли за водкой, то увидели ее и вернули. Потом еще кто-то заходил. Наталья не выдержала, высказала Жильцову все, да и так по Союзу прошлась. Правильно, пусть знают, что им следует ее бояться, а не наоборот.

17 августа

Правление. Пришла представитель застройщика. (Им принадлежит гостиница «Россия» на Верхне-Волжской набережной и весь этот квадрат земли между набережной и улицей Минина.) Показала проект реконструкции и расширения гостиницы. Нашего особняка там нет. Он уже года два как принадлежит застройщику – какой-то иностранной фирме. (Интересно, кто от нашего Союза подписывал эти документы, согласования?) В виде компенсации предлагают в аренду другой офис. Рябов в восторге, как и все (Шамшурин, Цирульников, Чуянов). Я понимаю, кому все это нужно и для чего – получать деньги с аренды. Она же пришла для разговора, чтобы не нагнетать обстановку. Вернее, ее послали из нашего правитель-

ства. Там чувствуют, что в обществе бродит искра, готовая вспыхнуть гневом. Но ведь этого и не избежать. Мы все-таки народ пишущий. Уже несколько газет по этой шекотливой теме дали информацию.

20 августа

Ира в больнице. Все переживаем. Начало не совсем удачное. Звонил Розе, просил молиться. Виталий заверил, что все будет благополучно – он знает, Ирина во время операции будет под покровом Богородицы. В журнале мы с ним рядом, хотя я еще и не знаю, что за материал они поместили, который из принесенных мною выбрали для «Всерусского собора».

Начал вплотную заниматься книжкой Анатолия Пафнутьева. Трудов тут немного. Делаю ее больше по необходимости – вернуть свои моральные долги перед ним.

По телефону короткий разговор о здоровье с Шестинским. С Семеном Ивановичем Шуртаковым подольше. Опять недоволен публикацией в «Вертикали». Упрекал, что не перепечатаваю рассказы из его книжки.

23 августа

Книга «Русское слово» уже выстраивается в макет. Сегодня и свое «Душа осталась...» в нем привел в порядок, и материал о Льве Николаевиче Толстом Володи Цветкова поместил. Объем – 160 страниц. Если еще воспоминания Шарова, то все.

Позвонил Козину. Разговор спокойный, деловой. Книгу к 15-летию Клуба делать будут. Высказал свои замечания и предложения по верстке. «В сентябре надо будет съездить в Белгород».

Раз так все определилось, то нужно вплотную заниматься книгой, писать недостающие материалы, подготовить вопросы для членов Клуба к юбилейной анкете, подобрать фотографии.

26 августа

В 6.00 с Ириной на службе в Староярмачном соборе. Ира исповедовалась и при-

частилась. Я отстоял службу без устали. Правда, довольно рассеян был.

Вчера подготовил два материала для книги о Клубе Н.И. Рыжкова. Сегодня вопросы для Кодина и дополнение к «Русскому апостолу».

27 августа

Ирина легла в больницу. Операцию назначили на среду.

Передал по факсу вопросы Кодину. Сказал ему о подготовленных статьях. Но стоит ли залезать мне в это дело с головой, пока еще окончательно не решен вопрос с финансированием издания? Переговоры по телефону могут закончиться ничем, и что тогда делать с написанными материалами?

28 августа

Еще один удар – у Ирининога врача, которая готовила ее к операции, внезапно умер муж. Сорок пять лет – сердце. Теперь должен делать другой врач. И все как-то не так, не спокойно. Конечно, Ирина нервничает, я тоже. Сидели у приемного покоя и как могли друг друга успокаивали. В это время позвонил Жильцов. Прошло заседание комитета по премиям Нижнего Новгорода. Он меня поздравил.

29 августа

Получил у А.И. Юрина первую часть книжек Пафнутаева.

С Таней у Ирины. Она еще не отошла от наркоза – стонет, ее тошнит, губы сухие, белые. И так мне ее жалко стало, что чуть сдержал слезы. Шел из больницы пешком, и все думал – как много обид по пустякам мы причиняем друг другу. Но испытания показывают всю их мелочность и пустоту. Но ведь уже ничего не вернуть, не исправить.

30 августа

Слава Богу – Ирина чувствует себя лучше. Хотя, конечно, еще боли мучают. Но состояние – со вчерашним не сравнить.

С Цветковым сначала вместе дошли от «Волгагеологии» до больницы. Затем от боль-

ницы до дома. О многом за дорогу, а потом и у меня, переговорили. Я уже готов писать об академике Д.С. Львове, даже набросал первую страницу.

31 августа

В Литературном музее вечер Ирины Дементьевой. Ей, как и мне, в июле исполнилось пятьдесят лет. Собрался целый зал. Подарил «В-19» с подготовленной ею публикацией Лилии Лопуховой. Раздал около десятка газет «Руси Державной» с моим интервью.

По телефону у Ирины голос бодрый, уже ходит. Дело идет на поправку.

3 сентября

Пришло письмо от Владимира Крупина с добрыми словами о «Сопrotивлении нелюбви». Обрадовался ему очень. Как важна такая поддержка сейчас, в такое непростое время. По телефону у Шемшученко узнал, что «Всерусский собор» вышел с моим очерком о Шестинском «Яблоки русского сада». (Владимир все-таки хочет пробиться на юбилей «Мотор Сич», я же совершенно к этому равнодушен). Перезвонил Олегу Николаевичу, сообщил новость. Знаю, ему хотелось, чтобы у питерцев этот материал появился.

В телецентре Цирульников отметил свое семидесятилетие. В одной из комнат на первом этаже накрыли стол, и как принято у крупных начальников, ожидающих многих гостей – люди заходят, поздравляют, выпивают и уходят. Экономно, удобно, ненавязчиво. Мы тоже не задержались. (Я, Проймин, Половинкин, Жильцов, Рябов, Дементьева.)

4 сентября

На здании филфака университета открыли мемориальную доску Юрию Адрианову. Много речей. Наташа не умолчала о трудностях, сопровождавших подготовку доски к открытию. Это прозвучало несколько не к месту. Олег Рябов, потерпевший поражение «в битве за дом» (и правильно – не возносись в гордыне), не пришел.

Назад по ремонтирующей Большой Покровской шли с Валерием Никитиным. Опять – надо встретиться, давай созвонимся. На этом и разошлись.

Из неприятного – прочитал полумесячной давности интервью с Покровским о «Русском» в «Нижегородской правде» и вечерний спор с Шаровым, закончившийся тем, что я его (да и остальных, бывших за столом) практически выгнал из своего кабинета. Тема спора – русский вопрос и предающая национальные интересы наша интеллигенция, бесконечно кающаяся перед вконец обнаглевшими инородцами.

5 сентября

Вручение премий Нижнего Новгорода. Сказал мэру Вадиму Булавинову, что у меня есть к нему предложение относительно выпуска журнала. Он: «Давайте после Дня города».

Привел с собой Наташу. За столом – с Жильцовым, Проиминым, Чуяновым. Владимир просит посдействовать в получении премии «Хрустальная роза Виктора Розова».

Прошел к Ирине в состоянии несколько хмельном. Бутылку коньяка с Жильцовым на двоих мы все-таки выпили. Ирину завтра выписывают. Чувствует себя хорошо. Слава Богу, все обошлось.

6 сентября

Неожиданно ко мне в «Волгагеологию» приехал Шуртаков. И пять часов непрерывного монолога. Говорит Семен Иванович хорошо, складно, со знанием дела, но уж очень назидательно и не слушая собеседника. Настаивал на своих публикациях в «Вертикали», что не ново. Все наши предыдущие встречи были посвящены этому же вопросу. То же, что я его публиковал – все не так, ему не нравится. А уж благодарности, естественно, никакой.

Подарил Семену Ивановичу «Сопrotивление нелюбви». После его замечания-упрека предложил ему войти в редакционный совет. А почему бы и нет. Приходили во время нашего общения Шаров, Коломиец, Цветков.

Ирина выписалась из больницы.

7 сентября

У Игоря Преловского распечатали первоначальный вариант «Русское-2». Выходит за двести страниц. Содержанием я доволен. Кажется, книга будет с интересом читаться.

Из Нижнего Ингаша позвонил Прохоров. Думал, что я приехал в Решёты. Так ему сказали: «Приехал с мамой». Объяснил Сергею Тимофеевичу, что это, должно быть, брат.

В Художественном музее на Верхне-Волжской набережной выставка Сергея Радионова. Я впервые за долгие годы в этих помещениях – зал с картиной Маковского «Воззвание Минаина...». Выставка Сергея почти не впечатлила. Все это «местное», провинциальный уровень. Хотя цветы и этюды есть хорошие, но портреты и жанровые картины заметно проигрывают. Повидался с Эрастовым, Заногой (загорелый, на яхте прошел по Каме и Волге), раздал №7 «Руси державной».

12 сентября. Работки

С Коломийцем поехали к нему в сад собирать сливы. Перед этим заехали в Работки. Сколько раз за свою жизнь я проезжал мимо этого поселка – не счесть. Оказалось, это старое волжское купеческое село с большим храмом, церковной площадью, с домами каменными двухэтажными дореволюционной постройки. Все это имеет свой неповторимый исторический аромат. Конечно, сходил на берег Волги. Широка, живая, как в моем детстве – движение воды, хлопание волны, песчаный берег.

Причальная стена и речной вокзал, построенные еще тогда, в советское время при возведении Чебоксарской плотины, заброшены и разбиты. Такой контраст – жизнь и смерть (уныние, запустение).

А слив набрали много. Урожай богатый. Алексей Маркович говорит, что и всегда так. Предложил взять саженцы. Вот бы и правда выкопать да перевезти к себе, в Кунавино.

13 сентября

Дозвонился до Парпары. Анатолий Анатольевич дома, давление. Говорит трудно.

Объяснил, что хочу выслать ему свою книгу «Соппротивление нелюбви» и потому уточняю адрес.

– Да, Валерий, я вас хорошо знаю, как публициста. Присылайте, мы ее отрецензируем в «Исторической газете».

Отослал и книгу, и последний выпуск «Вертикали».

20–21 сентября. Кунавино

Больше месяца не были. Под дождем выкопал лук, морковь, свеклу, редьку. Всего понемногу, но и это бросать было жалко. В доме натопил, тепло.

Следующий день сухой, солнечный. Обрезали яблони, смородину. Натаскал большую кучу веток. Хорошо, что хоть прежние раньше сжег. А то пол-участка было бы хламом завалено.

Машину в гараж ставил в полной темноте. Закрывал на ощупь.

24 сентября

Лена Крюкова устроила представление трех своих новых романов в областной библиотеке. Говорила хорошо – не так азартно и довольно связно. Хорошая мысль – «Я сейчас стала спокойна и терпелива». Мне бы последовать этому примеру. Именно – сосредоточиться, ни от кого ничего не ждать и не обижаться, а больше работать, писать, готовить книги.

Отдал ей свою «Соппротивление нелюбви», «Библиографию», интервью в «Руси Державной». Лена хочет написать статью обо мне и моей книге.

В верстке книги о Клубе Н.И. Рыжкова добавил статьи. Теперь в ней двести страниц. И это еще не все.

25 сентября

В Доме актера журнал «Русская жизнь» устроил что-то вроде презентации. А вообще только фуршет (довольно обильный). От Нижнего в этом проекте как-то завязан Захар Прилепин. Он мне показал сообщение на телефоне от Бориса Лукина. Тот в больнице.

Весь вечер проговорили с Женей Эрастовым. Хорошо, что со мной пошла Ирина. Немного развеялась. Я выпил бокала три вина. Прошлись пешком через Кремль до Скобы. Вечер теплый, тихий. И на душе светло оттого, что идем вместе, говорим о наших делах, как в молодости...

27 сентября. Хабаровское

На машине с Шаровым и Цветковым поехали к источникам. Сначала в село Козловку, затем в Хабаровское на Оке. Оба места удивительные и по красоте, и по обустроенности. К первому ведет хорошая бетонная лестница. Построена новая часовня из красного кирпича, с газовым отоплением. Купальня (в ней можно только окатываться из ведра, стоя в деревянной колоде – впрочем, все предусмотрено и удобно) увешана иконами. Все это восстановление (ранее здесь все это было, да в богоборческие времена уничтожено) совершил один благочестивый муж в память о почившей (в 31 год) супруге. В Хабаровском с высокого берега открываются удивительные виды на Оку, город Дзержинск, леса. Здесь два источника. К одному ведет наезженная по склону горы дорога. К другому – узкая тропинка-лестница, сколоченная из досок. Деревянная купальня удобная, с бассейнами и лесенками. Везде набрали воды, фотографировались, делали видеосъемку.

Сколько замечательных, святых мест вокруг нас, совсем близко – а мы их не знаем. А ведь как это важно и нужно – там бывать.

1 октября

На Автозаводе у Эдуарда Кузнецова по его настойчивому приглашению. Замечательная коллекция литературы о шаржах, пародиях, эпиграммах (дореволюционные издания, зарубежные, наши советские и российские), картотека. Издано им четыре книги на эти темы, но написано и подготовлено намного больше. Статьи печатал в «Нижнем Новгороде», в «Вопросах литературы». Просто кладезь информации. Сам доброжелательно-общите-

лен, по профессии химик. С таким автором надо сотрудничать. Рассказал случай. У него стоит довольно большая, долговязая кукла Никулина. Как-то ночью она ни с того ни с сего грохнулась, хотя упасть никак не должна была. На следующее утро за завтраком по радио услышал, что умер Юрий Никулин.

Пришло письмо от Ларионова. Это ответ на мое о его последней книге. Благодарит за отзыв и сообщает, что в этом году все мои очерки в «Слове» опубликует.

Собирались у меня в музее троицей (я, Цветков, Шаров) и Шестак. Шаров готов частично профинансировать сборник – у его фирмачки есть возможность.

2–3 октября. Кунавино

Наступила пора закрытия «деревенского» сезона – быстро-то как! Стоит золотая осень. Тепло. Грибная пора. Закрыв окна в доме, вылил воду из ведер. Грустно.

4 октября

Звонил Кожину. Договорились с Михаилом Ивановичем о встрече в Москве в понедельник или во вторник по поводу книги. Попросил написать биографическую справку для Академии проблем безопасности и правопорядка. Вроде бы хочет готовить документы для представления на орден. Лучше бы, конечно, помогли финансово журналу.

Опять «заседали» втроем по поводу сборника. Шаров упирается, отстаивает свой вариант текста. Нам с Цветковым пришлось понервничать, но в итоге все закончилось мирно. Назад Владимир дошел со мной до Стрелки. Какие чудные теплые вечера. Долго ли еще продержится тепло и золотая листва на деревьях? Хороший день, на сердце полегало.

7 октября

С Ириной и Цветковым на Новосормовском кладбище у могилы старца Ивана Шорохова. Теплый солнечный день. На крышу часовенки шурша падают листья. Крепкий

деревянный крест на могиле. На душе мирно. Попросил батюшку помочь в московских делах.

8–9 октября. Москва

Уезжал в столицу с надеждой и ожиданием в сердце. Дальше отступать некуда.

С Кожиним (я приехал к нему в Университет прямо с вокзала) состоялся разговор недолгий, но конкретный. Выяснили бюджет книги, ее структуру, сроки выпуска. Подарил он мне и свою новую книгу «Поверженная держава. Записки очевидца». Все мною написанные куски в ней опубликованы – а это большой объем. Значит, не зря трудился и деньги свои отработал.

Позвонил Шемшученко и сообщил новость – Кононенко продает редакционный офис в Питере.

В Союзе писателей у Переяслова взял номера «Всерусского собора» и «Балтики» (Таллин). Записался на поездку в Ханты-Мансийск.

У Полеванова долго разговаривали, пили армянский коньяк. Владимир Павлович оказал помощь журналу «в разумных пределах» (его слова).

Пока ехал к Шестинскому, в электричке неожиданно обнаружил в «Балтике» своего «Съемщика». Эту рукопись я им высылал давно, ду- мал, что отвергли, раз ничего не ответили.

В Переделкино сыровато, пахнет грибами. Шел медленно, в какие это века все решил в один день, без отсрочек. Успел бы и сегодня уехать назад, но билет куплен на завтра. С Олегом Николаевичем пьем чай и уходим наверх в его кабинет. С компьютера он читает мне свой новый большой рассказ – о житии (праведном) своей бабушки, у которой вера не была показной, но составляла основу, сущность ее жизненных поступков, ее мировоззрения. Хороший рассказ, но, как мне показалось, затянут. Мы долго о рассказе говорили. Я высказал свои замечания и вроде бы не обидел Олега Николаевича.

Утром в Москве прошел над рекой по новому пешеходному мосту. Замечательное

сооружение из старого железнодорожного моста. Покрыто стеклом, но можно пройти и вне стеклянного купола, через который открываются замечательные виды на Университет на Воробьевых горах, на город.

Пешком дошел до Союза (дополнительно взял журнал), в редакцию «Руси Державной», где меня в общем-то не ждали. Условия для работы отличные. Сам фонд «Андреевский флаг» занимает большие площади. И это в центре Москвы. Откуда деньги?

До Курского вокзала от Павелецкого прошел пешком. Это мой новый маршрут. В районе Садового кольца все относительно недалеко.

11 октября

На биофаке пединститута, в библиотеке (Большой зал, балкон которого со столбами выходит на площадь Минина) прошло представление книги В.Д. Смирновой (год назад умершей) об отце. Народу собралось много, хотя само действие прошло формально и скучно. Я пробыл ровно час и ушел.

Прошелся по зданию (включая подвал). Низкие сводчатые потолки, толстенные стены и такие же колонны у главной лестницы. Несколько тягостное от всего впечатление (я тут был впервые), усиленное жуткой захламленностью, обшарпанностью, неопрятностью. Какая же в таких стенах может воспитаться интеллигенция.

12 октября

Приезжала Лена Крюкова. Подарила свою новую книгу. Говорили, готовили новое интервью. Она многое записала.

Кажется, закончил заметку о книге В.К. Трошина «Мои годы – россыпь самоцветов».

15–18 октября. Москва

Столица встретила первым снегом. Им были слегка припорошены трава, крыши гаражей. У Кодина в Университете говорили о книге. Впрочем, урывками и мало. Посмотрел фотографии. Интересного крайне мало. Но набрал пачку – что-то пойдет в книгу. Ре-

шили ее делать разделами (четыре) и в конце три тетрадки цветных фотографий.

Вечером, пока шел от дома Кодина до гостиницы на Соколе – вымок. Снег с дождем.

16.10 Кроме хождения по Москве успел вечером посмотреть концерт (по пригласительному билету) Кубанского казачьего хора в зале имени П.И. Чайковского на площади Маяковского. Принимали хор и танцоров восторженно.

В другие дни еще одна короткая встреча с Кодиным и запись с ним интервью. Говорил Михаил Иванович плохо, шаблонно. Но это было уже перед отъездом. Что-то исправлять времени не было.

19 октября

В «Волгагеологии» меня дожидались журналы от Андрея Реброва (с моей публикацией «Скреп русской державности» в новом литературном журнале С-Петербурга «Родная Ладога») и телеграмма от Ларионова за подписью Бондарева с приглашением приехать на писательскую встречу.

22 октября

Валентину Арсеньевичу Николаеву семьдесят лет. Собрал в Союзе писателей. Стол устроили в кабинете Жильцова. Народу набилось битком. Приехал о. Владимир Чугунов с Галиной. Всех одарил своей книгой «Русские мальчишки». Спросил у меня – возьму ли? От чего же не взять. Издано хорошо, со вкусом, шестьсот страниц. Узнал, что и книжку Николаева «Тоска по мастеру» он издает. А Валентин молчал. Это на него похоже. Но меня по сердцу царапнуло. Я проявлял участие, советовал издать, печатал ее в «Вертикали», а как где-то что-то замаячило – молчок, затаился, как мышь в норе с зернышком.

С Юрием Марахтановым после застолья прощались в Кремле. Просится в журнал с рассказами (как и Климешов), обещает профинансировать.

24 октября

Все, верстка книжки «Собирая Россию» (для корректора) готов. Получилось двести

шестьдесят страниц текста. С фотографиями сложнее. Нужно согласовывать с Кодиным. Отослал ему и подготовленное интервью. Вроде бы получилось хорошо – информация самая непосредственная о Клубе.

Позвонил Фигарев. Умер Донской Михаил Иванович сегодня днем. А я уезжаю в Москву. Разговаривали по телефону с Борисом Селезевым. Он был у Донского несколько дней назад. Хоть и ожидал, а все равно неожиданно. И горько, что не позвонил ему, как хотел, в эти дни.

25–26 октября. Москва

Еду ночным поездом. За последние годы отвык от подобных условий. Поезд пришел на Казанский вокзал. От того, чтобы меня встречала машина, я отказался заранее. Спокойно прошел на Ярославский вокзал и купил билет назад. Затем пешком по бульварам прошел в «Советский писатель». У здания омонцовцы. Я был удивлен. Оказывается, это для охраны нашей встречи.

В Шолоховском зале заседаем четыре часа без перерыва. Юрий Васильевич Бондарев зачитал свое выступление. Следом выступили представители Чувашии, Татарстана, Санкт-Петербурга, Шестинский, Облог, Юван Шесталов, Валерий Хатюшин.

Перед этим Арсений Ларионов рассказал о скорбных делах МСПС – юридической регистрации нет и даже более того, в успехе этого он сомневается. Из 42 членов исполкома, избранных пятым съездом МСПС: умерли четыре человека; ушли к Сергею Михалкову (но официально из МСПС Бондарева не вышли) – 18 человек (среди них Ганичев, Есин, Тургай...), их членство приостановлено; избрано 14 новых членов исполкома, в том числе и я (совершенно неожиданно); избрано семь рабочих секретарей (и опять я) – заместителей Бондарева.

Юрист МСПС: Против Ларионова возбуждено – три уголовных дела. Главные задачи – регистрация документов и судебные иски о чести и достоинстве к «Литературной газете», «Литературной России», «Московскому литератору», «Губернии».

Оказывается, в канун 70-летия Ларионова (по словам Арсения Васильевича) в Архангельск пришло письмо от Валерия Ганичева и Феликса Кузнецова с предупреждением, чтобы не проводили каких-то торжеств в честь 70-летия Ларионова.

После всего прошедшего я сфотографировался с Ю.В. Бондаревым (фотограф Павел Кривцов). За столом хорошо, на перспективу, поговорили с Аршаком Тер-Маркарянном. Он приехал только что из Бостона (читал там лекции о нашей литературе) и через две недели хочет ехать опять туда же. Предложил издать свои книги в «Вертикали». Деньги, как говорит, спонсор найдет. С восторгом принял предложение стать представителем журнала в Москве.

Ночевать нас определили в гостиницу «Белград» у МИДа. В номере с Евгением Равским из Питера. Деятели, говорит, что он контр-адмирал (не очень верится), возобновил «Академию русской словесности и изящных искусств Г.Р. Державина».

26.10 Поезд только в 18.20. День впереди пуст. Еду к Кодину. Оставляю в кабинете подборку фотографий для книги. Что дальше? Пешком иду до ВДНХ и далее по всему проспекту Мира до Садового, к Чистым прудам и трем вокзалам. Маршрут в основном новый, но скучный! Походил по новой громаде Казанского вокзала и даже посидел в полупустых залах ожидания на верхних (новых) этажах над железнодорожными путями.

28 октября

Неожиданно приехала Женя Полянина. Я ее даже не сразу узнал. Постарела. Теперь у нее не осталось никого, кроме племянника. Брат, мать, муж, сын – все умерли или погибли. Она увидела статью к моему пятидесятилетию Саши Высоцкого в «Красном сормовиче». В разговоре узнал, что, оказывается, фотография моих прадедов, которую я помню еще по Утке, хранится у нее. Обещала передать мне. На ней прадедушка и прабабушка.

10–11 ноября. Москва

На этот раз еду на церемонию вручения «Хрустальной розы...» и повидаться с Лукиным. Борис после операции вышел из больницы.

От метро «Речной вокзал» дошел пешком. В квартире увидел Бориса – вроде бы не изменился, только немного постарел, что ли. Оказывается, похудел на восемнадцать килограммов.

В китайском ресторане «Дженка» (в здании МХАТа им. М. Горького) у нас оказался удачный столик – самый дальний. Так что церемония нам не мешала, и даже не могу сказать, кого там у входа награждали. Кроме меня и Лукиных, за столом оказались Шемшученко, Алла Большакова (филолог) и А.А. Макаров (директор НИИХИММАШ – двигатели для ракет) с семьей. Еще Святослав Гуляев (художник) с матерью. О журнале поговорил с Богородицкой. В конце вечера с Ножкиным. Весь вечер ели, пили. Ночевать отправился к Лукиным. А на утро Галина мне рассказала, что у Бориса операция вроде бы прошла успешно.

На Курском вокзале в ожидании поезда читаю книгу Олега Куваева «Два цвета земли между двух океанов» и поглядываю на табло. Но посадку не объявляют, и я забеспокоился. Несколько раз смотрел на табло, в билет. И тут только заметил, что поезд уходит с Казанского вокзала. Сердце оборвалось – опоздал! Но сам себе скомандовал – «Быстро!!!». До отправления осталось пятнадцать минут. Бросился в метро. Бегом по переходам под площадью трех вокзалов. Успел!

12 ноября

Случайно встретился с Климешовым в Союзе (я заходил в издательство «Дятловы горы»). Пошли ко мне, захватив картину из кабинета Жильцова, давно им мне отданную. Работа Дмитрия Дмитриевича Арсенина. Затем и к Павлу проехали. Посмотреть его работы и других художников. Натюрморты Беззубова из Муррома – замечательны. Картины Владимира Дубова интересны, но

есть в них что-то примитивное. Хотя, конечно, художник. Впрочем, как в квартире можно смотреть живопись. Потом шли вдоль проспекта Гагарина, хорошо говорили. Все-таки великий, хотя и нелегкий дар творчества выпал нам по жизни. О величине этого дара – разговор другой.

13 ноября

Пришло письмо с правкой статьи от С.И. Шуртакова. Статья моя о нем и правку он сделал по моей просьбе. Впрочем, очень щадящую и точную. В письме попросил ему позвонить, что я и сделал с удовольствием. Обсудили предстоящее юбилейное торжество Семена Ивановича. (Планируется в Сергаче и Нижнем Новгороде). Попросил его добавить в статью о Распутине и прошлых семинарах.

Звонил Олегу Николаевичу. Он все беспокоится о премии им. Андрея Платонова. Советует мне переговорить с Крупиним. Может, и правда позвонить Владимиру Николаевичу? Сам Шестинский чувствует себя плохо, болеет, слабнет. От этого на сердце у меня тревожно. Не дай Бог, не дай Бог...

Вроде бы что-то тронулось в городском департаменте культуры относительно моей книги. Звонили оттуда. Хотя сумма-то ничтожна. Но пусть хоть эта.

15 ноября

Позвонил Кожину по оплате книги. Вроде бы все решили. Михаил Иванович предложил приехать в Москву на заседание Клуба Н.И. Рыжкова, а перед этим все «утрясти» с фотографиями для «Собирая Россию».

В издательстве долго мудрили с обложкой. Хорошими советами помог Валерий Шамшурин. После подарил свою книжку воспоминаний. Я дал понять, что на сердце у меня беспокойно от того, что написал о нем в воспоминаниях об Адрианове. В ответе Валерия Анатольевича догадался, что его это тоже тяготит. Мое признание все-таки прозвучало хоть и скрытым, но извинением перед ним. Собственно, в этой же «теме» и публикации

Валерия в «Вертикали», и введение его в редакционный совет.

20–22 ноября. Москва

Кодин забраковал почти все отобранные мною для книги фотографии. Все придется переделывать заново. На этот раз отбирали вместе – встречались два раза. Попросил убрать мое авторство с обложки и титула. Я согласился. Но в выходных данных свое авторство оставил. А обложка – это неприципиально.

Вечером встретились с Борисом на Тверской у памятника Пушкину. Холодно, промозгло – время для прогулки малоподходящее. Потому зашли в знакомое кафе у театра Маяковского, выпили по сто граммов водки. Уже оттуда прошли до музея Пушкина на Пречистенке, где проходил вечер к 75-летию Василия Белова. Замечательный, удобный зал (внутренний дворик) покрыт стеклянной крышей. Вологжане постарались – сделали хорошую музыкально-поэтическо-литературную композицию. Показали видеофильм-интервью о Белове. Василий Иванович стар и (да простит он мне эти слова) где-то даже жалок. Но зато я впервые увидел Тимониуху, его дом, восстановленную им церковь.

Хорошо, что вечер был избавлен (почти) от официальных поздравлений. Подарили всем гостям новую книгу (со старыми рассказами) Василия Ивановича, угощали вином и шампанским (без всякой закуски). Произошла тусовка, во время которой многих познакомил, а с Шуртаковым еще и договорились назавтра встретиться.

21.11 Утром (раньше Кодина) приехал в университет. Опять фотографии. После у Ларионова. Взял журналы со своей публикацией и фотографии с заседания исполкома. За обедом вспомнили Белова. Добрых слов у Ларионова не нашлось и для него. Называл его Арсений «деревенским хитрецом». Позвонил я Шестинскому. Пообещал завтра заехать. В Союзе на Комсомольском проспекте встретились с Шуртаковым. Вообще-то разговаривать с Семеном Ивановичем

тягостно из-за его полного погружения в собственное «я». Более для него нет ничего важнее и значимее. Читал мне письмо Распутина – отклик на статью Шуртакова о книге бесед Валентина Григорьевича с Кожемяко. Подарил книгу детских рассказов. Здесь я ему сказал (с трудом вставив в разговор, но получилось к месту), что мой детский рассказ напечатан в газете «Московский железнодорожник» на конкурсе им. Платонова. Шуртаков на это сообщение прореагировал вяло. Но, во всяком случае, я это сказал.

В гостинице «Даниловская» Клуб. Выступает журналист и ведущий программы «Постскрипtum» Алексей Пушков. Дал интересный расклад российско-американским и российско-европейским отношениям. Хотя вроде бы ничего нового – все хотят нас ограбить, при этом, конечно же, не считаясь ни с какими нашими интересами. Все многочисленные уступки (военные, экономические, политические), совершенные Россией в одностороннем порядке, остались безответными и неоплаченными. Теперь вроде бы Путин начинает противостояние.

Записи этой беседы я не вел (хотя жалею, что не взял диктофона), ибо теперь в «Вертикали» буду давать материалы о Клубе Н.И. Рыжкова дозировано, скупно. Нужно серьезно пересматривать концепцию издания. Кстати – подарил «В-19» Михаилу Леонидовичу Титаренко. Интересно, как онотреагирует.

22. 11. Встал в 6.30. Оперативно собрался и отправился на Киевский вокзал. На два часа успел съездить в Переделкино к Шестинскому. Там как-то морознее, свежее. Солнце, небо синее, дышится хорошо. Говорил с Олегом Николаевичем о премии (по его инициативе и обеспокоенности) и его творчестве. Подготовлено у него две новые книги – стихов и прозы. Думает о предстоящем 80-летию. Кстати, обронил Олег Николаевич и такую фразу: «Эта премия под эгидой Союза писателей России» (Это к тому, что Ларионов меня подставил, без моего согласия выдвинув и избрав в ничего не значащий и не решающий исполком. А вот Союз на

Комсомольском это разозлит.) С Шолоховской проще, там все решают Бондарев и Ларионов, там все в порядке. Сказано было вскользь, что значит, какой-то разговор был. Впрочем, Ларионов так часто не выдерживает своих обещаний.

Вообще – я не пекусь о премиях (хотя, для престижа «Вертикали» они, наверное, нужны), просто так получилось, что в эту поездку о них были разговоры.

Ну что же, на этот раз план работы в столице я выполнил. Даже с Аршаком на вечере Белова переговорил (правда, безрезультатно). Он оказался, пусть и добрым малым, но в своих словах необязательным. Потому уезжал в настроении радостном, приподнятом.

23 ноября

Окончательно вывели, и я подписал верстку книги «Собирая Россию». Корректур в 73 страницах. Но теперь уже все сроки упущены безвозвратно. Трудный разговор с Игорем. Я готов уже был совсем отказаться от публикации книги – столь невыгодные условия он выдвинул. Пришлось потрепать нервы. Думаю, это наше последнее сотрудничество. «Жадность фрейера сгубила».

24 ноября

Макетирование блока фотографий. Опять все делаю сам – расставляю фотографии, обрезаю и так далее. Ушло на это нервных полдня – плачу деньги и сам же работаю. И он еще хотел меня ободрить, как липку. Хотя и так получается недешево.

С Шестаком и Цветковым идем ко мне в кабинет. Приходит Шаров. Все как всегда – разговоры, споры. Я снимаю напряжение прошедшей недели. Сергей рассказал, как смотрел по поисковику в интернете информацию о «Вертикали». По названию журнала – ничего нет. «Набрал «Валерий Сдобняков. Вертикаль. XXI век» – высветилось миллион ссылок».

26 ноября

Внесена последняя корректура. Ушел в производство текстовый блок книги к юби-

лею «Московского интеллектуально-делового клуба (Клуб Н.И. Рыжкова)».

29 ноября

Подписал для печати блок цветных фотографий. Времени для публикации книги – в обрез. На сердце от этого неспокойно. Успеют ли? Будет ли должное качество? А ведь еще тираж нужно будет успеть отвезти в Москву. Насчет поездки предварительно переговорил с Шестаком. Пока не отказался, но и твердо не пообещал.

Позвонил о. Владимир Чугунов. Я его сразу и не узнал. Разговаривали больше часа. Он опять начал писать. Хочет уйти за штат по здоровью. В епархии творится что-то невероятное. К владыке не пробиться – все вопросы решаются его окружением (а оно жестоко и сребролюбиво). Епархиальное управление превратилось в машину по выколачиванию из приходов денег. Священников без объяснений снимают с приходов и закидывают в глухие села, а то и в «запрет». До духовных ли тут вопросов. Все это слушать и горько, и жутко. Купола крыты золотом, в храмах все блестит, полы мраморные, а служить уже некому. В городские церкви приезжают служить сельские священники. Иначе, хоть двери закрывай. В семинарии недобор. Такая обстановка.

Отнес в городскую библиотеку два номера журнала «Слово» № 5 (2007 год) с моими очерками о «Волге» и «Ветлуге», а Ларионову отослал рассказы «На острове» и «Съемщик».

6 декабря

С таким трудом начал писать очерк о Заногге и Пурихове (никак не удавалось нащупать начало, найти первую ноту), но пришел Валентин Николаев, затем Шаров, и все оборвалось. Николаев считал, что журнал «загнулся», пришел забрать рукописи – «Чтобы не потерялись». Отдал их сразу и с облегчением. Сам это давно хотел сделать. Но к подобным (предательским) фокусам Арсеньевича никак не могу привыкнуть! Знаю его тридцать лет. За эти годы он ни разу никому

не помог. Завистлив к чужому успеху. Но вот свела нас судьба, и как быть!..

Домой звонил Чугунов. Голос уже бодрее, увереннее, не в пример первому звонку. Спрашивал, как зарегистрировать свой альманах. «Вертикаль», видно, покоя не дает. Предложил ему для продажи свои книги и журналы. Все-таки расширение читающей аудитории.

9 декабря

Пусть сегодня и воскресенье, но собрались у меня в кабинете по поводу книги совместно с Цветковым и Шаровым. Кажется, вопрос финансирования тронулся с места. Нужно заканчивать с версткой. Настроение у всех троих мирное. За время совместной работы все-таки притерлись.

По факсу отослал свой рассказ Виктору Карпенко для сборника Литфонда. Вроде бы не очень мне это все и важно. Но раз предлагают...

11 декабря

Вчера узнал, что Коломиец в Москву не едет, и значит, книги для Клуба я должен доставить в столицу сам. Ладно, что Шестак не отказался. Вчера же новость от Шарова – администрация Советского района забраковала в подготовленной книге тексты Цветкова. Я тут же сказал, что в таком случае тоже отказываюсь от публикации. «А они и ваши забраковали», – радостно сообщил Шаров. Будут печатать (проплачивать) только воспоминания Павла Павловича.

Ирина в это время была у меня в кабинете (заехала попить чаю), и была поражена этим предательством Шарова общего дела. Мне тоже от этого противно. В очередной раз удостоверяюсь – как обыватель продает любое благое дело «за понюшку табака».

Мою кандидатуру, выдвинутую на премию Платонова, комиссия не поддержала. Я это предчувствовал, но все равно неприятно. Деталей не знаю. Новость сообщила Нина Николаевна. Олег Николаевич после поездки в Москву, «расстроенный лег спать».

Книгу о Клубе вроде бы уже собирают и к сроку должны успеть. Хотя блок с фотографиями печатали на принтере только вчера. Сама типография на станке качество запорола.

12 декабря

Шестинский рассказал, как проходило голосование по моей кандидатуре на премию Андрея Платонова. Он подготовил серьезную речь, все обосновал. Но, как оказалось, по его словам, «Метал бисер перед свиньями». Явно, кандидатура уже была выбрана другая. (Кем? Ганичевым?) и Владимир Крупин ее назвал, а Семен Шуртаков и Владимир Костров молча проголосовали.

Олег Николаевич разнервничался, переживает случившееся. Я, как мог, успокаивал.

В кинотеатре «Рекорд» вечер памяти схинонахини Марии (матушки Макарии). Проводит Мария Сухорукова (она же подарила мне свою толстенную книгу стихов и кассету со стихами) и Ирина Высоцкая. Все – сухо, формально и малодушевно.

Вечером звонок о. Владимира Чугунова. Книги и журналы он забрал, но вот в пачках пока все на месте. Оказывается, одна его машина, занимающаяся реализацией книг, доезжает аж до Читы! Опять почти часовой разговор обо всем – литературе, его планах...

13 декабря

Забрал книги в типографии. Листы с фотографиями в них покорежены. И что мне говорить заказчику? А времени исправлять уже нет. Звонил в Питер. В бывшем помещении редакции «Всерусского собора» уже сидят другие люди. С Кодиным договорились встретиться завтра утром у П.И. Кононенко.

14–16 декабря. Москва

Около часа ночи выезжаем с Сергеем в Москву. Дорога трудная, видимость плохая, но путь преодолеваем по графику и без происшествий. В десятом часу в гостиницу «Мотор Сич» приезжает Кодин. Все вопросы по

тиражу решаются положительно. Вздыхаю с облегчением. Михаил Иванович жутко раздражен, ругает Володю Шемшученко, Юрия Голубицкого (премию Александра Невского получил, вместо того, чтобы ее дать Кожину), просит меня передать Владимиру, что выходит из редсовета «Всерусского собора», а сотрудничать будет только с «Вертикалью». И еще много подобного было сказано, чему я не очень-то придавал значение. Все пройдет, забудется. К тому же Шемшученко найдет способ помириться (что и произошло на следующий день во время юбилейного вечера). Остаток дня после бессонной ночи с Серёгой бродили по московским бульварам.

Еду на ужин. Здание Президиума академии наук просто потрясает своими масштабами. У входа повстречался с академиком Абалкиным и уже вместе с ним поднялся на третий этаж в ресторан «Летний сад».

Отдыхать в Клубе не умеют. Весь вечер нудно и долго награждали общественными орденами. Так что самое яркое впечатление – это от интерьера зала. Внутренний дворик в пять этажей в высоту закрыт мощным стеклянным куполом. Внутри зелень, пальмы. Удобно, вокруг сцены расположены столики.

Моя книга «Собирая Россию» выставлена на столе перед рестораном. Взял для себя две штуки. Подумал – все равно останутся экземпляры, заберу после ресторана сколько нужно. Но когда вышли после торжества – ни одного экземпляра не осталось. Все разобрали – подчистую.

С Кожиним только поздоровался. Ушел не прощаясь.

17 декабря

С утра готовлю к отправке по почте книги. Приехавший ко мне в музей Саша Пашков сообщил, что умер Прохмин. Я с Константином Даниловичем виделся в последний раз 12 декабря в киноцентре «Рекорд». После вечера распрощались на перекрестке. Я пошел по Алексеевской в сторону площади Минина, он в сторону Варварки. Оказалось, что распрощались навсегда. Завтра похороны.

Закончил с Игорем все расчеты по этому году. В себе ощущаю некоторое опустошение. К сожалению, за 2007 год не написал ни одной большой вещи, да и вообще творчески поработал слишком мало.

18 декабря

Похоронили Константина Даниловича. Всем руководила военная команда. Великое облегчение родственникам. Кладбище – бывшее поле ближе к Кстову. Уже полностью занято. Жутко даже.

Все говорили хорошо и искренне. Покойный того заслужил. Узнал, как пришла к нему смерть. В воскресенье принял душ, оделся во все чистое и сел в кресло к телевизору. Пришли внуки и подумали, что он спит. И только приглядевшись поняли – не дышит.

Больно было смотреть на Половинкина. Смерть Прохмина, ближайшего друга (да и по возрасту они близки) его потрясла. Видно было, как все произошедшее Владимира Васильевича чисто по-человечески напугало. Иван Кириллович Кузьмичев, напротив, был духовно крепок. Еще ко мне подошел, поблагодарил за журнал и посочувствовал – не последний ли выпуск?

22 декабря

В мастерской у Заного смотрели новые этюды, сделанные во время походов на яхтах по Волге и Каме. Видеофильм о перегоне яхты-катамарана из Набережных Челнов в Нижний Новгород. Записали для меня диск с репродукциями его картин и много о чем переговорили. Я сделал некоторые записи для себя, чтобы написать о Владимире статью. Вот уже не первый год пытаюсь это сделать – но как заклинало. Топчусь на месте.

25 декабря

В Литературном музее А.М. Горького расширенный ученый совет. Поначалу Т.А. Рыжова немного рассказала о прошедшем годе (они из федеральной собственности ушли в областную, и это для музея хорошо),

затем небольшая экскурсия и концерт квартета камерного оркестра «Солисты Нижнего Новгорода». Думаю, все пришедшие исполнением музыки остались довольны. За фуршетом чувствовалось настроение приподнятое, говорливое. Вообще, этому музею удалось сохранить в своих стенах ощущение камерности, не суетливости. Подобных мест в городе мало.

29 декабря

Спонтанно собрались у меня в музее. С Анатолием Пафнутьевым только договаривались заранее. Виктор Пурихов и Владимир Цветков пришли поздравить сами. Еще и ждали меня в фойе около часа. Затем и Павел Шаров прибежал – будто ничего и не

было, никакого предательства. А Коломиец всех нас пригласил к себе. Но Пафнутьев с Виктором отказались, немного погодя ушли. Мы же вчетвером хорошо посидели. Мне полегчало на сердце, что смягчил я свое отношение к Павлу Павловичу. Вроде бы как простил его... Только не совсем, не до конца... Но это уже мое, он этого не знает. Пусть в Новый год идет с легкой душой...

31 декабря

Впервые в новогоднюю ночь вдвоем с Ириной. Мне хорошо и покойно. Давно так не чувствовал себя в этот праздник. Накрыли маленький столик с закусками – икра, форель, мясо, овощи, фрукты. Пили шампанское. Хорошо!

Сергей ОВЧИННИКОВ

ЗЕЛЕНАЯ ПАЛОЧКА И БЕЛЫЕ РОЗЫ

Эссе

В октябре две тысячи шестнадцатого русские самолеты вовсю бомбили Халеб, там был настоящий ад: сирийские, иранские, палестинские, русские спецназовцы атаковали кварталы с боевиками ИГИЛ, которыми управляли саудовские и западные инструкторы. Боевики прятались в обширных подземельях Алеппо, наверху во множестве гибли мирные жители, которых исламисты не выпускали из города. Большие российские корабли «Пётр Великий» и «Адмирал Кузнецов» готовились к сирийскому походу, люди всерьез боялись начала третьей мировой войны. Мне же думалось совсем о другом – утром седьмого умерла Рита Александровна Толстая. Хотелось побыть одному, не нашел ничего лучше, как поехать в музейную усадьбу.

Недавно закончилось бабье лето, остатки его еще висели в остывающем воздухе, который осенью в Ясной Поляне пропитан запахом гниющих яблок, опавших листьев и духов экскурсанток. Сбросив листья, старые части парка Чепыж и Клины сделались прозрачными. Под убывающим солнцем над еще зеленой травой летали бабочки. В музейном лесу вокруг старых пней в поисках опять бродили грибники, они ворошили палками опавшие листья даже возле могилы писателя. Впереди меня по влажной дорожке от могильного холмика к дому Толстого шел понурый мужчина. Он держал за руку мальчика лет четырех, одетого в стеганую курточку и вязаную шапку, на которой топорщились большие, размером с заячьи, шерстяные уши. Мужчина говорил о Толстом:

– Когда Лев Николаевич был маленьким, как ты сейчас, он с ребятами играл здесь в лесу, искал зеленую палочку...

– Что-то я не видел там никакой палочки! – тоненьким голоском звонко воскликнули заячьи уши.

– Вот и Лев Николаевич ее не нашел, – глухо сказал мужчина.

Это неправда, подумалось мне. Всю жизнь Лев Николаевич не просто искал секрет всеобщего счастья, он отчасти нашел его. Во-первых, сама его жизнь стала зеленой палочкой для тысяч людей. Во-вторых, он понял главное правило, которое могло быть написано там: чтобы люди жили более счастливо, нужно прежде себя подумать о других, работать для них, помогать им, при этом будет лучше не только им, но и тебе.

Этим рецептом умело и талантливо пользовалась Рита Александровна. Отчасти поэтому, наверное, все думаю о ней, не выходит она из моего сердца. Дни прощания всегда тяжелы, но Рита Александровна ушла без боли, криков и смертного ужаса. Господь подарил ей два года жизни в состоянии, в котором люди обычно не живут, прибавив отсутствие боли. Так бывает редко, знаю это как врач, но с ней случилось. Она чудесным образом увяла и умерла без боли, как умирает цветок поздней осенью, когда начинаются морозы.

Весна и лето две тысячи шестнадцатого были последним ее временем на земле. С начала года она уже не ходила, с трудом говорила, но почти до самого конца мыслила ясно. От Сельмы Ансьера из Барселоны, от Ирины Ванн и Тимура Зульфикарова из Таджикистана приходили СМС на латинице: «Serezha! Kak Rita Alexandrovna? Mi skutaem i lubim!» «Ей все хуже», – отвечал я. Сделать ничего было нельзя, но Рита Александровна

и в этом своем новом состоянии разрешала навещать ее. Я приходил ненадолго, стараясь не тратить ее убывающие силы, каждый раз думая, что вижу ее в последний раз.

За эти месяцы прощания заметно подросли знакомые дети, многие в нашем городе умерли нелепой преждевременной смертью (от лося на дороге, алкоголя, наркотиков, гриппа), природа несколько раз успела сделать свои поразительные кульбиты. В начале последнего для Риты Александровны апреля земля была еще покрыта снегом, а спустя две недели с неба лилось бурное тепло, зеленела трава, сквозь шторы номера 311 пробивалось горячее солнце, которое уже тяготило Риту Александровну, она просила плотнее задернуть шторы.

Шатаясь от слабости, она присаживалась на диване в своей гостиной, смотрела на письменный стол, уставленный горшками с цветущими фиалками, фотографиями детей, внуков. Смотреть на нее было больно, я все же старался улыбаться, говорить о приятном. Рита Александровна требовала, чтобы я не сидел просто так, налил себе чаю. Я подчинялся, шел на кухню, где в зеркальном шкафчике стояла коллекция хрусталя и собрание фарфоровых, каменных, серебряных лягушек, наливал себе кипяток из электрического чайника, усаживался на стул в гостиной рядом с диваном, держа чашку в руках. Рита Александровна откидывалась на подушки, говорила медленно, порой невнятно. Чаще всего – про сыновей, или о своих воспитанниках, для которых стала второй мамой:

– Влад сегодня четыре часа был. Я его прямо вытолкала. У Вероники свои дела. Откройте этот шоколад, я стала безрукая. Ужасная слабость... Еле встаю с постели... Мне так жалко, что я перестала вас кормить. Но мне очень плохо...

– Я все понимаю, Рита Александровна, не волнуйтесь, – говорил я. – Поражаюсь вашей стойкости!

– Как хорошо, что рядом есть дети и преданные друзья. Правда, Алешу я совсем не вижу.

– Алеша занят, – успокаивал я ее, – он тоже вас очень любит. Дети ваши молодцы – удивительная преданность! А Владу наконец-то повезло с Вероникой. И работа в Ясной как раз по нему.

– Они с Вероникой теперь будут счастливы... А вот Алеша работает по двенадцать часов в день, причем на работе, которая ему совсем не нравится. Но он и там первый! И знаете почему? Потому что хорошо говорит по-русски... Но все же зачем так губить свою жизнь?

– Многие так работают в молодости, Рита Александровна... В молодости кажется, что жизнь бесконечна и все успеешь. После будет жалеть. Никто в старости не говорит: «Как жаль, я так мало работал!» Я вот сейчас сильно жалею, что в молодости мало писал, мало ездил. Суетился, зарабатывал какие-то жалкие деньги, упустил в жизни многое...

– Налейте мне вот это, – просила Рита Александровна, указывая на большую пластмассовую банку. – Это вместо капельницы.

– Видел вчера по телевизору Владимира Ильича, – говорил я, закрывая банку со спортивным питанием. – Он выглядит утомленным, в Москве его заездили!

– Да, он отдыхает только здесь, в Ясной Поляне, – кивала Рита Александровна. – Когда он приходит, мне иногда больно на него смотреть – морщины, усталость. Но его из Москвы пока не отпустят. Если б отпустили – было бы счастье! Это не его – бумажки всякие, неприятные поручения... Владимир Владимирович говорит: «Я понимаю, что подкидываю вам не самое лучшее, но займитесь этим». Это про Переделкино, мафии, которые заняли писательские места и другое, подобного типа.

– Владимир Владимирович в курсе этой писательской возни? – Рита Александровна иногда меня поражала.

– Конечно... Как думаете – мне дальше лечиться? В больницу идти? Они зовут, но я ненавижу больницы. Хотя хирург – замечательный человек. Говорит – мы картинку вам повесим, пылинки будем сдувать, цветы

будем носить. Такой чудило. Вы знаете, о ком я говорю?

– Это Гречин, хороший, добрый человек.

– Да, он добрый. Когда делал пункцию, все спрашивал: «Вам не больно?» Так трогательно! Но меня сейчас лечит Оля...

– Катя с Ольгой сделают для вас все. И Людмила Ивановна, Ольга Владимировна – тоже. Не обязательно ложиться в больницу. И вообще, как лечиться сейчас – не главное. Не мучьте себя слишком этим лечением. Главное, не падать духом, стараться удерживать сознание, просто жить!

– Я и так уж цепляюсь. Хотя, наверное, это в стариках некрасиво... Как вам сказать... Умереть я не боюсь. У меня только странное ощущение, как это я буду в деревянном ящике в земле...

– Не надо об этом думать, – у меня начинало болеть сердце. – Душа человеческая бессмертна! Это даже ученые подтверждают!

– И я там увижу кого захочу? За жизнь человеческую видишь столько людей... Неужели я всех их увижу снова? Зачем?.. Закройте получше шторы...

Иногда, когда я приходил, Рита Александровна спала. Я оставлял для нее конфеты и фрукты, почему-то боялся дарить цветы, это казалось мне в той ситуации чем-то двусмысленным. Передавал сиделке сладости для Риты Александровны, я выходил на улицу, садился на лавочку. В Ясной Поляне всюду кипело строительство, у гостиницы была разрыта земля, работала техника, но над скамьей, перекикивая бульдозеры и подъемные краны, орали сумасшедшие весенние птицы, бабочки-капустницы танцевали в солнечных пятнах посреди тенистой аллеи. Я смотрел на бабочек, вспоминая время, когда Рита Александровна еще могла радоваться жизни.

К 2007-му я уже очень привязался к Рите Александровне, и она волновалась, если мы долго не виделись. Тогда она звонила и спрашивала: «Куда вы пропали»? Обычно я появлялся у нее вечером, после работы. Иногда с

женой, но чаще один – жену утомляли эти поездки. Для меня же радость от встречи с Ритой Александровны перевешивала усталость, я хорошо понимал, какое это счастье – возможность видеть Риту Александровну, слышать ее. Знал, что в один момент все может исчезнуть. Моя душа, как сейчас понимаю, неосознанно требовала обрезки, как запущенный яблоневый сад, чтобы начать плодоносить. А Рита Александровна любила возиться с приятными ей людьми, формируя им «крону» правильного отношения к жизни. Причем делала это с огромной любовью, поразительной в отношении не родных ей людей.

Собираясь в Ясную Поляну, покупал я к столу хороший кофе, яблочную пастилу, конфеты в коробках, изюмный кекс. Моя жена иногда делала к такому случаю домашние пироги – даже у нее к Рите Александровне было особое отношение. Часто удавалось подъехать к Ясной Поляне лишь в темноте, совершенно разбитым после двенадцати часов рабочего дня, объединяющего литературу и медицину. Бывало, предметы расплывались перед глазами от усталости, но когда я попадал в лес, окружающий яснополянскую гостиницу, сознание прояснялось. Здесь начинался другой мир, в котором отчетливо действовали законы вечности. Ты вдруг начинал чувствовать одиночество перед Богом, позади оставались суета, машины, люди, повседневные мелкие заботы. Иногда я на минуту останавливался среди леса, открывал окна машины или выходил на дорогу, замечая, как разительно меняются тут слух и зрение: рушились вдруг шоры обыденного и ты отчетливо слышал, как вздыхает промоченная дождями земля, шепчутся деревья и кричат журавли в небе, летящие сквозь ночь. Оставив машину во влажной темноте, я шел к светящимся дверям гостиницы, окончательно стряхивал с ног пыль городской суеты, говорил дежурным, – «здравствуйте, я к Рите Александровне», – поднимался в лифте на третий этаж, шагал по длинному коридору со скрипучим паркетом, укрытым ковровой дорожкой, стучал в номер 311.

– Да, да, – отзывалась Рита Александровна.

Я обнимал ее на секунду, разувался, мы отправлялись на кухню пить зеленый или «белый» чай с конфетами. Рита Александровна позволяла себе только одну чашку за вечер и одну плюшку. Если сыновья уезжали на рыбалку или за границу, у Риты Александровны было плохое настроение, она не могла с ним справиться, привязанность к детям у нее была поразительная. При моем появлении она все же немного взбадривалась.

– Вот видите, – говорила она, – вы пришли, и у меня уже настроение улучшилось!

– Очень хорошо, – отвечал я, – так и должно быть, я же доктор.

Говорили мы о самых разных вещах – о любви, жизни после смерти, о Господе.

– Есть племя догонов, – начинал я новую тему, – они живут в Африке, в тропическом лесу...

– Многие говорят о том, что мы не первая цивилизация на земле, – понимала меня без слов Рита Александровна.

– Спорить с этим невозможно! – продолжал я, начитавшись эзотерических книг. – Египетские пирамиды мы не смогли бы построить с такой точностью и сейчас! Или храм в Баальбеке, который покоится на чудовищных, в тысячу тонн, громадных каменных плитах! Как их доставили туда?..

Но Рите Александровне было интереснее другое.

– Как вы думаете? Почему один человек для тебя дорог, а рядом с другим тебе холодно, хотя он очень старается тебе понравиться? – спрашивала она.

– Никто не знает, – пожимал я плечами. – Много научных объяснений, но это все глупости. Невозможно объяснить стихи, любовь, Бога.

– Я так привязалась к нашим яснополянским девчонкам и мальчишкам... Всю жизнь прожила рядом с молодежью, привыкла, наверное. Замечаю, мне не о чем говорить со старушками, такими как я.

– Вы не старушка, – протестовал я. – У старушек все закончилось, остались одни

воспоминания. А вокруг вас кипит жизнь. Душа у всех стареет по разному. Ваша – не постарела. Старушки не смотрят бокс по ночам, не интересуются политикой, не модничают, не плачут на концертах Погудина или Дятлова, много чего не делают из того, что вам нравится.

– Сегодня был Влад и у меня вдруг вырвалось: «Радость моя!» Так ведь нельзя, да? Нельзя его приближать слишком сильно?

Я только смеялся в ответ. Рита Александровна не могла по-другому, у нее всегда были очень сильные эмоции, привязанности, этим она и привлекала. Она, как маленький реактор, облучала всех, кто нравился ей, теплом, заботой, любовью – и люди начинали светиться в ответ, делаясь человечнее, лучше, добрее.

– Любовь нельзя испортить таких, как Влад, – говорил я. – Он умный и не заласканный, ему любви как раз всегда не хватало. Он не обидится и все поймет. Опасно приближать к себе злого человека, но Влад не такой.

– К Владу у меня материнские чувства, – прерывала меня Рита Александровна, – он как большой ребенок. А вообще от любви бывает очень больно. С вами такое случилось? У меня было время, когда хотелось умереть, я жила только ради детей.

– У всех, наверное, так бывает, – кивнул я, подумав. – Когда расстаешься с любимым, когда он умирает, предает или просто перестает быть тем, кем был раньше. И ты оказываешься рядом с чужим человеком.

– Да, – соглашалась Рита Александровна, – но все равно, даже самая несчастная любовь лучше, чем совсем без нее. Правда?

– Конечно! – восклицал я. – В бесчувствии как в могиле! Но вам это не грозит.

Однажды Рита Александровна по секрету рассказала мне об одном своем чувстве. Осмеливаюсь упомянуть об этом лишь потому, что никого из тех, кому сейчас могло бы стать больно, в живых не осталось, а изящество душ заслуживает внимания и памяти. Ей было пятьдесят пять! Он был ровесником,

геолог и психолог, профессор какого-то московского университета. Они тогда случайно оказались вместе в Германии, кажется в Лейпциге, гуляли вместе, ужинали в рестораниках, болтали о самых невероятных вещах... и ничего больше не было. Рита Александровна держала его на расстоянии, потому что боялась повредить своей и его семье – жена профессора писала в Лейпциг длинные письма. А затем его командировка закончилась, он уехал в Москву, вскоре вернулась в Россию и Рита Александровна. Она позвонила справиться о здоровье, профессор не ответил. Рита Александровна немного обиделась, больше не звонила и только позже узнала, что ее друг в это время тяжело болел, находился в больнице, перенес операцию. Рита Александровна, по незнанию, даже не навестила его в больнице! Вскоре он умер и его могила на Даниловском кладбище оказалась рядом с могилой ее матери. Когда Рита Александровна впервые оказалась там после его смерти, она вдруг неожиданно для себя опустилась на колени. Илья Владимирович был рядом... и лишь тихонько отошел в сторону.

– Мы увидимся там, после смерти? – задумчиво спрашивала меня Рита Александровна.

– Наверное, – говорил я в растерянности.

– Мы ведь снова увидимся там с Ильёй, – раздумывала Рита Александровна. – Как странно. Все будет открыто. Как жены могут изменять мужьям, ведь там все откроется!?

Жизнь в Ясной Поляне тем временем шла своим чередом. Владимир Ильич к 2007-му стал едва ли не главным «культурным представителем» России за рубежом, часто по работе улетал за границу. Илья Ильич занимался гостиницей и «городом Солнца», когда же хотел развеяться – отправлялся на рыбалку в среднем течении Дона или катался на горных лыжах в Европе. В такое время мне хотелось почаще навещать Риту Александровну, чтобы она не скучала по вечерам. Днем она была занята – принимала гостей,

занималась с филологиями. При музее в 2007-м открылась школа русского языка для иностранцев, теперь уже многим известная за границей. Рита Александровна вместе с Владимиром Ильичом ездила в Тульский педагогический университет приглашать пятикурсниц для собеседования. На «кастинг» явилось пятьдесят человек, отобрали девятерых самых лучших, из них пятеро – с красными дипломами. Рита Александровна объясняла им специфику преподавания русского как иностранного. Уроки, неизбежным для Риты Александровны образом, превратились в совместные обеды, прогулки, путешествия, она привязалась к недавним студенткам, отдав им часть своего сердца, девчонки полюбили ее. Когда яснополянские филологини начали выходить замуж за этих самых иностранцев, как Таня Посохова, или уезжать за границу на работу, как Маша Медведева и Юля Бlynская, Рита Александровна переживала расставание с каждой, как с родной. Эти девочки – еще одни семена любви, рассеянные Ритой Александровной по всему свету.

В 2007-м в яснополянской гостинице часто жила Тимур Касымович Зульфикаров, Ирина Ванн, Сельма Ансьера, Лена Фролова – удивительно теплые, близкие, искренние люди, которых я вспоминаю с большой любовью. Однажды к нашей компании, собравшейся за столом у Риты Александровны, прибил американский писатель Джон – красивый, статный в свои шестьдесят лет, подчеркнута хорошо одетый, с короткой стрижкой седых волос, белыми усами мушкетера. Он имел немецких, американских, русских предков и хорошо говорил на нескольких языках. Мне запомнился тот вечер, потому что не часто американцы бывают настолько искренними. Но Джонни всегда был смелым, на родине выступал за свободную торговлю оружием и гласность в американской политике. В разговоре с нами он иногда переходил с русского на английский.

– Джонни считают американским антисемитом, – улыбаясь, сказал нам Тимур,

который бывал в США с выступлениями. Мы заговорили об антисемитизме, русофобии, антиамериканизме как историческом и культурном феномене. Джон поморщился:

– У нас в Америке это тема, о которой можно говорить только с очень близким человеком. А у вас тут в России об этом рассуждает любой человек с первым попавшимся в поезде. Да, простые русские люди иногда нелестно говорят о евреях, но я считаю – это не антисемитизм, обычная откровенность. Все соседи иногда ссорятся. Меня тоже считают антисемитом из-за моей откровенности. Однажды в своем тексте я размышлял на тему Холокоста – на мне тут же поставили печать антисемита.

– Русские и евреи даже не соседи, а давно уже родственники, особенно в крупных российских городах, – заметил я. – Когда мы были в Иерусалиме и Вифлееме, я ловил себя на мысли, что энергетически, по человечески, евреи мне ближе, роднее, чем палестинцы. Хотя среди палестинцев много православных. Впрочем, среди евреев тоже есть православные. Вот интересно, православный еврей перестает считать себя евреем? Еврейство – это что? Кровь, вера, традиции, память истории, состояние души, энергия сопротивления, убеждение в своей избранности?

– В тебе, наверное, есть еврейская кровь? – спросила, улыбаясь, Ирина Ванн.

– Вроде бы нет, но мои корни уходят к шумерам, а шумеры долго жили рядом с семитами, – пошутил я.

– Ты сильно не маскируйся! Касымыча его друзья тоже подозревают в еврействе, – засмеялась Ирина.

– «Ты, наверное, бухарский еврей?» – под хохот слушателей изобразил Тимур поморский говор Личутина. – Я им отвечаю в таких случаях: «Идиоты! Стал бы я сидеть тут с вами, засранцами, будь я бухарским евреем! Я б тогда уже давно получил Нобелевскую премию!» А если серьезно, антисемитизм в России это глупо, – добавил Тимур. – Нужно поднимать самосознание русских, а не бороться с евреями.

– Вы удивительный человек, Джон, – сказала Рита Александровна. – Не типичный американец. У нас многие не любят американцев из-за того, что вы навязываете миру силой свою демократию. Зачем вы полезли в Ирак?

– В Ираке сейчас воюют американские парни из нашей провинции, – спокойно отвечал Джон. – Из семей, которые против абортотворения и порнографии, христианские фундаменталисты. И воюют с такими же мусульманскими фундаменталистами. На самом деле их главные враги – люди, которые посылают их на эту бойню. На самом деле средний американец вполне приличный человек, – продолжал Джон. – Просто наше правительство куплено теми же людьми, что и правительство России.

– Масонами? – спросила Рита Александровна.

– Я мало знаю о масонах, – вздохнул Джон. – МASONство было нужно, когда в обществе главной силой были царь и религия. А теперь этим людям незачем прятаться, они управляют миром через другие структуры.

– Хотите я вам расскажу, через какие структуры? – спросил я, улыбаясь. – Это моя любимая тема!

– Рита Александровна, мы уже доедаем кекс! – кричала Сельма. – Хватит слушать эти мужские глупости!

Когда Тимур, Ирина, Джон и Сельма разъезжались, я начинал больше работать за письменным столом, размышляя о проклятом для России XX веке, бесконечных волнах русской эмиграции. Расспрашивал иногда Риту Александровну о предках «сербских Толстых», вообще о Толстых за границей, меня давно и глубоко волновала тема русской смуты начала XX века. Мучил экзистенциальный, непостижимый ужас изгнания, снилось ночью, как белых офицеров рубили саблями у вырытых ими же могил возле Пятигорска, в Крыму...

Россия поставила на себе страшный опыт, чудовищный эксперимент. Меня поражали

масштаб и жестокость революции. Троцкий виделся эдаким доктором Моро, Ленин – профессором Преображенским, который вживлял России чужой гипофиз. Причем оперировали большевики Россию почти без наркоза, она орала и корчилась от боли, во всем этом было что-то запредельное. Я тогда много читал о революции, Гражданской войне, приходя к выводу – история XX века в советское время была сильно сфальсифицирована. Второй раз ее переписали после Великой либеральной революции 1991 года, с помощью которой разрушили СССР. И только в XXI веке русские впервые начали смотреть на прошлое без идеологических шор. Я никогда не ставил себя на сторону красных или белых, либералов или патриотов, только пытался разобраться: как могло случиться, что верующий, добрый, православный народ позволил устроить в своей стране такую кровавую баню? Как сделать так, чтобы это не повторилось?

Я не склонен переоценивать революционное значение инородцев, это унижало бы коренные народы России, но меня все же интересовала роль чужих элит в случившейся русской катастрофе. Создавалось впечатление, что врагами для глобальных мировых центров силы были обе русские стороны – красные и белые. Многим нашим «партнерам», как сейчас говорят, было выгодно, чтобы русские как можно дольше и полнее уничтожали друг друга. Вы где-нибудь читали об этом у либеральных теоретиков или в советских учебниках истории? Но Ленин, думалось мне, разрушив Российскую империю, затем вопреки планам своих зарубежных кураторов начал создавать империю Советскую, а Сталин уже окончательно порвал с мировой закулисой, выслав Троцкого, уничтожив ленинскую гвардию. Неспроста именно в 1929-м, когда стало понятно, что управлять Россией у них не получится, крупнейшие политики, банкиры, нефтепромышленники, оружейные магнаты планеты начали готовить Вторую мировую войну...

Русская эмиграция начала XX века для меня – большая тема. Некоторые говорят – это давно ушло, зачем ворошить прошлое? Но с той эмиграцией связан такой большой пласт русской культуры, что забывать это нельзя. В России настолько массового исхода еще не случалось. Сравнить ту российскую трагедию можно лишь с катастрофой древнего Израиля или чудовищной историей Ирландии середины XIX века. В результате голода, эмиграции, насилия Ирландия тогда лишилась трети своего населения. Россию в революционные годы покинуло более двух миллионов человек, среди них сотни писателей, философов, музыкантов, художников, ученых. Многие так и не смогли приспособиться к жизни вне России, некоторые же продолжали творить – Бердяев, Набоков, Бунин, Шестов, Мережковский, Гиппиус, Цветаева, Ходасевич... В России Гумилеву, Есенину, Пильняку, Мандельштаму, Ахматовой, Булгакову, Платонову и вернувшейся Цветаевой пришлось тяжелее.

Помогали русским за границей разные страны в неодинаковой степени, я тщательно, с родственным пристрастием отмечал для себя – кто помогал, как и сколько? Принимали русских Турция, Китай, Япония, Греция, Финляндия, Франция, США... В январе–марте 1920-го основу эмигрантов составляли части армии Деникина, в ноябре 1920-го – крымские остатки армии Врангеля. До этого много военных и гражданских лиц уплыло в Европу на кораблях из Одессы и Новороссийска, ведь «Боингов» и «Аэрбасов» тогда не было. Более всего, 500 000 человек, выехало из России через Турцию. Лагеря для русских беженцев турки организовали в Галлиполи, на Лемносе – эмигранты жили там впроголодь, условия были очень жесткими, но требовалось оформить международные документы в Константинополе, Шанхае, Харбине, чтобы затем отправиться дальше. Из Китая и Турции ручейки, состоящие из самых образованных людей России, утекали в США, Канаду, Европу, Южную Аме-

рику, на Мадагаскар, в ЮАР, Австралию, Марокко...

Центром русской эмиграции в Европе поначалу стал Берлин. Жизнь для наших беженцев была там очень дешевой и потому, с 1920 по 1924 год, численность русской общины Берлина достигала 300 000 человек. В Берлине открылось несколько русских школ, гимназий, научных институтов, русскоязычные издательства и газеты. Но к 1923 году экономика Германии окончательно рухнула, безработица составила 30%, курс марки менялся каждый час, в оборот были введены миллиардные банкноты. В декабре 1922 года килограмм хлеба в Берлине стоил 130 марок, годом позже – свыше 300 000 миллиардов! Заработную плату выдавали каждый день, чтобы человек мог успеть хоть что-то на зарплату купить. Русские люди стали уезжать из Берлина (хотя Набоков, например, прожил там до 1937 года, а Иван Ильин еще дольше), тем более, что в 1926 году в Германии приняли закон, затрудняющий иностранцам устройство на работу.

После 1924 года на роль центра эмиграции некоторое время претендовала Прага. Финансы чехов и словаков обеспечивались на первых порах царским золотом, привезенным из России чехословацким военным корпусом, забравшим часть золотого запаса у Колчака. Чешское правительство и зарубежные благотворительные организации финансировали сразу несколько пражских культурных и образовательных проектов русской эмиграции – здесь появилось около десятка русских высших учебных заведений, в которых преподавали П. Струве, С. Булгаков, А. Кизеветтер, Н. Лосский... Ведь тогдашняя наша эмиграция менее всего думала о красивой жизни, она видела свой долг и высокую миссию в том, чтобы сохранить русскую интеллектуальную, образовательную и духовную традицию! Именно тогда многие русские аристократы впервые пришли в православную церковь, в России было им не до этого...

Но все-же настоящей столицей русской эмиграции двух десятилетий между миро-

выми войнами стал Париж, туда в это время перебрались многие русские интеллектуалы со всего мира. Здесь открылись девять высших учебных заведений – в 1920-м Русский политехнический институт; в 1921-м русские отделения Сорбонны, на которых преподавало около сорока русских профессоров; Народный университет, Франко-русский институт, Православный Богословский институт, Высший технический институт (работавший до 1962 года), Русская консерватория имени С. Рахманинова...

«Русский стиль» был тогда моден в Париже. Зданевич служил художником по тканям в Доме Коко Шанель, антикварный магазин князя Куракина расписывал И. Билибин, князь Феликс Юсупов с женой Ириной организовали Дом моды «Ирфе» с русским персоналом. Юсупов же стал инициатором создания Школы прикладных искусств им. Строганова, модный дом «Китмир» открыла великая княжна Мария Павловна Романова, всем в Европе тогда был известен русский балет Сергея Дягилева.

В Монпарнасе живет сейчас много арабов и африканцев, а в те времена существовал русский Монпарнас, связанный с деятельностью Г. Адамовича. Ремизов насчитывал в Париже начала 1930-х около трехсот русских писателей. Это был «золотой век» русской эмиграции, который закончился с началом Второй мировой войны, разделившей и поссорившей европейских русских. Одни стали сотрудничать с немцами, другие соблюдали нейтралитет, а третьи с фашистами боролись. Те, кто боролся, оставили о себе вечную память, некоторых Русская православная церковь даже канонизировала как святых. Те же, кто сотрудничал с фашистами, преданы забвению и позору. «А если бы победила Германия? – спросят некоторые. – Кого бы помнили как героев?» История не имеет сослагательного наклонения, да и нельзя Россию победить на поле боя. В войне с Россией у любой страны могут быть лишь временные, тактические успехи. В этом убедились десятки стратегов и военачальников: Тимур, Тох-

тамш, Батый, Карл Двенадцатый, Баторий, Наполеон, Гитлер, теперь вот Бжезинский, Сорос, Клинтон и Обама...

Но все же выбор для эмигранта был тогда, конечно, сложнейший: о планах фашистов по уничтожению славян ничего не было известно, гитлеровская армия казалась всепобеждающей военной машиной, а родина, по мнению некоторых изгнанников, жестокостью к своей аристократии «заслужила разгром и поражение». Выиграли те, кто выбирал свою позицию не умом, а верой, совестью и любовью. Чтобы поддерживать родину, которая тебя отвергла, сделала нищим, некоторых пыталась уничтожить физически, нужно иметь, конечно, особые душевные качества.

Судя по всему, именно такими качествами наделены были «Ильичи» – потомки Ильи Львовича Толстого и Софьи Николаевны Философовой. У них было семеро детей – Анна, Андрей, Илья, Владимир, Михаил, Вера, Кирилл. После свадьбы Илья Львович с семьей поселился вначале в Гринёвке, полученной в результате раздела имущества меж детьми Толстого. Затем Илья Львович Гринёвку продал, жил в Пензе, Саратове, Симбирске, Москве, Петербурге, стараясь найти доходную работу. Из этого ничего не вышло, на средства Софьи Николаевны у калужского купца Крылова за двадцать тысяч рублей в 1901 году было приобретено старинное имение в Мансурове. Здесь сохранился громадный трехэтажный дом екатерининской эпохи, Илья Львович на время воссоединился с семьей, выписывал из-за границы в Мансурово новые сельскохозяйственные машины, разводил скот, устраивал пейзажный парк, но надолго его не хватило. Илья Львович опять уехал от семьи, сменил несколько профессий, более других ему подходила журналистика. В 1915 году он основал свою газету «Новая Россия», но издательские дела не задались. Тогда он отправился военным корреспондентом на Балканский фронт, разочаровался и там, в ноябре 1916 развелся с женой, уехал в США, давно мечтаая о путе-

шествии за океан. В Америке он выступал с лекциями о Толстом, встречался с Теодором Рузвельтом, даже привез письмо Рузвельта русскому правительству, затем вновь уехал в США, сбежав от ужасов русской революции. Оставшуюся часть жизни писал воспоминания об отце и матери, тосковал по родине, снимался в американских фильмах в роли графа Толстого...

А все дети Ильи Львовича угодили в кровавые жернова Гражданской войны. Имение Мансурово в 1919-м было национализировано, там впоследствии советская власть устраивала детский дом, школу-интернат для детей испанских коммунистов, дом отдыха, спецшколу для детей-инвалидов... Владимир, Андрей и Михаил успели повоевать на фронтах Первой мировой. Владимир к началу 1917 года был награжден двумя Георгиевскими крестами, а Михаил, юнкер Тифлисского военного училища, в конце войны попал в плен, дважды пытался бежать, домой вернулся в 1917-м. Когда в ноябре 1917-го началось изъятие помещичьих строений, имущества, Михаил, Андрей и Владимир уехали в Петроград, через Сибирь и Владивосток пытались пробраться к отцу в США, но железная дорога была заблокирована. Им пришлось вернуться в Москву, некоторое время они жили в квартире отца в Настасьинском переулке, затем решили выбираться на юг к Добровольческой армии. Перед отъездом навестили бабушку Софью Андреевну в Ясной Поляне, закопав тут в парке под деревом, в стеклянной бутылке залитой сургучом, купчую на Мансурово, бумаги на калужский дом семьи, документы Андрея о его награждениях в Лейб-гвардии Драгунского полка... Михаил умер от тифа в марте 1919-го в Новочеркасске, тяжело болел тифом и Владимир, но его выходил Андрей, который вскоре погиб, защищая Перекоп.

Участие в Белом движении для молодых российских аристократов было почти неизбежным, классовое размежевание в тогдашней России оказалось предельным, за одну только принадлежность к другому клас-

су могли уничтожить. После захвата Крыма зимой 1918-го революционные матросы, получив нечаянную возможность свести счеты с царскими офицерами, буквально ввали в садистическое неистовство. В первые же два-три дня по занятию Ялты матросами было умерщвлено более ста офицеров царской армии, вовсе не принимавших участия в Гражданской войне, они просто лечились в Крыму после ранений, полученных на Первой мировой. Офицеров расстреливали в госпиталях, с привязанными к ногам тяжестями бросали с ялтинского мола в море. В Евпатории развернулась еще более страшная вакханалия. В январе 1918-го на кораблях «Румыния» и «Трувор» арестованных белых офицеров расставляли связанными вдоль бортов и ударами ног отправляли за борт. «Эта зверская расправа была видна с берега, где стояли родственники, дети, жены... Все это плакало, кричало, молило, но матросы только смеялись» («Сведения о злодеяниях большевиков в Евпатории»). Затем революционным матросам показалось этого мало, арестованным офицерам перед утоплением стали отрезать нос, уши, половой орган, иногда руки, головы. Казни продолжались на кораблях каждую ночь 15, 16 и 17 января 1918 года. Во время этих революционных сатурналий в трюмы кораблей, где содержались пленные, и на берег с залитых кровью палуб доносились неистовые крики мучимых. Чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» заводил мотор и как бы уходил от берегов Евпатории в море. «Особо кровавые дни пережил Симферополь. Здесь было расстреляно огромное количество офицеров... во главе со зверски замученным полковником Макухой» (генерал Врангель «Записки»). В Севастополе резня начиналась несколько раз – первая бойня 16 и 17 декабря 1917 года (погибло 128 морских офицеров), вторая в ночь с 23 на 24 февраля 1918-го. «Убивали по плану, и уже не только морских, но вообще всех офицеров, всего около 800 человек... Убитые лежали горами. Их свозили на Графскую пристань, где грузили на баржи

и вывозили в море» (С.В. Волков «Трагедия русского офицерства»).

Выбор у дворян и офицеров был скудный – уехать из России, вступить в Белую армию или начать сотрудничать с теми, кто резал и топил их братьев на «Труворе» и в тысячах других мест. Взаимное озлобление было чудовищным, Белая армия совершала порой такие же злодеяния. Россия будто сошла с ума, содрогаясь в кровавых конвульсиях попыток родить новый строй – по сути, новый планетарный миропорядок. Лев Толстой, кстати, лучше других аристократов заранее почувствовал приближающуюся необходимость отказаться от эксплуатации ближнего и от излишней собственности. Если бы в России выполнили хоть немного из того, что завещал Толстой, почва революции была бы развеяна. Дворяне, офицеры царской армии, сама императорская семья предпочли двигаться по инерции, вынужденно делая лишь небольшие уступки народу, вместо радикальных мер переустройства жизни. Противоречия в обществе накапливались, монархия оказалась неспособной к модернизации российской социальной системы, это привело к взрыву, который едва не уничтожил страну.

Когда уже ничего нельзя было исправить, многие Толстые предпочли уехать из России, оставшиеся сильно рисковали – Сергей Львович Толстой, Анна Ильинична Толстая, Александра Львовна Толстая. Александру Львовну, например, три раза арестовывал Особый отдел ВЧК (на ее квартире собиралась люди, оппозиционные большевикам), ее помещали на Лубянку, в Новоспасский лагерь, организованный большевиками в древнем монастыре. Александра Львовна была приговорена к трем годам лагеря, сидела в нем с бывшими проститутками, которых заставляли разрывать исторические могилы, снимать с мертвых кольца и перстни с присохшими к ним остатками кожи. Александра Львовна оказалась на свободе благодаря письму, посланному Ленину, заступничеству яснополянских, телятинских,

группантских крестьянских обществ и по результатам ходатайства Черткова к Дзержинскому и Луначарскому – ее выпустили на свободу по амнистии. Еще находясь в лагере, она подневольно работала в «Автоделе Наркомпрода» вместе с баронессой Дельвиг, крупными фабрикантами. После освобождения стала организовывать Яснополянский музей, но в сентябре 1929-го предпочла все же уехать из страны: «Больше всего на свете хочу свободы. Пусть нищенство, котомка, но только – свобода».

Илья Ильич, старший сын Ильи Львовича, перед революцией служил офицером на российском флоте. Участь в Морском училище Петербурга, слыл там большим оригиналом, в подражание футуристам иногда ходил в разных носках и ярких кофтах. После революции он первым осел в Сербии, затем к нему присоединились Владимир Ильич и Вера Ильинична. Владимир Ильич Толстой-внук, перебравшись поближе к Илье Ильичу, выучился в Белграде на инженера-агронома, поселился в Нови Саде, работал агрономом и зоотехником в Новобечейском районе Сербии, женившись на Ольге Михайловне Гардениной (те самые Гарденины из романа Эртеля). У Владимира Ильича и Ольги Михайловны родилось двое сыновей – Илья и Олег. Вера Ильинична через Новороссийск бежала из революционной России в Грецию, затем переезжала в Сербию, Чехословакию, Австрию, Францию (под псевдонимом Мансурова пела здесь в ресторане), в 1949 году оказалась в США, прожила там 20 лет, работая диктором на радиостанции «Голос Америки». В сербском Нови Саде у нее родился сын Сергей, который учился в Париже, а затем уехал в США к матери.

Королевство сербов, хорватов и словенцев – так называлась в то время будущая Югославия, – образовалось после Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской империи, войны с Болгарией. Королевство приняло много наших соотечественников, сербы видели в русских

братьев-славян, хорошо помнили, как Россия пришла на помощь Сербии в 1914 году, заплатив за это страшную цену. Сербский король Александр Первый Карагеоргиевич воспитывался в Петербурге при царском дворе и потому имел прорусские, антибольшевистские взгляды. Скорее всего, для Ильи Ильича и Владимира Ильича, когда они выбирали страну для проживания, важны были общая религия, близость языков, схожая психология сербов и русских – здесь можно было жить, не сильно ломая и насилюя свою душу.

В 1920-е годы в Королевство сербов, хорватов и словенцев прибыло 70 000 беженцев из России, 40 000 из которых остались на постоянное жительство. Здесь, кстати, некоторое время жила русская поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, хорошо знавшая Ахматову и Гумилёва. Она затем переехала в Париж, приняла монашество с именем Мария. В годы Второй мировой войны она и ее православная община дали приют многим сотням преследуемым фашистами людей, в 1943-м она была арестована, в марте 1945 года сожжена в газовой печи концлагеря Равенсбрюк...

Сербское правительство в те годы учредило «Державную комиссию» попечения о русских беженцах. Комиссии выделялось 6 миллионов динаров каждый месяц из госбюджета. На эти деньги в Белграде содержались две гимназии, реальное и кавалерийское училища, три кадетских корпуса, два женских института, технические курсы. Русским учебным заведениям были предоставлены одинаковые права с сербскими. Выходцам из России в Королевстве разрешили заниматься врачебной практикой, адвокатурой, профессурой – конечно, после принятия гражданства, которое давали через пять лет проживания в Сербии. Многие военные из русских устроились на службу в сербскую пограничную службу, в частности охраняли сербско-албанскую границу, на которой уже тогда было неспокойно.

Но спокойная жизнь в Сербии быстро закончилась, приближалась Вторая мировая война. В 1934-м хорватские усташи убили короля Александра Карагеоргиевича, регентом Королевства был провозглашен принц Павел Карагеоргиевич, который не смог удержать в руках страну. В марте 1941-го он подписал декрет о присоединении Югославии к прогерманскому Тройственному союзу, это вызвало волну негодования сербов. Через два дня Павел Карагеоргиевич был смещен с поста в результате военного переворота и вместе с семьей покинул Югославию. Это вызвало радостные сербские демонстрации в Белграде с лозунгами: «Лучше война, чем пакт!», «Лучше смерть, чем рабство!». 4 апреля 1941 года в Москве был подписан договор «О дружбе и ненападении» между СССР и Югославией, советские войска, по сути, приглашались в Белград. В тот же день немецкая армия вторглась в Югославию с территории Румынии и Болгарии.

За один только этот первый день войны на Югославию было сброшено 360 тонн бомб, несколько тысяч жителей Белграда погибло. 12 апреля 1941 года в Югославию вошла венгерская армия союзника Гитлера Миклоша Хорти. Накануне этого хорватский лидер Анте Павелич провозгласил независимость Хорватии, отозвав хорватские части из югославской армии. В результате 13 апреля Белград пал, 18 апреля капитулировала и вся югославская армия. Разгром Югославии привел к ее разделу, на карте Европы появилась новая страна Хорватия, которая включила в себя Боснию и Герцеговину и часть Воеводины. Хорватия тут же присягнула Гитлеру, начав террор против сербов, евреев и цыган. В ответ поднялось сербское Соппротивление, в котором выделялись две главные силы: движение четников («чета» в переводе с сербского означает отряд), которое возглавил Драголюб Михайлович, и движение сербских партизан под руководством коммуниста Иосипа Броза (партийная кличка – «Тито»). Хорватские усташи, сербские четники, югославские партизаны во взаим-

ном озлоблении совершили много жестокостей, сравнимых с насилием российской Гражданской войны. Четники получали военную помощь от англичан и американцев, признавали сербское монархическое правительство в Лондоне. Понятное дело – это не нравилось Сталину. Вначале четники возглавили сербское Соппротивление, но затем все более важную роль стали играть югославские коммунисты, поддержанные СССР. Четники и коммунисты меж собой не ладили, с начала 1942 года принялись стрелять друг в друга. Вначале четники действовали преимущественно в Сербии, а партизаны в Хорватии, Боснии, Герцеговине, но затем партизанское движение перекинулось на территорию всей страны.

Белоэмигранты попали в сложное положение. Гитлера некоторые воспринимали спасителем Европы от коммунизма, поэтому большая часть югославских белоэмигрантов решила сотрудничать с немцами – в Белграде они создали помогавший фашистам Русский Корпус. Отношение к белоэмигрантам в Югославии сразу испортилось, их стали избивать и преследовать. Вырезали целые семьи русских эмигрантов, не говоря уж о том, что всех лишили работы.

Однако не все русские в Сербии стали сотрудничать с немцами. Было среди них много сочувствующих СССР. Ильичи, например, помогали сербскому Соппротивлению. Их называли «младороссами», позицию свою они обосновывали тем, что «большевиков прежних уже нет, есть просто русские люди, воевать против которых – предательство». Илья Ильич Толстой-внук при фашистах оставался на свободе, но его брата Владимира Ильича за помощь партизанам поместили в концентрационный лагерь в городке Бечкерен, он был освобожден лишь наступающими советскими войсками. Сын же Ильи Ильича – Никита Ильич Толстой-правнук, – родившийся в 1923-м уже в сербском городке Вршац (получил образование в сербско-русской гимназии в Белграде, одним из его учителей там был протоиерей Флоровский, знаменитый

церковный историк и богослов), сочувствуя югославским партизанам и СССР, в 1944 году вступил в ряды Красной армии, впоследствии его наградили боевыми медалями за взятие Вены и Будапешта.

Когда к власти в Югославии в 1945-м пришел Тито, русским стало там совсем неуютно. Тито ссорился со Сталиным, всех наших эмигрантов считал чуть ли не советскими шпионами. Нужно было уезжать, большинство русских переселились в США или страны Европы, но Ильичи – надо отдать им должное – выбрали Россию. Никита Ильич передал в Москву со своим знакомым раненым генералом письмо советскому правительству, вскоре пришел ответ с разрешением вернуться в СССР, где благодаря службе внешней разведки о подвигах Ильичей хорошо знали.

Илье Ильичу, Владимиру Ильичу, Никите Ильичу предоставили целый вагон для домашних вещей, вагон прикрепили к поезду, в котором возвращались из Европы домой советские солдаты и офицеры. Поезда в то время шли очень медленно, домой возвращалась военная техника и личный состав армии-победительницы, на вокзалах стояла праздничная кутерьма. Внуки, правнуки Льва Толстого впервые увидели тогда новую Россию – страну Победы и послевоенной оттепели. Авторитет СССР в мире был огромным, западные интеллектуалы воспринимали нашу страну романтически, СССР был в моде. Подростки в США, например, говорили на сленге, в котором было много русских слов. Еще двадцать два года оставалось до вторжения советских танков в Прагу (Будапешт-56 был, все же, ближе к банальному путчу, а в Праге-68 отчасти занимались поиском нового пути развития социализма), которое сильно подорвало авторитет СССР в среде западных интеллектуалов.

Когда вагон с Толстыми оказался в Москве, встречала родственников Анна Ильичина, «тетя Анночка», как ее называли в большой семье Ильичей. Анна Ильичина, старшая внучка Льва Толстого, после рево-

люции осталась в Москве, вышла замуж за импозантного физика, логика, толстодеда-любителя Павла Сергеевича Попова. Жили они в большой квартире на Арбате, вокруг добродушной и общительной Анны Ильичины сформировался литературно-музыкальный салон. Полноватая, с хриплым голосом, Анна Ильичина любила цыганские песни, русские романсы, сама прекрасно их исполняла. Павел Сергеевич был первым биографом Михаила Афанасьевича Булгакова. Поповы и Булгаковы дружили семьями.

Со временем каждая семья вернувшихся из-за границы Ильичей получила отдельную квартиру в Москве. Это была особая честь, многим другим «возвращенцам» разрешили жить лишь в провинции – например, Николаю Геннадьевичу Лермонтову, с которым Ильичи дружили. Илья Ильич Толстой-внук поступил на работу в МГУ как специалист по славянской лексикографии, выпустил сербско-хорватский словарь, стал кандидатом педагогических наук, доцентом кафедры МГУ. Владимир Ильич Толстой-внук работал агрономом и садоводом в колхозе «Октябрь» Химкинского района Московской области. Никита Ильич Толстой-правнук учился и работал на филологическом факультете МГУ, собирал Полесский фольклор, стал секретарем Международного комитета славистов, преподавал в МГУ как профессор, доктор филологических наук...

Вначале семья Владимира Ильича Толстого-внука жила в Москве, но «деда», по выражению Риты Александровны, тянуло к земле. Он попросил участок для строительства у московских властей, заранее купил газовую плиту в будущий дом, над этой плитой домашние подшучивали. Но землю действительно выделили в подмосковном Троицком, Владимир Ильич Толстой-внук был тогда счастлив.

– Стройматериалов поначалу не хватало, дом строили из чего попало, – рассказывала Рита Александровна, – архитектуры там тоже никакой не было, мы называли этот стиль «Шанхай констракшн». А плита «деда» пригодилась, став первой частью дома в

Троицком. Я уже вышла замуж за Илью Владимировича, это было счастливое время для нашей большой семьи. Все живы, только что родились Илья и Володя, вокруг Троицкого в то время сохранялась чудная природа – лес, река, яблоневый сад, чудесный розарий, который посадил «дед». Илья, Володя, Пётр и Наташа собирали грибы рядом с домом, ловили рыбу в реке, дружили с мальчишками-сверстниками...

Многие из этих мальчишек теперь известные люди, они приезжают иногда в Ясную Поляну. Дом «Шанхай констракшн» в Троицком сгорел, но след о нем еще долго будет всплывать в мемориях потомков Ильи Львовича. Розарий и яблоневые сады «деда» уничтожены разросшимися в Троицком особняками, нет уже прежнего леса, реки, людей старого Троицкого, но все это маячит за Ясной Поляной. Если б не Троицкое, не тот вагон с Ильичами, прицепленный к поезду Победы, не тетя Анночка с ее романсами на Арбате – многое в нынешней Ясной Поляне сложилось бы по-другому. Не случилось бы музея в сегодняшнем виде, знаменитых писательских чтений, детского сада «Муравейное братство», Козловой Засеки, обновленных Крапивны, Никольского-Вяземского, Пирогова...

Что еще мне кажется важным – Ильичи, в отличие от многих зарубежных ветвей Толстых, любили красивых и талантливых русских женщин: Рита Александровна тому пример. Дети Ильичей наследовали кровь славянских румяных красавиц, во многом благодаря им Ильичи остались русскими. В причудливый пасьянс, разложенный Господом, соединила судьба Толстых, их близких, все это весьма многозначительно для будущих исследователей, для меня же, по-

сле смерти Риты Александровны, взгляд на большую семью Толстых стал более отстраненным. Я надеюсь, молодое поколение Толстых окажется достойным своих стариков. Если хотя бы некоторые из новых Толстых проживут жизнь как Александра Львовна, Владимир Ильич, Никита Ильич, Рита Александровна – будет нам счастье. Это сложно, планка поднята очень высоко, но имя обязывает. Настоящим Толстым в будущем окажется лишь тот, кто сможет, хотя бы отчасти, жить по высоким законам, установленным Львом Николаевичем: делать добро, служить людям, помнить о Господе...

А Риту Александровну я не смогу забыть никогда, научила она меня уж очень многому. Главный урок – добрый и деятельный человек может быть ослепительно прекрасен. Душа Риты Александровны приобщилась вечности, а маленькое тело растворится в яснополянской земле у Никольского храма в Кочаках. Можно по-прежнему приходить к ней и разговаривать, могилы близких непостижимым образом формируют понятие родины, той земли, в которой похоронены твои главные люди. Они буквально стали этой землей и потому она свята, отдать ее никому нельзя, уехать от нее нельзя, лишь только здесь ты можешь быть настоящим, подлинным.

Рита Александровна редко ходила в церковь, но я надеюсь, Господь помилует ее за добрую душу и любовь к людям. Бог наградил ее долгими годами в окружении близких, уберег от боли, значит, и там не оставит. Я буду приходить к Рите Александровне теперь с цветами – конфеты и кофе ей больше не нужны. Она любила желтые цветы, но и против белых ничего не имела. Мне нравится дарить ей белые розы.

2016–2017

Горелик Людмила Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. Родилась в 1948 году во Владивостоке. Помимо научных книг (Миф о творчестве в прозе и стихах Бориса Пастернака (М.: изд-во РГГУ, 2013), «Рифма и смысл» (Смоленск: изд-во СмолГУ, 2017) и другие) публикует прозу нон-фикшн в журналах «Край Смоленский», «Знамя», а также детективные романы в серии «Артефакт-детектив» издательства «Эксмо» («Русское сокровище Наполеона» – 2017 год, «Утраченный дневник Гёте» – 2018 год). Живет в Смоленске.

Кочергин Илья Николаевич – прозаик. Родился в 1970 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Континент» и др. Автор книг «Помощник китайца» (М., 2003), «Я, внук твой» (М., 2009), которые также были переведены на французский и изданы во Франции, «Точка сборки» (М., 2018), «Ich Любэ Dich» (М., 2018) и др. Лауреат премий журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», а также премий «Эврика» и Правительства Москвы в области литературы и искусства. Живет в Москве и в деревне Кривель Рязанской области.

Крамер Александр Борисович – прозаик. Родился на Украине, в Харькове. С 1998 года живет на севере Германии, в Любеке. Окончил Харьковский политехнический институт, инженер. Участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Начал писать еще в Харькове, где появились несколько первых поэтических публикаций. Прозу начал писать после переезда в Германию. Публиковался в детских и взрослых литературных изданиях России, Украины, Германии и др. стран. В том числе в российских журналах: «Сибирские огни», «Невский альманах», «Северная Аврора», «Алтай», «Нижний Новгород», «Дарья», «Сура», «Костёр», «Кукумбер», «Чудеса и приключения – детям» и др. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013 году в израильский сборник рассказов «Десять домиков». Эссе о Чернобыле и рассказы переводились на украинский и немецкий языки.

Лебедев Георгий Иванович – двоюродный брат Александра Трифоновича Твардовского по линии матери – Елены Митрофановны, которая приходилась родной сестрой матери Твардовского – Марии Митрофановны, обе в девичестве – Плещачевские. Родился в декабре 1929 года на Смоленщине в семье железнодорожника. Войну встретил в одиннадцать лет, пережив все ее ужасы. Труженик тыла. Учился в Ленинградском электротехническом институте. Прошел все ступени службы, от инженера до руководителя предприятия. Пенсионер. Живет в Калуге.

Овчинников Сергей Михайлович – прозаик. Родился в 1963 году возле Ясной Поляны в Тульской области. Окончил Рязанский медицинский институт. Работал врачом под Владимиром, в Тольятти, в настоящее время – врач-венеролог в г. Туле. Автор нескольких книг прозы и афоризмов: «Разговоры с собой» (Тула, 1995), «О любви» (Тула, 1998), «Танюша» (М., «Книжный сад», 2001), «Жаворонок» (Тула, 2004), «Разговор с собой» (избранное, Тула, 2008) и др. Печатался в «Литературной газете», журналах «Время и мы», «Родина», «Наша улица», «Роман-журнал XXI», альманахах «Тула», «Под часами», «Пенаты». Участник Антологии «Наше время». Лауреат премии им. Л.Н. Толстого за лучшую тульскую прозу (2011), лауреат премии «Золотое перо Тулы» (2011). Член Союза российских писателей. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Тула», который выходит с 2001 года. Живет в г. Туле.

Пастернак Константин Борисович (03.11.1918–30.10.2005) – смоленский скульптор. Родился в 1918 году в г. Макеевке. Окончил Одесское художественное училище и Академию художеств имени И. Репина в Санкт-Петербурге. Фронтовик. Прошел всю войну, был ранен. Установил первый памятник погибшим солдатам на территории Венгрии (г. Ньиредьхазза). В течение 35 лет работал над восстановлением разрушенного войной Смоленска. Автор памятников: Владимиру Куриленко, «На месте первой маевки» (Витебское шоссе), «Клятва» (Ельня), этнографу Добровольскому (с. Даньково, Починковского района). Некоторых легендарных монументов Смоленск лишился. Например, памятника «Три колхозницы»

(выполненный в соавторстве с Людмилой Кулаковой), он был снесен при перепланировке Колхозной площади. Утрачена также шестифигурная скульптурная группа «Атланты» (памятник взорван новыми владельцами стадиона «Спартак» в 2008 году), моделями скульптуры были мастера спорта Фаина Жаворонкова и Юрий Шилягин. Писал рассказы и стихи.

Пономарёв Александр Михайлович – член-корреспондент Академии Архитектурного Наследия, член Центрального Совета ВООПИиК. Родился в 1943 году в Москве. Окончил Московский Энергетический Институт (1968). С 1968 по 2004 годы работал в Энергетическом научно-исследовательском институте им. Г.М. Кржижановского (ЭНИИ). Автор более 30 публикаций в научных журналах и 16 Авторских Свидетельств на изобретение. С 1966 года занимается возрождением взорванных в 1943 году историко-архитектурных памятников Болдинского монастыря (Дорогобужский район Смоленской области). С 1969 по 1991 годы руководил в Болдине реставрационными отрядами Смоленского педагогического института. С 1991 года руководит реставрационными работами в Болдине монастыре, проводящимися силами братии действующей обители и подрядными организациями. Автор-составитель книг «Болдинский монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского» (Москва, 2004), «Свято-Троицкий Болдин монастырь, хронология жизни обители, дела и судьбы настоятелей монастыря в контексте истории страны» (Смоленск, 2007). Автор публицистических книг «Неубиленные размышления. Дорогобужу 850 лет» (Смоленск, 2001) и «Покров над руинами» (Смоленск, 2004). Опубликовал в научных и научно-популярных сборниках Москвы и Смоленска более десяти статей, посвященных археологическим и историческим исследованиям Болдинского монастыря и памятникам культуры участка Старой Смоленской дороги, прилегающей к обители. Живет в Москве.

Пранов Алексей Николаевич – поэт, прозаик. Родился в 1961 году. Автор двух поэтических сборников: «Охотничьи трофеи» и «Пора предзимья», книги прозы «Они доверяются нам». Составитель и редактор по-

этического сборника рославльских поэтов «Истоки», победитель областного поэтического конкурса «Библио-Парнас»–2014 и международного поэтического конкурса им. А.В. Мишина «С любовью к поэту» в номинации «Поэзия – это навсегда». Работал государственным инспектором рыбоохраны, государственным охотничьим инспектором. В настоящее время работает лесничим Рославльского лесничества. Член Союза российских писателей. Живет в г. Рославле Смоленской области.

Сдобняков Валерий Викторович – прозаик. Родился в 1957 году в Красноярском крае. Получил высшее экономическое образование. Первая публикация – 1977 год. Повести, рассказы, очерки и публицистические статьи печатал в журналах «Наш современник», «Дальний Восток», «Природа. Свет. Человек», «На любителя», «Балтика», «Слово» и многих других периодических изданиях России и за рубежом. Автор 30 художественной прозы, публицистики и критики: «Мост», «Искушение», «Обретение России», «Спротивление нелюбви», «Русское», «Прошлое с нами», «Воздаяние», «Собирая Россию», «Посох», «Русские судьбы», «Служение», «О духовном», «Яблоки русского сада», «Возвращение» и др.. В 2009 году в издательстве «Советский писатель» (Москва) вышла книга избранной прозы «Последний день».

Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Секретарь Союза писателей России. Председатель правления Нижегородской писательской организации СПР. Заместитель председателя Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов под руководством Ю.В. Бондарева. Основатель и главный редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век». Собственный корреспондент «Литературной газеты».

Член редакционных советов литературных журналов и альманахов «Всерусский соборъ» (С-Петербург), «Родная Ладога» (С-Петербург), «Истоки» (Красноярск), «Новая Немига литературная» (Минск), «Нижегородцы» (Нижний Новгород) и ряда других, а также серии книг антологий современной литературы «Наше время», издаваемых совместно издательствами «Вертикаль. XXI век» (Н-Новгород) и Литературного института им. М. Горького (Москва).

Лауреат литературных премий: Нижегородской области им. М. Горького (2004, 2012), города Нижнего Новгорода (2004, 2007), всероссийских премий «Хрустальная роза Виктора Розова» (2006), «Белуха» им. М. Гребенщикова (2012), Международной премии им. М.А. Шолохова (2008), им. Н.И. Рыленкова (2017) и ряда других. Указом Президента РФ награжден государственной наградой «Медаль Пушкина» (2011). Живет в г. Нижний Новгород.

Суворов Александр Васильевич – доктор психологических наук. Основная работа – ведущий научный сотрудник, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ). Преполагает авторский спецкурс по тифлосурдопсихологии, когда пригласят, в основном ведет исследования по индивидуальному плану. Родился во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан) 3 июня 1953 года. В 1956 году обнаружена утрата зрения до светоощущения. Поэтому в 1960-м поступил во фрунзенскую республиканскую школу-интернат для слепых и слабовидящих детей. В 1962 году обнаружена прогрессирующая тугоухость. Поэтому с 13 сентября 1964-го – Загорский детский дом для слепоглухонемых. С 1971 по 1977 годы вместе с еще тремя выпускниками Загорского детдома – факультет психологии МГУ. С 1977 по 2015 годы – Психологический институт Российской академии образования, в должности от младшего до ведущего научного сотрудника. 31 мая 1994 года защитил кандидатскую диссертацию на тему «Саморазвитие личности в экстремальной ситуации слепоглухоты». 21 мая 1996-го – защитил докторскую диссертацию на тему «Человечность как фактор саморазвития личности». С декабря 1996 по август 2006 годов – на основной работе в Университете РАО, на должности от доцента до профессора. В ПИ РАО – по совместительству до 31 марта 2015-го. С 1 сентября 2006 года по настоящее время основная работа – ведущий научный сотрудник, профессор МГППУ. По приглашению – почасовик Московского института психоанализа. Там ежегодно награждают одного выпускника-инвалида Звездой профессора Суворова. В далеко не полном списке публикаций Суворова около 160 названий. К сожалению, не все публикаторы аккуратно информируют

о публикациях. А если учесть личный сайт Суворова, то в списке где-то около пятисот файлов и бумажных текстов... И это далеко не все. Брайлевский архив, не введенный в компьютер, не сохранился. С 9 ноября 2015 года – президент Сообщества семей слепоглухих.

Некоторые награды: 7 января 1995-го – лауреат всероссийского детского конкурса «Добрая дюжина»; 1 июня 1997 года – кавалер Почетной золотой медали имени Льва Толстого (награда Международной ассоциации детских фондов); 6 апреля 2004 года – кавалер медали I степени имени Г.И. Челпанова (награда в связи с 90-летием ПИ РАО); 1 июня 2009-го – шестой кавалер ордена Буратино (награда творческого объединения «Настоящие друзья Буратино», город-курорт Зеленоградск Калининградской области; уровень награды всероссийский); 4 декабря 2012-го – лауреат международной премии имени Н.А. Островского. Дети прозвали Суворова Детской Вешалкой, и он считает это самой главной своей наградой.

Фомичёв Владимир Тимофеевич – поэт, прозаик, критик и публицист. Родился в 1937 году в д. Желтоухи во Вхотском (ныне Угранский) районе, малой родине писателя Ивана Соколова-Микитова и лирика Михаила Исаковского. В дошкольном возрасте пережил два года фашистской оккупации. Его отец в 1943-м погиб на фронте. В условиях послевоенной разрухи и многодетной семьи поэт с отличием окончил сельскую семилетку, затем – энергетическое отделение политехникума и историко-филологический факультет Государственного пединститута (сегодня университет) в Москве. Три года служил в армии; танкист, механик-водитель первого класса, офицер запаса. Трудился разнорабочим, проводником, преподавателем, директором школы, старшим инженером Мингазпрома, журналистом в различных уголках страны, в том числе, пять лет на Крайнем Севере (Тюменская область). Редактировал книги в издательствах «Современник», «Правда», «Граница». Возглавлял редакции известных столичных газет «Московский литератор» и «Пульс Тушина». Являлся секретарем Союза писателей РСФСР, председателем Ревизионной комиссии Международного Сообщества писательских Союзов (2000–2005), ответственным за информацион-

ные выпуски Исполкома МСПС «Дом Ростовых». В. Фомичёв – член Союзов писателей СССР и России, академик Международной Славянской академии, лауреат литературных премий. Почетный житель районов: Угранского Смоленской области и Покровское-Стрешнево г. Москвы. Награжден медалью «Интернационалист-боец за правое дело палестинского народа».

Чепурных Николай Николаевич – поэт, прозаик, журналист. Родился в 1965 году в селе Селечне Суземского района Брянской области. Воин-афганец. Окончил факультет журналистики Львовского высшего воен-

но-политического ордена Красной Звезды училища (1988) и отделение поэзии Литературного института им. А.М. Горького (2000). Военную службу проходил в редакциях военных газет (Одесского, Киевского, Забайкальского военных округов, Южной группы войск в Венгрии, газете «Военный железнодорожник»). Печатался в ряде литературно-художественных изданий, коллективных сборниках. Автор двух поэтических книг. Участник I Всеармейского совещания военных писателей (2008, Москва). Победитель и лауреат нескольких литературных конкурсов. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Живет в Смоленске.

Альманах

ПОД ЧАСАМИ

Книга 2

№ 17

Редакционная коллегия: О.Н. Ермаков, В.В. Макаренков

Составитель тома О.Н. Ермаков

Текст печатается в авторской редакции

Выпускающий редактор *И.А. Флиманкова*

Технический редактор *М.В. Алейник*

Корректор *Т.С. Дурново*

Фотографии на обложке О.Н. Ермаков

Альманах «Под часами»

размещен на национальном цифровом ресурсе Rucont.ru
в коллекции региональных цифровых ресурсов
«Смоленский цифровой ресурс» <http://rucont.ru/collection/318>

ООО «Свиток»

Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001

Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано к печати 10.10.2018 г.
Формат 70x108 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Franklin».
Печ. л. 31,5. Тираж 200 экз. Заказ №